АЙЗЕК АЗИМОВ

РОБОТЫ УТРЕННЕЙ ЗАРИ

Роботы утренней зари

Айзек Азимов

Аннотация
Айзек Азимов. Роботы утренней зари
Часть первая. Бейли
1
2
3
4
5
Часть вторая. Дэниел
6
7
8
Часть третья. Жискар
9
10
11
12
13
Часть четвертая. Фастальф
14
15
16

17
Часть пятая. Дэниел и Жискар
18
19
20
21
22
Часть шестая. Глэдис
23
24
25
26
Часть седьмая. Фастальф
27
28
29
30
Часть восьмая. Фастальф и Василия
31
32
33
34
35
Часть девятая. Василия
36
37

38
39
Часть десятая. Василия
40
41
42
43
Часть одиннадцатая. Гремионис
44
45
46
47
48
Часть двенадцатая. Снова Гремионис
49
50
51
Часть тринадцатая. Амадейро
52
53
54
Часть четырнадцатая. Снова Амадейро
55
56
57
58

59
Часть пятнадцатая. Снова Дэниел и Жискар
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
Часть шестнадцатая. Председатель
70
71
72
73
74
Часть семнадцатая. Снова Председатель
75
76
77
78
79
Часть восемнадцатая. Опять Бейли
80

81
82
83
84

Аннотация

В далеком будущем человечество разделилось на две части. Те люди, которые остались на Земле, вынуждены проводить всю свою жизнь в стальных пещерах гигантских городов, не видя солнечного света и питаясь дрожжевыми культурами, в то время как космониты, потомки землян, заселивших иные планеты, ушли далеко вперед по пути научно-технического прогресса и освоили просторы Вселенной. Они относятся к жителям Земли как к существам низшего сорта, однако долгие годы спокойного и комфортного существования привели к тому, что космониты, привыкшие во всем полагаться на роботов, утратили способность к нестандартному мышлению. Поэтому для расследования запутанного преступления на планете Аврора они вынуждены привлечь именно землянина - нью-йоркского полицейского Элайджа Бейли…

Айзек Азимов
Роботы утренней зари

Посвящается Марвину Мински и Джозефу Ф. Энгельбергеру, которые кратко изложили (соответственно) теорию и практику роботехники.

Часть первая
Бейли

1

Илия Бейли оказался в тени дерева и пробормотал:

— Так и знал. Вспотел. — Он помолчал, вытер лоб тыльной стороной ладони и кисло посмотрел на покрывшую ее влагу. — Я вспотел, — сказал он в пространство, как бы высказывая космический закон, и снова почувствовал досаду на Вселенную, которая делала одновременно существенное и неприятное.

Никто никогда не потел (если не желал, разумеется) в Городе, где температура и влажность воздуха строго контролировались и где телу никогда не было необходимости делать то, что вызывало бы больший жар, чем жар от ходьбы.

Теперь *это* стало культурным.

Он посмотрел на поле, где разбросанная группа мужчин и женщин более или менее работали. В основном это была молодежь, но было и несколько человек среднего возраста, вроде самого Бейли. Они неумело работали мотыгами и делали разные другие вещи, которые должны были делать роботы, и делали бы куда более эффективно, если бы им не приказали стоять в стороне и ждать,

пока человеческие существа упрямо практиковались.

В небе были облака, и солнце на минуту зашло за них. Бейли неуверенно взглянул вверх. С одной стороны это означало, что прямой солнечный жар (и пот) прекратятся. С другой стороны — не пойдет ли дождь?

Такое уж неудобство Снаружи. Человек вечно качается между неприятными альтернативами.

Бейли всегда поражался, что относительно маленькая тучка может полностью закрыть солнце, затемнить Землю от горизонта до горизонта, но большую часть неба оставить голубой.

Он стоял под нависшими листьями дерева (нечто вроде примитивных стены и потолка) и снова посмотрел на группу. Раз в неделю они все выходили сюда, при любой погоде. И они вербовали рекрутов. Их определенно стало больше: начинали отважные единицы. Правительство Города хоть не участвовало в этой попытке, но милостиво не ставило препон.

На горизонте справа Бейли видел резкие многопальчатые купола Города, заключающие в себе все, что делает жизнь ценной. Он увидел маленькое движущееся пятнышко: оно было слишком далеко, что бы отчетливо разглядеть его. По

манере движения и по некоторым мелким признакам Бейли был уверен, что это робот, но это его не удивило. Земная поверхность вне городов была областью роботов, а не людей — исключая тех немногих, вроде него, мечтавших о звездах. Его глаза автоматически снова повернулись к звездным мечтателям с мотыгами и поочередно оглядели их. Все работали, все учились переносить тяготы Снаружи и… — Он нахмурился и тихо пробормотал:

— А где же Бентли?

Чуть задыхающийся голос сказал:

— Я здесь, папа.

Бейли быстро повернулся.

— Не делай этого, Бен.

— Чего не делать?

— Не подкрадывайся сзади. Мне и так нелегко сохранять душевное равновесие Снаружи, а тут еще страдай от неожиданности.

— Я вовсе не собирался пугать тебя, но, идя по траве, много шума не сделаешь. А ты не думаешь, что тебе пора идти внутрь, папа? Ты здесь уже больше двух часов, и, наверное, их с тебя хватит.

— Почему? Потому что мне сорок пять, а ты девятнадцатилетний щеночек? И ты считаешь, что заботишься о своем дряхлом отце?

— Да, — сказал Бен, — и немножко о хорошей эффективной работе на твою долю. Ты влезаешь прямо в суть.

Бен широко улыбнулся. Круглое лицо, блестящие глаза. В нем много от Джесси, подумал Бейли, много от матери, но есть легкие следы удлиненности и серьезности лица самого Бейли.

И еще у Бена была отцовская манера задумываться. Временами он погружался в серьезные размышления, морщил лоб, и становилось совершенно ясно, что он законный сын своего отца.

— Я чувствую себя прекрасно, — сказал Бейли.

— Верно, папа. Ты лучше нас всех, учитывая…

— Что учитывая?

— Твой возраст, конечно. И я не забываю, что именно ты начал это. Но я увидел, что ты укрылся под деревом, и подумал: может старику хватит.

— Это я — старик? — сказал Бейли. Робот, которого он заметил у Города был уже достаточно близко, но Бейли не вглядывался в него. — Есть смысл встать под дерево, когда солнце такое яркое. Мы хотим научиться пользоваться выгодами Снаружи, но также научиться переносить его тяготы. А солнце вышло из-за облака.

— Да. Ну, значит, ты не хочешь вернуться?

— Я могу перенести это. Еще неделя, и я буду

проводить здесь все послеобеденное время. Это моя привилегия в соответствии с разрядом С-7.

— Речь не о привилегиях, папа, а о переутомлении.

— Я же говорю, я прекрасно себя чувствую.

— Уверен. А придешь домой — вытянешься на постели и будешь лежать в темноте.

— Естественный антидот после сильного освещения.

— И мама беспокоится.

— Пусть себе беспокоится. Это ей на пользу. Да и что вредного быть здесь? Самое худшее — что я вспотел, но уже начал привыкать и к этому. Я не хочу уходить отсюда. Когда я начинал, я не мог даже пройти это расстояние от Города и поворачивал обратно, и со мной был только ты. А теперь погляди, сколько нас здесь, и как далеко я могу уйти без тревоги. Я тоже могу работать. Могу пробыть еще час. Легко. Знаешь, Бен, хорошо бы нашей матери тоже выйти сюда.

— Кому? Маме? Ты шутишь.

— Слегка. А когда настанет время уезжать, мне придется остаться, потому что она не сможет.

— И ты будешь рад этому. Не обманывай себя, папа. Это же будет не скоро, и если ты сейчас не слишком стар, то тогда явно будешь стариком.

Это игра для молодых.

— Знаешь, — сказал Бейли, полусжав кулак, — больно ты умен со своими «молодыми»! Ты когда-нибудь уезжал с Земли? Кто-нибудь из тех, кто на поле, уезжал? А я уезжал. Два года назад. Это было до того, как я начал эту акклиматизацию, но я выжил!

— Я знаю, папа, но ведь это было кратковременно и по долгу службы, и общество заботилось о тебе. Это не одно и то же.

— То же самое, — упрямо сказал Бейли, сознавая в душе, что это не так.

— И не так уж долго ждать, пока мы сможем оставить Землю. Если бы мне разрешили поехать на Аврору, мы могли бы сдвинуть это дело с мертвой точки.

— Забудь об этом. Все это не так просто.

— Но надо пытаться. Правительство не пустит нас, пока Аврора не даст добро. Это самый большой и самый мощный из Внешних миров, и это значит…

— Брось! Я знаю. Миллион раз говорили. Но тебе не обязательно ехать туда за разрешением. Есть такая штука, как гиперсвязь. Можешь поговорить с ними отсюда, я много раз говорил тебе об этом.

— Это совсем другое. Нам нужен контакт лицом

к лицу — я много раз говорил тебе об этом.

— В любом случае, — сказал Бен, — мы еще не готовы.

— Мы не готовы, потому что Земля не даст нам кораблей. А космониты дадут, и необходимую техническую помощь тоже.

— Как бы не так! С чего бы космонитам делать это? Когда они чувствовали симпатию к нам, маложивущим землянам?

— Если бы я мог поговорить с ними…

Бен засмеялся.

— Брось, папа. Ты просто хочешь поехать на Аврору, чтобы снова увидеть ту женщину.

Бейли нахмурился.

— Женщину? О, дьявол! Бен, что ты болтаешь?

— Слушай, папа, строго между нами и маме ни слова — что в действительности произошло с той женщиной на Солярии? Я уже достаточно взрослый, ты можешь мне сказать.

— Какой женщиной на Солярии?

— Ну, как ты можешь смотреть мне в глаза и отрицать знакомство с женщиной, которую вся Земля видела по гиперволновой передаче? Глэдис Дельмар. Та женщина!

– *Ничего* не произошло. Тот гиперволновой боевик — сущий вздор, я тысячу раз тебе говорил.

Она вовсе не такая, как в фильме. И я не такой. Все это придумано, и ты знаешь, как я протестовал, но правительство решило, что это выставит Землю в хорошем свете перед космонитами. Ты уж будь добр, не внушай матери ничего другого.

— Не подумаю. Кстати, Глэдис поехала на Аврору. Вот ты и хочешь тоже поехать туда.

— Не хочешь ли ты сказать, что всерьез думаешь о такой причине моего желания поехать на Аврору? О, *дьявол*!

Бен поднял брови.

— В чем дело?

— Робот. Р.Джеронимо.

— Кто?

— Робот-курьер из нашего департамента. У меня свободное время, и я намеренно оставил свой приемник дома, чтобы меня не вызывали. Это моя привилегия по С-7, однако, они послали за мной робота.

— Откуда ты знаешь, что он пришел за тобой?

— Метод дедукции. Первое: здесь нет никого, связанного с полицейским департаментом; второе: этот бедняга направляется прямо ко мне; из этого я делаю вывод, что ему нужен я.

А робот сказал:

— Хозяин Бейли, у меня сообщение для вас. Вас

ждут в Управлении.

Робот подождал и повторил сказанное.

— Слышу и понимаю, — сказал Бейли. Он знал, что робот будет повторять и дальше. Это была новая модель, несколько более человекоподобная, чем прежние. Ее создали всего месяц назад. Выражение лица робота хоть и не изменялось, но не было таким идиотским, как у большинства роботов. Но вообще-то он был так же глуп, как и все остальные.

На минуту Бейли подумал о Дэниеле Оливо, космонитском роботе, который дважды прикомандировывался к нему — один раз на Земле, другой — на Солярии; в последний раз он встретился с Дэниелом, когда тот консультировал его в случае зеркального изображения. Робот Дэниел был настолько человеком, что Бейли относился к нему как к другу и даже теперь скучал по нему. Если бы все роботы были такими…

— У меня свободное время, парень. Мне нет надобности идти в управление.

Р.Джеронимо помолчал. В руках его появилась легкая вибрация. Бейли заметил это и понял: это означает некоторый конфликт в позитронных связях робота. Он должен был повиноваться человеку, но тут получалось, что два человека

желали два различных типа повиновения.

Робот сделал выбор.

— Это ваше свободное время, хозяин. Вас ждут в Управлении.

— Если тебя ждут, папа… — недовольно начал Бен.

Бейли пожал плечами.

— Не глупи, Бен. Если бы я в самом деле был им чертовски нужен, за мной послали бы закрытый кар и, вероятно, с человеком-добровольцем, а не приказали бы роботу идти пешком и злить меня своими сообщениями.

Бен покачал головой.

— Не думаю, папа. Они не знают, где ты и долго ли придется тебя искать. Не думаю, что они послали бы человека в неопределенный поиск.

— Да? Ну, что ж, посмотрим, насколько силен приказ. Р.Джеронимо, иди обратно в Управление и скажи им там, что я работаю. — И резко добавил: — Уходи! Это приказ!

Робот заметно колебался, затем повернулся, пошел, снова повернулся, сделал попытку вернутся к Бейли и, наконец, застыл на месте, трясясь всем телом.

Бейли понял и шепнул Бену:

— Придется идти. О, дьявол!

Такое смущение робота роботехники называли эквипотенциальным противоречием на втором уровне. Повиновение было Вторым Законом, и Р.Джеронимо страдал теперь от приблизительно равных и противоречивых приказов. Это обычно называли робот-блоком, или для краткости, роблоком.

Робот медленно повернулся. Первоначальный приказ был сильнее, но не намного, поэтому голос робота смазывался.

— Хозяин, мне говорили. что вы можете сказать так. И тогда я должен сказать… — он помолчал и хрипло добавил: — Я должен сказать… если вы один.

Бейли коротко кивнул сыну. Бен поспешно отошел. Он знал, когда его отец — папа, а когда — полисмен.

Бейли подосадовал на себя, что усилил свой приказ и сделал чуть не полный роблок. Могло быть большое повреждение, требующее позитронной проверки и перепрограммирования, а расходы пошли бы за счет Бейли и обошлись бы в годовое жалование. Он сказал:

— Я отменяю свой приказ. Что тебе велели сказать?

Голос Р.Джеронимо прояснился.

— Мне велели сказать, что вас ждут в связи с Авророй.

Бейли повернулся и окликнул сына:

— Дай им еще полчаса, а затем скажи от моего имени, чтобы возвращались. А я сейчас ухожу.

Он пошел большими шагами, нетерпеливо сказав роботу:

— Почему они не велели сказать тебе это сразу? И почему не запрограммировали тебя вести кар, чтобы я не шел пешком?

Он прекрасно знал, почему: любая авария при водителе-роботе вызовет новый антироботский бунт.

Он не убавил шаг. Надо было идти пешком два километра до городской стены, а потом добираться до Управления по перегруженным улицам.

Аврора? Какой кризис там возник?

2

Через полчаса Бейли добрался до входа в город и напрягся перед тем, что его ожидало. Возможно, что на этот раз ему не повезет.

Он дошел до раздела между Снаружи и Городом — стены, отделявшей хаос от цивилизации. Он положил руку на сигнальную пластинку, и появилось отверстие. Как обычно, он не стал ждать, пока оно откроется полностью, а проскользнул в щель, когда она стала достаточно широкой. Р.Джеронимо шел следом.

Полицейский на посту выглядел испуганным, как и всегда, когда кто-нибудь приходил Снаружи. Каждый раз был тот самый недоверчивый взгляд, то же особое внимание, рука на бластере, неуверенность. Бейли хмуро предъявил свою карточку, и часовой отдал честь. Дверь за ним закрылась.

Бейли оказался в Городе. Стены сомкнулись вокруг него, и Город стал Вселенной. Бейли снова окунулся в нескончаемый гул и запах людей и механизмов, что скоро перейдет за порог сознания. В мягком искусственном освещении не было ничего от меняющейся яркости Снаружи,

с его зеленым, коричневым, голубым и белым с вторжением красного и желтого. Здесь не было ни неустойчивого ветра, ни жары, ни холода, ни угрозы дождя; здесь было спокойное постоянство неощутимых воздушных потоков; комбинация температуры и влажности была так подогнана к человеку, что не ощущалась.

Так было всегда. Он снова принял Город как материнское лоно и доверчиво и радостно вернулся в него. Бейли знал, что человечество возникло из такого лона, так почему бы ему не вернуться обратно?

Но всегда ли должно быть так? Всегда ли он будет чувствовать себя дома только в Городе?

Он стиснул зубы. Какой толк думать об этом? Он спросил робота:

— Ты доехал до этого места на каре, парень?

— Да, хозяин.

— Где он сейчас?

— Не знаю, хозяин.

Бейли повернулся к часовому.

— Офицер, это робот приехал сюда два часа назад. Что случилось с каром, который привез его?

— Сэр, я заступил на пост меньше двух часов назад.

В самом деле, глупо спрашивать. Люди в каре

не знали, долго ли робот будет искать Бейли, и не стали ждать. Бейли подумал было, не позвонить ли в Управление, но ему наверняка скажут, чтобы ехал экспрессом — это быстрее.

Его смущало только присутствие робота. Ему не хотелось ехать с ним в экспрессе, но и нельзя было допустить, чтобы робот шел пешком через враждебно настроенные толпы. Выбора не было.

Город занимал пять тысяч квадратных километров; свыше четырехсот километров проходил экспресс, еще больше был путь фидера — они обслуживали более двадцати миллионов жителей. Хитроумная сеть движения существовала на восьми уровнях, и там были сотни чередований различных степеней сложности. Как полицейский сыщик, Бейли считал, что знает их все — и он действительно знал. Отвести его с завязанными глазами в любую часть Города, снять повязку — и он, не спрашивая никого, найдет дорогу. Так что не было вопроса, как добраться до Управления. Можно было выбрать одну из восьми подходящих дорог, и Бейли задумался только, где сейчас будет меньше народу.

Думал он не больше секунды.

— Пошли со мной, парень.

Робот послушно зашагал сзади.

Они сели на подходящий фидер. Бейли не стал занимать сидение — ехать недолго — и взялся рукой за вертикальный шест, белый, теплый, приятный для захвата. Робот ждал быстрого жеста Бейли, чтобы взяться за тот же шест. Ему можно было и не держаться — роботу не трудно сохранить равновесие — но Бейли не хотел, чтобы его случайно отделили от робота. Он отвечал за робота и не хотел рисковать своим карманом, если с Р.Джеронимо что-нибудь случится.

На борту фидера было несколько человек, и все с любопытством поглядывали на робота. Бейли заметил эти взгляды, властно посмотрел на одного человека, и тот неловко отвел глаза.

Бейли снова сделал жест, когда сходил с фидера. Фидер как раз дошел до движущихся дорожек, и ближайшая шла с той же скоростью, так что фидеру не пришлось замедлять ход. Бейли и робот спустились по движущейся дорожке до пересечения с дорогой экспресса, а затем вверх, к скоростной дорожке, идущей вдоль экспресса.

Он услышал крик: «Робот!» и точно знал, что может произойти. Выше и ниже движущейся полосы собралась группа молодежи; робот попадет в ловушку и полетит с грохотом вниз. Если появится полицейский, любой юнец будет уве-

рять, что робот налетел на него, и мальчишку, без сомнения, отпустят.

Бейли быстро прошел между первым юнцам и роботом, шагнул в сторону на более быструю полосу и поднял руку, как бы защищаясь от усилившегося ветра; парнишка был каким-то образом столкнут на более медленную дорожку, к чему не был готов, но удержался на ногах и дико закричал: «Эй!». Его друзья остановились, быстро оценили ситуацию и сменили направление.

— На экспресс, парень.

Бейли быстро прошел через толпу стоявших пассажиров, толкая Р.Джеронимо перед собой, нашел более свободное место на верхнем уровне, взялся за шест, крепко наступив на ногу робота, и снова начал пресекать все контакты глаз.

Оба вышли возле Управления. Бейли сдал робота в дверях и получил расписку. Он тщательно проверил дату, время и серийный номер робота и положил расписку в сумку. До конца дня надо будет проверить, чтобы передача была зарегистрирована компьютером.

Теперь он мог идти к комиссару — а он знал комиссара. Любая оплошность Бейли будет причиной для понижения в должности. Он был тяжелым человеком, этот комиссар, и прошлые

триумфы Бейли рассматривал как личное оскорбление.

3

Комиссара звали Уилсон Рот. Он занимал этот пост два с половиной года, с тех пор как Джулиус Эндерби вышел в отставку, когда шум, вызванный убийством космонита, утих, и можно было спокойно уйти.

Бейли так и не примирился с этой заменой. Джулиус, несмотря на все свои недостатки, был не только начальником, но и другом, Рот же был только начальником. Он даже не был уроженцем Города. Этого Города. Его привезли извне.

Рот не был ни слишком высоким, ни слишком толстым, но голова у него была большая и, казалось, сидела на слегка отклонившейся вперед от торса шее. Он от этого выглядел тяжелым: тяжелое тело, тяжелая голова. Даже полуопущенные веки казались тяжелыми.

Можно было подумать, что он дремлет, но он никогда ничего не упускал. Бейли заметил это очень быстро. У него не было иллюзий, что он нравится Роту, и не было иллюзий, что Рот ему нравится.

Рот никогда не говорил раздраженно, но слова его не доставляли удовольствия. Он сказал:

— Бейли, почему вас так трудно найти?

Бейли ответил почтительно:

— У меня было свободное время, комиссар.

— Да, это ваша С-7 привилегия. Вы слышали о волновике? Иногда он принимает официальные сообщения. Вас можно вызвать даже в ваш выходной.

— Я хорошо знаю это, комиссар, но нет никаких правил насчет ношения волновика. Нас можно найти и без него.

— Внутри Города — да, но вы были Снаружи, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошиблись, комиссар. Я был Снаружи. Но нет такого правила, что в том случае я должен носить волновик.

— Прячетесь за букву закона?

— Да, комиссар, — спокойно ответил Бейли.

Комиссар встал, мощный и смутно угрожающий, и сел на край стола. Окно наружу, устроенное Эндерби, было давно уже заделано и закрашено. В закрытой комнате комиссар казался еще крупнее. Он сказал, не повышая голоса:

— Вы рассчитываете на благодарность Земли, как я полагаю.

— Я рассчитываю на то, что делаю свою работу как могу лучше и в соответствии с правилами,

комиссар.

— И на признательность Земли, когда нарушаете дух этих правил.

Бейли не ответил.

— Считают, что вы хорошо поработали в деле об убийстве Сартона три года назад, — сказал Рот.

— Спасибо, комиссар. Демонтаж Космотауна явился, я думаю, следствием.

— Да, и этому аплодировала вся Земля. Считают также, что вы хорошо поработали на Солярии два года назад и — можете не напоминать мне — результатом был пересмотр торговых договоров с Внешними мирами к значительной выгоде Земли.

— Я думаю, это есть в записи, сэр.

— И в результате вы стали героем.

— Я ничего такого не требовал.

— Вы получили два повышения, по одному после каждого дела. И была даже гиперволновая драма на основе событий на Солярии.

— Которая была поставлена без моего разрешения и вопреки моему желанию, комиссар.

— Которая, тем не менее, сделала вас героем.

Бейли пожал плечами. Комиссар помолчал несколько секунд и продолжал:

— Но за последние два года вы не сделали ни-

чего важного.

— Земля имеет право спросить, что я сделал за эти два года.

— Точно, и она, вероятно, спросит. Известно, что вы лидер новой причуды бывать Снаружи, возиться с землей и изображать из себя роботов.

— Это разрешено.

— Не все, что разрешено, одобряется. Возможно, многие считают вас скорее странным, чем героическим.

— Может быть, это согласуется с моим собственным мнением о себе, — ответил Бейли.

— У публики короткая память. Героика быстро исчезает, заслоненная вашими странностями, так что, если вы совершите ошибку, вам придется плохо. Вы рассчитываете на репутацию…

— Простите, комиссар, я на нее не рассчитываю.

— Репутация Полицейского Департамента, на которую вы надеетесь, не спасет вас, и я не сумею спасти вас.

По лицу Бейли промелькнула тень улыбки.

— Я не хотел бы, чтобы вы, комиссар, рисковали своим положением, спасая меня.

Комиссар пожал плечами и изобразил такую же бледную улыбку.

— Насчет этого не беспокойтесь.

— Но почему вы говорите мне все это, комиссар?

— Чтобы предупредить вас. Я не пытаюсь свести вас к нулю, поэтому предупреждаю сразу. Вы вовлекаетесь в очень деликатное дело, где легко можете совершить ошибку, и я предупреждаю вас, чтобы вы ее не сделали. — Его лицо расплылось в явной улыбке.

Бейли не ответил улыбкой.

— Вы можете мне сказать, что это за очень деликатное дело?

— Я не знаю.

— Это касается Авроры?

— Р.Джеронимо было велено сказать вам так, но я об этом ничего не знаю.

— Тогда почему вы говорите, комиссар, что это очень деликатное дело?

— Видите ли, Бейли, вы — исследователь тайн. С чего бы члену Земного Департамента Юстиции приехать сюда, когда вас просто могли вызвать в Вашингтон, как это было два года назад в связи с инцидентом на Солярии? И почему эта особа из Юстиции хмурится, проявляет недовольство и нетерпение, что вас не разыскали мгновенно? Ваше решение сделать себя трудно достижимым,

было ошибкой, но я за это не несу ответственности. Вероятно, это само по себе не является роковым, но я уверен, что вы произвели плохое впечатление.

— Однако, вы задерживаете меня еще больше, — хмуро ответил Бейли.

— Нет. Должностное лицо из Юстиции решило немного освежиться — вы знаете, как они выпендриваются. Закончит — придет. Известие о вашем появлении передано, так что вам остается только ждать, как и мне.

Бейли ждал. Он давно знал, что гиперволновой фильм, поставленный вопреки его воле, хоть и помог Земле, но сильно повредил ему в Департаменте. Фильм показал его в трехмерном изображении на фоне двумерной плоскости организации, и сделал его человеком заметным. Он получил повышение и несколько большие привилегии, но также усилил враждебность Департамента к себе. И чем выше он поднимется, тем легче разобьется в случае падения.

Если он сделает ошибку…

4

Особа из Юстиции вошла, небрежно огляделась, обошла стол Рота и села на его место. Как высокопоставленный индивидуум, должностное лицо вело себя соответственно. Рот спокойно занял второе место. Бейли остался стоять, стараясь не показать своего изумления. Рот мог бы предупредить его, но не сделал этого. Он явно выбирал слова, чтобы не подать и намека.

Чиновник оказался женщиной.

Собственно, в этом не было ничего особенного. Женщина может быть любым чиновником, даже генеральным секретарем. Женщины были и в полиции, одна даже в чине капитана. Но вот так, без предупреждения, в данном случае никто не ожидал бы этого. В истории бывало, что женщины в большом количестве занимали административные посты, Бейли знал это, так как был хорошо знаком с историей. Но сейчас не те времена.

Женщина была высокого роста и сидела в кресле очень прямо. Ее униформа не слишком отличалась от мужской, прическа немодная и не служила украшением. Ее пол выдавали только груди, выпуклость которых она не скрывала. Ей

было лет сорок, однако в темных волосах не было седины. Черты лица правильные, четко вырезанные. Она не спросила — сказала:

— Вы следователь Илия Бейли, класса С-7.

— Да, мэм.

— Я заместитель секретаря Лавиния Димачек. А вы совсем не такой, как в фильме.

Бейли часто это слышал. Он сухо сказал:

— Они не могли бы хорошо скопировать меня, если хотели собрать много зрителей.

— Я в этом не уверена. Вы выглядите гораздо сильнее, чем тот актер с младенческим лицом.

Бейли поколебался, но решил воспользоваться случаем — или просто не мог удержаться:

— У вас утонченный вкус, мэм.

Она засмеялась.

— Надеюсь, что так. А теперь — почему вы заставили меня ждать?

— Я не знал, что вы приедете, мэм, а у меня был выходной.

— И вы его проводили Снаружи, как я поняла.

— Да, мэм.

— Не будь у меня утонченного вкуса, я бы сказала — вы один из тех чокнутых; но вместо этого позвольте мне сказать — вы один из тех энтузиастов.

— Да, мэм.

— Вы надеетесь когда-нибудь эмигрировать и найти новые миры в Галактике?

— Возможно не я, мэм. Может, я окажусь слишком старым…

— Сколько вам сейчас?

— Сорок пять, мэм.

— Ну, вы на них и выглядите. Мне тоже сорок пять.

— Но вы на них не выглядите, мэм.

— Старше или моложе? — она снова засмеялась. — Но шутки в сторону. Вы считаете меня слишком старой, чтобы стать пионером?

— В нашем обществе никто не может стать пионером без тренировки Снаружи. Тренироваться лучше всего с юности. Я надеюсь, что мой сын когда-нибудь ступит на другой мир.

— Вот как? Вы, конечно, знаете, что Галактика принадлежит Внешним мирам?

— Их только пятьдесят, мэм. А в Галактике миллионы миров, годных для обитания — или их можно сделать годными — и не имеющих местной разумной жизни.

— Да, но ни один корабль не может подняться с Земли без разрешения космонитов.

— Разрешения можно добиться, мэм.

— Я не разделяю вашего оптимизма, мистер Бейли.

— Я разговаривал с космонитами, которые…

— Я знаю это от своего начальника Альберта Миннима, который два года назад посылал вас на Солярию. — Она слегка скривила губы. — Актер, игравший крошечную роль в этом фильме, очень походил на него, насколько я помню. Минниму не понравилось.

Бейли сменил разговор.

— Я просил заместителя секретаря Миннима…

— Он получил повышение.

Бейли прекрасно понимал важность знаний о классификации и спросил:

— Каков его новый титул, мэм?

— Вице-секретарь.

— Спасибо. Я просил вице-секретаря Миннима получить для меня разрешение посетить Аврору в связи с этим вопросом.

— Когда?

— Вскоре после моего возвращения с Солярии. С тех пор я дважды возобновлял свою просьбу.

— Но не получили благоприятного ответа?

— Нет, мэм.

— Вы были удивлены?

— Разочарован, мэм.

— Зря. — Она слегка откинулась в кресле. — Наши отношения с Внешними мирами весьма шатки. Вы, конечно, почувствовали, что ваши два детективных подвига облегчили положение — так оно и есть. Эта ужасная гиперволновая пьеса тоже помогла. Но облегчение такое — она почти сдвинула большой и указательный пальцы — против такого — она раскинула руки. — В таких обстоятельствах мы вряд ли могли рискнуть послать вас на Аврору, главный Внешний мир, где вы, возможно, сделали бы что-то, что усилило бы межзвездную напряженность.

Бейли посмотрел ей в глаза.

— Я был на Солярии и не сделал ничего плохого. Наоборот…

— Да, я знаю, но вы были там по просьбе космонита, а это далеко не то, что быть там по нашей просьбе. Вы не можете не понимать этого.

Бейли молчал. Она продолжала:

— Ситуация стала намного хуже в то время, когда вы прислали вашу просьбу, и вице-секретарь правильно сделал, что отклонил ее. А в последний месяц положение стало особенно скверным.

— Это и есть причина нашей встречи, мэм?

— Вам не терпится, сэр? — ядовито спросила она с начальническими интонациями. — Вы

приглашаете меня идти прямо к цели?

— Нет, мэм.

— Явно приглашаете. А, собственно, почему бы и нет? Я становлюсь утомительной. Давайте ближе к делу. Вы знаете Хэна Фастальфа?

— Я встречался с ним однажды, — осторожно ответил Бейли. — Три года назад, в Космотауне.

— Вы, кажется, понравились ему.

— Он был дружелюбен… для космонита.

Она слегка фыркнула.

— Представляю. Вы знаете, что он был крупным политическим деятелем на Авроре в последние два года?

— Он был членом правительства, как я слышал от… своего партнера.

— От Р.Дэниела Оливо, робота космонитов, вашего друга?

— Моего бывшего партнера, мэм.

— В случае, когда вы решали маленькую проблему насчет двух математиков на борту корабля космонитов?

— Да, мэм, — кивнул Бейли.

— Как видите, мы хорошо информированы. Доктор Фастальф был более или менее ведущим в аврорском правительстве, важной фигурой законодательной власти их планеты, и о нем

говорили даже, как о будущем Председателе, а Председатель на Авроре, как вы знаете, нечто вроде президента.

— Да, мэм, — сказал Бейли и подумал, скоро ли она перейдет к тому весьма деликатному делу, о котором говорил комиссар.

Димачек, казалось, не спешила.

— Фастальф из умеренных. Он сам так называет себя. Он чувствует, что Аврора и вообще Внешние миры зашли слишком далеко в своем направлении, как вы, возможно, чувствуете, что мы на Земле зашли слишком далеко в нашем. Он хочет сделать шаг назад, уменьшить производство роботов, ускорить смену поколений, вступить в союз и дружбу с Землей. Естественно, мы поддерживаем его… но очень осторожно. Если мы будем слишком демонстративно выражать свои чувства, это может оказаться для него поцелуем смерти.

— Я думаю, — сказал Бейли, — что он поддержал бы Землю в исследовании и заселении других планет.

— Я тоже так думаю. И полагаю, что он говорил вам об этом.

— Да, мэм.

— Как вы думаете, он представляет обществен-

ное мнение во Внешних мирах?

— Не знаю, мэм.

— Боюсь, что не представляет. С ним — равнодушие; против него — пылающий легион. Он держится так близко к правительственным постам только благодаря своей политической ловкости и личному обаянию. Его величайшей слабостью, бесспорно, является симпатия к Земле. Это постоянно используется против него, и это оказывает влияние на тех, кто разделяет его точку зрения во всех других аспектах. Если бы вы были посланы на Аврору, любая ваша ошибка усилила бы антиземные чувства и, таким образом, ослабила бы Фастальфа, возможно, фатально. Земля просто не может пойти на такой риск.

— Понятно, — пробормотал Бейли.

— Фастальф склонен рисковать. Именно он устроил вашу поездку на Солярию, в то время, когда его политическая власть только начиналась, и он был тогда очень уязвим. Но он мог потерять только свою личную власть, в то время как мы должны были заботится о благополучии восьми миллиардов людей Земли. Именно это делает теперешнюю политическую ситуацию почти немыслимо деликатной.

Она сделала паузу, и Бейли был вынужден

спросить:

— На какую ситуацию вы ссылаетесь, мэм?

— Похоже, что Фастальф вовлечен в серьезный и беспрецедентный скандал. Если он неповоротлив, то его политический крах — дело нескольких недель; если он исключительно умен — он может продержаться несколько месяцев, но рано или поздно будет уничтожен как политическая сила на Авроре, и *это* будет реальным бедствием для Земли.

— Могу я спросить, в чем его обвиняют? Коррупция? Измена?

— Ничего такого подлого. Его личную честность не подвергают сомнению даже его враги.

— Тогда преступление по страсти? Убийство?

— Не *совсем убийство*.

— Не понимаю, мэм.

— На Авроре, мистер Бейли, есть люди и есть роботы, в большинстве своем похожие на наших, немногим лучше. Но есть и человекоподобные роботы, настолько человекоподобные, что их можно принять за людей.

Бейли кивнул.

— Я это хорошо знаю. — Я полагаю, что уничтожение человекоподобного робота — не совсем убийство в точном смысле этого слова.

Бейли подался вперед, широко раскрыв глаза, и закричал:

— О, дьявол! Женщина, хватит фокусов! Вы хотите сказать, что доктор Фастальф убил Р.Дэниела?!

— В данном случае я прощаю вам вашу невежливость, Бейли. Нет, Р.Дэниел не был убит. Но он не единственный человекоподобный робот на Авроре. Убили другого робота. Точнее сказать, его мозг был полностью разрушен; его поставили в постоянный и необратимый роблок.

— И говорят, что это сделал доктор Фастальф?

— Так утверждают его враги. Так говорят экстремисты, желающие, чтобы только космониты распространились в Галактике, а земляне исчезли из Вселенной. Если эти экстремисты сумеют в следующие несколько недель добиться новых выборов, они наверняка захватят полный контроль в правительстве, и результаты этого непредсказуемы.

— Я не понял, почему этот роблок так важен в политическом смысле.

— И я тоже, — сказала Димачек, — Я не претендую на понимание политики Авроры. Но по моим умозаключениям, человекоподобные роботы каким-то образом входят в план экстремистов,

и это уничтожение привело их в ярость. — Она сморщила нос. — По-моему у них весьма запутанная политика, и я только собью вас с толку, если буду пытаться объяснить ее.

Под спокойным взглядом помощника секретаря Бейли овладел собой и тихо спросил:

— А причем тут я?

— Из-за Фастальфа. Вас уже посылали в космос по делу об убийстве, и вы его удачно разрешили. Фастальф хочет, чтобы вы сделали это еще раз. Вы поедете на Аврору и откроете, кто виноват в роблоке. Фастальф видит в этом единственный шанс победить экстремистов.

— Я не роботехник. Я ничего не знаю об Авроре…

— Вы ничего не знали и о Солярии, однако, вам все удалось. Дело в том, Бейли, что мы так же, как и доктор Фастальф, желаем узнать, что случилось на самом деле. Мы не хотим его поражения, ибо в этом случае экстремисты проявят еще большую враждебность к Земле, чем было до сих пор. Мы не хотим, чтобы это случилось.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, мэм. Задача…

— …почти неразрешима. Мы это знаем, но у нас нет выбора. Фастальф настаивает, а за ним

в данный момент стоит правительство Авроры. Если вы откажетесь ехать, или мы вас не отпустим, мы окажемся перед яростью Авроры. Если вы поедете и вам повезет, мы будем спасены, а вы получите соответствующую награду.

— А если я поеду и потерплю неудачу?

— Мы сделаем все возможное, чтобы вина пала на вас, а не на Землю.

— Иными словами — были бы спасены чиновные шкуры.

— Лучше бросить вас в пасть волкам, лишь бы Земля не слишком пострадала. Заплатить за всю планету одним человеком — не так дорого.

— Поскольку я уверен, что провалюсь, я спокойно могу не ехать.

— Вы прекрасно понимаете, — мягко сказала она, — что если Аврора просит вас, вы не можете отказаться. Да и зачем вам отказываться? Вы два года пытались поехать на Аврору и были огорчены, что не получили нашего разрешения.

— Я хотел поехать, чтобы мирно договориться о помощи в заселении других планет, а не…

— Вы по-прежнему можете просить их помощи в вашей мечте о заселении других планет, Бейли. Допустим, вам повезет. Это же, в конце концов, возможно. В этом случае Фастальф будет вам

страшно благодарен и сделает для вас куда больше, чем сделал бы при других обстоятельствах. И мы будем в достаточной степени благодарны вам и тоже поможем. Разве это не стоит риска, даже большого? Пусть ваши шансы на успех очень малы, если вы поедете, но если вы откажетесь, они будут равны нулю. Подумайте об этом, Бейли, но, пожалуйста, не долго.

Бейли стиснул зубы и, наконец, осознав, что альтернативы нет, спросил:

— Сколько времени у меня в…

Димачек спокойно прервала его:

— Я же вам объяснила, что у нас нет ни выбора, ни времени. Вы уедете — она взглянула на ручные часы — ровно через шесть часов.

5

Космопорт находился на восточной окраине Города в пустынном секторе, который был, собственно говоря, Снаружи. Это скрывалось тем фактом, что билетные кассы и залы ожидания были в Городе, а к самому кораблю шла машина по крытому переходу. По традиции все отлеты происходили ночью, так что покров темноты дополнительно ослаблял эффект Снаружи.

У космопорта было мало работы. Земляне крайне редко покидали свою планету, и движение состояло целиком из коммерческой активности, организованной роботами и космонитами.

Илия Бейли, дожидаясь, когда корабль будет готов для погрузки, чувствовал себя уже отрезанным от Земли. С ним сидел Бентли, и оба угрюмо молчали. Наконец Бен сказал:

— Не думаю, чтобы мама захотела прийти.

Бейли кивнул.

— Я тоже не думаю. Я помню, какая она была, когда я поехал на Солярию. Тут тоже самое.

— Ты хоть успокоил ее?

— Я сделал все, что мог, Бен. Она думает, что я попаду в аварию, или меня убьют космониты,

как только я попаду на Аврору.

— Ты же вернулся с Солярии.

— Именно поэтому она и не хочет, чтобы я рисковал второй раз. Она уверена, что удача отвернется от меня. Ну, она успокоится. А ты сожми круг, Бен. Побудь с ней, только не разговаривай насчет заселения новых планет. Это ей в самом деле не нравится, ты сам знаешь. Она чувствует, что ты тогда оставишь ее. Она знает, что сама не сможет поехать и никогда больше не увидит тебя.

— Может, и так, но когда еще это будет.

— Ты, может, смотришь на это легко, а она нет. Так что ты уж не говори с ней об этом, пока меня нет. Ладно?

— Ладно. Я думаю, она чуточку расстроена из-за Глэдис.

Бейли резко взглянул на сына.

— Ты…

— Я не сказал ни слова. Но она тоже видела этот гиперволновой фильм и знает, что Глэдис на Авроре.

— И что из этого? Аврора — громадная планета. Не думаешь ли ты, что Глэдис Дельмар будет ждать меня в космопорту? О дьявол, Бен, неужели твоя мать не знает, что эта гиперволновая гадость

на девять десятых выдумка?

Бен с заметным усилием сменил тему разговора.

— Даже странно — ты сидишь здесь без всякого багажа.

— У меня его даже слишком много. Я же одет, верно? С меня снимут всю одежду, как только я окажусь на борту. Ее химически обработают и выбросят в космос, а мне выдадут все новое, после того как я сам буду продезинфицирован, очищен и отполирован внутри и снаружи. Я уже прошел через это однажды.

Помолчав, Бен сказал:

— Знаешь, папа... — он резко остановился и начал снова: — Знаешь, папа... — и опять замолчал.

— Что ты хочешь сказать, Бен?

— Папа, я чувствую себя ужасным болваном, когда говорю это, но думаю, что лучше сказать. Ты не геройский тип. Даже я никогда не считал тебя им. Ты отличный парень и самый лучший отец, но ты не геройский тип.

Бейли хмыкнул.

— Однако, — продолжал Бен, — именно ты стер с карты Космотаун; именно ты привлек Аврору на нашу сторону. Именно ты начал весь этот

проект заселения других миров. Папа, ты сделал для Земли больше, чем все правительство, вместе взятое. Так почему тебя не оценили больше?

— Потому что я не геройский тип, и потому, что меня сунули в этот идиотский фильм. Он восстановил против меня весь Департамент, он выбил из колеи твою мать и создал мне репутацию, которой я не могу следовать. — На его ручном вызове вспыхнул свет, и Бейли встал. — Мне пора, Бен.

— Я понимаю. Я хочу сказать тебе, папа, что высоко ценю тебя. И в этот раз, когда ты вернешься, тебя будут ценить все, а не только я.

Бейли был растроган. Он быстро кивнул, положил руку на плечо сына и пробормотал:

— Спасибо. Береги себя… и мать… пока меня нет.

Он ушел, не оглядываясь. Он сказал Бену, что едет на Аврору поговорить о проекте заселения. Если бы это было так, он мог бы вернуться с победой. А тут… Он подумал: я вернусь в опалу… если вернусь вообще.

Часть вторая
Дэниел

6

Бейли был на космическом корабле в третий раз, и прошедшие два года не погасили в памяти два предыдущих раза. Он точно знал, чего ждать.

Должна быть изоляция — что бы никто не видел его и ничего не делал с ним, кроме, вероятно, робота. Должно быть постоянное медицинское обслуживание — дезинфицирование и стерилизация (этого не миновать). Должна быть попытка сделать его пригодным для приближения к чувствительным к болезням космонитам, которые считают землян разносчиками всевозможных инфекций.

Однако, должно быть и различие. На этот раз он не будет так бояться процедур. И ощущение, будто тебя вытащили из кокона, не будет таким страшным.

Он должен быть готов к более широкому окружению. В этот раз — сказал он себе твердо, хотя и не без узла в желудке, — он, может быть, даже сможет увидеть космос. Интересно, похож ли он на фотографии ночного неба, видимого Снаружи?

Он вспомнил свое первое посещение купола

планетария (в Городе, конечно, в безопасности). Ему показалось, будто он Снаружи, но ничего неприятного в этом не было.

Затем было два раза — нет, три, — когда он был ночью на открытом пространстве и видел настоящие звезды в настоящем небе. Это было куда менее впечатляющим, чем планетарий, но каждый раз был холодный ветер и ощущение расстояния, которое делало все более пугающим, чем купол — но менее пугающим, чем дневное время, потому что темнота окружала его защитной стеной.

На что же будет похож вид звезд на экране космического корабля? На планетарий или на ночное земное небо? Или это совсем другое ощущение?

Он сосредоточился на этих мыслях, чтобы не думать об оставленных Джесси, Бене и Городе.

Исключительно из бравады он отказался от кара и настоял, что пройдет пешком небольшое расстояние от ворот до корабля в компании робота, пришедшего за ним. В конце концов, это же крытая аркада.

Проход был слегка изогнутым, и Бейли огляды-вался, пока еще мог видеть Бена. Он поднял руку, и Бен замахал обеими руками, растопырив на

них по два пальца в древнем символе победы.

Победа? Напрасный жест, думал Бейли. Он переключился на другие мысли, которые могли бы отвлечь и занять его. Как выглядит космический корабль днем, когда солнце сияет ярко на его металле, а сам Бейли и все остальные выставлены Наружу?

Крошечный цилиндрический мирок должен был оторваться от бесконечно большого мира и затеряться Снаружи, бесконечно большем, чем любое Снаружи на Земле, и после бесконечной протяженности Ничто искать другой мир…

Он заставлял себя идти ровно, не показывать перемены настроения, однако робот, шедший рядом, остановил его.

— Вам не плохо, сэр? — спросил он. Не «хозяин», а просто «сэр». Это был аврорский робот.

— Все в порядке, парень, — хрипло ответил Бейли. — Пошли дальше.

Он опустил глаза и не поднимал их от земли, пока перед ним не вырос корабль.

Аврорский корабль! Он был выше и изящнее, но много мощнее солярианских кораблей. Бейли вошел внутрь, и сравнение осталось в пользу Авроры. Его каюта была больше, чем те, что были у него два года назад, более удобная, более

роскошная.

Он точно знал, что произойдет, и без колебаний снял всю одежду. Вероятно, они дезинфицируют ее плазменным факелом, и он, конечно, не получит ее обратно, вернувшись на Землю — если он вернется. В прошлый раз он ее не получил.

Он не получит новой одежды, пока не будет основательно вымыт, осмотрен, напичкан лекарствами внутрь и подкожно. Он почти приветствовал эти унизительные процедуры, потому что они отвлекали его мозг. Он едва заметил начальное ускорение и едва имел время подумать о моменте, когда он оставил Землю и оказался в космосе.

Когда он, наконец, снова оделся, он огорченно посмотрел на себя в зеркало. Ткань была гладкой и блестящей и изменяла цвет на сгибах. Брюки плотно облегали лодыжки, а носки были надеты поверх обшлагов брюк. Рукава блузы стягивали запястья, а на руках были тонкие прозрачные перчатки. Ворот блузы закрывал шею и был снабжен капюшоном, который при желании можно было натянуть на голову. Он знал, что его одели так не для его удобства, а для того, чтобы уменьшить опасность для космонитов. Глядя на себя, он подумал, что ему будет тесно и жарко, но этого

не случилось. К своему огромному облегчению, он даже не вспотел. Он сделал разумный вывод и спросил робота, пришедшего с ним и все еще остававшегося тут:

— Парень, эта одежда регулирует температуру?

— Да, сэр. Это одежда для любой погоды и очень модная. Но она исключительно дорога, и очень немногие на Авроре имеют возможность носить ее.

— Вот как? О, дьявол!

Он внимательно поглядел на робота. Это была явно примитивная модель, очень немногим отличающаяся от земных. Но была некоторая тонкость, которой не хватало земным моделям: этот робот мог изменять выражение лица. Например, он чуть заметно улыбнулся, когда указал, что Бейли дали костюм, доступный на Авроре далеко не каждому. Структура его тела казалась металлической, но производила впечатление какой-то ткани, слегка изменяющейся при движении, хорошо подобранных, приятно контрастирующих цветов. Короче говоря, робот, хотя явно не человекоподобный, казался одетым, если не приглядываться к нему близко.

— Как я должен звать тебя, парень?

— Я Жискар, сэр.

— Р.Жискар?

— Если угодно, сэр.

— На корабле есть библиотека?

— Да, сэр.

— Ты можешь принести мне книгофильмы об Авроре?

— Какого рода, сэр?

— Исторические, политические, географические — что-нибудь, чтобы я мог познакомиться с планетой.

— Слушаюсь, сэр.

— И проектор.

— Да, сэр.

Робот прошел через двойную дверь, и Бейли угрюмо кивнул себе в зеркало. Во время поездки на Солярию ему и в голову не пришло тратить время на изучение чего-то полезного. За последние два года он продвинулся вперед.

Он подергал дверь. Она не поддавалась. Бейли был бы удивлен, если бы оказалось иначе.

Он осмотрел комнату. Тут был гиперволновой экран. Он лениво покрутил ручки, принял взрыв музыки, сумел снизить громкость и неодобрительно послушал. Дребезжащая и нестройная. Он коснулся других ручек и, наконец, увидел

изображение. Это был космический футбол, в который играли явно при нулевой гравитации. Мяч плыл по прямой, а игроки (их было страшно много с каждой стороны) грациозно взмывали и парили в воздухе. Необычные движения вызвали у Бейли головокружение. Он нашел выключатель, повернул его, и в это время дверь позади него открылась. Он повернулся, ожидая увидеть Р.Жискара, и не сразу понял, что видит человека с широким лицом с высокими скулами, бронзовыми волосами, гладко зачесанными назад и в костюме консервативного покроя и сочетания цветов.

— О, дьявол! — сказал Бейли, почти задохнувшись.

— Партнер Илия, — сказал тот и шагнул вперед, широко улыбаясь.

— Дэниел! — вскричал Бейли, крепко обнимая робота. — Дэниел!

7

Бейли все еще держал в объятиях Дэниела, единственного знакомого на корабле, единственную связь с прошлым. Он вцепился в Дэниела в порыве доверия и чувства. Но мало-помалу он собрался с мыслями и осознал, что обнимает не Дэниела, а Р.Дэниела, *робота Дэниела Оливо*, который тоже слегка обнял его и позволял обнимать себя, рассудив, что это действие доставляет удовольствие человеческому существу. Непреодолимый Первый Закон роботехники гласит: «Робот не может нанести вред человеку…», а оттолкнуть дружеский жест означало нанести вред.

Медленно, чтобы не выдать собственного огорчения, Бейли опустил руки.

— Я не видел вас, Дэниел, с тех пор, как вы привели на Землю тот корабль с двумя математиками. Помните?

— Конечно помню, партнер Илия. Я очень рад видеть вас.

— А разве вы чувствуете эмоции?

— Не могу сказать, что я чувствую в человеческом смысле. Скажу, однако, что при виде вас мои

мысли как бы текут легче, гравитационные силы, давящие на мое тело, штурмуют мои ощущения с меньшей интенсивностью, и я замечаю и другие перемены. Я думаю, что мои ощущения грубо соответствуют тому, что вы чувствуете, когда радуетесь.

Бейли кивнул.

— Что бы вы не чувствовали при виде меня, старый партнер, если это предпочтительнее состояния, в котором вы находитесь, когда не видите меня, мне это вполне подходит — если вы меня поняли, что я имею в виду. Но как вы здесь очутились?

— Жискар Ривентлов сообщил, что вы… — Дэниел сделал паузу.

— Очищен? — ядовито спросил Бейли.

— Дезинфицированы, — сказал Дэниел. — Я решил, что можно войти.

— Но вы, конечно, не боитесь заразы?

— Нисколько, партнер Илия, но люди в корабле будут недовольны, когда я подойду к ним. Люди Авроры очень восприимчивы к инфекции и иногда преступают разумную оценку вероятности.

— Я понимаю. Но я спросил, не почему вы здесь в данный момент, а почему вы здесь вообще?

— Доктор Фастальф, к дому которого я отно-

шусь, направил меня на борт корабля, посланного за вами, по нескольким причинам. Он счел желательным, чтобы вы немедленно ознакомились с делом, которое наверняка будет трудным для вас.

— Это мило с его стороны. Я благодарю его.

Р.Дэниел серьезно поклонился в знак признательности.

— Доктор Фастальф также думал, что эта встреча даст мне… соответствующие ощущения.

— Удовольствие, вы имеете в виду?

— Если я позволю пользоваться себе этим термином — да. А третья причина, самая важная…

Дверь снова открылась, и вошел Р.Жискар. Бейли с досадой повернулся к нему. Р.Жискар был робот как робот, и его присутствие как бы подчеркивало роботизм Дэниела, хотя Дэниел был много выше сортом. А Бейли *не хотел*, чтобы роботизм Дэниела подчеркивался; он не хотел ругать себя за неспособность смотреть на Дэниела иначе как на человека. Он сказал нетерпеливо:

— В чем дело, парень?

— Я принес книгофильмы, которые вы желали видеть, сэр, и проектор.

— Ладно, положи их и можешь не оставаться. Со мной будет Р.Дэниел.

— Слушаюсь, сэр. — Глаза робота слабо блеснули, он быстро повернулся к Р.Дэниелу, как бы желая получить приказ от старшего.

Р.Дэниел спокойно сказал:

— Хорошо будет, друг Жискар, если ты останешься за дверью.

— Останусь, друг Дэниел, — сказал Р.Жискар.

Он вышел, а Бейли спросил с некоторым неудовольствием:

— Зачем ему оставаться за дверью? Разве я пленник?

— В том смысле, — ответил Р.Дэниел, — что вам не позволят смешиваться с народом на корабле во время путешествия. Мне очень жаль, но я вынужден сказать вам, что вы в самом деле пленник. Однако это не причина для присутствия здесь Жискара. И я должен сказать вам, партнер Илия, что благоразумнее было бы не называть Жискара или другого робота «парень».

Бейли нахмурился.

— Он что — обижается?

— Жискар не обижается ни на какие действия человека. Просто на Авроре не принято обращаться к роботам «парень», и было бы неблагоразумно увеличивать разногласия с жителями Авроры неумышленным подчеркиванием вашего

земного происхождения, хотя манера говорить большого значения не имеет.

— Как же я должен к нему обращаться?

— Так же, как и ко мне, называя его по имени. В конце концов, это только звук, указывающий на того, к кому вы обращаетесь — и почему для вас один звук предпочтительнее другого? На Авроре так принято. И еще: на Авроре не пользуются инициалом «Р», кроме как в официальных случаях, когда требуется полное имя робота, но теперь даже и в этих случаях «Р» часто опускается.

— В таком случае, Дэниел, как вы отличаете роботов от людей?

— Обычные отличия самоочевидны, партнер Илия. А зачем подчеркивать это без надобности? По крайней мере, такова точка зрения жителей Авроры, а, поскольку, вы просили Жискара принести фильмы об Авроре, я думаю, вы хотели познакомиться с жизнью Авроры, чтобы помочь задаче, которую вы на себя приняли.

— Которую на меня взвалили. А что, если различие между роботом и человеком не самоочевидно, как, скажем, в вашем случае?

— Тогда зачем различать, если того не требует ситуация?

Бейли вздохнул и сказал:

— Ну, если Жискар не стережет меня как пленника, то зачем он за дверью?

— В соответствии с инструкциями доктора Фастальфа. Жискар здесь, чтобы защищать вас.

— От кого? Или от чего?

— Доктор Фастальф не уточнял. Однако, как человек взволнованный делом Джандера Пэнела…

— Кто этот Джандер Пэнел?

— Робот, функционирование которого кончилась.

— Иными словами, убитый робот?

— Выражение «убитый» обычно относится к человеку.

— Но ведь на Авроре избегают делать различия между роботами и людьми?

— Верно. Тем не менее, возможность или недостаток различия в особом случае прекращения функционирования, насколько мне известно, никогда не возникали. Я не знаю, каковы правила.

Бейли обдумал дело. В сущности, это не имеет значения, вопрос чисто семантический. Он сказал:

— Функционирующий человек — живой. Если эта жизнь насильственно прекращена сознательным действием другого человека, мы называем это убийством. Вы согласны с этим словом?

— Без сомнения, — ответил Дэниел.

— Тогда мы можем сказать, что функционирующий робот — живой. Проще считать его живым, чем усложнять дело изобретением нового слова. Ведь *вы* в данный момент живы?

— Я функционирующий, — медленно и с ударением ответил Дэниел.

— Ну, послушайте, если жук, дерево или травинка живые, то почему же вы не живой? Я никогда бы не сказал и даже не подумал бы, что вот я — живой, а вы просто действующий, а в особенности, если я некоторое время проживу на Авроре, где буду стараться не делать без необходимости различий между собой и роботами. Следовательно, я говорю, что мы оба живые, и прошу вас согласиться с этим словом.

— Я соглашаюсь, партнер Илия.

— Значит, прекращение жизни робота сознательным насильственным действием человека мы тоже назовем убийством. Но вот в чем загвоздка: за одинаковое преступление должно быть одинаковое наказание, но правильно ли это? Если наказание за убийство человека — смерть, то будет ли оно применено к человеку, положившему конец роботу?

— Наказание убийце — психозонд с последую-

щим созданием новой личности. Преступление совершает личная структура мозга, а не тело.

— А как на Авроре наказывают за совершение насильственного прекращения функций робота?

— Не знаю, партнер Илия. Насколько мне известно, на Авроре никогда не было подобного инцидента.

— Подозреваю, наказанием не будет психозонд. Тогда назовем это не просто убийством, а роботоубийством.

Бейли глубже уселся в кресло. Разговор с Дэниелом помог ему забыть, что он в космосе, забыть, что корабль мчится вперед, пока не окажется достаточно далеко от масс-центров Солнечной системы, а там сделает Прыжок через гиперпространство; забыть, что скоро он будет в нескольких миллионах километрах от Земли, а затем — в нескольких световых годах от нее.

Но гораздо важнее, что из этого разговора можно вывести некоторые заключения. Ясно, что слова Дэниела насчет того, что аврорцы не делают различия между роботами и людьми — заблуждение. Пусть себе они опускают инициал «Р», не пользуются обращением «парень», но из отказа Дэниела пользоваться одним и тем же словом для насильственного уничтожения робота

и человека (отказ этот вложен в его программу, а она, в свою очередь, является естественным следствием мнения аврорцев насчет поведения Дэниела) можно заключить, что все это не более чем предрассудок. А в основном, аврорцы, как и земляне, твердо уверены, что роботы — машины и бесконечно ниже людей. Это означает, что чудовищная задача, найти приемлемое разрешение кризиса (если это вообще возможно) не будет затруднена хотя бы одним неправильным понятием об аврорском обществе.

Бейли подумал, не поговорить ли с Жискаром, чтобы удостовериться в правильности своих заключений, но решил, что не стоит. Мозг Жискара простой, неутонченный; Жискар будет говорить «да, сэр», «нет, сэр», и только. Все равно, что спрашивать записывающий аппарат. И Бейли решил продолжить разговор с Дэниелом. Тот хоть способен отвечать с достаточной тонкостью.

— Дэниел, — сказал он, — давайте обсудим дело о Джандере Пэнеле; как я понял из ваших слов, это первый случай роботоубийства в истории Авроры. Человек, виновный в этом, как я понимаю, неизвестен.

— Если считать, что виновный — человек, то его личность неизвестна. В этом вы правы, парт-

нер Илия.

— А что насчет мотива? Почему Джандера Пэнела убили?

— Это тоже неизвестно.

— Но Джандер был человекоподобным роботом, как вы, а не как, например, Р.Жис… я хотел сказать — Жискар.

— Да.

— А не могло случиться, что намеревались убить не робота?

— Не понимаю, партнер Илия.

— Не мог ли убийца подумать, что Джандер Пэнел — человек, и задумать человекоубийство, а не роботоубийство?

Дэниел медленно покачал головой.

— Человекоподобный робот внешне полностью похож на человека, до волос и пор на коже. Голоса наши вполне естественны, мы можем есть и т.д. Однако, в нашем поведении заметная разница. Со временем и с развитием техники таких различий, вероятно, будет меньше, но пока их много. Вы и другие земляне не привыкли к человекоподобным роботам, вам нелегко заметить эти различия, но аврорцы заметят. Ни один аврорец не принял бы меня или Джандера за человека.

— А другой космонит, не с Авроры, не может

ошибиться?

Дэниел заколебался.

— Не думаю. Не могу судить по личным наблюдениям или по вложенной в меня программе, но знаю из программы, что все Внешние миры знакомы с роботами не меньше, чем Аврора, а некоторые, например, Солярия, даже больше, и отсюда я делаю вывод, что ни один космонит не упустит разницы между человеком и роботом.

— А на других Внешних мирах есть человекоподобные роботы?

— Нет, пока только на Авроре.

— Значит, другие космониты не знакомы с ними и могут спутать.

— Не думаю. Даже человекоподобный робот ведет себя как робот, и любой космонит это заметит.

— А вы уверены, что среди космонитов нет неразумных, не опытных и не взрослых? Дети космонитов могут не заметить разницы.

— Совершенно точно, партнер Илия, но это… роботоубийство не совершено неразумным, неопытным или юношей. Это абсолютно точно.

— Значит, это исключено. А как на счет землянина? Возможно, что…

— Когда вы прибудете на Аврору, вы станете

первым землянином, ступившим на эту планету со времени первого ее заселения. Все ныне живущие аврорцы родились на Авроре, или — в редких случаях — на других Внешних мирах.

— Первый землянин! — пробормотал Бейли. — Какая честь! Значит, выводим заключение, что было задумано именно роботоубийство.

— Такое заключение было с самого начала.

— Аврорцы, сделавшие такое заключение, имели всю информацию, а я получаю ее только сейчас.

— Мое замечание, партнер Илия, не имело в виду ничего уничижительного. Я слишком хорошо вас знаю, чтобы преуменьшать ваши способности.

— Спасибо, Дэниел, я знаю, что вы не собирались уязвить меня. Вы только что сказали, что роботоубийство совершено не слабоумным, не неопытным, не малолетним, и что это совершенно точно. Давайте рассмотрим это…

Бейли понимал, что идет окружным путем. Он так и хотел. Он не мог делать прыжки, не понимая аврорцев и их образа мыслей. Имей он дело с человеком, тот проявлял бы нетерпение и смазывал бы информацию, считая Бейли идиотом. Но робот Дэниел пойдет за Бейли по всем изви-

листым тропинкам, сохраняя полное терпение. Это был тот тип поведения, который выдавал в Дэниеле робота, каким бы человекоподобным он не был. И аврорец, вероятно, узнает в нем робота по одному вопросу и одному ответу. Дэниел был прав насчет тонких различий.

— Можно исключить детей, вероятно, большинство женщин и многих мужчин, если предположить, что роботоубийство требовало большой силы — например, если у Джандера была проломлена голова или вдавлена внутрь грудная клетка. Я думаю, это нелегко сделать тому, кто не очень силен.

Со слов Димачек Бейли знал, что роботоубийство было не таким, но как знать, может сама Димачек заблуждалась?

— Это вообще не мог сделать ни один человек, — сказал Дэниел.

— Почему?

— Вы, конечно, знаете, что скелет робота металлический и гораздо крепче человеческих костей. Наши движения сильнее, быстрее и более точно управляются. Третий Закон роботехники гласит:"Робот должен защищать себя». Нападение человека легко было бы отражено. Даже самого сильного человека можно обездвижить. И робо-

та нельзя застать врасплох. Мы всегда знаем о присутствии человека. Иначе мы не смогли бы выполнять свои функции.

— Но, Дэниел, Третий Закон говорит: «Робот должен защищать себя, если эта защита не противоречит Первому и Второму Законам». Второй Закон говорит: «Робот должен повиноваться приказам человека, если выполнение этих приказов не противоречит Первому Закону». А по Первому Закону: «Робот не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был нанесен вред». Человек может приказать роботу уничтожить себя, и тогда робот сам размножит себе голову. А если человек нападет на робота, тот не может отразить атаку, не повредив человеку, и это будет нарушение Первого Закона.

— Вы, я полагаю, думаете о земных роботах. На Авроре и других Внешних мирах роботы более сложные, разносторонние и более ценные. Третий Закон у них значительно сильнее Второго. Приказ о самоуничтожении должен быть по-настоящему подкреплен законной причиной — явной опасностью. А при отражении атаки Первый Закон не будет нарушен — роботы Авроры умеют остановить человека, не повредив ему.

— Предположим, человек будет уверять, что если робот не уничтожит себя, то будет уничтожен он, человек?

— Аврорский робот поставит под сомнение простое утверждение такого рода. Потребуется ясная очевидность возможного уничтожения человека.

— А не может человек оказаться достаточно ловким и так подстроить дело, что робот поверит в страшную опасность для человека? Не эта ли изобретательность позволила утверждать, что преступление совершено не безумцем, не неопытным, не малолетним?

— Нет. Это не так.

— В моих рассуждениях есть ошибка?

— Никакой.

— Значит, я ошибся в предположении, что робот был разрушен физически. А физического ущерба не было. Правильно?

— Да, партнер Илия.

Значит, у Димачек были точные сведения.

— В таком случае, Джандер был поврежден умственно. Полный роблок!

— Что такое роблок?

— Сокращение от роботоблока — постоянное падение функций позитронных связей.

— На Авроре не пользуются словом «роблок».

— А как вы говорите?

— Умственное замораживание.

— Это то же самое.

— Разумнее будет, партнер Илия, пользоваться нашим выражением, иначе аврорцы могут не понять вас, и это будет мешать беседе. Вы будете там слишком недолго, чтобы разница в словах могла иметь для вас значение.

— Ладно, буду говорить «замораживание». Может ли такая вещь случиться сама собой?

— Да, но шансы бесконечно малы, как считают роботехники. Как человекоподобный робот, могу сказать, что сам я никогда не испытывал эффекта, могущего даже близко подойти к умственному замораживанию.

— Стало быть, надо предполагать, что человек сознательно создал ситуацию, при которой могло бы иметь место умственное замораживание.

— Именно это и утверждают противники доктора Фастальфа.

— И, поскольку, тут нужны знания роботехники, опытность и умение, глупый, неопытный и молодой не могли бы сделать этого.

— Естественный вывод, партнер Илия.

— Тогда можно составить список достаточно

опытных людей. Группа подозреваемых вряд ли будет очень многочисленной.

— Это уже было сделано.

— Длинный список?

— Он содержит только одно имя.

Бейли свел брови в одну линию.

— Только одно?

— Да, — спокойно сказал Дэниел, — таково суждение доктора Фастальфа, величайшего теоретика роботехники на Авроре.

— Тогда в чем секрет? Чье это имя?

— Конечно доктора Фастальфа. Я только что сказал вам, что он величайший теоретик роботехники на Авроре, и, по его профессиональному мнению, только он один мог бы привести Джандера Пэнела к полному умственному замораживанию, не оставив никаких следов. Однако, доктор Фастальф уверяет также, что он этого не делал.

— И что, никто другой не мог бы этого сделать?

— Именно, партнер Илия. В этом и заключается тайна.

— А что, если доктор Фастальф… — Бейли остановился. Не было смысла спрашивать Дэниела, не солгал ли доктор Фастальф, утверждая, что не делал этого, или не ошибся ли, утверждая, что никто кроме него, не смог бы этого сделать: ведь

Дэниела программировал доктор Фастальф, и, конечно уж, не вводил в программу способность сомневаться в программисте. Поэтому Бейли сказал как можно спокойнее:

— Я подумаю насчет этого, Дэниел, а потом поговорим.

— Отлично, партнер Илия. А сейчас, в любом случае, пора спать. Вполне возможно, что на Авроре давление событий нарушит ваш режим, поэтому, стоит воспользоваться случаем и выспаться. Я покажу вам, как установить постель.

— Спасибо, Дэниел, — пробормотал Бейли.

Он не думал, что быстро уснет. Его послали на Аврору со специальным заданием доказать невиновность доктора Фастальфа; успех в этом деле нужен для дальнейшей безопасности Земли и — что было менее важно, но равно дорого сердцу Бейли — дальнейшего процветания дальнейшей карьеры Бейли. Однако, еще не добравшись до Авроры, он уже обнаружил, что Фастальф, в сущности, признался в совершении преступления.

8

Утром, после завтрака — собственно, какое может быть утро или любое другое время дня в космосе? Но он спал, а проснувшись, ел — и решил считать это утренним завтраком. Итак, на следующее утро Бейли после завтрака просмотрел новости, увидел, что там нет ничего насчет роботоубийства на Авроре, и повернулся к книгофильмам, которые накануне принес ему Жискар. Он выбрал исторические — судя по названиям, — но, быстро проглядев их, решил, что Жискар принес книги для юношества. Написаны они были просто и имели массу иллюстраций. Неужели Жискар так низко ценит интеллект Бейли? Нет, наверное, выбирал по своей роботовской наивности, без мысли оскорбить.

Он стал читать более внимательно и заметил, что Дэниел тоже читает с ним. Дэниел ничего не говорил, Бейли тоже не задавал вопросов, если не считать того, что попросил инструкций по обращению с авторским проектором.

Время от времени Бейли посещал маленькое помещение рядом с его каютой, предназначенное для разных личных нужд и называвшееся, как и

на Земле, «туалетом». Помещение было только на одного, и это смущало жителя Земли, привыкшего к длинным рядам писсуаров, унитазов, раковин и душей.

Проглядывая книгофильмы, Бейли не старался запоминать детали. Он не собирался стать экспертом по аврорскому обществу: он хотел получить общее впечатление.

Он сразу заметил, что аврорские пионеры — отцы-основатели, земляне, заселившие Аврору в ранние времена космических путешествий, были очень земным народом. Их политика, их распри, все грани их поведения были земными; на Авроре происходили в основном те же события, что и в пустых районах Земли, заселенных за пару тысячелетий до этого.

На Авроре не было разумной жизни, чтобы воевать с ней; там вообще было мало какой-либо жизни, поэтому планета была быстро заселена людьми, земными животными и растениями, паразитами и другими организмами, попутно привезенными, и, конечно, роботами.

Первые поселенцы быстро почувствовали планету своей, поскольку она попала им в руки без всякой конкуренции, и сначала назвали ее Новой Землей. Это было естественно, потому что

она была первой планетой вне солнечной системы, первый заселенный Внешний мир. Это был первый плод межзвездного путешествия, первая заря безмерной новой эры. Однако, они быстро обрезали пуповину, связывавшую их с Землей, и переименовали свою планету в Аврору, римскую богиню утренней зари.

Это был мир Зари. И поселенцы объявили себя основателями нового человеческого рода. Вся предыдущая история человечества была темной Ночью, и только для аврорцев на их новой планете наступил, наконец, День.

Этот великий факт, это великое восхваление сквозили во всех деталях: в именах, датах, победах и потерях. Это было самое главное.

Были заселены другие миры, некоторые — земными жителями, другие — аврорцами, но Бейли не обращал внимания на детали. Наконец, он заметил два больших изменения, оттолкнувших аврорцев от их земных корней: первое — невероятная интеграция роботов во все сферы жизни, а второе — продолжительность жизни.

Чем более улучшались и становились многограннее роботы, тем более аврорцы зависели от них — но не до беспомощности, не как на Солярии. Но все-таки, зависимость росла. Насколько

он мог видеть, каждый шаг в ходе интеграции человек-робот, казалось, вел к зависимости. Даже манера, в какой было достигнуто общее мнение о правах роботов — постепенное уменьшение того, что Дэниел назвал бы «необязательные различия», было признаком зависимости. Не то чтобы аврорцы стали более человечными: они отрицали механическую природу роботов, чтобы не признать зависимости человека от предметов с искусственным разумом.

Что касается продолжительности жизни, то она сопровождалась спадом хода истории. Все острые углы сглаживались. Росла преемственность и росло единодушие. История, с которой знакомился Бейли, становилась все менее интересной, чем дальше он углублялся в нее; она становилась почти усыпляющей. Для тех, кто жил в это время, это было благом. История интереснее катастрофическими событиями… для тех, кто о них читает, а для живущих она ужасна. Без сомнения, личная жизнь продолжает быть интересной для огромного большинства аврорцев, и если коллективное взаимодействие жизней увеличивает спокойствие — кто будет не доволен? Если в Мире Зари спокойный солнечный день, кто захочет грозы?

У Бейли несколько раз возникало странное ощущение. Если бы он попробовал описать его, то сказал бы, что это был момент инверсии — как будто его на долю секунды вывернуло наизнанку, а затем обратно. Это было настолько мимолетно, что он чуть не упустил этого.

Возможно, только через минуту он вдруг вспомнил, что уже испытывал такое ощущение, когда летел на Солярию и когда возвращался на Землю.

Это был «Прыжок», переход через гиперпространство, который в безвременный и беспространственный интервал посылал корабль через парсеки со сверхсветовой скоростью в нарушении лимита Вселенной. В этих словах нет никакой тайны, поскольку, корабль просто выходил из Вселенной и летел где-то, где нет ограничений скорости. Весь секрет в концепции, потому что гиперпространство можно описать только математическими символами, а их в любом случае нельзя перевести во что-либо понятное.

Если принять факт, что люди научились манипулировать гиперпространством, не понимая, чем они манипулируют, то эффект ясен. Только что корабль был в микропарсеках от Земли — а в следующий момент он в микропарсеках от

Авроры.

В идеале, Прыжок занимает нуль времени, в буквальном смысле нуль, и если все проходит гладко, никаких физиологических ощущений нет и не может быть. Физики, однако, утверждают, что идеальная гладкость требует бесконечной энергии, и поэтому всегда бывает «эффективное время», не полностью равное нулю. От этого происходит странное и, в сущности, безвредное ощущение инверсии.

Внезапно осознав, что он очень далеко от Земли и очень близко к Авроре, Бейли загорелся желанием увидеть Внешний мир. Частично это было желанием увидеть живых людей, а частично — естественным любопытством увидеть то, что наполняло его мысли после просмотра книгофильмов.

Как раз в это время пришел Жискар с едой (скажем — ленч) и сказал:

— Мы приближаемся к Авроре, сэр, но вам нельзя наблюдать это из рубки. Да сейчас все равно ничего не видно. Только через несколько дней мы подойдем достаточно близко, чтобы увидеть какие-либо детали. — Подумав, он добавил: — Но вам нельзя будет наблюдать из рубки и тогда.

Бейли растерялся. Видимо, предполагали, что

он захочет наблюдать, и запросто пресекли это желание. Его присутствие как зрителя нежелательно.

— Прекрасно, Жискар, — ответил он, и робот вышел.

Бейли сумрачно посмотрел ему в след. Сколько еще ограничений наложат на него? Успешное выполнение его задачи и так маловероятно, и кто знает, сколько еще разных способов придумают аврорцы, чтобы сделать выполнение вообще невозможным.

Часть третья
Жискар

9

Бейли повернулся и сказал Дэниелу:

— Дэниел, мне уже надоело быть здесь пленником. Аврорцы на корабле боятся меня как источника заразы. Это чистый предрассудок. Меня же обрабатывали.

— Вас просили оставаться в своей каюте не потому, что аврорцы боятся.

— Да? Почему же?

— Может быть, вы помните: когда мы впервые встретились здесь, вы спросили, зачем меня послали эскортировать вас. Я ответил — во-первых, для того, чтобы у вас здесь было что-то знакомое, вроде якоря, а во-вторых, потому что мне это было приятно. Наш разговор прервал Жискар, принесший книгофильмы, а потом мы погрузились в дискуссию о роботоубийстве.

— Да, да, вы мне не сказали о третьей причине. Какова же она?

— Ну, партнер Илия, просто я могу защитить вас.

— От кого?

— Инцидент, который мы договорились называть роботоубийством, всколыхнул необычные

страсти. Вас вызвали на Аврору, чтобы доказать невиновность доктора Фастальфа. А гиперволновой фильм...

— О, дьявол, Дэниел, — в ярости сказал Бейли, — эту штуку видели и на Авроре?

— Его видели все Внешние миры. Это была самая популярная программа, и она ясно показала, что вы совершенно исключительный следователь.

— Так что тот, кто стоит за роботоубийством, возможно, имеет преувеличенный страх передо мной и может пойти на риск предупредить мое появление и убить меня?

— Доктор Фастальф, — спокойно сказал Дэниел, — полностью убежден, что за роботоубийством никто не стоит, поскольку, кроме него, никто не мог бы этого сделать. С точки зрения доктора Фастальфа, это была чистая случайность. Однако, есть люди, пытающиеся извлечь выгоду из случайности, и в их интересах не допустить вас доказать ее. Вот поэтому вас нужно защищать.

Бейли быстро сделал несколько шагов вдоль стены и обратно, чтобы ускорить свои мыслительные процессы физическим примером. Он почему-то вовсе не чувствовал личной опасности.

— Дэниел, много ли на Авроре человекоподобных роботов?

— Вы имеете в виду сейчас, когда Джандер более не функционирует?

— Да, с тех пор, как Джандер умер?

— Один, партнер Илия.

Бейли ошеломленно уставился на Дэниела и беззвучно повторил:

— Один? Значит, вы единственный человекоподобный робот на Авроре?

— И в любом другом мире. Я думал, что вы это знаете. Я был прототипом, затем был сконструирован Джандер, после чего доктор Фастальф отказался конструировать, а больше никто не умеет.

— Но в таком случае, если одного из таких роботов убили, разве доктор Фастальф не думает, что и вы, Дэниел, в опасности?

— Он признает эту возможность, но шанс, что фантастически неправдоподобный случай умственного замораживания будет иметь место второй раз — ничтожен. Он не принимает его всерьез. Однако, он чувствует, что возможен какой-нибудь другой несчастный случай. Это, я думаю, сыграло некоторую роль в посылке меня на Землю за вами. Это удалит меня от Авроры

недели на две.

— Значит, вы такой же пленник, как и я?

— Я пленник только в том смысле, что я намерен не покидать этой каюты.

— А в каком же еще смысле можно быть пленником?

— В том смысле, что особа, ограниченная в передвижении, возмущена этим ограничением. Настоящее пленение недобровольно. Я же полностью понимаю причину, по которой я здесь, и соглашаюсь с необходимостью.

— Вы-то — да, — проворчал Бейли, — а я — нет. Я пленник в полном смысле. А какая у нас безопасность здесь?

— Только та, партнер Илия, что Жискар на посту снаружи.

— Он достаточно разумен для этой работы?

— Он вполне понял приказ. Он крепкий и сильный, и сознает важность своей задачи.

— Вы хотите сказать, что он готов оказаться уничтоженным, защищая нас с вами?

— Да, конечно, как и я готов оказаться уничтоженным, защищая вас.

Бейли был ошеломлен.

— И не возмущаетесь ситуацией, в которой вас могут из-за меня лишить существования?

— Это в моей программе, партнер Илия, — мягко сказал Дэниел, — однако, мне кажется, что если бы этого в моей программе не было, потеря моего существования кажется тривиальной по сравнению со спасением вашей жизни.

Бейли не мог удержаться: протянул руку и крепко пожал руку Дэниела.

— Спасибо, партнер Дэниел, но, пожалуйста, не допускайте этого. Я не хочу, чтобы ваше существование прекратилось. Мне кажется, сохранение моей жизни — неадекватная компенсация.

И Бейли, к своему удивлению, обнаружил, что и в самом деле так думает. Он даже слегка испугался, осознав, что мог бы рискнуть жизнью ради робота. Нет, не ради робота. Ради Дэниела.

10

Жискар вошел без стука. Бейли принял это как должное. Робот, как страж, мог приходить и уходить, как ему вздумается. А Жискар, в глазах Бейли, был *только роботом*, хотя «Р» и не полагалось упоминать. Если бы Бейли чесался, ковырял в носу, занялся бы еще какими-нибудь грязными физиологическими функциями, Жискар, похоже, остался бы равнодушным, неосуждающим, а спокойно записал бы наблюдение в каком-нибудь банке памяти.

Это делало Жискара просто подвижным предметом обстановки, и Бейли не чувствовал никакого смущения от его присутствия. Кстати, Жискар и не влезал в неподходящий момент, — подумал Бейли.

Жискар принес небольшой куб.

— Сэр, я подумал, что вы все-таки хотите поглядеть на Аврору из космоса.

Бейли вздрогнул. Без сомнения, Дэниел заметил раздражение Бейли, догадался о причине и решил таким образом уладить дело. Велеть Жискару представить эту идею как пришедшую в его собственный мозг — было очень деликатно

со стороны Дэниела. Это должно избавить Бейли от выражения благодарности. По крайней мере, так, наверное, думал Дэниел.

Бейли и в самом деле злился больше на то, что его без нужды отстраняют от лицезрения Авроры, чем на свое пленение вообще. Он злился в течении двух дней после Прыжка. Поэтому он повернулся к Дэниелу и сказал:

— Спасибо, мой друг.

— Это идея Жискара, — сказал Дэниел.

— Да, конечно, — слегка улыбнулся Бейли. — Я благодарю также и его. Что это такое, Жискар?

— Это астросимулятор, сэр. Он работает вроде трехмерного приемника и связан с помещением обозрения. Если я могу добавить…

— Да?

— Может быть, обозрение не покажется особо интересным. Я не хотел бы, чтобы вы разочаровались.

— Я не буду надеяться на многое, Жискар. И в любом случае не считайте себя ответственным за мое возможное разочарование.

— Спасибо, сэр. Я должен вернуться на свой пост, но Дэниел поможет вам с аппаратом, если у вас возникнут вопросы.

Он вышел, а Бейли повернулся к Дэниелу.

— Я думаю, Жискар это здорово устроил. Может он и простая модель, но сконструирован он хорошо.

— Он тоже робот доктора Фастальфа. Этот астросимулятор самонаводящийся и самоналаживающийся. Поскольку, он уже сфокусирован на Аврору, нужно только коснуться контрольной грани. Это включит его, и вам не нужно ничего больше делать. Хотите включить его сами?

— Все равно, — пожал плечами Бейли. — Можете и вы.

— Прекрасно. — Дэниел поставил куб на стол. — Это, — сказал он, показывая на маленький прямоугольник в руке — ключ. Вам нужно только поднести его к грани, слегка прижать, и механизм включится; прижать второй раз — он выключится.

Дэниел прижал грань, и Бейли вскрикнул, задохнувшись. Он предполагал, что куб осветится и покажет голографическое изображение звездного пространства. Ничуть не бывало: Бейли сам оказался в космосе — в космосе с яркими звездами во всех направлениях.

Это оставалось всего на миг, а затем все стало как прежде: каюта, он, Бейли, в ней, Дэниел и куб.

— Простите, партнер Илия, — сказал Дэниел, — я выключил аппарат, как только понял ваше беспокойство. Я не сообразил, что вы не были подготовлены.

— Тогда подготовьте меня. Что случилось?

— Астросимулятор действует непосредственно на зрительный центр человеческого мозга. Впечатление, создаваемое им, неотличимо от трехмерной реальности. Это сравнительно недавнее изобретение, и им пользуются только для астрономических сцен, в которых мало деталей.

— И вы тоже видите это, Дэниел?

— Да, но слабо и без того реализма, какой испытывает человек. Я вижу туманный контур сцены, наложенный на достаточно ясную обстановку комнаты, в то время как человек видит только сцену. Наверное, когда мозг таких, как я, будет настроен более тонко…

Бейли преодолел свое головокружение.

— Дело в том, Дэниел, что я ничего не сознавал. Я не сознавал самого себя, не видел своих рук и не знал, где они. Я чувствовал себя бесплотным духом — вроде бы я умер, а мое сознание существует где-то в нематериальной послежизни.

— Теперь я понимаю, почему вы нашли это тревожащим.

— Да, это *очень* тревожащее.

— Простите, партнер Илия. Я скажу Жискару, чтобы он унес куб.

— Нет. Теперь я подготовлен. Дайте мне включить этот куб. Сумею я выключить его, хотя мне покажется, что у меня нет рук?

— Ключ прилипнет к вашей руке, так что вы не выроните его. Я слышал от доктора Фастальфа, который изучал этот феномен, что прикосновение происходит автоматически, если человек, держащий ключ, желает выключить аппарат. Этот автоматический феномен основан на действии нервов, как и само зрелище. Во всяком случае, так происходит с аврорцами, а я думаю…

— …что земляне достаточно подобны аврорцам физиологически, так что это сработает и на нас. Ну, что ж, дайте мне ключ, и я попробую.

Внутренне содрогаясь, Бейли нажал грань и очутился в космосе. На этот раз он ожидал этого и, обнаружив, что может дышать свободно, постарался принять все за зрительную иллюзию и с любопытством озирался вокруг. Он спросил:

— Вы слышите меня, Дэниел? — Он слышал свой голос как бы издалека, но все-таки слышал. А затем услышал голос Дэниела.

— Да, я слышу вас, и вы тоже можете слышать

меня. Визуальные и кинетические ощущения смешиваются, чтобы усилить иллюзию реальности, но слух остается незатронутым.

— Ну, так я вижу только обычные звезды. Мы, я думаю, достаточно близко от Авроры, и ее солнце должно быть ярче других звезд.

— Оно очень яркое и затемнено, чтобы уберечь ваши глаза.

— Тогда где же планета Аврора?

— Вы видите созвездие Ориона?

— Да. Вы хотите сказать, что здесь мы видим созвездия так же, как на земном небе, как в планетарии Города?

— Примерно. По звездным расстояниям мы очень недалеко от Земли и Солнечной системы. Солнце Авроры известно на Земле как Тау Кита. Если вы проведете воображаемую линию от Бетельгейзе к средней звезде пояса Ориона и продолжите ее на равное расстояние и еще чуть-чуть к звезде средней яркости, это и будет планета Аврора. Мы идем быстро, и через несколько дней вы не ошибетесь, увидев ее.

— Ладно, — сказал Бейли. — Сейчас я отключу эту штуку. Если будет трудно — помогите.

Но никакого труда это не представило. Аппарат выключился, и Бейли заморгал от внезапного

яркого освещения комнаты.

Только потом он осознал, что несколько минут как пробыл в космосе, без каких-либо защитных стен, однако его земная агорафобия не активизировалась. Он чувствовал себя вполне хорошо, как только принял свое несуществование. Эта мысль смутила его и на некоторое время отвлекла от книгофильмов. Периодически он снова поворачивался к астросимулятору и снова бросал взгляд в космос.

Постепенно Аврора становилась ярче. Скоро ее стало легко выделить среди других световых точек, затем безошибочно и, наконец, совсем бесспорно. Теперь она стала расти и показывать фазы.

— Мы постепенно войдем в орбиту вокруг Авроры, — сказал Дэниел, — и фазы будут быстро меняться. Аврора вращается быстрее, чем Земля.

— Да, у нее в сутках 22 часа. Это и имеют в виду книги, когда упоминают о метрическом времени?

— Да. Сначала было трудно убедить аврорцев отбросить привычные единицы времени, и они пользовались обеими системами — стандартной и метрической. Но постепенно метрическая взяла верх. Ту же систему приняли все Внешние миры,

даже если она не связана с естественным обращением планеты. Конечно, у каждой планеты есть и местная система.

— Как у Земли.

— Да, но Земля пользуется только первоначальным стандартом единиц времени. Это создает некоторые неудобства для Внешних миров, когда дело касается торговли, но они позволяют Земле считать по-своему.

— Не из дружеских побуждений, я думаю. Подозреваю, что они хотят этим подчеркнуть отличие Земли.

11

Теперь, когда он пользовался астросимулятором, Аврора занимала его глаза, он смотрел на нее как на Землю. Он не видел Землю из космоса, но видел множество фотографий, и здесь было много общего.

Аврора плыла, медленно поворачиваясь… Он смотрел на нее достаточно долго, чтобы это заметить. Сначала все казалось неподвижным, статическим рисунком темных и светлых пятен. Может, эта неподвижность помешала проявлению его агорафобии? Но теперь он видел, что Аврора двигается, и понял, что корабль идет по спирали вниз на последней стадии перед посадкой. Облака поднялись вверх…

Нет, не облака; это корабль спускался, и он, Бейли спускался тоже. Он вдруг ощутил собственное существование. Он стремглав летел вниз сквозь облака. Он падал, ничем не защищенный, через воздух на твердый грунт.

Горло его сжалось, стало трудно дышать. Он отчаянно твердил себе: ты же закрыт, вокруг тебя стены корабля. Но он не чувствовал стен. Он думал: если ты не видишь стен, ты все равно

закрыт. Ты заперт в кожу. Но он не чувствовал кожи.

Это было хуже, чем простая нагота: он был отдельной личностью, сутью ее, ничем не прикрытой живой точкой, непонятно как попавшей в открытый бесконечный мир, и он падал.

Он хотел выключить аппарат, прижал кулак к контрольной грани, но ничего не произошло. Его нервные окончания стали такими ненормальными, что автоматическое сжатие усилием воли не срабатывало. У него не было воли. Глаза не закрывались, кулак не прижимался. Он был охвачен и загипнотизирован ужасом, испуган до неподвижности. Он чувствовал только, что перед ним облака, белые, с золотисто-оранжевым оттенком…

Потом все стало серым — он тонул. Он не мог дышать. Он изо всех сил старался освободить сжатое горло, позвать на помощь Дэниела… Но не мог издать ни одного звука…

12

Бейли дышал как после длительного бега. Комната была перекошена, а под его левым локтем была твердая поверхность.

Он понял, что лежит на полу. Перед ним стоял на коленях Жискар; рука робота, твердая и почему-то холодная, держала правый кулак Бейли. Дверь каюты была распахнута.

Бейли, не спрашивая, понял, что случилось. Жискар схватил руку беспомощного человека и прижал ее к грани куба, чтобы положить конец астросимуляции. В противном случае…

Дэниел тоже был здесь, и лицо его, казалось, выражало боль.

— Вы ничего не сказали, партнер Илия. Если бы я сразу узнал, что вам плохо…

Бейли попытался сказать жестом, что понимает. Он еще не мог говорить. Оба робота ждали, пока Бейли сделает слабую попытку встать, и тут же подняли его, посадили в кресло, и Жискар мягко взял у него включающую пластинку.

— Мы скоро сядем, — сказал он, — и астросимулятор вам, я думаю, больше не понадобится.

— Да и любом случае его лучше унести, — до-

бавил Дэниел.

Жискар вышел. Дэниел сказал:

— Это наша вина, партнер Илия. Зная вашу нелюбовь к открытому пространству, нельзя было давать вам астросимулятор, или, если уж дали, оставить вас без пристального наблюдения.

Бейли недовольно покачал головой.

— Не говорите так, Дэниел. Надзора за мной достаточно. Я вот думаю, как будут наблюдать за мной на Авроре.

— Мне кажется, трудно будет позволить вам свободный доступ к Авроре и аврорцам.

— Именно это мне и следует позволить. Если я хочу узнать правду об этом случае роботоубийства, я должен свободно искать информацию прямо на месте — и от людей, замешанных в этом.

Бейли сейчас чувствовал себя вполне хорошо, хотя чуточку устал. Поразительно, что интенсивная обработка, которой он подвергся, оставила в нем желание закурить трубку. Он чувствовал вкус и запах табака, но знал, что это, увы, останется только в памяти. Ни на одном Внешнем миру не было табаку, и если бы он взял его с собой, его уже отобрали бы и уничтожили.

— Партнер Илия, — сказал Дэниел, — об этом вы

поговорите с доктором Фастальфом, как только мы приземлимся. Я не уполномочен принимать какие-либо решения по этому поводу.

— Это я понимаю, Дэниел, но как я буду говорить с Фастальфом? Через эквивалент астросимулятора? С ключом в руке?

— Отнюдь, партнер Илия. Вы будете разговаривать лицом к лицу. Он хотел встретить вас в космопорту.

13

Бейли прислушивался к шумам посадки. Он, конечно, не знал, какие они должны быть. Он не знал механизма корабля, сколько людей на нем, что они будут делать при посадке. Будут ли крики? Грохот? Вибрация? Он не слышал ничего.

— Вы, как будто, напряжены, партнер Илия, — сказал Дэниел. — Я предпочел бы, чтобы вы сразу сказали о любом неудобстве. Я должен немедленно помочь вам, если вам по каким-либо причинам плохо.

Слово «должен» было слегка подчеркнуто.

Конечно, Первый Закон, подумал Бейли. Он так же страдал на свой лад, как я на свой, когда я потерял сознание, а он не мог вовремя предвидеть этого. Нарушение баланса позитронных потенциалов производит в нем тот же дискомфорт и ту же реакцию, как для меня — острая боль. Но откуда мне знать, что есть в псевдокоде и псевдосознании робота, и откуда знать Дэниелу, что происходит во мне?

Затем, чувствуя угрызения совести за то, что подумал о Дэниеле как о роботе, Бейли посмотрел в его ласковые глаза (давно ли он подумал, что

они ласковые?) и сказал:

— Я бы сказал вам сразу о любом дискомфорте, но его нет. Я просто пытался услышать шум, который сказал бы мне о посадке, партнер Дэниел.

— Спасибо, партнер Илия, — серьезно сказал Дэниел и слегка поклонился.

— При посадке не будет никакого неудобства. Вы почувствуете ускорение, но очень незначительное, поскольку эта комната защищена. Может подняться температура, но не больше, чем на 2 градуса Цельсия. А что касается звуковых эффектов, то может быть низкий свист, когда мы будем проходить через толщу атмосферы. Что-нибудь из этого встревожит вас?

— Не должно. Меня беспокоит, что я не могу участвовать в посадке. Мне хотелось бы знать о таких вещах. Мне не нравится быть пленником и не иметь опыта.

— Вы уже обнаружили, что природа опытов не подходит к вашему темпераменту.

— А как я могу преодолеть это, Дэниел, если меня держат здесь?

— Я уже объяснял вам, что вас держат здесь для вашей же безопасности.

Бейли с явным отвращением потряс головой.

— Я нахожу, что это вздор. Со всеми этими огра-

ничениями и моим полным незнанием Авроры мои шансы на успех в деле настолько малы, что вряд ли кто-то в здравом уме захочет сделать попытку остановить меня. А если бы и так, зачем трудиться нападать лично на меня? Не проще ли взорвать корабль?

— Об этом тоже думали, партнер Илия. Корабль был тщательно проверен.

— Вы уверены на все сто процентов?

— В таких вещах нельзя быть абсолютно уверенным. Однако, Жискару и мне приятнее мысль, что уверенность очень большая и что мы действуем с минимальной возможностью бедствия.

— А если вы ошиблись?

Что-то вроде спазма прошло по лицу Дэниела, словно этот вопрос нарушал гладкую работу позитронных путей в его мозгу.

— Но мы не ошиблись.

— Вы не можете знать этого. Мы вот-вот приземлимся, и это наверняка, опасный момент. Я не могу прятаться в этой каюте, если должен высадиться на Аврору. Я пройду через корабль в окружении других людей. У вас есть способ сделать высадку безопасной? — Он подкалывал Дэниела, потому что его злило длительное заключение… и позор потери сознания. Но Дэниел

спокойно ответил:

— Есть. И мы, кстати, приземлились. Сейчас мы на поверхности Авроры.

Бейли мгновенно опешил. Он огляделся, но, разумеется, не увидел ничего, кроме каюты. Но он не почувствовал ни ускорения, ни жары, не слышал свиста ветра. Может, Дэниел намеренно заговорил снова о личной опасности для Бейли, чтобы он, Бейли, не думал ни о чем другом.

— Да, но нам надо еще сойти с корабля. Как я это сделаю, не оказавшись уязвимым для возможных врагов?

Дэниел подошел к стене и коснулся ее. Стена быстро разошлась на две половины, и Бейли увидел длинный туннель. Тут же из двери вышел Жискар и сказал:

— Сэр, мы втроем пойдем через выходную трубу. Другой конец под наблюдением. И там ждет нас доктор Фастальф.

— Мы приняли все меры предосторожности, — сказал Дэниел.

— Приношу свои извинения Дэниелу и Жискару, — пробормотал Бейли и мрачно вошел в трубу. Все эти предосторожности уверили его в том, что они не напрасны.

Бейли не считал себя трусом, но он был на

чужой планете, не имел возможности отличать друзей от врагов, порадоваться чему-то знакомому (исключая, конечно, Дэниела). В критический момент — с содроганием подумал он — он должен оказаться без ограды, которая грела его и давала уверенность.

Часть четвертая
Фастальф

14

Доктор Хэн Фастальф действительно ждал и улыбался. Он был высок, худощав, с редеющими темными волосами. И, конечно, уши. Бейли до сих пор помнил их. Большие, оттопыренные, они придавали Фастальфу несколько юмористический, домашний вид. И Бейли улыбнулся больше этим ушам, чем приветствию Фастальфа. Он было подумал: неужели медицинская техника Авроры не в силах сделать небольшую пластическую операцию, чтобы исправить эти нескладные уши? Но вполне возможно, что Фастальфу нравился их вид, и Бейли, как ни странно, тоже. Должно же быть что-то в лице, что заставляет людей улыбаться.

Может, Фастальф хотел нравиться с первого взгляда. А может, находил полезным, чтобы его несколько недооценивали? Или как раз наоборот?

Фастальф сказал:

— Следователь Илия Бейли. Я хорошо помню вас, хотя всегда вспоминаю лицо актера, изображавшего вас.

Бейли скривился.

— Эта гиперволновая постановка преследует меня, доктор Фастальф. Хотел бы я знать, когда я от нее избавлюсь.

— Никогда, — добродушно сказал Фастальф. — Но если вам она не нравится, мы тут же вычеркнем ее из нашего разговора. Я больше не упомяну о ней. Идет?

— Спасибо. — Бейли с неожиданным расчетом протянул руку Фастальфу.

Фастальф заметно заколебался, а затем осторожно взял руку Бейли — очень не надолго — и сказал:

— Хочу верить, что вы не являетесь ходячим мешком с микробами, мистер Бейли. И жалобно добавил, поглядывая на свои руки: — Правда, я должен признаться, что мои руки покрыты пленкой. Я — плод иррациональных страхов своего общества.

Бейли пожал плечами.

— Как и все мы. Я не получаю удовольствия от мысли о пребывании Снаружи — на открытом воздухе. Коли на то пошло, я не в восторге от приезда на Аврору при обстоятельствах, в которых нахожусь.

— Я прекрасно понимаю, мистер Бейли. У меня здесь для вас закрытый кар, а когда мы приедем

ко мне, мы сделаем все возможное, чтобы вы оставались в помещении.

— Но во время моего пребывания на Авроре мне придется время от времени бывать Снаружи. Я готовился к этому, как мог.

— Я понимаю, но мы будем навязывать вам пребывание Снаружи только в случае необходимости. Сейчас в этом нужды нет, так что вы будете закрыты.

Кар ждал у самого туннеля. За Бейли шли Дэниел и Жискар, такие разные внешне, но совершенно одинаковые по серьезной, выжидающей манере, и оба бесконечно терпеливые.

Фастальф открыл заднюю дверцу кара.

— Пожалуйста, входите.

Бейли вошел. Дэниел быстро вошел за ним, а Жискар практически одновременно вошел с другой стороны. Бейли оказался заклиненным, но без давления, между ними. Вообще-то он порадовался, что между ним и Снаружи крепкие тела роботов.

Но Снаружи здесь и не было: как только Фастальф сел на переднее сидение и захлопнул дверцу, стекла потемнели и внутри кара зажегся мягкий искусственный свет.

— Я обычно так не езжу, — сказал Фастальф,

— но для меня это не имеет значения, а вам будет удобнее. Кар полностью компьютеризован, знает дорогу и обойдет любые препятствия. Нам не нужно вмешиваться.

Слабое ощущение ускорения и затем почти незаметное чувство движения.

— Это безопасный проход, мистер Бейли. Я немало потрудился, чтобы лишь очень немногие знали, что вы поедете в этом каре, и никто вас в нем не увидел. Путешествие будет недолгим, но, если хотите, можете подремать. Здесь вы в безопасности.

— Вы словно думаете, что мне грозит опасность. Меня и так защищали на корабле до настоящего пленения, а сейчас — снова. — Бейли оглядел тесное нутро кара, который окружил его металлическим корпусом и непрозрачными стеклами, не говоря уже о металлической основе двух роботов.

Фастальф засмеялся.

— Я перестарался, я понимаю, но вы приехали сюда во время нашего кризиса, и лучше уж я, как дурак, перестараюсь, чем пойду на страшный риск в результате недоработки.

— Я уверен, доктор Фастальф, что вы понимаете: мой провал будет ударом по Земле.

— Прекрасно понимаю. И я решил предупредить ваш провал, поверьте мне.

— Я верю. Кроме того, мой провал здесь по каким бы то ни было причинам будет также моим личным и служебным крушением на Земле.

Фастальф повернулся на сидении и ошеломленно посмотрел на Бейли.

— Серьезно? Это же незаконно!

Бейли пожал плечами.

— Согласен, но так будет. Я буду явной мишенью для отчаявшегося земного правительства.

— Но я не имел это в виду, когда приглашал вас, мистер Бейли. Вы можете быть уверены, что я сделаю все, что в моих силах. Хотя, по совести говоря, — он опустил глаза — я мало что смогу, если мы провалимся.

— Я это знаю, — угрюмо сказал Бейли. Он откинулся на мягкую спинку сиденья и закрыл глаза. Кар чуть-чуть покачивался, но Бейли не спал: он крепко задумался.

15

Бейли не коснулся Снаружи и в конце своего путешествия. Выйдя из машины, он оказался в подземном гараже, откуда поднялся в маленьком лифте на поверхностный уровень.

Его ввели в солнечную комнату, так что он прошел через прямые лучи солнца, слегка поежившись. Фастальф заметил это.

— Стекла прозрачные, но их можно затемнить. Я сейчас это сделаю, если желаете. Вообще-то я должен был сам подумать об этом.

— Не нужно, — ворчливо сказал Бейли. — Я сяду спиной к ним. Надо привыкать.

— Как хотите, но сразу же дайте мне знать, если вам станет неприятно. Мистер Бейли, сейчас в этой части Авроры позднее утро. Я не знаю, какого личного времени вы придерживались на корабле. Если вы уже очень давно проснулись, то, может быть, хотите спать, и это можно устроить. Если же вы хотите есть, то я приглашаю вас на ленч.

— По моему личному времени последнее будет как раз кстати.

— Прекрасно. Напомню вам, что наш день

примерно на 7% короче земного. Это не должно вызвать у вас нарушения биоритма, но если это случится, мы постараемся приноровиться к вам.

— Спасибо.

— И, наконец… я мало представляю, какую пищу вы предпочитаете.

— Я ем все, что дают.

— Тем не менее, если что-нибудь покажется вам… невкусным, я не обижусь.

— Спасибо.

— И вы не против, чтобы Дэниел и Жискар присоединились к нам?

— Они тоже будут есть? — улыбнулся Бейли.

Фастальф не улыбнулся в ответ, но сказал серьезно:

— Нет, но я хочу, чтобы они все время были с вами.

— Опять опасность? Даже здесь?

— Я ни в чем не уверен. Даже здесь.

Вошел робот.

— Сэр, ленч подан.

Фастальф кивнул.

— Прекрасно, Фэбер. Через несколько минут мы сядем за стол.

— У вас много роботов? — спросил Бейли.

— Совсем немного. Мы не соляриане, чтобы

иметь десять тысяч роботов на одного человека, но у меня их количество выше среднего — пятьдесят семь. Дом большой, он служит мне и офисом, и мастерской. Кроме того, моя жена, когда она у меня есть, тоже должна иметь достаточно места, чтобы быть вдали от моей работы в отдельном крыле, которое обслуживается независимо.

— Ну, из пятидесяти семи роботов, я думаю, вы можете выделить двух. Я чувствую себя менее виноватым, что вы послали Дэниела и Жискара за мной на Землю.

— Уверяю вас, это был не случайный выбор, мистер Бейли. Жискар — мой мажордом и моя правая рука. Он был со мной с тех пор, как я стал взрослым.

— Однако, вы послали его за мной. Я польщен.

— Это мера вашей значимости, мистер Бейли. Жискар — самый надежный из моих роботов, сильный и крепкий.

Глаза Бейли стрельнули по Дэниелу, и Фастальф добавил:

— Я не включаю в эти расчеты своего друга Дэниела. Он не слуга, а достижение, которым я бесконечно горд. Он первый этого класса. В то время, как доктор Сартон был его дизайнером и моделью, человеком которого…

Он сделал деликатную паузу, но Бейли быстро кивнул и сказал:

— Я понимаю.

Ему не требовалось конца фразы со ссылкой на убийство Сартона на Земле.

— В то время, как Сартон наблюдал за актуальной конструкцией, — продолжал Фастальф, — я вел теоретические расчеты, чтобы сделать Дэниела возможным. — Он улыбнулся Дэниелу, который благодарно поклонился.

— Но был еще и Джандер, — сказал Бейли.

— Да. — Фастальф покачал головой и опустил глаза. — Я, наверное, должен был оставить его у себя, как Дэниела. Но он был вторым моим человекоподобным роботом, а это уже другое дело. Дэниел мой первенец, так сказать.

— И вы больше не конструируете человекоподобных роботов?

— Нет. Но пойдемте завтракать. Не думаю, что население Земли привыкло к тому, что я назвал бы натуральной пищей. У нас салат из креветок с хлебом и сыром, молоко, если желаете, или любой фруктовый сок. На десерт — мороженное.

— Традиционные земные блюда, — сказал Бейли, — которые в своей первоначальной форме существуют только в древней литературе Земли.

— Они не очень обычны и на Авроре, но я не думаю, что имеет смысл заставлять вас принять версию нашего гурманского обеда — те же блюда, но с различными аврорскими пряностями. К их вкусу надо привыкнуть. — Он встал. — Прошу вас мистер Бейли. Мы будем только вдвоем и не станем останавливаться на церемониях обеденного ритуала.

— Спасибо. Я принимаю это как дружеский жест. Во время путешествия я от скуки довольно внимательно просматривал материал об Авроре, и знаю, что настоящая вежливость требует стольких церемоний в еде, что я испугался.

— Не бойтесь.

— Не можем ли мы нарушить церемонию до такой степени, чтобы говорить за едой о делах, доктор Фастальф? Мне нельзя терять время.

— Я согласен с этой точкой зрения. Мы в самом деле будем говорить о делах и, надеюсь, вы никому не скажете о таком нарушении приличий: я не хотел бы быть вычеркнутым из благовоспитанного общества. — Он хихикнул. — Но я не смеюсь. Тут нет ничего смешного. Потеря времени — это не только неудобство: она легко может стать фатальной.

16

Комната, в которую первоначально привели Бейли, была гостиной: несколько стульев, комод, что-то вроде пианино, но с медными клапанами вместо клавиш, несколько абстрактных картин на стенах. Пол был гладкий, шахматного рисунка в несколько оттенков коричневого, возможно, предназначенных напоминать дерево, и блестящий, как только что натертый воском, но совсем не скользкий.

Столовая, хотя и на том же этаже, была совсем другой. Длинная, прямоугольная, перегруженная украшениями. В ней стояло шесть больших квадратных столов, которые можно было составить в разных сочетаниях. Вдоль короткой стены располагался бар с яркими, разных цветов бутылками, стоящими перед изогнутым зеркалом, которое, казалось, бесконечно продолжало комнату в своем отражении. Вдоль второй короткой стены находились четыре ниши, и в каждой ждал робот.

Обе длинные стены были мозаичные, с медленно изменяющимися красками. Одна представляла планетную сцену, хотя Бейли не мог

бы сказать, Аврора это или другая планета, или вообще что-то воображаемое. На одном конце ее было пшеничное поле, полное замысловатых сельскохозяйственных машин, управляемых роботами. Когда глаз шел вдоль стены, он видел разбросанные жилища, которые на другом конце стены превращались, как показалось Бейли, в авторскую версию Города.

Другая длинная стена была астрономической. Голубовато-белая планета, освещенная солнцем, отражала его свет таким образом, что казалось, что она медленно поворачивается. Планету окружали звезды — одни тусклые, другие яркие, они тоже, казалось, меняли рисунок, но если внимательно приглядеться к одной какой-нибудь группе, то видно было, что звезды неподвижны.

Бейли нашел все это путаным и отталкивающим.

— Это скорее работа искусства, мистер Бейли, — сказал Фастальф. — Слишком экспансивно, чтобы быть ценным. Но Фании хотелось. Фания — мой теперешний партнер.

— Она будет завтракать с нами?

— Нет. Как я говорил, мы будем вдвоем. Я просил ее остаться на некоторое время в своей квартире. Я не хочу втягивать ее в нашу пробле-

му. Вы понимаете?

— Да, конечно.

— Садитесь, пожалуйста.

Один стол был заставлен тарелками, чашками и хитроумными приборами, из которых далеко не все были знакомы Бейли. В центре стоял высокий конусообразный цилиндр, напоминающий гигантскую шахматную пешку из серого камня. Бейли, едва усевшись, не мог удержаться, чтобы не тронуть его пальцем. Фастальф улыбнулся.

— Это прибор для специй. Он снабжен простым управлением, позволяющим положить точное количество любой из десятка различных приправ на любую порцию блюд. Чтобы правильно это сделать, сосуд подкидывают и выполняют замысловатые движения, что само по себе бессмысленно, но светские аврорцы весьма ценят это как символ изящества, с каким будет подана пища. Когда я был молод, я мог тремя пальцами сделать тройной подкид и получить соль, когда прибор стукнется о мою ладонь. Теперь, попробовав это, я рискую разбить голову своему гостю. Я уверен, что вы не обидитесь, если я не стану пытаться.

— Настаиваю, чтобы вы не пытались, доктор Фастальф.

Один робот поставил на стол салат, второй принес поднос с фруктовыми соками, третий — хлеб и сыр, а четвертый — салфетки. Все четверо работали согласованно, не сталкиваясь и без каких-либо затруднений. Бейли ошеломленно следил за ними. Они одновременно подошли к столу с каждой стороны, потом отступили в унисон, поклонились в унисон, повернулись вместе и вернулись в свои ниши в дальнем конце комнаты. Бейли вдруг осознал, что Дэниел и Жискар тоже здесь. Он не видел, как они вошли. Они стояли в нишах. Дэниел был в ближней.

— Теперь, когда они ушли, — сказал Фастальф, сделал паузу и жалобно покачал головой — если не считать, что они здесь. Обычно роботы уходят до начала ленча. Роботы не едят, поэтому кто не ест — уходит. В конце концов, это стало ритуалом. Но в данном случае…

— …они не ушли, сказал Бейли.

— Нет. Я думал, что безопасность важнее этикета, и что вы, не будучи аврорцем, не обидитесь.

Бейли ждал, пока Фастальф первым начнет есть. Фастальф взял вилку, то же сделал и Бейли. Фастальф действовал медленно, позволяя Бейли точно повторять движения.

Бейли осторожно откусил креветку и нашел ее

восхитительной. Он узнал вкус: он напоминал пасту из креветок, производимую на Земле, но был неизмеримо нежнее и богаче. Он медленно жевал и, несмотря на желание заняться делами, обнаружил, что все его внимание поглощено едой и немыслимо думать о чем-то другом. Первый шаг сделал опять-таки Фастальф.

— Не начать ли нам разговор о проблеме, мистер Бейли?

Бейли почувствовал, что краснеет.

— Да, конечно. Прошу прощенья. Ваша аврорская пища так поразила меня, что мне трудно было думать еще о чем-то. Проблема из-за вашего ремесла, не так ли?

— Почему вы так говорите?

— Как я слышал, кто-то совершил роботоубийство, требующее большой опытности.

— Роботоубийство? Интересный термин. Конечно, я понимаю, что вы имеете в виду. Вам сказали правду: это дело требовало огромной опытности.

— Как я слышал, только вы можете судить об этом.

— Это тоже правда.

— И вы допускаете — даже настаиваете — что только *вы могли довести Джандера до умствен-*

ного замерзания.

— Это и в самом дел так, мистер Бейли. Я не мог бы солгать, даже если бы хотел. Известно, что я выдающийся теоретик роботехники во всех Пятидесяти мирах.

— А не может быть второй по значению теоретик роботехники, третий или даже четвертый, обладающий необходимыми способностями и знаниями для совершения этого деяния? Разве обязательно быть самым лучшим?

— По-моему, — спокойно сказал Фастальф, — это дело требует самых лучших способностей. И я уверен, что только я мог бы выполнить эту задачу. Не забудьте, что лучшие головы в роботехнике — включая и мою — специально занимались созданием такого позитронного мозга, который *нельзя* привести к умственному замораживанию.

— И вы уверены в этом?

— Полностью.

— И вы заявили это публично?

— Конечно. Здесь же было общественное расследование, мой дорогой землянин. Мне задавали те же вопросы, что и вы, и я отвечал правду. Так принято на Авроре.

— В данный момент я спрашиваю не о том, на-

сколько искренне вы отвечали. Но не управляла ли вами естественная гордыня? Может, это тоже типично аврорское?

— Вы хотите сказать, что моя забота о том, чтобы считаться лучшим, заставила меня добровольно оказаться в положении, когда все будут считать, что именно я заморозил мозг Джандера?

— Я показываю вам, как вы спасаете свою научную репутацию, разрушая свой политический и общественный статус.

— Понятно. У вас интересный ход мышления, мистер Бейли. Нет, мне это не приходило в голову. Вы думаете, что в выборе между возможностью считаться вторым или взять на себя вину в — как вы говорите — роботоубийстве, я сознательно соглашусь на последнее?

— Нет, доктор Фастальф, я не хочу представить дело так просто. Не могло ли быть так, что вы обманываетесь, считая себя крупнейшим робототехником, не имеющим соперников, и цепляетесь за это, потому что бессознательно — бессознательно, доктор Фастальф — понимаете, что вас переплюнул другой?

Фастальф рассмеялся с некоторой досадой.

— Нет, мистер Бейли. Совершенно неправиль-

но.

— Спасибо. Вы уверены, что никто из ваших коллег не может сравниться с вами?

— Очень немногие способны вообще иметь дело с человекоподобными роботами. Конструкция Дэниела создала, в сущности, новую профессию, для которой нет даже названия. Из теоретиков роботехники на Авроре никто, кроме меня, не понимает работы позитронного мозга Дэниела. Понимал доктор Сартон, но он умер, да и он не понимал этого так хорошо, как я. Базисная теория *моя*.

— Вы это начали, но вы, разумеется, не можете надеяться остаться единственным. Разве никто не изучает теорию?

Фастальф твердо покачал головой.

— Никто. Я никого не учил и не верю, чтобы кто-нибудь из ныне живущих роботехников разработал бы собственную теорию.

Бейли сказал с легким раздражением:

— Может быть какой-нибудь молодой человек, только что из университета, более сообразителен, чем другие…

— Нет. Такого молодого человека я бы знал. Он прошел бы через мои лаборатории. Он работал бы со мной. В данный момент такого человека

не существует. Когда-нибудь будет, может, и не один, но сейчас — нет!

— Стало быть, если вы умрете, новая наука умрет с вами?

— Мне всего 165 лет — примерно 135 по земному времени; по аврорским стандартам я еще совсем молод, и по медицинским показателям можно считать, что я еще не перевалил за половину жизни. У нас нередко доживают до четырехсот лет — местных, конечно. Так что у меня хватит времени учить кого-то.

Они покончили с едой, но из-за стола не встали. И ни один робот не подошел убрать посуду.

Бейли прищурился и сказал:

— Доктор Фастальф, два года назад я был на Солярии. Там у меня сложилось впечатление, что солярианцы самые умелые роботехники из всех Внешних миров.

— В целом, наверное, так.

— Никто из них не мог убить Джандера?

— Никто. Они специалисты по роботам, которые, в лучшем случае, не сложнее моего доброго надежного Жискара. В конструировании человекоподобных роботов солярианцы ничего не смыслят.

— Откуда вы знаете?

— Вы были на Солярии и хорошо знаете, что солярианцы с величайшей неохотой приближаются друг к другу, что они общаются только по трехмерному видео… исключая тех случаев, когда требуется обязательный сексуальный контакт. Как вы думаете, захочет ли кто-нибудь создать робота, столь похожего на человека, что он может вызвать у них невроз? Они будут избегать его, поскольку он выглядит как человек, и, конечно, не сочтут возможным пользоваться им.

— А не могло быть солярианина, показывающего терпимость к человеческому телу?

— Может быть, такие и есть, не отрицаю, но на Авроре в этом году нет ни одного солярианина. Они не любят входить в контакт даже с аврорцами, разве что по самым важным делам, и никто из них не приезжает ни сюда, ни на любой другой мир. Если же дело важное, они держаться на орбите и общаются с нами лишь по электронной связи.

— В таком случае, если, кроме вас, некому было убить Джандера, то это сделали вы?

— Дэниел, наверное сказал вам, что я это отрицаю. И я скажу вам то же самое: я этого *не делал*.

Бейли кивнул.

— Но если вы этого не делали, и никто другой

не мог сделать, то... подождите-ка, возможно, я делаю недозволенное предположение: Джандер действительно умер, или меня вызвали сюда под фальшивым предлогом?

— Робот действительно уничтожен. Я могу показать вам его, если Совет не запретит мне доступ к нему до конца дня, но я не думаю, что это сделают.

— Кто же тогда совершил преступление?

Фастальф вздохнул.

— Никто его не совершал. Это было самопроизвольное событие в позитронном потоке мозговых путей, и оно вызвало умственное замораживание.

— Это правдоподобно?

— Нет, совершенно неправдоподобно, но это единственное, что могло случиться.

— Но не скажут ли, что больше шансов за то, что вы солгали, чем за то, что случилась такая вещь?

— Многие скажут именно так. К счастью, я знаю, что я этого *не* делал, и остается только возможность самопроизвольного замораживания.

— И вы хотите, чтобы я *доказал*, что такое самопроизвольное событие имело место?

— Да.

— Но как это можно доказать? А похоже, что,

только доказав это, я спасу вас, Землю и себя.

— В порядке возрастающей важности, мистер Бейли?

— Ну, ладно, вас, меня и Землю.

— Боюсь, — сказал Фастальф, — что, подумав, я пришел к заключению, что такого доказательства получить нельзя.

17

Бейли в ужасе посмотрел на Фастальфа.

— Нельзя?

— Никак.

И Фастальф, вдруг отвлекшись, схватил прибор для специй.

— Знаете, мне интересно, смогу ли я сделать тройной подкид.

Он подбросил прибор в воздух расчетливым движением запястья. Прибор перевернулся. Пока он падал, Фастальф поймал его узкий конец на ребро правой ладони и слегка подкинул, а затем поймал на ребро левой ладони. Прибор снова взлетел вверх, перевернулся, упал на ребро правой ладони, а затем опять на ребро левой. После этих трех подкидов прибор взлетел еще раз, Фастальф поймал его в правый кулак, держа поблизости левую руку ладонью вверх. Как только прибор был схвачен, Фастальф показал левую руку, в которой была щепотка соли.

— Это детская игра для научного разума, усилия совершенно непропорциональны результату — щепотке соли, но хороший аврорский хозяин гордится, что способен это сделать. Есть такие

умельцы, что держат прибор в воздухе до полутора минут, двигая руками с такой быстротой, что глаз не успевает следить за ними. Конечно, — задумчиво добавил он, — Дэниел может произвести эти действия лучше и быстрее любого человека. Я испробовал его в этом отношении, чтобы проверить работу мозга, но заставлять его показывать такие таланты на публике было бы в корне не правильно: ненужное унижение человека-умельца. Но давайте вернемся к делам.

— Вы ведете меня к этой цели через парсеки.

— Да, это верно.

— Доктор Фастальф, какова причина этого вашего показа?

— Ну, мне кажется, мы зашли в тупик. Я привез вас сюда, чтобы сделать нечто, чего нельзя сделать. Ваше лицо было достаточно красноречивым, и, сказать по правде, я тоже чувствовал себя не лучше. Следовательно, нужна была разрядка. А теперь — за дело.

— За неразрешимую задачу?

— Почему ей быть неразрешимой для вас, мистер Бейли? Судя по вашей репутации, вы достигаете невозможного.

— По гиперволновой драме? Неужели вы верите этому дурацкому искажению того, что

случилось на Солярии?

Фастальф развел руками.

— Это моя единственная надежда.

— А у меня нет выбора. Я должен продолжать попытки; я не могу вернуться домой с неудачей. Мне было сказано об этом достаточно ясно. Скажите, доктор Фастальф, как можно было бы убить Джандера? Какие манипуляции над его мозгом надо было бы сделать?

— Мистер Бейли, я не уверен, что сумел бы объяснить это даже роботехнику, каковым вы, конечно, не являетесь. Однако, все-таки, попробую. Вы, конечно, знаете, что роботы были изобретены на Земле.

— На Земле очень мало занимаются этим.

— На Внешних мирах хорошо знают о предубеждении против роботов на Земле.

— Но земное происхождение роботов ясно всякому, кто подумает. Общеизвестно, что гиперкосмические путешествия развивались с помощью роботов, а поскольку, без этих путешествий Внешние миры не были бы заселены, ясно, что роботы существовали еще в те времена, когда Земля была единственной обитаемой планетой. Значит, роботы были изобретены на Земле землянами.

— Однако, Земля не гордится этим, не так ли?

— Не будем об этом, — коротко сказал Бейли.

— Земляне знают что-нибудь о Сьюзен Келвин?

— Я встречал это имя в старых книгах. Она была из пионеров роботехники.

— И вы больше ничего о ней не знаете?

— Полагаю, что мог найти больше, если бы порылся в записях, но у меня не было подходящего случая.

— Странное дело, — сказал Фастальф, — она полубогиня для всех космонитов, но лишь очень немногие, за исключением настоящих роботехников, считают ее женщиной Земли. Это казалось бы космонитам профанацией. Они отказались бы верить, если им сказать, что она прожила едва ли более сотни наших лет. А вы знаете ее только как зачинательницу.

— Она имеет какое-то отношение к нашему делу, доктор Фастальф?

— Косвенное. Видите ли, вокруг ее имени собралось множество легенд. Большая часть их — выдумки, но люди держатся за них. Одна из самых известных — и самая неправдоподобная — касается робота, созданного в те примитивные времена, который благодаря какой-то ошибке

в производстве, получил телепатические способности.

— Как?!

— Я же вам сказал, что это легенда. Есть некоторые теоретические основания предположить, что это возможно, но никто никогда не представлял проекта, как можно включить такую способность. Но чтобы она могла появиться в позитронном мозге, простом и грубом, какие были до гиперпространственной эры — это вообще немыслимо. Поэтому мы полностью уверены, что эта легенда — вымысел. Но позвольте мне рассказать ее, потому что у нее есть мораль.

— В любом случае, давайте.

— Робот этот умел читать мысли. И когда ему задавали вопросы, он отвечал спрашивающему то, что тот желал услышать. По Первому Закону, робот не может нанести человеку вред, но роботы обычно имеют в виду виду вред физический. Робот, читающий мысли, видимо, решил, что разочарование, злость или другие жестокие эмоции делают человека несчастным, и он относил эти эмоции под рубрику «вред». И если робот-телепат знал, что правда будет неприятна вопрошающему, он говорил ему приятную ложь. Понимаете?

— Да, конечно.

— Итак, робот солгал самой Сьюзен Келвин. Ложь скоро вышла наружу, потому что разные люди слышали разные вещи, которые оказывались не только несовместимыми между собой, но и шли в разрез с очевидностью. Сьюзен Келвин обнаружила, что робот солгал ей и что эта ложь поставила ее в неудобное положение и принесла ей тяжелое разочарование. Вы никогда не слышали этой истории?

— Нет, даю слово.

— Поразительно! Она наверняка придумана не на Авроре, ибо одинакова на всех мирах. И Келвин решила отомстить. Она указала роботу, что, говорит ли он правду или ложь, он одинаково вредит тому, с кем имеет дело, и в обоих случаях нарушает Первый Закон. Робот, поняв это, пришел к вынужденному бездействию. Говоря более красочно, его позитронные пути сгорели, мозг оказался непоправимо разрушенным.

— Как я понимаю, нечто вроде этого случилось с Джандером Пэнелом? Он встретился с противоречием в словах, и мозг его сгорел?

– *Похоже* на то, хотя это не так легко сделать, как во времена Сьюзен Келвин. Может быть, из-за этой легенды роботехники всегда затруд-

няют возможность противоречий. Поскольку теория позитронного мозга становится все более тонкой, а практические проекты — все более замысловатыми, были созданы невероятно удачные системы для всех ситуаций, могущих иметь неадекватное решение, так что любое действие всегда можно перевести как повиновение Первому Закону.

— Значит, вы не можете сжечь мозг робота. Вы это имеете в виду? Если так, то что случилось с Джандером?

— Нет, я не это имел в виду. Невероятно удачные системы, о которых я говорил, никогда не бывают *полностью* удачными. Не могут быть. Как бы тонок и сложен ни был мозг, всегда есть какой-то путь поставить противоречие. Это основная математическая истина. И шанс на противоречие никогда не удается свести к нулю. Тем не менее, этот шанс настолько близок к нулю, что довести мозг до умственного замораживания может только очень знающий теоретик.

— Вроде вас.

— Вроде меня. А в случае человекоподобного робота — только я.

— Или вообще никто, — иронически заметил Бейли.

— Или вообще никто. Точно, — сказал Фастальф, игнорируя иронию. — Человекоподобные роботы конструируются в намеренной имитации человека. Позитронный мозг очень нежен и так же хрупок, как и человеческий. Как у человека может быть удар от какого-либо события, удар изнутри, без вмешательства внешнего эффекта, так и человекоподобный мозг может от случайных бесцельных движений позитронов впасть в умственное замораживание.

— Вы можете это доказать?

— Я могу доказать это математически, но лишь тем, кто понимает математику, и не все согласятся, что рассуждение веское. Оно включает некоторые мои предположения, которые не соответствуют обычной манере мыслить в роботехнике.

— Какова вероятность самопроизвольного умственного замораживания?

— Если взять, скажем, сто тысяч человекоподобных роботов, то с одним из них за время жизни аврорца может случится такое. Но может и раньше, как случилось с Джандером.

— Послушайте, доктор Фастальф, если вы убедительно докажете, что самопроизвольное умственное замораживание может произойти

вообще, это не будет доказательством, что такая вещь случилась с Джандером в частности.

— Нет, — согласился Фастальф. — Вы правы.

— Вы, величайший роботехник, не можете доказать этого в специфическом случае с Джандером.

— Вы опять-таки правы.

— Тогда почему вы надеетесь на меня? Что я могу сделать, если я ничего не смыслю в роботехнике?

— Тут и не нужно ничего доказывать. Достаточно представить предположение, что именно могло вызвать самопроизвольное умственное замораживание. Предположение, приемлемое для широкой публики.

— Например?

— Не знаю.

— Вы уверены, что не знаете? — резко спросил Бейли. — Позвольте мне указать вам на одну вещь. Я думаю, аврорцы в основном знают, что я приехал на эту планету с целью взяться за вашу проблему. Трудно было бы привезти меня сюда тайно, учитывая, что я землянин, а это Аврора.

— Да, конечно, и я не пытался это сделать. Я посоветовался с Председателем Совета и убедил его дать мне разрешение привезти вас. Таким об-

разом я добился отсрочки суда. Вам дается шанс раскрыть тайну до того, как я предстану перед судом. Сомневаюсь, что отсрочка будет долгой.

— Я повторяю: аврорцы знают, что я здесь и предполагаю разрешить загадку смерти Джандера.

— Конечно. Другой причины не могло быть.

— И с тех пор, как я сел на корабль, вы держите меня под замком и под охраной, чтобы ваши враги не попытались устранить меня, словно я какой-то кудесник и обязательно приведу вас к победе, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства.

— Боюсь, что так.

— А допустим, кому-то из ваших врагов удалось убить меня; не окажется ли это вам на пользу? Не скажут ли люди, что ваши враги сами считают вас невиновным, иначе они не боялись бы расследования и не желали бы убить меня?

— Довольно сложное рассуждение. Полагаю, что ваша смерть, правильно организованная, могла бы послужить такой цели, но этого не произойдет. Вы под защитой, и вас не убьют.

— Но *зачем* защищать меня? Почему не позволить убить меня и использовать мою смерть как путь к победе?

— Я предпочел бы, чтобы вы остались в живых и действительно продемонстрировали бы мою невиновность.

— Но вы знаете, что я *не могу* этого сделать.

— А вдруг сможете? У вас есть стимул: от вашего дела зависит благополучие Земли и, как вы сами сказали, ваша карьера.

— А что толку в стимуле? Если вы прикажете мне взлететь на потолок, угрожая в случае неудачи мучительной смертью, стимул у меня будет, но взлететь я все равно не смогу.

— Я знаю, что шансы очень малы, — неохотно сказал Фастальф.

— Вы знаете, что их не существует, — яростно сказал Бейли, — и только моя смерть может спасти вас.

— Ну, тогда я не буду спасен, поскольку забочусь, чтобы мои враги не дотянулись до вас.

— Но *вы можете дотянуться до меня*. Вы сами могли бы убить меня и подстроить дело так, будто это сделали ваши недруги. И тогда вы могли бы использовать мою смерть против них. И вот почему вы привезли меня на Аврору.

Фастальф с удивлением поглядел на Бейли; затем лицо его побагровело и исказилось в жестоком оскале. Схватив прибор для пряностей, он

высоко поднял его и размахнулся, чтобы швырнуть им в Бейли.

А Бейли, полностью ошеломленный, мог только откинуться на спинку кресла.

Часть пятая
Дэниел и Жискар

18

Как ни быстро действовал Фастальф, Дэниел среагировал еще быстрее. Бейли, совершенно забывший о существовании Дэниела, увидел смутный рывок, услышал неопределенный звук, а затем Дэниел уже стоял рядом в Фастальфом, держал прибор для пряностей и говорил:

— Надеюсь, доктор Фастальф, что я ничем не повредил вам.

Бейли смутно отметил, что по другую сторону Фастальфа стоял Жискар, а все четыре робота, бывшие у дальней стены, теперь подошли почти к самому обеденному столу.

Слегка задохнувшийся, растрепанный Фастальф сказал:

— Нет, Дэниел. Ты действовал отлично. — Он возвысил голос. — Вы все действовали хорошо, но помните, что вы не должны медлить, даже если я сам участвую. — Он мягко рассмеялся и снова сел, приглаживая волосы. — Извините, мистер Бейли, что я напугал вас, но я чувствовал, что демонстрация будет более убедительной, чем все мои слова.

Бейли, перед этим рефлекторно съежившийся,

ослабил ворот и сказал чуточку хрипло:

— Боюсь, что я ожидал только слов, но признаю, что демонстрация была убедительной. Я рад, что Дэниел оказался достаточно близко, чтобы обезоружить вас.

— Никто из них не был достаточно близко, но Дэниел был ближе других и поэтому подбежал первым. Он подошел достаточно быстро, чтобы мягко управиться со мной. Будь он дальше, он мог бы вывихнуть мне руку или сбить меня с ног.

— Неужели он зашел бы так далеко?

— Мистер Бейли, я дал инструкции защищать вас, а я *умею давать инструкции*. Они не поколебались бы спасти вас, даже если бы для этого пришлось повредить мне. Конечно, они постарались бы причинить мне минимум вреда, как это и сделал Дэниел. Он повредил только моему достоинству и растрепал мне волосы. И пальцы у меня немного онемели.

Он печально сгибал их.

Бейли глубоко вздохнул, пытаясь оправиться от короткого замешательства.

— А стал бы Дэниел защищать меня без ваших инструкций?

— Без сомнения. Не думайте, что реакция робота — просто да или нет, вверх или вниз, внутрь

или наружу; это обычная ошибка непрофессионалов. Тут дело в скорости реакции. Мои инструкции насчет вас были так сформулированы, что потенциал, и так очень высокий в роботах моего дома, включая Дэниела, стал еще выше. Следовательно, реакция на явную опасность для вас исключительно быстрая. Я знал, что так должно быть, и поэтому мог замахнуться на вас со всей возможной для меня быстротой и дать вам наиболее убедительную демонстрацию моей неспособности повредить вам.

— Да, но я не вполне благодарен вам за нее.

— О, я целиком и полностью доверяю своим роботам, особенно Дэниелу. Мне слишком поздно пришло в голову, что если бы я тут же не выпустил прибор, Дэниел мог бы — против своей воли или ее эквивалента у робота — сломать мне руку.

— А мне пришло в голову, что это был глупый риск с вашей стороны.

— Я тоже так подумал… постфактум. Если хотите, швырните прибор в меня; Дэниел сразу же предупредит ваше движение, хотя и не с такой скоростью, поскольку, он не получал специальных инструкций о моей безопасности. Надеюсь, что он будет достаточно проворен и спасет меня,

но... я предпочел бы не проверять. — Фастальф улыбнулся.

— А если на дом будет сброшено с воздушной машины какое-нибудь взрывное устройство?

— Мои роботы не могут защитить от всего, но подобные террористические акты невероятны на Авроре. Думаю, мы не будем горевать по этому поводу.

— Я не буду. И у меня нет серьезных подозрений, что вы представляете для меня опасность. Я просто хотел исключить все возможности. Теперь мы можем продолжить разговор о деле.

— Да, — сказал Фастальф, — несмотря на это дополнительное драматическое отвлечение, мы все еще стоим перед задачей доказать, что умственное замораживание Джандера произошло случайно.

Теперь Бейли помнил о присутствии Дэниела. Он повернулся к роботу и неловко спросил:

— Дэниел, может быть вам тяжело, что мы говорим об этом деле?

— Партнер Илия, я предпочел бы, чтобы друг Джандер все еще функционировал, но, поскольку, он не действует и не может быть исправлен, самое лучшее — предупредить подобные инциденты в будущем. Так что разговор об этом мне

скорее приятен, чем тяжел.

— Тогда, Дэниел, скажите: *вы верите*, что доктор Фастальф не ответственен за конец вашего друга Джандера? Вы простите меня, доктор Фастальф, за мой вопрос?

Фастальф жестом одобрил, и Дэниел сказал:

— Доктор Фастальф утверждает, что он не виноват, значит, он не виноват.

— У вас нет сомнений на этот счет?

— Никаких.

Фастальфа, казалось, это развлекало.

— Вы делаете перекрестный допрос робота, мистер Бейли.

— Знаю. Но я не могу полностью считать Дэниела роботом, потому и спросил.

— Перед любым бюро расследования его ответы ничего не стоят. Его позитронные потенциалы заставляют его верить мне.

— Но я не Бюро расследования, и я расчищаю поросль. Позвольте мне вернуться назад. Либо вы сожгли мозг Джандера, либо это случилось благодаря редкому стечению обстоятельств. Вы уверяете, что я не могу доказать этого стечения обстоятельств, и мне остается лишь задача доказать, что вы тут не при чем. Иными словами, если я докажу, что вы не имели возможности

убить Джандера, то у нас останется единственная альтернатива — редкая случайность.

— А как вы это сделаете?

— Три пункта: средство, возможность и мотив. Вы имели средство убить Джандера — теоретическую способность так манипулировать им, чтобы это привело к умственному замораживанию. Но была ли у вас возможность? Был ли робот у вас в это время?

— Нет. Он был у другого человека.

— Долго?

— Примерно восемь месяцев.

— А-а, это интересный пункт. Вы были с ним — или вблизи — во время разрушения? Короче, можем ли мы доказать, что вы были слишком далеко от него?

— Боюсь, что это невозможно. Тут широкий интервал времени, когда это могло быть сделано. Изменения в роботе не эквивалентны трупному окоченению человеческого существа. Робот либо функционирует, либо нет. Но мое пребывание в том или другом месте не имеет значения.

— Почему?

— Мой дорогой мистер Бейли, ведь это не физическая атака, вроде моего недавнего притворного нападения на вас. То, что случилось с Джандером,

не требовало моего физического присутствия; Джандер мог находиться хоть на другой стороне Авроры — я мог бы до него добраться электронным путем, отдать ему приказы и вызвать умственное замораживание. Решающий шаг не потребовал бы много времени…

— Значит, — быстро сказал Бейли, — кто-то за короткое время мог бы сделать случайное движение, имея в виду нечто совершенно другое, обычное?

— Нет! Ради бога, землянин, дайте мне сказать. Я уже говорил вам, что все это не так. Вызов умственного замораживания был бы долгим, сложным и извилистым процессом, требующим величайших знаний и ума, и он не мог быть сделан никем случайно. Вот если бы я желал это сделать, я осторожно вызвал бы перемены и реакции, постепенно, в течении месяцев, а то и лет, пока не довел бы Джандера до разрушения. И за все это время он не показал бы никаких признаков надвигающейся катастрофы, как вы шли бы в темноте к обрыву и даже у самого края не знали бы, что земля вот-вот исчезнет из-под ваших ног. Таким образом я подвел бы его к краю, и одного простого замечания с моей стороны было бы достаточно, чтобы он сделал последний

шаг в пропасть. Понимаете?

Бейли сжал губы, не сумев скрыть разочарования.

— Итак, возможность у вас была. И средство. Теперь насчет мотива. Может здесь мы что-то сделаем. Эти человекоподобные роботы — ваши. Они основаны на вашей теории, вы следили за каждым шагом их создания. Они существуют благодаря вам и только вам. Вы назвали Дэниела своим первенцем. Это ваши творения, ваши дети, ваш дар человечеству, ваш шаг к бессмертию. Зачем бы вам уничтожать эту работу? Зачем вам разрушать жизнь, созданную чудом вашей мыслительной работы? — Бейли сам почувствовал, как растет его красноречие, и на миг вообразил себя обращающимся к Бюро расследования.

Фастальф улыбнулся.

— Ну, мистер Бейли, вы ничего об этом не знаете. Как вы можете утверждать, что моя теория — результат чуда мыслительной работы? Может, это просто тупое продолжение уравнения, чего никто не потрудился сделать до меня?

— Не думаю, — сказал Бейли, стараясь остыть. — Если никто, кроме вас, не понимает позитронного мозга настолько, чтобы иметь возможность его разрушить, вряд ли кто-то, кроме вас, может

его создать. Вы будете отрицать это?

— Нет, не буду. Однако, мистер Бейли, — лицо Фастальфа стало угрюмым, — ваш тщательный анализ делает все только хуже для нас. Мы уже согласились, что лишь у меня одного были средство и возможность. Случилось так, что у меня есть и мотив, самый лучший в мире, и мои враги знают это. Как мы докажем, что я этого не сделал?

19

Лицо Бейли исказилось от злости. Он прошелся по комнате, повернулся и резко сказал:

— Доктор Фастальф, мне кажется, вы находите удовольствие в том, чтобы разочаровывать меня.

Фастальф пожал плечами.

— Никакого удовольствия. Я просто представил вам проблему, как она есть. Бедный Джандер умер смертью робота от чистой неопределенности позитронного течения. Поскольку я знаю, что я ничего не сделал для этого, я знаю, как это могло быть. Однако никто не поверит в мою невиновность, и косвенно все указывает на меня, и этого мы не должны забывать.

— Ладно, давайте рассмотрим ваш мотив. Может, он не такой важный, как кажется.

— Сомневаюсь. Я ведь не дурак, мистер Бейли.

— Но вы, возможно, не судья себе и своим мотивам. С людьми это часто бывает. Вы можете драматизировать себя по каким-либо причинам.

— Не думаю.

— Тогда скажите о вашем мотиве.

— Не спешите, мистер Бейли, это нелегко объ-

яснить. Можете вы выйти со мной из дома?

Бейли быстро взглянул в окно. Солнце низко висело на небе и комната была освещена им. Бейли поколебался, но сказал чуть громче, чем нужно:

— Да.

— Прекрасно, — сказал Фастальф и добавил дружелюбно: — вы, может быть, хотели бы посетить туалет.

Бейли подумал. Срочной необходимости не было, но он не знал, что ждет его Снаружи, долго ли он там пробудет, будут ли или не будут благоприятными условия там. А самое главное — он не знал аврорских обычаев в этом отношении, а книгофильмы на корабле не просветили его. Наверное, разумнее будет принять совет хозяина.

— Спасибо. Если это возможно…

Фастальф кивнул.

— Дэниел, покажи мистеру Бейли туалет для посетителей.

Когда Бейли и Дэниел вышли, Бейли сказал:

— Мне очень жаль, Дэниел, что вы не участвовали в разговоре.

— Этого не предполагалось. Когда вы задали мне вопрос, я ответил, но меня не приглашали участвовать во всей беседе.

— Я бы пригласил вас, если бы не был связан положением гостя.

— Я понимаю. Вот туалет для гостей. Дверь откроется от прикосновения вашей руки, если помещение не занято.

Бейли задумчиво постоял и сказал:

— Если бы вас пригласили поговорить, у вас было бы что сказать? Какое-нибудь замечание, которое вы остерегались сделать? Я хотел бы знать ваше мнение, мой друг.

Дэниел сказал с обычной серьезностью:

— Замечание, которое я не решился сделать, касается утверждения доктора Фастальфа о наличии прекрасного мотива для приведения Джандера в бездействие. Оно для меня неожиданно. Я не знаю, какой мотив у него мог быть. Однако, если он говорит, что мотив был, вы можете спросить, почему у него не было того же мотива для приведения в бездействие меня. Если люди уверены, что у него был мотив для уничтожения Джандера, почему этот мотив не приложим ко мне? Я хотел бы это знать.

— Вы чувствуете себя в опасности, Дэниел? Вам кажется, что доктор Фастальф опасен для вас?

— По Третьему Закону я должен защищать себя, но я не могу сопротивляться доктору Фасталь-

фу или любому другому человеку, если у них есть обоснованное мнение, что моему существованию нужно положить конец. Это Второй Закон. Однако, я знаю, что представляю собой большую ценность как в денежном и материальном смысле, так и в смысле научной важности. Следовательно, необходимо объяснить мне причины для моего уничтожения. Доктор Фастальф никогда не говорил мне, что у него была такая мысль. И я не верю, чтобы он когда-нибудь подумал положить конец существованию моему или Джандера. Случайный позитронный сдвиг, вероятно, покончил с Джандером и когда-нибудь может покончить и со мной. Во Вселенной всегда есть элемент случайности.

— Так говорите вы, так говорит Фастальф, и я сам так думаю, но трудно убедить людей принять эту точку зрения. — Бейли угрюмо повернулся к двери.

— Вы войдете со мной?

Лицо Дэниела ухитрилось показать юмор.

— Мне лестно, партнер Илия, что вы до такой степени считаете меня человеком. Но мне, конечно, нет необходимости.

— Конечно, но войти вы можете.

— Мне не полагается. Не принято, чтобы ро-

боты входили в туалет. Это чисто человеческое помещение. К тому же, этот туалет для одного.

Для одного! Бейли на мгновение был ошеломлен, но затем пришел в себя. Другой мир, другие обычаи! И ничего об этом не говорилось в книгофильмах.

— Значит, вы это имели в виду, когда говорили, что дверь не откроется, если помещение занято. А как же выйти?

— Она не откроется от прикосновения снаружи, и ваше уединение не будет нарушено. Но она, естественно, откроется от прикосновения изнутри.

— А если посетителю стало плохо, он ушибся, или сердце прихватило, и он не может коснуться двери? Никто не может войти и помочь ему?

— Есть способы открыть дверь, если понадобиться. А вы думаете, что с вами случится что-либо подобное?

— Нет, конечно. Я просто спросил.

— Я буду возле двери, — сказал Дэниел, — и если услышу зов, буду действовать.

— Надеюсь, что вам не придется.

Бейли легко коснулся двери. Она сразу открылась. Он подождал, не закроется ли она. Нет. Он шагнул внутрь, дверь быстро закрылась.

Пока дверь была открыта, туалет выглядел как туалет. Раковина, небольшая трубка (предположительно снабженная бритвенным устройством), просвечивающая полу-дверь с унитазом за ней, еще какие-то незнакомые Бейли приспособления. У него было мало шансов изучить их, потому что все исчезло, как только закрылась дверь. Он даже подумал, были ли все эти приспособления, или он просто ожидал их тут увидеть.

Пока дверь закрывалась, помещение потемнело, так как окон не было. Когда же дверь полностью закрылась, комната снова осветилась, но ничто из того, что Бейли видел, не вернулось. Здесь был дневной свет, как Снаружи. Сверху было открытое небо с облаками. С каждой стороны тянулась растительность.

Бейли почувствовал знакомое сжатие желудка, какое бывало у него Снаружи. Но он же не Снаружи! Он в помещении без окон. Это какой-то оптический трюк.

Он медленно шел, вытянув вперед руки и глядя перед собой. Руки коснулись гладкой стены. Он повел по ней дальше и ощупал раковину. Нашел кран, но вода из него не шла. Он провел по нему рукой, но не обнаружил ничего эквивалентного рукояткам, но нашел продолговатую полоску,

слабо выделяющуюся на стене. Он слегка надавил на нее, и сразу же зелень, идущая далеко за тем местом, которое его пальцы считали стеной, разделилась потоком воды, быстро падавшей с высоты к его ногам с громким плеском. Он отскочил, но вода кончилась раньше, чем дошла до его ног. Она продолжала литься, но не достигала пола. Он протянул руку: не вода, а иллюзия. Но глаза упрямо видели воду.

Он провел рукой вверх по струе и постепенно нащупал настоящую воду — тонкую струйку холодной воды. Он снова нашел пальцами полоску и начал наугад нажимать. Температура воды стала быстро меняться, и он, наконец, нашел точку, которая дала воду приемлемой теплоты.

Мыла не было. Придется обойтись без него. Но как только он стал тереть руки, вода стала мыльной, в то время как несуществующий поток, который он видел, пузырился и пенился.

Он неохотно наклонился над раковиной и протер лицо той же мыльной водой. На подбородке чувствовалась щетина, но он знал, что не побреется здесь без инструкций. Он беспомощно держал руки под краном: как смыть мыло? Спросить некого. Но, видимо, руки, которые не терлись более друг о друга, устроили это: вода

перестала быть мыльной и сполоснула руки. Не дотрагиваясь до лица, он плеснул в него воду — оно тоже ополоснулось, но рубашка намокла.

Полотенце? Бумага? Он шагнул назад и, как видно, включил что-то, потому что почувствовал теплый поток воздуха. Он подставил под него лицо и руки.

Неприятное ощущение в желудке давно растворилось в раздражении. Он понимал, что туалеты могут сильно варьироваться от мира к миру, но такая бессмыслица — имитировать Снаружи — это уж слишком!

На Земле туалет был огромным помещением для лиц одного пола с отдельными кабинками, от которых люди имели ключи. На Солярии люди входили в туалет через узкий коридор, пристроенный к стене дома, как если бы туалет не считался частью дома. Но, несмотря на эти различия, туалет был туалетом, и в его назначении нельзя было ошибиться. Почему же на Авроре эти хитроумные претензии на Снаружи, полностью маскирующие любую часть туалета? Зачем это?

Он двинулся к тому месту, где раньше видел просвечивающие полудвери, но ошибся в направлении и нашел их только после долгого ощупывания стены и после того, как стукался

различными частями тела о выступающие предметы.

Наконец он нашел иллюзорный маленький пруд, но колени сказали ему, что это вроде бы писсуар, и он решил, что если неправильно воспользуется им, то это не его вина.

Потом он хотел было снова вымыть руки, но раздумал: не мог он опять разыскивать этот фальшивый водопад. Он ощупью нашел дверь, но не был уверен, она ли это, пока не открыл ее. Свет сразу погас, и Бейли окружил нормальный дневной свет.

Дэниел, Жискар и Фастальф ждали его.

— Вы были там почти двадцать минут, — сказал Фастальф. — Мы уже начали беспокоиться.

Бейли вскипел.

— Мне не легко пришлось из-за ваших дурацких иллюзий, — сказал он, с трудом сдерживаясь.

Фастальф поджал губы, поднял брови и сказал:

— С той стороны двери есть контакт, управляющий иллюзией; ее можно погасить и видеть сквозь нее реальное, или усилить еще больше, если желаете.

— Мне об этом не сказали. У вас все туалеты такие?

— Нет. Все они обладают иллюзорными ка-

чествами, но природа иллюзий варьируется по вкусу каждого. Мне нравиться иллюзия природы, и я время от времени меняю ее детали. Все, знаете, со временем надоедает. Некоторые устраивают эротические иллюзии, но это не в моем вкусе. Когда человек знаком с туалетами, иллюзии не мешают: помещения полностью стандартны, и каждый знает, где что находится. Но почему вы, мистер Бейли, не вернулись назад и не спросили?

— Не хотел. Признаться, я страшно злился на эти иллюзии, но согласился принять их. Ведь Дэниел провожал меня в туалет, но ни о чем не предупредил. Если бы он действовал по своему усмотрению, он наверняка проинструктировал бы меня, поскольку предвидел бы ожидающий меня вред. Отсюда я заключил, что вы не велели ему предупреждать меня. Я не думал, что вы намерены шутить со мной шутки, и решил, что у вас, видимо, была серьезная причина так поступить.

— Вот как?

— Вы просили меня выйти с вами Наружу, а когда я согласился, вы тут же предложили мне посетить туалет. Я подумал, что вы хотите проверить, как на меня подействует иллюзия Снаружи

— не убегу ли я в панике. Если я выдержу иллюзию — я, вероятно, справлюсь и с настоящим. Так вот, я выдержал. Малость вымок, благодаря вам, но скоро высохну.

— Вы четко мыслящий человек, — сказал Фастальф. — Я приношу свои извинения и за те неудобства, которые я причинил вам. Я просто пытался отвратить возможность гораздо большего дискомфорта. Вы все еще хотите выйти со мной?

— Не только хочу, но и настаиваю на этом.

20

Они пошли по коридору. Дэниел и Жискар шли следом.

— Надеюсь, вы не против, что роботы сопровождают нас? — спросил Фастальф. — Аврорцы никогда не выходят без роботов, а в вашем особом случае я настаиваю, чтобы Дэниел и Жискар были все время с вами.

Он открыл дверь, и Бейли пытался твердо стоять под лучами солнца и ветром, не говоря уже о странном окружении и чужом запахе земли Авроры.

Фастальф посторонился, и первым вышел Жискар. Он внимательно огляделся, обернулся назад. Дэниел тоже вышел и тоже огляделся.

— Пусть они там побудут, — сказал Фастальф. — Они нам скажут, когда мы можем безопасно выйти. Я воспользуюсь случаем и еще раз извинюсь за скверную шутку с туалетом. Уверяю вас, мы знали бы, если бы вы растерялись — ваши жизненные симптомы записывались. Я очень рад — и не очень удивлен — что вы проникли в мою цель. — Он улыбнулся, с почти незаметным колебанием положил руку на плечо Бейли и дру-

жески потряс его.

Бейли оставался напряженным.

— Вы, кажется, забыли о другой, более ранней шутке, скверной шутке, когда замахнулись на меня тяжелым прибором. Если вы заверите меня, что отныне мы будем вести себя друг с другом честно и откровенно, я посчитаю те шутки как имевшие разумное основание.

— Договорились!

— Теперь мы можем выйти?

— Нет еще. Дэниел сказал мне, что вы приглашали его в туалет. Это было серьезно?

— Да. Я знаю, что ему это не нужно, но мне казалось невежливым не позвать его. Я не знаю обычаев Авроры, хотя довольно много читал о ней.

— Полагаю, что аврорцы не считают нужным упоминать о таких вещах, да и к тому же книгофильмы не рассчитаны на то, чтобы готовить гостей-землян в этом отношении.

— Потому что гостей-землян не бывает?

— Именно. Да, роботы никогда не заходят в туалеты. Это единственное место, где человек может быть свободным от роботов.

— Однако, когда Дэниел был на Земле три года назад, я хотел удержать его от посещения туалета,

поскольку ему это не требуется, но он все-таки вошел.

— И правильно сделал. В этом случае он точно следовал приказу не показывать, что он не человек. Здесь же… Ага, вот они идут.

Роботы подошли к двери, и Дэниел жестом пригласил людей выйти.

21

Бейли твердо вышел. Лицо его было каменным, челюсти сжаты, спина напряжена. Он огляделся. Сцена мало отличалась от той, что он видел в туалете. Видимо, Фастальф пользовался своими землями как моделью. Здесь тоже была зелень, маленький водопад. Может он был искусственным, но не иллюзорным: до Бейли долетали брызги. Все здесь было каким-то приручённым. На Земле Снаружи было более диким и более возвышенно-прекрасным.

— Посмотрите, — сказал Фастальф, коснувшись локтя Бейли.

Между двумя деревьями тянулась лужайка. Здесь впервые чувствовалось расстояние: вдалеке стоял жилой дом, низкий, широкий и такой зеленый по цвету, что почти сливался с окружением.

— Здесь жилой район, — сказал Фастальф. — Вам, вероятно, трудно поверить, поскольку вы на Земле привыкли к громадным муравейникам, но мы находимся в городе Эос, административном центре планеты. Здесь двадцать тысяч жителей, это самый крупный город не только на Авроре,

но и на всех Внешних мирах. В Эос столько же людей, сколько на всей Солярии, — с гордостью добавил он.

— А сколько роботов?

— В этом районе? Наверное, тысяч сто. В среднем на всей планете приходится по пятьдесят роботов на человека — не десять тысяч на одного, как на Солярии. Большая часть наших роботов работает на фермах, в рудниках, на заводах, в космосе. Пожалуй, нам не хватает их, особенно в домашнем хозяйстве. Большинство аврорцев обходятся двумя-тремя роботами, а кое-кто и одним. Но мы не хотим жить по-соляриански.

— А сколько людей вообще не имеют роботов?

— Таких нет. Такого не должно быть в общественных интересах. Если человек по каким-то причинам не может приобрести робота, ему подарят его за счет общества.

— Что происходит при росте населения? Делаете больше роботов?

— Население не растет. Население Авроры — двести миллионов, и эта цифра остается стабильной в течении трех столетий. Вы, конечно, читали об этом.

— Читал, но не поверил.

— Позвольте заверить вас, что это правда. Это

дает нам обширное пространство, большую личную собственность, обширную долю в ресурсах планеты. У нас не так много народу, как на Земле, и не так мало, как на Солярии. — Он тронул Бейли за руку, приглашая идти дальше. — Вы видите окультуренный мир. Я привел вас сюда, чтобы показать вам это.

— Значит, в нем нет опасности?

— Опасность есть всегда. У нас бывают грозы, оползни, землетрясения, снежные бури, лавины, один-два вулкана… Случайная смерть может произойти не только от них. Бывают вспышки злобы или зависти, безумства молодости, но таких вещей мало и они не слишком влияют на цивилизованное спокойствие, царящее в нашем мире. — Он вздохнул. — Я, может быть, даже хотел бы, чтобы все было иначе, но с некоторыми интеллектуальными оговорками. Мы привезли на Аврору только те растения и животных, которые нам полезны, являются украшением, или и то и другое вместе. Мы сделали все, чтобы избавиться от сорняков и паразитов. Мы вывели породу сильных, здоровых и привлекательных — с нашей точки зрения, разумеется — людей. Мы пытались… вы улыбаетесь, мистер Бейли.

Бейли не улыбался. Он просто скривил рот.

— Нет, нет. Нечему улыбаться.

— Есть чему. Мы оба знаем, что я сам непривлекателен по аврорским стандартам. Дело в том, что мы не можем полностью управлять генными комбинациями и внутриутробным влиянием. В наше время, когда экзогенезис все более распространяется — хотя я надеюсь, что он никогда не станет таким общепринятым, как на Солярии — меня, конечно, выбраковали бы на поздней зародышевой стадии.

— И миры потеряли бы великого теоретика роботехники.

— Совершенно справедливо, — ответил Фастальф без малейшего смущения, — но они никогда не узнали бы об этом, верно? Во всяком случае, мы установили очень простой, но полностью рентабельный экологический баланс, ровный климат, плодородную почву и, елико возможно, равномерное распределение ресурсов. В результате наш мир производит все, в чем мы нуждаемся и чего желаем. Не рассказать ли вам об идеале, к которому мы стремимся?

— Прошу вас, — сказал Бейли.

— Мы хотим создать планету, повинующуюся Трем Законам Роботехники. Она ничем не должна вредить человеку, без допущений и огра-

ничений. И она должна защищать себя, кроме того времени и места, где она служит нам или спасает нас, даже ценою вреда для себя. Нигде, ни на Земле, ни на других мирах не подошли к этому так близко, как на Авроре.

— Земляне тоже мечтали об этом, — грустно сказал Бейли, — но нас слишком много и мы слишком испортили свою планету во времена своего невежества, чтобы теперь можно было что-то сделать. А как насчет местной жизни на Авроре? Ведь вы пришли не на мертвую планету.

— Когда мы прибыли на Аврору, здесь была растительная и животная жизнь и азотно-кислородная атмосфера. Так же было и на всех Пятидесяти Внешних мирах. Как ни странно, жизнь была редкой, разбросанной и мало варьирующейся. Она не очень цеплялась за свою планету, и мы победили, так сказать, без борьбы. То, что осталось от местной жизни, есть в наших аквариумах, зоопарках и в нескольких заботливо поддерживаемых заповедниках. Мы так и не понимаем, почему на жизненосных планетах жизнь так слаба, почему только Земля развила страшно цепкую жизнь во всех уголках, и почему только на Земле развился разум.

— Может быть, — сказал Бейли, — недостаток

расследования. Мы знаем слишком мало планет.

— Согласен. Где-то может быть такой же сложный экологический баланс, как и на Земле. Где-то может существовать разумная жизнь и технологическая цивилизация. Но земная жизнь и разум распространились на много парсеков во всех направлениях; если где-то есть жизнь и разум, почему они не распространяются и почему мы не встретились?

— Такое может произойти, как мы все знаем.

— Может. И если такая встреча неизбежна, мы не должны пассивно ждать ее. А наша пассивность растет. Наш новый Внешний мир был заселен за два с половиной столетия. Он стал таким окультуренным и приятным, что мы не хотим покидать его. Этот мир был заселен потому, как вы знаете, что население Земли безобразно росло, и по сравнению с этим риск и опасности нового пустого мира были предпочтительны. К тому времени, как развились наши Пятьдесят Внешних миров — Солярия была последней — не было никакого толчка, никакой необходимости двигаться дальше. А Земля отступила в свои стальные пещеры. Конец. Финиш.

— Но вы на самом деле не это имеете в виду.

— Останемся ли мы на месте? Будем жить мир-

но, комфортабельно и неподвижно? Да, я имею в виду именно это. Человечество должно распространяться, если оно хочет продолжать расцвет. Единственный метод распространения — через космос, через постоянное стремление к другим мирам. Если мы это упустим, найдутся другие цивилизации, которые доберутся до нас, и мы не устоим перед их динамизмом.

— Вы предполагаете космическую войну — вроде гиперволновых пиф-паф?

— Нет, я сомневаюсь, что это будет необходимо. Цивилизациям, идущим через космос, не понадобится наши несколько планет, и, наверное, они будут иметь достаточно передовой интеллект, чтобы пожелать сражаться за гегемонию здесь. Однако, если нас окружит более жизнеспособная, более подвижная цивилизация, мы умрем от сознания того, чем мы стали, от утраченных нами возможностей. Мы, конечно, могли бы осуществить другие экспансии — научные знания или культурные силы, например, но боюсь, что это не сравнимо. Упадок в одном — это упадок во всем. Мы живем слишком долго и слишком удобно.

— На Земле, — сказал Бейли, — космонитов считают всемогущими, полностью уверенными в себе. Слушая вас, я не верю своим ушам.

— От других космонитов вы такого не услышите. У меня не общепринятые взгляды, другим они показались бы нестерпимыми, и я не часто говорю аврорцам о таких вещах. Наоборот, я говорю насчет новой тяги к заселению новых планет, но не высказываю своих страхов перед катастрофой, которая явится результатом нашего отказа от колонизации. В этом, по крайней мере, я был победителем. Аврора серьезно, даже с энтузиазмом размышляет о новой эре поиска и заселения.

— Вы говорите это без заметного энтузиазма. Почему?

— Как раз это и приближает нас к моему мотиву для разрушения Джандера Пэнела. — Фастальф помолчал и продолжал: — Я хотел бы лучше понимать людей. Я потратил шесть десятилетий на изучение сложностей позитронного мозга и надеюсь еще потратить от пятнадцати до двадцати лет на эту проблему. За это время я слегка коснулся проблемы человеческого мозга, который неизмеримо сложнее. Существуют ли Законы Гуманистики, как есть Законы Роботехники? Много ли Законов Гуманистики и как их можно выразить математически, я не знаю. Возможно, настанет день, когда кто-нибудь разработает Законы Гуманистики и сможет предсказать ши-

рокие штрихи будущего и знать, что в запасе у человечества, а не только угадывать, как я, и знать, что надо делать для улучшения, а не просто размышлять. Я иногда мечтаю основать математическую науку, которую я называю «психоисторией», но знаю, что не смогу, и боюсь, что никто никогда не сможет.

Он замолчал. Бейли подождал и мягко спросил:

— Так какой же у вас был мотив для разрушения Джандера?

Фастальф, казалось не слышал вопроса. Во всяком случае, он не ответил, а только спросил:

— Вам не трудно будет пройти со мной дальше?

— Куда? — осторожно спросил Бейли.

— К соседнему дому. Туда, через лужайку. Вас не смущает открытое место?

Бейли сжал губы и посмотрел в том направлении, как бы пытаясь измерить его эффект.

— Думаю, что перенесу. Я не предчувствую неприятностей.

Жискар, бывший достаточно близко, чтобы слышать, подошел поближе и сказал:

— Сэр, не могу ли я напомнить вам, что вам было очень плохо при спуске на планету?

Бейли повернулся к нему. То что он чувствовал к Дэниелу, могло бы повлиять на его отношение к другим роботам, но этого не случилось. Он находил более примитивного Жискара неприятным. Он постарался победить гнев и ответил:

— Я был очень неосторожен на борту корабля, парень, из-за своего чрезмерного любопытства. Я оказался перед зрелищем, которого никогда не видел, и у меня не было времени привыкнуть. Здесь — дело другое.

— Сэр, а вам не будет плохо снова?

— Будет или нет, — твердо сказал Бейли, напоминая себе, что робот беспомощен в когтях Первого Закона, и пытаясь быть вежливым с этой глыбой металла, которая, в сущности, заботится о его же благополучии, — это не важно. Я не смогу выполнить свой долг, если буду сидеть взаперти.

— Ваш долг? — переспросил Жискар, как будто не понял этого слова.

Бейли кинул взгляд на Фастальфа, но тот спокойно стоял и не вмешивался. Он, казалось, слушал с абстрактным интересом, как если бы оценивал реакцию робота данного типа на новую ситуацию и сравнивал ее с отношениями, вариациями, константами и дифференциальными уравнениями, которые понимал он один.

Так, по крайней мере, подумал Бейли. Ему было неприятно быть объектом такого наблюдения, и он сказал, возможно, излишне резко:

— Вы не знаете, что значит «долг»?

— То, что должно быть сделано, сэр, — ответил Жискар.

— Ваш долг — повиноваться Законам Роботехники. И у людей тоже есть законы, как только что сказал ваш хозяин доктор Фастальф, и им надо повиноваться. Я должен сделать то, что мне предписано. Это важно.

— Но идти по открытому пространству, когда вы не…

— Тем не менее, это должно быть сделано. Мой сын когда-нибудь отправится на другую планету, куда менее удобную, чем эта, и выставит себя Наружу до конца своей жизни. И я поехал бы с ним, если бы смог.

— Но вам-то зачем это делать?

— Я считаю это своим долгом.

— Сэр, я не могу нарушать законы. А вы можете? Потому что я настаиваю, чтобы вы…

— У меня есть выбор — выполнять или не выполнять свой долг, но я не выбираю… есть нечто сильнее принуждения, Жискар.

Жискар помолчал и сказал:

— Повредит ли вам, если мне удастся убедить вас не ходить по открытому месту?

— Да, поскольку я буду чувствовать, что манкирую своим долгом.

— Это будет больший вред, нежели тот дискомфорт, который вы можете почувствовать на открытом пространстве?

— Много больший.

— Спасибо за объяснение, сэр, — сказал Жискар, и Бейли показалось, что на полностью невыразительном лице робота отразилось удовлетворение (человеческая тенденция к олицетворению непреодолима).

Жискар отступил назад. Заговорил Фастальф:

— Очень интересно, мистер Бейли: Жискару понадобилась инструкция, прежде чем он окончательно понял, как установить позитронный потенциал в соответствии с Тремя Законами, или, скорее, как эти потенциалы сами устанавливаются в свете ситуации. Теперь он знает, как себя вести.

— Я обратил внимание, что Дэниел не задавал вопросов.

— Дэниел знает вас. Он был с вами на Земле и на Солярии. Ну как, пойдем? Пойдем медленно, и если пожелаете отдохнуть или даже вернуться

обратно, вам стоит только сказать.

— Я пойду, но какова цель этой прогулки? Поскольку вы предлагали возможный дискомфорт для меня, значит, ваше приглашение не могло быть бесцельным.

— Нет, конечно. Я подумал, что вы захотите увидеть неподвижное тело Джандера.

— Как формальность — да, но я не думаю, что это что-нибудь даст.

— Я в этом уверен, но у вас будет возможность допросить того, кому временно принадлежал Джандер. Вам наверняка приятнее будет поговорить об этом деле не со мной, а с другим человеком.

22

Фастальф медленно пошел вперед, сорвал с куста листочек и стал жевать. Бейли смотрел на него с любопытством, удивляясь, как космониты могут брать в рот нечто необработанное, даже невымытое, если так боятся инфекции. Он помнил, что на Авроре нет вредных микробов, но все равно это действие казалось ему отвратительным. Отвращение не имело реальной основы, и он вдруг подумал, что готов простить космонитам их отношение к землянам.

Нет! Это совсем другое дело! Там речь идет о человеческих существах.

Жискар шел впереди, справа, Дэниел чуть позади, слева. Оранжевое солнце Авроры пригревало спину Бейли, но у этого солнца не было лихорадочного жара, как у земного в летнюю пору. Трава была тверже и пружинистее земной, и грунт был жесткий, как будто давно не было дождя.

Они шли к дому, возвышавшемуся вдали — к дому временного хозяина Джандера. Бейли слышал шорох какого-то животного в траве, чириканье птицы, гул насекомых вокруг. Здесь, думал он, у всех животных земные предки. И эти

деревья и трава тоже выросли из тех, что когда-то были на Земле. Но ни животные, ни растения не знали этого. Только люди могли жить в этом мире и знать, что не коренные жители, а выходцы с Земли… Но сознают ли это космониты, или просто выкинули из памяти? И, может быть, придет время, когда они вообще не будут об этом знать?

— Доктор Фастальф, — сказал он неожиданно, — вы так и не сказали мне о вашем мотиве для уничтожения Джандера.

— Правильно, не сказал! Но как вы думаете, зачем я трудился над теоретической базой для позитронного мозга человекоподобных роботов?

— Не знаю.

— Подумайте. Задача создать мозг, возможно более приближенный к человеческому, имеет в себе нечто поэтическое… — Он помолчал, и его улыбка превратилась в кривую усмешку. — Некоторые мои коллеги всегда злились, когда я говорил им, что если заключение поэтически не сбалансировано — оно неправильно и с научной точки зрения. Они не понимали, что это значит.

— Боюсь, что я тоже не понимаю.

— Но я понимаю, только не могу объяснить. Я чувствую это и, может быть, потому добился результатов, каких нет у моих коллег. Однако,

я сильно расту, и это хороший признак, что я должен стать прозаиком. Чтобы имитировать человеческий мозг, почти ничего не зная о его работе, нужен интуитивный скачек, который ощущается мною как поэзия. И тот же интуитивный скачек, что должен дать мне человекоподобный позитронный мозг, наверняка даст мне новые подступы к познанию человеческого мозга. Я уверен, что через человекоподобность я сделаю хоть один шаг к психоистории, о которой я вам говорил.

— Понимаю.

— И если мне удалось разработать теоретически структуру человекоподобного позитронного мозга, мне понадобилось для него человекоподобное тело. Мозг, как вы понимаете, не существует сам по себе; он взаимодействует с телом, так что человекоподобный мозг в нечеловекоподобном теле в дальнейшем сам станет нечеловеческим.

— Вы уверены в этом?

— Полностью. Сравните Дэниела и Жискара.

— Значит, Дэниел был сконструирован как экспериментальный прибор для дальнейшего изучения человеческого мозга?

— Именно. Я двадцать лет работал с Сартоном над этой задачей. Было множество неудач. Дэни-

ел был первой настоящей удачей, и я, конечно, держу его для дальнейшего изучения… и из… — Он усмехнулся, словно признавался в какой-то глупости — из привязанности. В конце концов, Дэниел может ухватить понятие человеческого долга, в то время как Жискару, при всех его достоинствах, это трудно, как вы видели.

— И то, что Дэниел три года назад остался со мной на Земле, было его первым заданием?

— Первым такой важности. Когда Сартона убили, нам нужен был робот, который мог бы противостоять земным инфекционным болезням, но при этом выглядеть человеком, чтобы обойти антироботовские предрассудки землян.

— Какое поразительное совпадение, что Дэниел оказался под рукой как раз в это время.

— Вы верите в совпадения? У меня ощущение, что в любое время с таким революционным развитием, как появление человекоподобного робота, обязательно возникнет задача, требующая его присутствия. Подобные задачи, вероятно, регулярно появлялись, пока Дэниел еще не существовал, и, коль скоро его не было, использовались другие приборы и другие решения.

— Итак, ваша работа была успешной, и теперь вы лучше разбираетесь в человеческом мозге?

Фастальф шел все медленнее, и Бейли приноравливался к нему. Теперь они остановились приблизительно на полпути между домом Фастальфа и другим. Для Бейли это была самая трудная точка, поскольку до той или иной защиты было равное расстояние, но он боролся с этим неприятным чувством, чтобы не провоцировать Жискара. Он не хотел каким-то движением, голосом или даже выражением лица вызвать у Жискара желание спасать его. Он не хотел, чтобы его поднимали и несли под кров.

Фастальф, казалось, не замечал затруднений Бейли. Он сказал:

— Нет сомнений, что продвижение в ментологии произошло благодаря этому. Однако… однако Аврора не удовлетворена чисто теоретическим изучением человеческого мозга. Использование человекоподобных роботов было бы продвижением, которого я не одобряю.

— Как он использовался на Земле?

— Нет, то был короткий эксперимент, я его одобрил и даже восхищался им. Дэниел сумел обмануть землян, но, конечно, только потому, что земляне не привыкли к роботам. Аврорцев Дэниел не мог бы обмануть, но будущих человекоподобных роботов можно довести до такой

кондиции, что они одурачат и аврорцев. Однако, предлагаются другие задачи.

— А именно?

— Я вам говорил, что этот мир одомашнен. Когда я начал движение за возобновление поиска и заселения планет, аврорцам, да и вообще космонитам не слишком понравилось мое предложение насчет лидерства. Я думаю, что его нужно предложить землянам. С их ужасной — извините меня — планетой, с их короткой жизнью им нечего терять, они наверняка стали бы приветствовать этот шанс, особенно если мы поможем им технологией. Я говорил вам об этом три года назад, помните?

— Прекрасно помню. В сущности, именно вы начали во мне цепь мыслей, и в результате на Земле появилось маленькое движение в этом направлении.

— Да? Наверное, это нелегко с вашей земной клаустрофобией, с вашим нежеланием покидать стены.

— Мы боремся с этим, доктор Фастальф. Наша организация планирует двинуться в космос. Мой сын — лидер этого движения, и я надеюсь, что он когда-нибудь оставит Землю во главе экспедиции по заселению нового мира. И если мы в самом

деле получим помощь, о которой вы говорили…

— Если мы дадим корабли?

— Да, и другое оборудование.

— Это трудное дело. Многие аврорцы не желают, чтобы земляне вышли в космос и заселяли новые планеты. Они боятся распространения земной культуры, ульеподобных Городов, хаотизма. — Он нерешительно задвигался. — Зачем мы здесь остановились? Давайте пойдем. — Он медленно пошел, продолжая говорить: — Я доказывал, что так не будет. Я говорил, что поселенцы с Земли вовсе не будут землянами классического типа. Они не будут заперты в Городах. В новом мире они будут похожи на предков аврорцев, пришедших сюда. Они установят подходящий экологический баланс и станут более похожими на нас, чем на землян.

— А не разовьются ли у них все те слабости, которые вы находите в космонитской культуре?

— Возможно, и нет. Научатся на наших ошибках. Но все это теория. Есть кое-что другое, вызывающее спор.

— Что?

— Человекоподобный робот. Видите ли, кое-кто считает такого робота отличным поселенцем. Именно они могут построить новые миры.

— Но ведь у вас всегда были роботы. Вы хотите сказать, что эта идея никогда не выдвигалась?

— О, выдвигалась, но не срабатывала. Обычные роботы без постоянного человеческого надзора построят мир, годный для них, он не будет прирученным и не подойдет более нежным и гибким мозгам и телам человеческих существ.

— Да, этот мир будет приемлемым лишь в первом приближении.

— Конечно, мистер Бейли. Но среди нашего народа господствует мнение, что приемлемость в первом приближении совершенно недостаточна. Это явный признак распада аврорцев. С другой стороны, говорят они, группа человекоподобных роботов, елико возможно близких телом и мозгом к человеку, построят мир, подходящий для них и, значит, и для людей. Вы понимаете?

— Конечно.

— И когда такой мир будет построен, и аврорцы, наконец, захотят оставить свою планету, они шагнут с одной Авроры на другую. Они не оставят свой дом, они просто получат новый, точно такой же, и будут продолжать гнить. Это вы тоже понимаете?

— Я понимаю вашу точку зрения, но аврорцы, видимо, не понимают.

— Не могут. Я думаю, что мог бы эффективно доказать этот пункт, если бы мои оппоненты не уничтожили меня политически этим делом с разрушением Джандера. Теперь вам ясно, какой мотив мне приписывают? Якобы я решил уничтожить человекоподобных роботов, чтобы ими не воспользовались для освоения других миров.

Настала очередь Бейли остановиться. Он задумчиво посмотрел на Фастальфа.

— Понимаете, доктор Фастальф, в интересах Земли, чтобы победила ваша точка зрения.

— И в ваших личных интересах тоже.

— И в моих. Но главное — моей планете необходимо, чтобы нашему народу помогли освоить Галактику; чтобы мы сохранили собственные пути, какие для нас удобнее; чтобы мы не были осуждены на вечное заключение на Земле, где мы можем только погибнуть.

— Кое-кто, наверное, будет настаивать, чтобы остаться в заключении.

— Конечно. Возможно, почти все. Но некоторые все же поедут, если им разрешат. Таким образом, мой долг не только как представителя закона значительной доли человечества, но как обычного простого землянина — помочь вам обелить себя, независимо от того, виновны вы или нет.

Однако же, я могу целиком и полностью отдаться решению этой задачи лишь в том случае, если буду знать, что обвинения против вас несправедливы.

— Да, я понимаю.

— Тогда, в свете того, что вы говорили насчет мотива, уверьте меня в том, что вы не виноваты.

— Мистер Бейли, я вполне понимаю, что в самом деле у вас нет выбора. Я могу безнаказанно сказать вам, что я виновен, и вы все равно будете вынуждены замаскировать этот факт ради нужд вашей планеты и ваших личных. Поэтому, если я в самом деле виновен, я вынужден сказать вам об этом, что бы вы, зная правду, работали бы более эффективно, чтобы спасти меня… Но я не могу этого сделать, поскольку я невиновен. Хотя против меня как будто говорит многое, я не разрушал Джандера. Такое мне никогда не приходило в голову.

— Никогда?

Фастальф печально улыбнулся.

— Раз или два я подумал, что для Авроры было бы лучше, если бы я никогда не разрабатывал идей, которые привели к созданию человекоподобного позитронного мозга, или чтобы этот мозг оказался нестабильным и склонным к умствен-

ному замораживанию. Но это были мимолетные мысли, и я даже ни на долю секунды не подумал об уничтожении Джандера.

— Тогда мы уничтожим мотив, который вам приписывают.

— Как?

— Мы покажем, что это бесцельно. Что дает уничтожение Джандера? Таких роботов можно сделать еще — хоть тысячу. Хоть миллион.

— Боюсь, что это не так. Никто их не сделает. Только я один знаю, как их спроектировать, а если они будут предназначены для колонизации, я отказываюсь от их изготовления. Джандера нет, остается один Дэниел.

— Другие раскроют тайну.

Фастальф вздернул подбородок.

— Хотел бы я посмотреть на такого роботехника. Мои недруги основали Институт Роботехники специально для разработки методов конструирования человекоподобных роботов, но успеха не добились и не добьются.

Бейли нахмурился.

— Если вы единственный, кто знает секрет таких роботов, и ваши враги в отчаянии от этого, почему они не пытаются вырвать его у вас?

— Пытаются. Угрожают моей политической

жизни, возможно, сумеют добиться запрета моей работы в этой области, что положит конец моей профессиональной жизни, и этим надеются уговорить меня сообщить им секрет. Могут даже уговорить Совет приказать мне выдать тайну под страхом тюрьмы и конфискации имущества — кто знает? Я готов подвергнуться чему угодно, лишь бы мне не отдать им секрета. Но, конечно, мне не хотелось бы страдать.

— Они знают о вашем решении упорствовать?

— Надеюсь. Я говорил им достаточно ясно. Может, они думают, что я блефую, но я говорил серьезно.

— Но если они поверили вам, то могут предпринять более серьезные шаги.

— Что вы имеете в виду?

— Украсть ваши бумаги. Похитить вас. Пытать.

Фастальф громко захохотал. Бейли покраснел и сказал:

— Я терпеть не могу выражаться в стиле гиперволновой драмы, но как вы все-таки смотрите на это?

— Мистер Бейли, во-первых, мои роботы защитят меня. Нужно открыть настоящую войну, чтобы захватить меня или мои записи; во-вторых, если бы даже это удалось, никто из роботехников

не рискнул бы украсть или силой вырвать у меня секрет, потому что это полностью погубило бы его профессиональную репутацию; в-третьих на Авроре это неслыханное дело. Один намек на непрофессиональную атаку на меня тут же склонит Совет и общественное мнение в мою пользу.

— Так ли? — пробормотал Бейли, проклиная про себя тот факт, что он должен работать с культурой, деталей которой не понимает.

— Так. Даю слово. Они будут продолжать делать то, что, с их точки зрения, лучше. Они уничтожат меня ложью.

— Какой?

— Мне приписывают не только уничтожение робота. Шепчутся — пока только шепчутся — что я разрабатываю систему быстрого и эффективного уничтожения человекоподобного мозга, и, когда мои враги сами создадут таких роботов, я с членами своей партии уничтожу всех этих роботов, чтобы Аврора не могла заселять новые планеты и Галактика осталась бы для моих союзников — землян.

— Разве можно этому поверить?

— Конечно нет. Я сказал вам, что это ложь. Такой метод уничтожения даже теоретически невозможен, а народ в Институте Роботехники не

готов создать своих человекоподобных роботов. Я не мог бы совершить массового уничтожения, даже если бы хотел.

— Тогда вся эта выдумка рухнет под собственным весом?

— К несчастью, не сразу. Хоть это и бессмыслица, она продержится настолько, чтобы восстановить против меня общественное мнение, и на выборах меня провалят. Постепенно все узнают, что это вздор, но будет уже поздно. И Земля в этом случае сыграет роль мальчика для битья. Обвинение, что я стараюсь в пользу Земли, весьма мощное, и многие поверят во все, вопреки здравому смыслу, потому лишь, что не любят Землю и землян.

— Значит, недовольство против Земли растет?

— Именно. С каждым днем положение становится хуже как для меня, так и для Земли, и у нас очень мало времени.

— Но если бы вы действительно хотели произвести опыт по уничтожению робота, зачем бы вам искать его в чужом доме? У вас под руками Дэниел. Вы могли бы экспериментировать на нем.

— Нет, — сказал Фастальф, — в это никто не поверит. Дэниел — моя первая удача, мой триумф;

я ни при каких обстоятельствах не уничтожу его. Я, естественно, обратился бы к Джандеру. Все сочтут меня дураком, если я стану уверять, что мне разумнее было бы пожертвовать Дэниелом.

Бейли погрузился в молчание.

— Как вы себя чувствуете, мистер Бейли?

Бейли тихо ответил:

— Если вы спрашиваете, каково мне Снаружи, то я даже не думаю об этом. Если же вы имеете в виду нашу дилемму, то меня словно вталкивают в ультразвуковую, растворяющую мозг, камеру. Зачем вы послали за мной, доктор Фастальф? Что я вам сделал, что вы так поступили со мной?

— По правде сказать, это была не моя идея, и меня оправдывает только мое отчаяние.

— Чья же это идея?

— Хозяйки дома, куда мы сейчас идем. Она посоветовала мне это с самого начала, а у меня не было лучшей идеи.

— Но как она могла советовать такое?

— О, разве я не объяснил вам, что она вас знает? Вот она, ждет нас.

Бейли растерянно поднял глаза.

— О, дьявол! — прошептал он.

Часть шестая
Глэдис

23

Перед ними стояла, грустно улыбаясь, молодая женщина.

— Я знала, Илия, что это будет первое слово, когда я увижу вас снова.

Бейли уставился на нее. Она очень изменилась. Волосы стали короче, лицо стало еще более расстроенное, чем два года назад, и вроде бы постаревшее больше, чем на два года. Но все-таки это была Глэдис. То же треугольное лицо с выступающими скулами и маленьким подбородком, такая же маленькая, хрупкая как у подростка фигура.

Он часто видел ее во сне — хотя не в откровенно-эротическом плане — после возвращения на Землю. Он никогда не мог подойти к ней. Она всегда была далеко и не слышала, когда он ее звал.

Нетрудно понять, почему сны были такими; она была солярианкой и редко находилась в присутствии других людей. Илия был запретным для нее, потому что был человеком и, конечно, потому, что он с Земли. Хотя дело об убийстве, которое он тогда расследовал, вынудило их встретиться, она была полностью закрыта от настоящего

контакта. Однако, при их последней встрече она, вопреки здравому смыслу, коснулась его щеки обнаженной рукой. Она знала, что может заразиться. И он дорожил этим прикосновением, потому что все ее воспитание делало его немыслимым.

Со временем сны стерлись.

Бейли сказал несколько глупо:

— Значит, *вы были владелицей*…

Он замолчал и Глэдис закончила его фразу:

— …робота. А два года назад у меня был муж. Все, чего я касаюсь, разрушается.

Бейли, не вполне понимая, что делает, прикоснулся к своей щеке. Глэдис, казалось, не заметила этого жеста и продолжала:

— Вы приехали и спасли меня тогда. Простите меня, что я вызвала вас снова. Входите, Илия. И вы, доктор Фастальф.

Фастальф отступил назад и пропустил Бейли, а потом вошел сам. За ним вошли Дэниел и Жискар и тут же заняли свободные ниши в стенах. Казалось, Глэдис должна бы отнестись с ним с безразличием, как люди обычно смотрят на роботов. Однако, мельком взглянув на Дэниела, она чуть задохнулась и сказала Фастальфу:

— Пожалуйста, скажите этому роботу, чтобы

он ушел.

Фастальф посмотрел на Дэниела, и на лице его выразилась боль.

— Простите меня, моя дорогая, я не подумал. Дэниел, выйди в другую комнату и оставайся там, пока мы здесь.

Дэниел молча вышел. Глэдис посмотрела на Жискара, как бы определяя, не похож ли он на Джандера, и отвернулась, слегка пожав плечами.

— Не хотите ли освежающего? У меня отличный напиток из кокосового ореха, свежий и холодный.

— Нет, Глэдис, — сказал Фастальф, — я ненадолго. Я только привел мистера Бейли.

— Нельзя ли мне стакан воды? — сказал Бейли, — если вас не затруднит.

Глэдис подняла руку. Без сомнения, за ней наблюдали, потому что тут же неслышно подошел робот со стаканом воды на подносе и тарелочкой чего-то вроде крекеров с розовым шариком на каждом. Бейли не мог удержаться и взял один, хотя не был уверен, что это такое. Наверное, что-то, имеющее земных предков, потому что вряд ли космониты стали бы есть местную растительность или синтетическую. Впрочем, потомки земной пищи могли со временем измениться

от культивирования или под влиянием чужого окружения, да и Фастальф за завтраком говорил, что многое в аврорской пище приобрело новый вкус.

Он был приятно удивлен: вкус оказался острым и пряным, и Бейли сразу же взял второй крекер. Он сказал «спасибо» роботу, который не должен был стоять тут бесконечно, и взял всю тарелочку вместе со стаканом. Робот ушел.

Дело шло к вечеру, сквозь западные окна шел красноватый солнечный свет. Бейли подумал, что этот дом меньше, чем у Фастальфа, но более веселый, только печальная фигура Глэдис производила удручающее впечатление.

Впрочем, это, наверное, вообразилось Бейли: как может казаться веселым строение, считающееся домом и защитой для человека, если за каждой стеной находится Снаружи? Нет ни одной стены, думал он, за которой было бы тепло человеческой жизни. Со всех сторон сверху донизу неодушевленный мир. Холод!

И холод пробежал по самому Бейли, когда он подумал о деле (изумление от встречи с Глэдис на минуту вышибло это из его мозга).

— Проходите, садитесь, Илия. Извините, что я слегка не в себе. Я вторично в центре мировой

сенсации, а мне и первого раза было более чем достаточно.

— Я понимаю, Глэдис. Пожалуйста, не извиняйтесь.

— А что касается вас, дорогой доктор, вы, пожалуйста, не считайте, что должны уйти.

— Ну… — Фастальф посмотрел на полосу времени на стене — я ненадолго останусь, а потом, моя дорогая, у меня есть работа, которую обязательно нужно сделать, хоть небо разверзнись, поскольку я должен смотреть в ближайшее будущее, когда мне могут вообще запретить работать.

Глэдис быстро заморгала, как бы удерживая слезы.

— Я знаю, доктор Фастальф. Вы попали в большие неприятности из-за… из-за того, что здесь случилось, а я, похоже, не имела времени подумать о чем-либо, кроме собственного… дискомфорта.

— Я, как могу, позабочусь сам о своих проблемах, Глэдис, и вы вовсе не должны чувствовать себя виноватой. Может быть, мистер Бейли сумеет помочь нам обоим.

— Я не знал, Глэдис, — тяжело выговорил Бейли, — что вы были впутаны в это дело.

— А кто же еще? — вздохнула она.

— Вы… вы были хозяйкой Джандера?

— Не совсем хозяйкой. Я взяла его на время у доктора Фастальфа.

— Вы были с ним, когда он… — Бейли подыскивал слово.

— Умер? Разве мы не можем сказать — умер? Нет, меня с ним не было. Предупреждая вопрос, скажу: в это время в доме не было никого. Я была одна. Я обычно одна. Почти всегда. У меня, как вы помните, солярианское воспитание. Но это, конечно, не обязательно. Вот вы оба пришли, и я совсем не против.

— Вы точно были одна, когда Джандер умер?

— Я же сказала, — ответила она чуть раздраженно. — Нет, я не обижаюсь, Илия, я знаю, что вы должны все повторять. Я была одна. Честно.

— Но роботы, конечно, были.

— Да, конечно. Когда я говорю «одна», я имею в виду, что других людей не было.

— Сколько у вас роботов, Глэдис? Не считая Джандера.

Глэдис помолчала, как бы подсчитывая.

— Двадцать. Пять в доме, пятнадцать снаружи. Роботы свободно ходят между моим домом и домом доктора Фастальфа, так что при беглом взгляде не всегда скажешь, мой это робот или

его.

— Ага, — сказал Бейли. — А поскольку в доме доктора Фастальфа пятьдесят семь роботов, это означает, что всего их семьдесят семь. Есть здесь еще дома, чьи роботы смешиваются с вашими?

— Здесь нет, — сказал Фастальф, — других домов, достаточно близких, чтобы такое практиковалось. Да и вообще, такой практики нет. Я и Глэдис — особый случай, потому что она не аврорианка, и потому, что я несу… некоторую ответственность за нее.

— Даже и в этом случае — семьдесят семь роботов, — сказал Бейли.

— Да. Ну и что?

— Это значит, что семьдесят семь движущихся предметов, каждый и которых, в общем, похож на человека; вы привыкли к ним и не обращаете на них особого внимания. Не могло ли случиться, Глэдис, что в дом проник посторонний человек? Еще один движущийся предмет, похожий на человека, и вы не обратили на него внимания.

Фастальф хихикнул, а Глэдис серьезно покачала головой.

— Илия, сразу видно, что вы с Земли. Вы думаете, что кто-то, даже доктор Фастальф, может подойти к моему дому, и роботы не известят меня

об этом? Я могу не обратить внимания на человека, приняв его за робота, но роботы не могут. Я встретила вас на пороге, потому что мои роботы информировали меня о вашем приближении. Нет, я была одна. Как и на Солярии, когда убили моего мужа.

— Здесь другое дело, Глэдис, — мягко перебил Фастальф. — Ваш муж был убит тупым предметом. Для этого было необходимо физическое присутствие убийцы, и если никого не было, кроме вас, это было серьезно. В данном же случае, Джандер был выключен тонкой словесной программой. Физическое присутствие тут не нужно, а ваше не имело значения, потому что вы не знаете, как заблокировать мозг человекоподобного робота.

Они оба посмотрели на Бейли: Фастальф — насмешливо, Глэдис — печально. Бейли раздражало, что Фастальф как бы юмористически смотрит на крушение как своего, так и его, Бейли, будущего. Кто на Земле стал бы по-идиотски смеяться в такой ситуации?

— Незнание еще ничего не означает, — медленно сказал Бейли. — Человек мог разговаривать с Джандером и неумышленно вызвать умственное замораживание.

Руки Глэдис взметнулись в крайнем волнении.

— Я этого не делала, даже случайно. Меня не было с ним, когда это случилось. *Небыло*. Я разговаривала с ним утром. Он был совершенно нормальным. Через несколько часов я позвала его, но он не пришел. Я пошла за ним, он стоял в обычной позе и казался вполне нормальным, но не ответил мне. И вообще не отвечал с тех пор.

— Может быть, вы сказали что-то, что привело его к умственному замораживанию, но не сразу, а, скажем, через час?

— Это абсолютно невозможно, — вмешался резко Фастальф. — Замораживание либо есть, либо его нет. Прошу вас, не изводите Глэдис. Она не способна вызвать замораживание сознательно, а сделать нечаянно — абсолютно немыслимо.

— Но так же немыслим и случайный позитронный сдвиг, о котором вы говорили?

— Не так же.

— Обе альтернативы исключительно неправдоподобны. Какая же разница в немыслимости?

— Очень большая. Я бы сказал, больше, чем между простым электроном и всей Вселенной в пользу сдвига.

Некоторое время все молчали. Потом Бейли сказал:

— Доктор Фастальф, вы говорили, что пробуде-

те здесь недолго.

— Я уже пробыл слишком долго.

— Тогда, может, вы уйдете?

Фастальф приподнялся.

— Зачем?

— Я хотел бы поговорить с Глэдис наедине.

— Мучить ее?

— Я должен допросить ее без вашего вмешательства. Наше положение слишком серьезно, чтобы думать о вежливости.

— Я не боюсь мистера Бейли, доктор, — сказала Глэдис и задумчиво добавила: — если его невежливость перейдет границы, мои роботы защитят меня.

Фастальф улыбнулся.

— Ну, что ж, прекрасно. — Он встал и протянул ей руку, которую она быстро пожала. — Я хотел бы, чтобы Жискар остался здесь для общей защиты, а Дэниел пусть будет в соседней комнате, если он не против. Не дадите ли вы мне одного из ваших роботов, чтобы проводить меня до дома?

— Конечно, — сказала Глэдис, поднимая руку. — Вы, я думаю, знаете Пандиона?

— Да! Надежный эскорт. — Он вышел, а робот пошел следом.

Бейли посмотрел на Глэдис. Он не знал, убедит

ли ее говорить, но в одном был уверен: пока доктор Фастальф был здесь, она не сказала бы всей правды.

24

Наконец, Глэдис подняла глаза и тихо спросила:

— Как вы, Илия? Как себя чувствуете?

— Хорошо, Глэдис.

— Доктор Фастальф говорил мне, что поведет вас по открытому пространству и постарается, чтобы вы постояли некоторое время в самом плохом месте.

— Вот как? А зачем? Ради шутки?

— Нет, Илия. Я говорила ему, как вы реагируете на открытое пространство. Помните, как вы ослабели и чуть не упали в пруд?

Илия быстро тряхнул головой. Он не мог отрицать, что помнит этот случай, но ссылку на него не одобрял и сказал ворчливо:

— Такого больше не случится. Я усовершенствовался.

— Но доктор Фастальф сказал, что хочет проверить вас. Все прошло хорошо?

— Более или менее. Я не падал.

Он вспомнил эпизод на борту корабля, когда садились на Аврору. Там было другое дело, упоминать сейчас об этом не стоило. Он сказал, меняя

тему разговора:

— Как мне называть вас здесь?

— Вы же звали меня Глэдис.

— Может быть, это неудобно? Я мог бы сказать — миссис Дельмар…

Она резко прервала его:

— Я не пользуюсь этим именем с тех пор, как приехала сюда. Пожалуйста не зовите меня так.

— А как вас зовут аврорцы?

— Глэдис с Солярии, но это указывает, что я здесь чужая, и это мне тоже не нравится. Я просто Глэдис. Это не аврорское имя, я сомневаюсь, чтобы на планете была еще одна Глэдис, так что одного имени достаточно. И я по-прежнему буду звать вас Илия, если вы не возражаете.

— Не возражаю.

— Подать чай?

Бейли кивнул.

— Я не знал, что космониты пьют чай.

— Это не земной чай. Это растительный экстракт, приятный и ни в коей мере не вредный. Мы называем его чаем.

Она подняла руку, и Бейли заметил, что рукав плотно охватывал запястье и соединялся с тонкими телесного цвета перчатками. Она все еще выставляла минимум тела в его присутствии,

уменьшая возможность инфекции.

Ее рука оставалась поднятой не дольше секунды, через несколько секунд робот принес поднос. Робот был даже более примитивным, чем Жискар, но ловко расставил чашки налил чай, подал маленькие сэндвичи и мелкое печенье.

— Как вы это делаете, Глэдис? — с любопытством спросил Бейли. — Вы только поднимаете руку, а робот уже знает, чего вы хотите.

— Это не сложно. Когда я поднимаю руку, искажается небольшое электромагнитное поле, постоянно находящееся в комнате. Разное положение руки и пальцев вызывает разные искажения, и мои роботы воспринимают эти искажения, как приказы. Я пользуюсь самыми простыми приказами — иди сюда! принеси чаю! — и тому подобными.

— Я не заметил, чтобы доктор Фастальф пользовался такой системой у себя дома.

— Это солярианская система, и я ей пользуюсь. Кроме того, я всегда пью чай в это время, и Бургграф знает это.

— Это Бургграф?

Бейли с интересом взглянул на робота. Привычка быстро родит безразличие. В один прекрасный день он вообще перестанет замечать роботов.

Но он не хотел этого. Он хотел, чтобы их не было здесь.

— Глэдис, я хотел бы остаться с вами вдвоем. Даже без роботов. Жискар, выйдите к Дэниелу. Вы можете остаться на страже и там.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Жискар, приведенный в сознание звуком своего имени.

Глэдис это, кажется, показалось забавным.

— Какие вы, земляне, странные. Я знаю, что на Земле есть роботы, но вы, похоже, не умеете управлять ими. Вы *выкрикиваете приказы*, словно роботы глухие. — Она повернулась к Бургграфу и тихо сказала: — Бургграф, никто из вас не войдет в комнату, пока я не позову. Не мешайте нам ни под каким предлогом.

— Слушаю, мэм, — сказал Бургграф, оглядел стол, проверяя, не упустил ли чего-нибудь, и вышел из комнаты.

Бейли в свою очередь посмеялся, но про себя. Голос Глэдис был тихим, но тон такой резкий, как у сержанта, обращающегося к новобранцу. Но чему, собственно, он удивляется? Давно известно, что слабости другого легче увидеть, чем свои.

— Ну, вот, Илия, мы одни. Даже роботы ушли.

— Вы не боитесь остаться наедине со мной? — спросил Бейли.

Она медленно покачала головой.

— Чего мне бояться? Жест, испуганный возглас — и роботы тут же появятся. Ни один космонит не боится другого. Это не Земля. А почему вы спросили?

— Потому что боятся не только физического действия. Я ни в коем случае не допустил бы какого-либо насилия или дурного обращения по отношению к вам. Но вы не боитесь моих вопросов и того, что может открыться? Помните, что здесь не Солярия. Там я симпатизировал вам и намеревался доказать вашу невиновность.

— А теперь вы мне не симпатизируете? — тихо спросила она.

— На этот раз убит не муж, и вас не обвиняют в убийстве. Уничтожен всего лишь робот, и, насколько я знаю, вас ни в чем не подозревают. Так что моя проблема — доктор Фастальф. И для меня чрезвычайно важно — о причинах сейчас говорить нет нужды — доказать *его* невиновность. Если дело обернется так, что пострадаете вы — я не смогу этому помочь. Я не сойду со своего пути ради вас. Я говорю вам это открыто.

Она подняла голову и надменно посмотрела на него.

— С какой стати я пострадаю от чего бы то ни

было?

— Может быть, без вмешательства доктора Фастальфа мы как раз и обнаружим это, — холодно сказал Бейли. Он ткнул в сэндвич маленькой вилочкой (взять его рукой означало, что все остальные окажутся для Глэдис непригодными), переложил на свою тарелку, затем сунул в рот и запил чаем. Она тоже ела сэндвич за сэндвичем и пила чай, и оба остывали от раздражения.

— Глэдис, — сказал он, — мне нужно точно знать о ваших взаимоотношениях с доктором Фастальфом. Вы живете почти рядом, у вас даже роботы практически общие. Он явно заботится о вас. Он не старается доказать собственную невиновность, разве что утверждает, что невиновен, а вас сразу же кинулся защищать, как только я усилил допрос.

Она слабо улыбнулась.

— Что вы подозреваете, Илия?

— Не уклоняйтесь. Я не хочу подозревать. Я хочу знать.

— Доктор Фастальф говорил вам о Фании? Вы не спрашивали его, жена она ему или только сотрудница? Спрашивали вы, есть ли у него дети?

Бейли почувствовал себя неловко. Он должен был спросить. В смежных квартирах перенасе-

ленной Земли дорожили уединением именно потому, что ему все угрожало. На Земле практически невозможно не знать обо всем, что касалось семейных дел соседей, поэтому никто ни о чем не спрашивал и делал вид, что не знает. Здесь, на Авроре, конечно, не придерживались земных обычаев, однако Бейли автоматически держался их. Дурак!

— Нет, еще не спрашивал. Скажите.

— Фания его жена. Он женился много раз, конечно, последовательно, хотя на Авроре случается, что у кого-то одновременно несколько жен или мужей. — Она сказала это со смесью отвращения и оправдания. — На Солярии это неслыханное дело. Тем не менее, этот брак доктора Фастальфа, видимо, скоро расстроится, и оба будут искать новых привязанностей, хотя часто бывает, что один или оба супруга не дожидаются расторжения брака. Я не понимаю такого небрежного отношения, Илия, но знаю, что на Авроре именно так. Доктор Фастальф, насколько я знаю, скорее пуританских взглядом: он всегда придерживается того или иного брака и не ищет никого на стороне. На Авроре это считается старомодным и глупым.

— Я что-то читал об этом, — кивнул Бейли. — Как я понял, брак заключается с намерением

иметь детей.

— В теории — да, но в наше время мало кто это принимает всерьез. У доктора Фастальфа уже есть двое детей, больше ему не полагается, но он все-таки женился и просит разрешения на третьего. Ему, конечно, откажут, и он это знает. А другие даже не утруждают себя просьбами.

— Зачем же тогда утруждать себя женитьбой?

— От этого есть какие-то социальные выгоды; они довольно сложны, и я их не понимаю.

— Ладно, неважно. Расскажите о детях доктора Фастальфа.

— У него две дочери от разных матерей — конечно, не от Фании. Матери сами вынашивали дочерей, как это принято на Авроре. Дочери уже взрослые, у них свои дома.

— Он близок с дочерьми?

— Не знаю. Он никогда о них не говорит. Одна из них — роботехник, и я думаю, что он должен был как-то соприкасаться с ее работой. А вторая дочь где-то служит или имеет свой офис, точно не знаю.

— Вы не знаете, были ли семейные неурядицы?

— Не знаю, но вряд ли. Насколько мне известно, он в хороших отношениях со своими бывшими

женами. Ни один из разводов не нес в себе злобы. Ни один из разводов не нес в себе злобы. Доктор Фастальф не тот человек. Я не могу представить себе чтобы он принял любое событие в жизни с чем-то большим, чем покорный вздох. Он будет шутить даже на смертном одре.

Это, во всяком случае, правильная оценка, — подумал Бейли и сказал:

— А каковы его отношения к вам? Только, пожалуйста, скажите правду. Мы не в том положении, когда скрывают правду, чтобы избежать осложнений.

Она спокойно встретила его взгляд.

— Тут нечего избегать. Доктор Фастальф мой друг, и очень хороший.

— Вы ждете его развода, чтобы стать его следующей женой?

— Нет.

— Вы любовники?

— Нет.

— И не были?

— Нет. Вас это удивляет?

— Мне просто нужна информация.

— Тогда задавайте вопросы связно и не закидывайте меня ими, словно надеясь заставить меня в чем-то проболтаться. — Она сказала это без

всякого раздражения. Ее это как бы развлекало.

Бейли слегка покраснел и хотел сказать, что у него вовсе не было такого намерения, но оно, конечно, было, и отрицать это было бесполезно.

— Ладно, — сказал он грубовато, — пойдем дальше.

Глэдис снова опустила глаза; лицо ее стало чуть жестче, словно она погрузилась в прошлое, которое хотела бы забыть.

— Вы имеете представление о моей жизни на Солярии. Она не была счастливой, но другой я не знала. И только когда я попробовала прикоснуться к счастью, я поняла, до какой степени была несчастна моя жизнь. Первый намек на это пришел от вас, Илия.

— От меня? — изумился Бейли.

— Да, Илия. Наша последняя встреча на Солярии — я надеюсь, что вы помните — научила меня кое-чему. Я коснулась вас! Я сняла перчатку — такую же, как сейчас на мне — дотронулась до вашей щеки. Контакт был очень коротким. Не знаю, значил ли он что-то для вас — нет, не говорите, это не важно — но для меня он значил очень много! — Она подняла глаза и встретила его взгляд. — Он значил для меня *все*. Он изменил всю мою жизнь. Вспомните, что я до тех пор не

касалась мужчины или вообще человеческого существа, исключая мужа. А мужа я касалась очень редко. Конечно, я видела мужчин по трехмерке и хорошо знала физические аспекты мужественности. В этом отношении мне нечему было учиться. Но я не думала, что мужчины отличаются друг от друга на ощупь. Я знала, какая кожа у моего мужа, какие у него руки, но — и только. У меня не было оснований думать, что у другого мужчины это могло быть другим. От контакта с мужем удовольствия не было — да и откуда ему быть? Какое удовольствие от контакта пальцев со столом — разве что провести по нему и оценить его гладкость?

Контакт с мужем был частью редко происходящего ритуала, на который муж шел, потому что этого от нас ждали, и, как хороший солярианин, он выполнял его в тот день и час, за такой промежуток времени и в такой манере, как предписывалось хорошим воспитанием. В другом смысле тут не было ничего хорошего, потому что, хотя этот периодический контакт имел точную цель сексуальных отношений, мой муж не просил разрешения иметь ребенка и, я думаю, не интересовался произвести его. А я слишком благоговела перед ним, чтобы самой

просить разрешение, хотя имела на это право. Оглядываясь назад, я понимаю, что сексуальный опыт был поверхностным и механическим. У меня никогда не было оргазма. Ни разу. Я только читала о такой вещи, но описания просто сбивали меня с толку, поскольку их можно было найти только в привозных книгах — солярианские книги никогда не упоминали о сексе — и я не могла верить им. Я думала, что это просто экзотические метафоры. И я не могла это проверить, по крайней мере, сама. Кажется, это называется мастурбацией — я слышала это слово на Авроре. На Солярии никогда не говорят о сексе, и слова, относящиеся к нему, не употребляются в порядочном обществе, да и любом другом на Солярии. Из случайно прочитанного я представляла, как это делается, и несколько раз, скрепя сердце, пробовала сделать, как написано, но не смогла. Табу на прикосновение к человеческой плоти делало даже собственную плоть запретной и неприятной. Конечно, я могу дотронуться до своего лица или положить ногу на ногу, но это случайные прикосновения, на них не обращаешь внимания. А сделать прикосновение инструментом сознательного удовольствия — совсем другое дело. Каждой частицей своего существа я знала,

что этого нельзя делать, и поэтому, удовольствия не могло быть. И мне не приходилось получать удовольствие от прикосновения при других обстоятельствах. Да и как это могло случиться?

И в тот раз я коснулась вас. Зачем я это сделала — не знаю. Я чувствовала бесконечную признательность вам за то, что вы спасли меня. Кроме того, вы были не полностью запретны. Вы не солярианин. Вы были — простите меня — не вполне мужчиной. Вы — земное создание, человек по виду, но вы — недолговечный, бациллоноситель, нечто вроде полу-человека. И вот потому, что вы спасли меня и были ненастоящим мужчиной, я могла коснуться вас. Кроме того, вы смотрели на меня не враждебно и надменно, как мой муж, не с тщательно вышколенным безразличием тех, с кем я виделась по трехмерному изображению. И вы были прямо тут, рядом, и глаза у вас были теплые и заботливые. И вы вздрогнули, когда моя рука потянулась к вашей щеке. Я видела это.

Почему так случилось, я не знаю. Прикосновение было таким беглым, что физическое ощущение нельзя было отличить от того, как если бы я дотронулась до своего мужа, другого мужчины или даже женщины. Но здесь было нечто большее, чем физическое ощущение. Вы

были здесь, вы были рады и показали мне все признаки того, что я приняла как… чувство. И когда наша кожа — моей руки и вашей щеки — соприкоснулась, я словно коснулась ласкового огня, который тут же прошел по моей руке и всю меня охватил пламенем. Не знаю, долго ли это продолжалось — вряд ли больше одной-двух секунд, но для меня время остановилось. Во мне произошло что-то, чего никогда не случалось раньше, и вот теперь, когда я познала это, я понимаю, что тогда была очень близка к оргазму. Я старалась не показать этого…

Бейли, не решаясь взглянуть на нее, кивнул.

— Так вот, я не показала этого и только сказала: «Спасибо вам, Илия». Я поблагодарила вас за то, что вы сделали для меня в связи со смертью моего мужа, но много больше — за то, что вы осветили мою жизнь и показали мне, даже не зная этого, что есть в жизни; вы открыли дверь; показали тропу. Физическое действие было само по себе ничто: просто прикосновение, но это стало началом всего. — Она сделала паузу, затем подняла палец. — Нет, не говорите ничего. Я еще не закончила.

Я раньше представляла себе смутно и неопределенно: мужчина и я делаем то, что делали мы с мужем, но как-то по-другому — я даже не знала,

как именно — и ощущения были другие, но я не могла представить себе их. Я могла бы прожить всю жизнь, пытаясь вообразить невообразимое, и умерла бы через триста-четыреста лет, так и не узнав, как и другие женщины Солярии, да и многие мужчины. Никогда не узнать. Иметь детей, но не узнать.

Но я дотронулась до вашей щеки и поняла. Не удивительно ли? Вы научили меня тому, о чем я лишь воображала. Нет, не механике, не унылому, неохотному сближению тел, но чему-то такому, что должно быть при этом и чего я никогда не достигала. Взгляд на лицо, блеск в глазах, ощущение мягкости, доброты… чего-то, что я не могу описать… Понижение ужасного барьера между индивидуумами. Любовь, наверное, подходящее слово, включающее в себя все это и еще большее. Я чувствовала любовь к вам, потому что думала, что и вы могли бы любить меня. Не говорю, что любили, но могли бы. В старинных книгах говорилось о любви, я принимала это слово, но не знала его значения, пока не коснулась вас.

И я поехала на Аврору, вспоминая вас, думая о вас, мысленно разговаривая с вами, и думала, что на Авроре встречу миллион Илий. — Она опять помолчала, погрузившись в мысли. — Но я не

встретила. Аврора также плоха, как и Солярия, но в обратном смысле. На Солярии секс — *неправильность*, грех. Секс отвратителен, и мы все отвернулись от него. Мы не могли любить, потому что ненавидели секс. На Авроре секс *скучен*. Его принимают спокойно и легко, как дыхание. Если человек ощущает позыв, он тянется к тому, кто кажется подходящим, и если подходящая особа в данный момент не занята чем-то важным, следует секс в той манере, как это принято. Вроде дыхания. Но какой экстаз в дыхании? Если у человека удушье, то, возможно, первый хороший вдох будет для него наслаждением; а если он никогда не задыхался?

Секс разрешенный и доступный как вода на Авроре, так же как и секс запретный и постыдный на Солярии не имели ничего общего с любовью. В обоих случаях дети получаются редко и только по официальному разрешению. Когда такое разрешение получено, происходит интерлюдия секса, безрадостная и противная, предназначенная только для деторождения. Если в положенное время зачатия не последовало, прибегают к искусственному оплодотворению. А на Солярии принят эктогенез, так что оплодотворение и развитие зародыша происходит в генотарии, а

секс остается как форма социального общения, не имеющая ничего общего с любовью.

Я не могла принять привычки аврорцев — не была воспитана в них. Я со страхом тянулась к сексу, и никто не отказывался, но и не придавал этому значения. Глаза мужчин были пусты, когда я предлагала себя, и оставались пустыми, когда мужчины соглашались. Они хотели, но и только. И прикосновение к ним не давало ничего. Так же, как я прикасалась к мужу. Я примирилась с этим, позволила вести себя, но и все остальное ничего не дало. Я не чувствовала даже потребности делать это. То ощущение, что вы дали мне, не возвращалось, и я, в конце концов, покорилась.

Доктор Фастальф был моим другом. Он один на Авроре знал все, что произошло на Солярии. Вы знаете, что полные сведения не были опубликованы и уж, конечно, не вошли в эту ужасную гиперволновую программу. Я о ней слышала, но смотреть отказалась. Доктор Фастальф защищал меня от непонимания со стороны аврорцев и от их презрения к солярианцам. Он защищал меня также и от отчаяния, которое охватило меня через некоторое время. Но любовниками мы не были. Я могла бы предложить себя, но в то время уже решила, что ощущение, которое вы мне да-

ли, никогда не вернется, и отказалась от мысли предлагать себя. И он тоже не предлагал себя, не знаю, почему. Может быть, он понимал, что мое отчаяние происходит от неудачи найти что-то в сексе, и не хотел увеличивать его. Вероятно, он просто был добр ко мне и заботился обо мне в этом отношении, так что мы не стали любовниками. Он был моим другом, когда я нуждалась в дружбе.

Вот и все, Илия. Вы получили полный ответ на свои вопросы. Вы хотели знать о моих отношениях с доктором Фастальфом и сказали, что вам нужна информация. Вы ее получили. Вы удовлетворены?

— Мне очень жаль, Глэдис, что ваша жизнь была так трудна. Я получил информацию, в которой нуждался. Вы дали мне больше информации, чем вы думаете.

— В каком смысле?

Бейли не дал прямого ответа.

— Глэдис, я рад, что воспоминание обо мне так много значило для вас. Когда я был на Солярии, мне и в голову не приходило, что я произвел на вас такое впечатление. Но даже если бы пришло, я не пытался бы… вы понимаете.

— Я понимаю, — мягко сказала она, — но и

попытка была бы бесполезной: я бы не могла.

— Я знаю. И теперь не сделал бы такого, как вы сказали, предложения. Одно прикосновение, момент сексуального понимания — больше ничего не нужно. Вполне вероятно, что этот момент неповторим, и его нельзя пачкать глупыми попытками к возобновлению. По этой причине я не… предлагаю себя. Моя неудача могла бы оказаться еще одной пустышкой для вас. Кроме того…

— Да?

— Как я уже говорил, вы сказали мне больше, чем вы думаете. Вы сообщили, что история не кончилась на вашем отчаянии.

— Откуда вы знаете?

— Рассказывая мне об ощущении, которое дало вам прикосновение к моей щеке, вы сказали, что только теперь поняли, как были тогда близки к оргазму. Затем вы сказали, что секс с аврорцами не был успешен, и, следовательно, в этих случаях вы не испытали оргазма. Однако, вы *должны* были испытать его, Глэдис, чтобы судить о ваших ощущениях. Иначе говоря, у вас *был* любовник, и вы *узнали любовь*. Если это не доктор Фастальф, то значит, был кто-то другой.

— Ну и что? Разве это касается вас?

— Не знаю, касается или нет. Скажите, кто он, и если будет ясно, что это не мое дело — покончим с этим.

Глэдис молчала.

— Если вы не хотите сказать, то я сам скажу вам. Я уже говорил, что не намерен щадить ваши чувства.

Глэдис продолжала молчать.

— Кто-то должен был быть, Глэдис, и ваша скорбь по поводу потери Джандера чрезмерна. Вы выслали из комнаты Дэниела, потому что его лицо напомнило вам Джандера. Если я ошибся, решив, что Джандер Пэнел… — он сделал паузу и затем резко закончил: — что робот Джандер Пэнел был вашим любовником — скажите.

— Джандер Пэнел, робот, — прошептала Глэдис — не был моим любовником.

25

Губы Бейли беззвучно зашевелились в безошибочном трехсложном восклицании.

— Да, — сказала Глэдис, — «О, дьявол!». Вы ошеломлены? Почему? Вы не одобряете?

— Не мое дело — одобрять или не одобрять, — без выражения ответил Бейли.

— Это значит — не одобряете.

— Это значит, что я ищу только информацию. Какая разница между мужем и любовником на Авроре?

— Если двое живут в одном доме какое-то время, они говорят друг об друге «жена» или «муж».

— Какой период времени?

— В разных регионах по-разному. В городе Эос это три месяца.

— И в это время они воздерживаются от сексуальных отношений с другими?

— Почему? — Глэдис резко подняла брови.

— Я только спрашиваю.

— Исключительность на Авроре немыслима. К мужу или любовнику — безразлично. Секс для удовольствия.

— И вы тоже искали других, когда были с Джан-

дером?

— Нет. Это был мой выбор.

— Другие предлагали себя?

— Случалось.

— И вы отказывали.

— Я всегда могу отказаться. Это часть неисключительности.

— Но вы отказывали?

— Да.

— А те, кому вы отказывали, знали причину?

— Что вы имеете в виду?

— Они знали, что у вас муж — робот?

— У меня был *муж*. Я не называю его мужемистероботом. Здесь нет такого выражения.

— Но они знали?

Она помолчала.

— Не знаю.

— Вы им говорили?

— Зачем бы я стала говорить?

— Не отвечайте вопросом на вопрос. Говорили вы им?

— Нет.

— Как вы могли избежать этого? Разве не естественно объяснить ваш отказ?

— Объяснений никогда не требуется. Отказ есть отказ, так его и принимают. Я вас не понимаю.

Бейли собрался с мыслями. Непонимание его и Глэдис не пересекалось, а шло параллельно. Он начал снова.

— На Солярии было бы естественным иметь робота в качестве мужа?

— На Солярии это немыслимая вещь. Мне и в голову не пришло бы подобное. На Солярии все немыслимо. И на Земле тоже. Разве ваша жена взяла бы когда-нибудь в мужья робота?

— Это не относится к делу.

— Возможно, но ваше впечатление — достаточный ответ. Мы с вами не аврорцы, но мы на Авроре. Я живу здесь два года и больше понимаю.

— Вы имеете в виду, что сексуальная связь человек-робот — обычное дело на Авроре?

— Не знаю. Знаю только, что это приемлемо, как приемлемо все, что касается секса все добровольное, дающее взаимное удовлетворение и не наносящее никому физического вреда. Кому какое дело, как индивидуум или любая комбинация индивидуумов находит удовлетворение? Кого тревожит, какие книги я читаю, когда ложусь спать или встаю, люблю ли кошек или не терплю розы? Так же относятся на Авроре и к сексу.

— Да, на Авроре, но вы родились не на Авроре

и воспитывались не на их лад. Вы только что говорили, что не приспособились к этому безразличию в сексе, а сейчас его защищаете. Вы выражали отвращение к многократным бракам и неразборчивости в связях. Вы не говорили тем, кому отказывали, о причине отказа потому, возможно, что в глубине души стыдились иметь мужем Джандера. Может, вы знали, или подозревали, или просто предполагали, что такое необычно даже на Авроре — и вы стыдились.

— Нет, Илия, я не стыдилась. Если муж-робот необычен даже на Авроре, то это, возможно, потому, что не обычны такие роботы, как Джандер. Роботы на Солярии, на Земле и на Авроре — если не считать Дэниела и Джандера — могут дать лишь самое примитивное сексуальное удовлетворение. Они просто приспособление для мастурбации, механический вибратор, и больше ничего. Когда будет много человекоподобных роботов, появится и секс человек-робот.

— Как вы получили Джандера, Глэдис? Их было всего два, и оба в доме доктора Фастальфа. Доктор Фастальф просто дал вам его в полу-собственность?

— Да.

— Почему?

— По доброте, я думаю. Я была одинока, разочарована, несчастна, чужая в чужой стране. Он дал мне Джандера для компании, и я вечно буду ему благодарна. Это длилось всего полгода, но будет ценно для меня всю мою жизнь.

— Доктор Фастальф знал, что Джандер ваш муж?

— Он никогда не упоминал об этом, так что я не знаю.

— А *вы упоминали*?

— Нет.

— А почему?

— Не считала нужным. Но вовсе не из стыда.

— Как это случилось?

Глэдис напряглась и сказала враждебно:

— Зачем мне объяснять вам это?

— Глэдис, время идет. Не воюйте со мной на каждом шагу. Вы расстроены тем, что Джандер… что его нет?

— Зачем вы спрашиваете?

— Вы хотите знать, что случилось?

— Опять-таки — зачем спрашиваете?

— Тогда помогите мне. Мне нужна вся информация, какую я могу получить, если я хочу хотя бы начать разработку этой, похоже, неразрешимой проблемы. Как Джандер стал вашим мужем?

Глаза Глэдис заволоклись слезами.

— Обычно роботы не носят одежды, но они так сконструированы, как будто одеты. Я хорошо знаю роботов, поскольку жила на Солярии, и у меня есть некоторый художественный талант…

— Я помню ваши световые формы.

Глэдис благодарно кивнула.

— Я составляла новые рисунки для новых моделей. Они, по-моему, более интересны, чем те, какими пользуются на Авроре. Некоторые из моих рисунков здесь на стене. Есть и в других местах в доме.

Глаза Бейли пробежали по рисункам. Он уже заметил их. Изображенные на них роботы не были натуралистическими — удлиненные, неестественно изогнутые. Теперь он видел, что искажение было задумано очень умно, как акцент; глядя на них с новой перспективы, он увидел, что эти детали напоминают одежду. В них было что-то от костюмов слуг Викторианской Англии — он видел такие в одной книге. Интересно, знала ли Глэдис о них, или это просто случайное совпадение? Когда Бейли впервые увидел эти рисунки, он решил, что Глэдис окружила себя роботами, имитируя жизнь на Солярии. Она говорила, что ненавидела эту жизнь, но это было

только продуктом ее мыслящего мозга. Солярия была единственным домом, который она хорошо знала, и его нелегко отбросить — а может, и вообще невозможно. И этот фактор мог присутствовать в ее рисунках, даже если ее новые занятия дали ей более приятные мотивы.

— Я имела успех. Некоторые концерны, производящие роботов, хорошо платили мне за мои рисунки, и было очень много случаев, когда уже существующих роботов покрывали заново по моим указаниям. Это давало мне определенное удовлетворение и в какой-то мере компенсировало эмоциональную пустоту моей жизни.

Когда доктор Фастальф дал мне Джандера, робот, конечно, был в обычной одежде. Доктор был настолько добр, что дал мне множество сменной одежды для Джандера, но в ней не было ничего особенного, а мне хотелось купить более, на мой взгляд, подходящее. Это означало, что надо было тщательно измерить Джандера, потому что я хотела заказать одежду по моим рисункам. Джандер разделся, и тогда я полностью осознала, насколько он приближался к человеку. Ничего не было упущено, и те части, которые должны были напрягаться, и в самом деле напрягались и находились, как и у человека под контролем со-

знания. Я спросила, функционирует ли его пенис, Джандер ответил — да, я заинтересовалась, и он продемонстрировал.

Вы понимаете, что как ни похож он был на мужчину, я знала, что он робот. У меня есть некоторые колебания насчет прикосновения к мужчинам, и это наверняка играло какую-то роль в моей неспособности получить удовлетворение от секса с аврорцами. Но это был не мужчина, а я всю жизнь была с роботами и свободно могла касаться Джандера. Я быстро осознала, что хочу коснуться его, и он быстро понял, что я хочу этого. Он был тонко настроенным роботом и тщательно следовал Трем Законам. Не дать радость — это вызвать разочарование, которое можно расценить как вред, а он не мог вредить человеку. И он старался дать мне радость. И именно потому, что я знала о его желании дать мне радость — чего я никогда не видела в аврорских мужчинах — я и в самом деле радовалась и постепенно дошла до полной… я думаю, это и есть оргазм.

— Значит, вы были полностью счастливы?

— С Джандером? Да, конечно.

— Вы никогда не ссорились?

— Как же это возможно? Единственная его цель, единственный смысл его существования

— быть мне приятным.

— А вас не смущало, что он делал это только для того, чтобы быть приятным вам?

— Не все ли равно, по какой причине кто-то что-то делает?

— И, когда вы узнали полноту чувств, у вас не разу не было желания сделать тоже с аврорцем?

— Это было бы бесполезно. Я хотела только Джандера. Теперь вы понимаете, каково мне было потерять его?

Обычно серьезное выражение лица Бейли стало торжественным.

— Я понимаю, Глэдис. Простите, что я недавно причинил вам боль — тогда я еще не вполне понимал.

Она заплакала, и он ждал, не зная, как утешить ее. Наконец, она вытерла глаза.

— Еще что-нибудь?

— Еще несколько вопросов на другую тему, и я больше не буду докучать вам. — И осторожно добавил: — Сегодня. Вы знаете, что многие считают доктора Фастальфа виновным в убийстве Джандера?

— Да.

— Вы знаете, что сам доктор считает себя единственным, кто мог бы убить Джандера тем

способом, каким его убили?

— Да. Доктор сам говорил мне это.

— Думаете ли *в*ы, что Джандера убил доктор Фастальф?

Она неожиданно резко взглянула на Бейли и сердито сказала:

— Конечно, нет! Зачем ему это? Джандер был *его* роботом и доктор очень заботился о нем. Вы не знаете доктора, Илия. Он добрый человек, он никому не мог бы повредить и уж тем более роботу. Этого просто не могло быть.

— У меня больше нет вопросов, есть только одно дело сейчас — взглянуть на Джандера, если вы позволите.

Глэдис встала. Ее простое платье не было черным (как полагалось бы на Земле), а какого-то тусклого цвета, без единой яркой искорки, и даже Бейли, отнюдь не знаток одежды, понял, насколько это платье траурное.

— Пошли, — тихо прошептала она.

26

Они прошли через несколько комнат, по коридору и поднялись по короткому пролету лестницы в маленькую комнату, одна стена которой светилась. В комнате были койка и стул, больше ничего.

— Это была его комната, — сказала Глэдис и, как бы отвечая на мысли Бейли, добавила: — это все, в чем он нуждался. Я оставляла его одного иногда даже на весь день: я не хотела устать от него. Теперь я хотела бы, чтобы он был со мной каждую секунду, я ведь не знала, что у нас так мало времени впереди. Вот он.

Джандер лежал на койке, прикрытый до груди мягкой блестящей тканью. Лицо его было спокойно и нечеловечески безмятежно. Глаза широко раскрыты, но непрозрачны и без блеска. Он очень походил на Дэниела, и понятно, почему Глэдис было не по себе в присутствии Дэниела.

— Доктор Фастальф осматривал его?

— Да. Я в отчаянии пришла к нему, и если бы вы видели, как он бежал сюда, расстроенный, с болью, в панике, вы никогда не сочли бы его виновным. Но он ничего не мог сделать.

— Он раздет?

— Да. Доктор раздел его, чтобы осмотреть, а снова одевать не имело смысла.

— Вы позволите мне открыть его?

— Зачем? Что вы можете обнаружить, чего не обнаружил доктор Фастальф?

— Ничего, но я должен знать, что ничего не упустил в расследовании.

— Хорошо, но потом опять покройте его. — Глэдис повернулась к нему спиной и уткнулась лбом в стену. Бейли знал, что она опять плачет.

Тело было, пожалуй, не совсем человеческое. Мускулатура, пожалуй, несколько упрощенная, чуточку схематичная; но все остальное было на месте: соски, пупок и прочее. Даже легкие волосы на груди.

Сколько дней прошло с убийства Джандера? Во всяком случае, больше недели, и никаких признаков разложения. Робот. Тело было теплое, крепкое, упругое. Бейли не мог избавится от чувства неловкости, ему казалось, что он нарушает покой человека. Будь это труп человека, негибкость и холод лишили бы его человечности. Тело робота было куда более человеческим, чем труп человека.

Он снова прикрыл Джандера.

— Я закончил, Глэдис.

Она повернулась, посмотрела на Джандера и сказала:

— Пойдем?

— Да, конечно. Но, Глэдис… вы так и оставите его здесь?

— А если оставлю, какое это имеете значение?

— В какой-то мере имеет. Вы должны постараться оправиться от потери. Нельзя носить траур в течении трех столетий. — Он сам сознавал, что его слова звучат сентенциозно; как же она должна воспринимать их?

— Я понимаю, что вы желаете мне добра, Илия. Но меня просили сохранить Джандера до конца расследования. А потом его кремируют по моей просьбе. У меня будет его голограмма. Вы удовлетворены?

— Да. Мне пора вернуться в дом доктора Фастальфа.

— Я хочу, чтобы вы нашли того, кто это сделал и зачем. Я должна знать. И я уверена, что вы сможете.

Часть седьмая
Фастальф

27

Бейли вышел из дома Глэдис на закате. Дэниел шел позади него, Жискар, как и раньше, впереди.

— Вы хорошо себя чувствуете, партнер Илия? — спросил Дэниел.

— Вполне, — ответил Бейли, довольный собой. — Я начал привыкать к Снаружи, Дэниел, даже могу восхищаться закатом. Он всегда такой?

— Да. Но давайте пойдем быстрее: в это время года рано темнеет.

— Я готов. Пошли.

Сам Бейли думал, что лучше бы дождаться темноты — она дала бы ему иллюзию стен, а он в глубине души не был уверен, что его хорошее самочувствие, вызванное красивым закатом, продлится долго. Закат-то ведь Снаружи! Нет, это трусливая неуверенность, он не должен поддаваться ей.

Жискар бесшумно подошел к нему.

— Может быть, вы предпочитаете подождать, сэр? Может, темнота для вас лучше? Нам ведь все равно.

Бейли увидел других роботов в отдалении. Интересно, кто их послал для его охраны — Глэдис

или Фастальф? Это подчеркивало их заботу о нем, и он упрямо не желал показать слабость.

— Нет, пойдем сейчас, — сказал он и быстро пошел по направлению к дому Фастальфа, хотя и не видел его за далекими деревьями.

Хорошо бы освободиться от страха, заставляющего зубы стучать. А может, они стучат от холодного вечернего ветра, и от него же гусиная кожа на руках?

Нет, здесь *не Снаружи*. Нет.

— Дэниел, вы хорошо знали Джандера?

— Мы некоторое время были вместе. Со времени изготовления друга Джандера до его перехода в дом мисс Глэдис.

— Вас не смущало, что Джандер так похож на вас?

— Нет. Мы оба знали наши различия, и доктор Фастальф тоже не путал нас. Так что мы были два индивидуума.

— Вы тоже различали их, Жискар?

— Насколько я помню, не было такого случая, когда это потребовалось бы.

— А если бы пришлось?

— Я бы различил их.

— Дэниел, а в тот период, когда Джандер был в доме мисс Глэдис, вы виделись с ним?

— Нет, партнер Илия. Мисс Глэдис держала его в доме. В тех случаях, когда она посещала доктора Фастальфа, она никогда не брала его с собой. А когда я сопровождал доктора Фастальфа к ней, я не видел друга Джандера.

Бейли слегка удивился. Он хотел было задать тот же вопрос Жискару, но раздумал. Такой, как выразился Фастальф, перекрестный допрос роботов ничего, в сущности, не дает. Они не могут сознательно сказать то, что может повредить человеку, их не вынудишь к этому ни обманом, ни подкупом. Они не могут открыто солгать, но будут вежливо давать бесполезные ответы.

Они подошли к крыльцу дома, и Бейли почувствовал, что его дыхание участилось. Он был уверен, что дрожь рук и нижней губы происходит только от холодного ветра.

Солнце уже село, на потемневшем небе стали появляться звезды. Бейли вошел в тепло сияющих стен дома. Он был в безопасности.

Фастальф встретил его.

— Вы вовремя вернулись, мистер Бейли. Ваша беседа с Глэдис прошла успешно?

— Очень успешно. Я, может быть, держу ключ к ответу.

28

Фастальф вежливо улыбнулся, и это не означало ни удивления, ни энтузиазма, ни сомнения. Он ввел Бейли в столовую, которая была меньше и уютнее той, где они завтракали.

— Мы с вами, дорогой мистер Бейли, будем обедать без формальностей. Только вдвоем. Даже роботов не будет, если вы желаете. О делах говорить не будем, разве что вы очень захотите этого.

Бейли ничего не сказал, но остановился в изумлении, глядя на стены. Они были волнистые, сияюще-зеленые, медленно изменяющееся по светлоте и оттенкам от пола к потолку. Эффект был головокружительный — по крайней мере, для Бейли. Фастальфу не составило большого труда понять впечатления Бейли.

— К этому нужно привыкнуть, мистер Бейли. Жискар, уменьши освещение стен. Спасибо.

Бейли облегченно вздохнул.

— И вам спасибо, доктор Фастальф. Могу я сходить в туалет?

— Пожалуйста.

— Не могли бы вы… — замялся Бейли.

Фастальф хихикнул.

— Вы там найдете все совершенно нормальным. Жаловаться вам не придется.

— Весьма признателен, — поклонился Бейли.

Туалет и в самом деле был просто туалетом, только более роскошным и более удобным, чем те, какие он видел. Он невероятно отличался от земного. Он прямо сиял чистотой. Бейли мрачно подумал, что, поживи он на Авроре подольше, ему трудно было бы снова привыкать к толпам в земных туалетах. А здесь его окружали удобства из слоновой кости и золота — конечно, золото и кость не настоящие. Он вдруг вздрогнул о случайных обменах микробами на Земле. Наверное, то же чувствуют космониты? Можно ли порицать их? Однако, аврорцы так аляповато выпяливаются с украшениями, так настойчиво уверяют, что живут в согласии с природой, а сами приручают и ломают ее. Может, это только в доме Фастальфа? У Глэдис дом куда проще, но, может, потому, что она с Солярии?

Обед был просто восхитительным. Как и за ленчем, тут было заметное ощущение близости к природе. Блюд было много, и можно было заметить, что все они были когда-то частью растений и животных. Бейли уже начал смотреть

на случайную косточку, жилку или хрящик не с отвращением, как раньше, а как на крошечное приключение.

Некоторые блюда ему не очень понравились, но это было не важно, главное, что все они очень отличались по вкусу.

Несмотря на предложение Фастальфа, чтобы роботы не присутствовали, обслуживал их все-таки робот. Бейли подумал, что Фастальф настолько привык к роботам, что просто не заметил этого факта, а Бейли не стал заострять внимание.

Робот был молчалив и двигался бесшумно. Его нарядная ливрея была как бы взята из исторической пьесы, которую Бейли видел по гиперволновой программе. Только при очень близком разглядывании можно было увидеть, что этот костюм — световая иллюзия, а робот снаружи был из гладкого металла, и только.

— Поверхность слуги сделана Глэдис? — спросил Бейли.

— Да, — сказал явно довольный Фастальф. — Она воспримет как комплимент, что вы узнали ее работу. Она молодец, верно? Ее работы невероятно популярны, и она занимает полезное место в аврорском обществе.

Разговор за столом был приятным, но не зна-

чительным. Бейли не настаивал на «деловой беседе» и, в сущности, предпочитал помалкивать и наслаждаться едой, и потому не мог решить, как подойти к делу, которое казалось ему основным пунктом проблемы с Джандером. Фастальф взял дело в свои руки:

— Поскольку вы упомянули о Глэдис, не могу ли я спросить, как получилось, что вы остались в ее доме, можно сказать, в отчаянии, а вернулись энергичным и сказали, что, возможно, имеете ключ к разгадке. Не узнали от Глэдис что-то новое и неожиданное?

— Да, — рассеяно ответил Бейли; он весь ушел в десерт, который никак не мог опознать, а робот-лакей, видимо, понявший его жаждущий взгляд, поставил перед ним вторую порцию. Никогда в жизни Бейли так не наслаждался процессом еды и впервые посетовал на физиологические ограничения, не позволявшие есть вечно. Он сам стыдился своих ощущений.

— И что же вы узнали? — терпеливо спросил Фастальф. — Что-то такое, чего я не знаю?

— Возможно. Глэдис сказала, что вы отдали ей Джандера полгода назад.

– *Это я знаю*. Именно так.

— Зачем? — резко спросил Бейли.

Любезное выражение лица Фастальфа медленно исчезало.

— А почему бы и нет?

— Я не знаю, почему нет, и это меня не интересует. Я спросил: зачем?

Фастальф не ответил.

— Доктор Фастальф, — продолжал Бейли, — я здесь для того, чтобы распутать этот несчастный клубок. Вы ничего, *ничего не сделали*, чтобы упростить дело. Вам как-будто приятно показывать мне, насколько плох этот клубок, и уничтожать все, что я мог бы считать возможным решением. Теперь я даже не надеюсь, что другие будут отвечать на мои вопросы. Я не имею официального статуса на этой планете и не имею права задавать вопросы и требовать ответа. А вы — другое дело. Я здесь по вашему вызову, я пытаюсь спасти вашу карьеру, как и свою, и, по вашей же оценке дел, спасти как Аврору, так и Землю. Следовательно, я надеялся, что вы ответите на мои вопросы честно и искренне. Прошу вас, не ведите тупиковую практику, отвечая «почему бы и нет?», когда я спрашиваю «зачем?». Итак, давайте снова: зачем?

Фастальф угрюмо дернул губой.

— Простите меня, мистер Бейли, я только по-

тому сразу не ответил, что та причина была не слишком драматичной. Глэдис здесь чужая; она пережила травму у себя на родине, как вам известно, пережила травму и здесь, что, может быть, вам и не известно…

— Известно. Пожалуйста, конкретней.

— Ну, я пожалел ее. Она была одинока, и Джандер мог скрасить ее одиночество.

— Жалели ее? Так. Вы ее любовник? Или были им?

— Нет, ничего подобного. Я не предлагал. И она тоже. Разве она сказала вам, что мы были любовниками?

— Нет, но в любом случае мне нужны независимые сведения. Если будут противоречия, я скажу, так что вам нечего беспокоиться. Как случилось, что при вашей симпатии к ней вы не предлагали себя? Я слышал, что на Авроре предложить секс, все равно, что поговорить о погоде.

Фастальф нахмурился.

— Вы ничего об этом не знаете. Не судите о нас по стандартам вашей планеты. Секс не является важным делом для нас, но мы осторожно пользуемся им. И предлагаем его не так легко, как вам кажется. Глэдис, не привычная к нашему образу жизни и сексуально разочаровавшаяся на Соля-

рии, вероятно, предлагала себя легко — лучше сказать — отчаянно, и неудивительно, что не была довольна результатами.

— Вы не пытались улучшить дело?

— Предложив себя? Я не тот, что ей нужен, и она не то, что нужно мне. Мне было *жаль ее*. Она мне очень нравится. Я восхищаюсь ее художественным талантом. И я хотел бы видеть ее счастливой. Вы, конечно, согласитесь, что симпатия одного порядочного человека к другому не обязательно основана на сексуальном желании. Разве вы сами никому не симпатизировали, никогда не хотели помочь кому-то просто из добрых чувств к человеку в несчастье?

— Доктор Фастальф, я не сомневаюсь, что вы человек порядочный. Однако, вы играете со мной. Когда я первый раз спросил вас, зачем вы отдали Джандера Глэдис, вы не сказали мне того, что говорили сейчас, причем говорили заметно эмоционально. Вашим первым побуждением было увернуться, помедлить, потянуть время, ответить вопросом. В конце концов, вы ответили, но почему этот вопрос в начале смутил вас? Простите мою настойчивость, но я должен знать, и, поверьте, не из личного любопытства. Если то, что вы скажете мне, не пригодится в деле — счи-

тайте, что это ушло в черную дыру.

Фастальф сказал тихо:

— Честно говоря, я и сам не знаю, почему парировал ваш вопрос. Вы неожиданно поставили меня перед чем-то, чего я, возможно, не хотел видеть. Дайте мне подумать.

Они некоторое время молчали. Слуга убрал со стола и вышел. Дэниел и Жискар, вероятно, охраняли дом. Мужчины были одни.

Наконец Фастальф сказал:

— Я не знаю, что должен сказать, но позвольте мне вернуться на несколько десятилетий назад. У меня две дочери. Вы, наверное, это знаете. Они от разных матерей…

— А вы хотели бы иметь сыновей?

Фастальф был искренне удивлен.

— Нет, отнюдь. Мать моей второй дочери хотела сына, как мне кажется, но я не дал согласия на искусственное оплодотворение отобранной спермой — пусть даже моей, а настаивал на естественном броске генетических игральных костей, потому что предпочитаю в жизни игру случая, а, может быть, и потому, что надеялся на появление дочери. Понимаете, я принял бы и сына, но почему-то предпочитаю дочерей. Ну, так вот, моя половина произвела на свет дочь, и

это стало одной из причин того, что вскоре после родов мать расторгла брак. Но, с другой стороны, большой процент браков расторгается после родов в любом случае, так что, может, это и не было причиной.

— Она взяла ребенка с собой?

Фастальф ошеломленно взглянул на Бейли.

— Зачем? Ох, я забыл, что вы с Земли. Конечно, нет. Ребенка должны были отдать в ясли, где за ним будет правильный уход. Но моя дочь — он сморщил нос, как бы смутившись, — туда не попала, я решил взять ее себе. Это законно, но необычно. Я был совсем молод, не дошел еще до сотенной отметки, но уже сделал вклад в робототехнику.

— И вы справились?

— Вы имеете в виду, что успешно воспитывал ее? Да. Я привязался к ней. Я назвал ее Василией. Это имя моей матери. У меня бывают порывы чувствительности, вроде любви к моим роботам. Я, конечно, никогда не видал своей матери, но ее имя было в моей карте. Она еще жива, насколько я знаю, так что я мог бы увидеть ее, но, по-моему, как-то неприятно встретиться с человеком, в чьем животе когда-то был… Так о чем я говорил?

— Что вы назвали дочь Василией.

— Я взял ее к себе и в самом деле полюбил ее. Очень. Но, конечно, это смущало моих друзей, и я держал ее подальше от них, когда встречался с ними. Однажды, когда у меня был доктор Сартон и мы разговаривали о самых разных проектах программ для человекоподобных роботов, она прибежала в слезах и бросилась ко мне. Ей было всего семь лет. Я обнял ее, поцеловал, забыв о деле, что было совершенно непростительно. Сартон ушел, шокированный и крайне возмущенный. Только через неделю я смог возобновить с ним контакт и закончить обсуждение. Дети не должны бы таким образом действовать на людей, я думаю, но у нас их мало, и их почти не видно.

— А ваша дочь Василия любила вас?

— Да, по крайней мере, до… она очень любила меня. Я следил за ее учебой и старался, чтобы мозг ее развился полностью.

— Вы сказали, что она любила вас до… чего-то. Вы не закончили фразу. Значит, настало время, когда она перестала любить вас. Когда это случилось?

— Став достаточно взрослой, она захотела иметь свой дом. Это вполне естественно.

— А вы не хотели этого?

— Как не хотел? Конечно, хотел. Вы, кажется,

считаете меня чудовищем, мистер Бейли.

— Могу я предположить, что, как только она достигла возраста, позволяющего иметь собственный дом, она уже не испытывала к вам тех чувств, какие, естественно, имела, пока жила в *вашем* доме и зависела от вас?

— Все гораздо сложнее. Видите ли… — Фастальф выглядел смущенным. — Я отказал ей, когда она предложила мне себя.

— Она предложила себя *вам*? — в ужасе ахнул Бейли.

— Это было вполне естественно, — небрежно сказал Фастальф. — Она знала меня лучше, чем кого-нибудь. Я инструктировал ее в сексе, поощрял к эксперименту, водил ее на Игры Эроса, словом, делал для нее все, что мог. Надо было предполагать, что может случиться, но я был так глуп, что не подумал об этом и попал в ловушку.

— Но *кровосмешение*…

— Кровосмешение? Ах, да, это земной термин. На Авроре такой вещи нет, мало кто из аврорцев знает свою прямую родню. Естественно, если предполагается брак и просят разрешения иметь детей, тогда производятся генеалогические розыски, но какое это имеет отношение к обычному сексу? Нет, нет, неестественность в том, что я

отказал собственной дочери. — Он покраснел, главным образом покраснели его большие уши.

— Хотел бы надеяться, — пробормотал Бейли.

— У меня не было никакого приличного предлога, во всяком случае, я ничего не мог объяснить Василии. С моей стороны было преступно не предвидеть такой вещи.

Я должен был подготовить рациональные основания, чтобы не оттолкнуть юное неопытное существо и при этом не ранить и не унизить ее. Мне было страшно стыдно, что я принял на себя необычную ответственность, взяв в дом ребенка и подвергнув его такому неприятному опыту. Мне казалось, что мы могли бы сохранить наши отношения отца и дочери, быть друзьями, но она не соглашалась. Я отказал ей как мог ласково и нежно, но с тех пор между нами все пошло плохо. Наконец, она пожелала иметь собственный дом. Сначала я протестовал — не потому, что не хотел этого, а потому, что хотел наладить наши отношения до того, как она уйдет. Но я ничего не мог сделать. Это было, пожалуй, самое тяжелое время в моей жизни. Она настаивала на уходе, и я не мог ее задерживать. Тогда она уже была профессиональным роботехником — я очень рад, что она не бросила эту профессию из-за отношения ко мне

— и могла построить себе дом без моей помощи. Так она и сделала, и с тех пор между нами почти никаких контактов.

— Возможно, она не полностью отдалилась от вас, если не бросила роботехнику.

— Она лучше всего знала роботехнику и больше всего интересовалась ею. Это никак не связано со мной. Я знаю, потому что в начале тоже так думал и делал попытки к примирению, но они были отвергнуты.

— Значит, вы с ней промахнулись?

— Конечно, промахнулся. Это пример ошибочности решения взять ребенка. Испытываешь иррациональное побуждение, атавистическое желание, оно внушает ребенку сильнейшую любовь, а затем тебя самого ставит перед возможностью отказа, когда этот самый ребенок предлагает себя, и этот отказ эмоционально ранит девочку на всю жизнь. И, вдобавок, еще испытываешь иррациональное сожаление от ее отсутствия. Мы оба напрасно пострадали, и это целиком моя вина. Я никогда не ощущал такого ни до, ни после.

Фастальф впал в задумчивость, и Бейли мягко спросил:

— Какую связь имеет это с Глэдис?

Фастальф вздрогнул.

— Ах, я и забыл. Так вот, все очень просто. То, что я сказал насчет Глэдис — правда. Мне она нравилась, я симпатизировал ей, восхищался ее талантом. Вдобавок, она похожа на Василию. Я заметил это сходство, когда впервые увидел по гиперволне сообщение о ее прибытии с Солярии. — Он вздохнул. — Когда я понял, что она как и Василия, получила эмоциональные шрамы от секса, это было больше, чем я мог вынести. Я устроил ей жилище поблизости, как вы знаете, стал ее другом и делал, что мог, для смягчения ее адаптации в чужом мире.

— Значит, она замена дочери.

— Да, пожалуй. Вы не представляете, как я рад, что ей не пришло в голову предлагать мне себя. Оттолкнуть ее — это пережить то же самое, что с Василией, а принять — еще хуже, поскольку я чувствовал бы, что сделал для чужой, хоть и похожей на мою дочь, то чего не сделал для родной дочери. Теперь вы понимаете, почему я вначале заколебался ответить вам. Ваш вопрос сразу напомнил мне трагедию моей жизни.

— А вторая ваша дочь?

— Ламин? — равнодушно сказал Фастальф. — Я никогда не контактировал с ней, хотя время от

времени о ней слышу.

— Как я понял, она на политической работе.

— Да, у глобалистов.

— Что это такое?

— Глобалисты? Они заботятся только об Авроре, только о нашем шарике. Аврорцы должны быть лидерами в заселении Галактики. Всем другим надо загораживать путь, особенно землянам. Они называют это «Просвещенным эгоизмом».

— Вы, конечно, не согласны с ними.

— Конечно, нет. Я веду партию гуманистов, которые считают, что все человеческие существа имеют право на долю в Галактике. Когда я упоминал о своих врагах, я имел в виду глобалистов.

— Значит, Ламин ваш враг.

— И Василия тоже. Она член Роботехнического Института Авроры — РИА, основанного несколько лет назад, и работающие там роботехники смотрят на меня, как на демона, которого надо уничтожить любой ценой. Но мои бывшие жены, насколько мне известно, все вне политики и, возможно, даже гуманисты.

— Он криво улыбнулся. — Ну, мистер Бейли, вы задали все вопросы, какие хотели?

Руки Бейли бесцельно прошлись по бокам аврорских брюк в поисках карманов, но не нашли

их. Пришлось в качестве компромисса сложить руки на груди.

— Да, доктор Фастальф. Но я вовсе не уверен, что вы ответили на первый вопрос. Мне кажется, вы все время обходите его. *Зачем вы отдали Джандера Глэдии*? Давайте в открытую, чтобы мы увидели свет во тьме.

29

Фастальф снова покраснел, может, на этот раз от гнева, но говорил по-прежнему мягко.

— Не задирайте меня, мистер Бейли. Я вам ответил. Мне было жаль Глэдис, и я подумал, что Джандер составит ей компанию. С вами я говорил более откровенно, чем с кем-либо другим, во-первых, из-за своего положения, а во-вторых, потому что вы не аврорец. И в обмен прошу разумного уважения.

Бейли прикусил губу. Он не на Земле. У него нет здесь официальной власти, а на карту поставлено больше, чем его профессиональная гордость.

— Извините, доктор Фастальф, если я задел ваши чувства. Я не имел намерения обвинить вас в неискренности или в отсутствии сотрудничества. Тем не менее, я не могу действовать без полной правды. Позвольте мне намекнуть на возможный ответ, каким я его вижу, и вы скажете, прав я, прав частично или полностью не прав. Не могло ли быть так что вы дали Джандера Глэдис, чтобы он служил фокусом для ее сексуальной тяги, и она, таким образом, не имела бы случая предлагать себя *вам*? Может быть, это не было

сознательной причиной, но подумайте об этом сейчас. Возможно ли, чтобы такое чувство содействовало подарку?

Фастальф как бы застыл. Только рука его захватила легкое прозрачное украшение, лежавшее на обеденном столе, и вертела его. Наконец, он сказал:

— Так могло быть, мистер Бейли. Верно, что после того, как я предложил ей Джандера — это не было настоящим подарком — я меньше опасался, что она предложит мне себя.

— Вы знаете, пользовалась ли Глэдис Джандером для сексуальных целей?

— А вы спрашивали ее об этом?

— Это не имеет отношения к моему вопросу. *Вы знали*? Были ли вы свидетелем каких-либо сексуальных действий между ними? Кто-нибудь из ваших роботов информировал вас о таком? Сама она говорила вам?

— На все вопросы отвечу — нет. Я перестал думать об этом, потому что в этом нет ничего необычного. Правда, обыкновенные роботы не очень приспособлены для секса, но люди в этом отношении изобретательны. Что же касается Джандера, то он так человекоподобен, как мы смогли его сделать…

— Так что он мог быть партнером в сексе.

— Нет, это не приходило нам в голову. Была абстрактная задача сконструировать полностью человекоподобного робота, и мы с покойным доктором Сартоном выполнили ее.

— Но ведь такие роботы идеально подходят для секса, не так ли?

— Я полагал — когда позволил себе подумать об этом — что да, и допускаю, что такая тайная даже для меня мысль была у меня с самого начала — что Глэдис прекрасно может пользоваться Джандером в этом отношении. Если это так, я надеюсь, что она получила удовольствие, и считал бы, что сделал для нее доброе дело.

— Не могло ли это дело быть более добрым, чем вы предполагали?

— В каком смысле?

— Что вы скажете, если я сообщу вам, что Джандер и Глэдис были мужем и женой?

Рука Фастальфа, державшая украшение, конвульсивно сжалась, а затем выпустила вещь.

— Что? Это же смешно. Это по закону невозможно. Детей не может быть значит, немыслимо и просить на них разрешение. А без такой просьбы не может быть брака.

— Дело не в законности, доктор Фастальф.

Глэдис солярианка, и у нее не аврорская точка зрения. Дело в эмоциях. Глэдис сама мне сказала, что считала Джандера мужем. Я думаю, теперь она считает себя его вдовой, и у нее новая сексуальная травма, и очень тяжелая. Может, вы знаете, как можно подействовать…

— Клянусь всеми звездами, не знаю. Что бы ни было в моих мыслях, я и представить себе не мог, что Глэдис придет фантазия *выйтизамуж* за робота, хоть он и человекоподобный.

Бейли кивнул и поднял руку.

— Я верю вам. Не думаю, чтобы вы были настолько прекрасным актером, чтобы обмануть меня с такой искренностью. Но я должен знать, была ли возможность…

— Нет, не было. Чтобы я предвидел такую ситуацию? Чтобы по каким-то причинам намеренно создал это отвратительное вдовство? Ни в коем случае. Это немыслимо, и я этого не замышлял. Мистер Бейли, что бы я ни имел в виду, помещая Джандера в ее дом, я имел в виду благо. А *этого* я не имел в виду. Говорить о предполагаемом благе — плохая защита, я понимаю, но лучшей я не могу предложить.

— Ладно, оставим это. Но то, что я имею предложить может оказаться решением проблемы.

Фастальф глубоко вздохнул и сел, как-то диковато взглянув на Бейли.

— Вы намекнули на это, вернувшись от Глэдис. Вы сказали, что у вас есть ключ; зачем же вы прогнали меня через… все это?

— Мне очень жаль, но без «всего этого» ключ не имеет смысла.

— Ну, ладно, давайте насчет ключа.

— Так вот: Джандер оказался в положении, которое вы, величайший теоретик роботехники, не предвидели, по вашему собственному утверждению. Он был так приятен Глэдис, что она влюбилась в него и считала своим мужем. Что, если, будучи приятным, он был также и неприятным ей?

— Не вполне улавливаю.

— А вот смотрите. Она несколько скрытна в этом вопросе. Я слышал, что на Авроре сексуальный вопрос не та вещь, которую скрывают любой ценой.

— Мы не передаем этого по гиперволне, — сухо сказал Фастальф, — но не делаем из этого большей тайны, чем из другого личного дела. Мы обычно знаем, кто был чьим последним партнером, и в кругу друзей часто обсуждаем, насколько хорош или плох тот или иной партнер, или они оба. Это

просто случайный треп.

— Да, но вы ничего не знали о связи Глэдис в Джандером.

— Я подозревал…

— Это не одно и то же. Она вам ничего не говорила. Вы ничего не заметили. Ваши роботы вам ничего не сообщали. Она держала это в секрете даже от вас, своего лучшего друга. Ясно, что ее роботы получили приказ помалкивать о Джандере, да и сам Джандер наверняка тоже был проинструктирован соответственно.

— Полагаю, что это правильное заключение.

— Почему она так сделала, доктор Фастальф?

— Наверное, по солярианской манере скрытности насчет секса.

— Иначе говоря, она стыдилась?

— У нее не было причин стыдиться, хотя намерение назвать Джандера мужем вызвало бы насмешки.

— Это она могла бы скрыть, не скрывая всего остального. Предположим, что она, как солярианка, стыдилась.

— Ну, и что из этого?

— Никто не радуется, если ему стыдно, и она могла порицать Джандера за это — многие стремятся свалить на кого-то вину за неприятности,

в которых виноваты сами.

— Ну, и...?

— Может быть, были случаи, когда вспыльчивая Глэдис разражалась слезами и упрекала Джандера, что он источник ее стыда и несчастья. Она могла быстро успокоиться и извиниться, но не считал ли Джандер, что он и в самом деле такой источник?

— Мог.

— Не мог ли Джандер думать, что, продолжая эти отношения, он делает ее несчастной, а отказавшись, тоже сделает ее несчастной? В обоих случаях он нарушает Первый Закон, и единственным решением может быть полное бездействие. И он вошел в умственное замораживание. Вы сами рассказывали о роботе-телепате, введенном в стасис роботехником.

— Сьюзен Келвин. Значит, вы смоделировали ваш сценарий по этой легенде. Очень изобретательно, но это не пойдет.

— Почему?

— Допустим, что этот рассказ — не просто фантастическая легенда. Давайте примем ее всерьез. Но между ней и ситуацией Джандера нет параллели. Сьюзен Келвин имела дело с невероятно примитивным роботом, какой в наше время

не получил бы даже статуса игрушки. Он мог оперировать только такими понятиями: А — создает несчастье; не-А создает несчастье. Отсюда умственное замораживание. А любой современный робот сравнивает, какая из двух ситуаций — А или не-А наносит *больше вреда*, и быстро выбирает меньшее зло. Шанс, что он сочтет альтернативы абсолютно равными, ничтожен, но даже в таком случае современный робот снабжен фактором случайного выбора и выбирает наугад, совершенно непредсказуемым манером, А или не-А, и следует ему не задумываясь. Он *не придет к умственному замораживанию*.

— Значит, сам Джандер не мог прийти к умственному замораживанию. Но вы говорили, что *вы могли бы произвести это*.

— В случае человекоподобного позитронного мозга есть способ отвести фактор случайного выбора, и он целиком зависит от конструкции этого мозга. Даже если вы знаете базисную теорию, это очень длительный и трудный процесс — сбить, так сказать, робота с пути ловко направленными вопросами и приказами, которые в конечном счете приведут к замораживанию. Случайно этого сделать нельзя, и простое существование видимого противоречия в одновременных чув-

ствах любви и стыда не сработает без тщательной количественной подгонки в самых необычных условиях. И мы остаемся, как я уже говорил, с неопределенным шансом как единственной возможностью.

— Но ваши враги обвинят в этом вас. Не можем ли мы утверждать, что Джандер впал в умственное замораживание из-за конфликта, вызванного любовью и стыдом Глэдис? Будет ли это звучать правдоподобно?

— Мистер Бейли, вы слишком нетерпеливы. Подумайте серьезно. Если мы попробуем вылезти таким бесчестным способом, каковы будут последствия? Не говоря уж о стыде и горе, которые это принесет Глэдис, она еще будет страдать не только от потери Джандера, но и от сознания, что она сама виновата в этой потере, если она в самом деле стыдилась и говорила ему об этом. Я бы не хотел этого, так что давайте оставим это, если можно. Кроме того, мои враги могут сказать, что я именно для этого и отдал ей Джандера, чтобы свалить на нее все, что случилось. Они скажут, что я сделал это для проверки метода умственного замораживания и отвел от себя всякую ответственность. Мы окажемся в худшем положении, чем сейчас, потому что меня обвинят не

только в интриганстве, но и в чудовищном поведении по отношению к ничего не подозревавшей женщине, другом которой я себя называл.

Бейли пожал плечами.

— Они не могут…

— Могут. Вы сами были почти склонны так думать всего несколько минут назад.

Бейли покраснел и, не глядя на Фастальфа, сказал:

— Вы правы, я не подумал и теперь могу только просить у вас прощения. Мне очень стыдно. Видимо, единственный путь — правда, если мы сможем обнаружить ее.

— Не отчаивайтесь. Вы уже открыли события, о которых я никогда не думал. Вы можете открыть больше, и постепенно вся тайна станет для нас явной. Какой следующий шаг вы собираетесь сделать?

От стыда за фиаско Бейли не мог ни о чем думать.

— Не знаю.

— Ну, с моей стороны некрасиво спрашивать. У вас был долгий и нелегкий день, неудивительно, что ваш мозг чуточку замедлился. Не лучше ли отдохнуть, посмотреть фильм и лечь спать? Утром вам будет лучше.

— Наверное, вы правы, — кивнул Бейли. Но он не думал, что утром ему будет сколько-нибудь лучше.

30

В спальне было холодно, и Бейли поежился. Будто Снаружи. Стены были почти белые, без всяких украшений, что казалось необычным для дома Фастальфа. Пол, казалось, был сделан из слоновой кости, но босая нога чувствовала ковер. Кровать белая, одеяло гладкое, на ощупь холодное. Бейли сел на край матраца и заметил, что он почти не проминается под его весом. Потом он вдруг заметил, что матрац начал медленно проваливаться под ним и уже наполовину обернул его бедра. Он резко встал.

— Дэниел, нельзя нагреть комнату?

— Вам покажется теплее, когда вы ляжете под одеяло и выключите свет, партнер Илия.

— Ага. — Он с подозрением огляделся. — Может, вы выключите свет и останетесь пока здесь?

Свет исчез, и Бейли понял, что его впечатление о ничем не украшенной комнате полностью ошибочно: как только стало темно, он почувствовал себя Снаружи: слабый шелест листвы, приглушенные звуки живых существ, иллюзия ночного неба с редкими облаками.

— Включите свет, Дэниел!

Комната осветилась.

— Дэниел, я не хочу ничего этого — ни звезд, ни облаков, ни звуков, ни ветра, ни запаха. Я хочу темноты, безликой темноты. Можно это устроить?

— Конечно.

— Вот и сделайте. И покажите мне, как выключить свет, когда я захочу спать.

— Я здесь, чтобы защищать вас.

— Вы можете делать это и за дверью, — ворчливо сказал Бейли. — Жискар, наверняка по ту сторону окон — если за шторами действительно окна.

— Да, окна. Если вы перешагнете этот порог, партнер Илия, вы обнаружите туалет. Эта часть стены нематериальна, вы легко пройдете через нее. Свет там включится, когда вы войдете, и выключится, когда выйдете. Никаких декораций там нет. Там вы можете побриться и сделать все, что нужно до и после сна. Что же касается освещения комнаты — в изголовье постели есть углубление, положите в него палец, и свет выключится или включится.

— Спасибо. Теперь вы можете уйти.

Через полчаса он уже лежал под одеялом, в теплых объятиях тьмы. Да, день был долгим. Трудно

поверить, что он только сегодня прибыл на Аврору. Узнал он многое, но оно не дало ему ничего хорошего. Он лежал и перебирал все события дня в надежде, что всплывет что-то упущенное им раньше, но ничего не всплыло. И этого много для спокойно-рассуждающего, проницательного, хитроумного Бейли из гиперволнового фильма.

Вообще-то не время пытаться усталым, ищущим сна мозгом пробегать по всему дню снова, но он не мог удержаться. Он мысленно проследовал от космопорта до дома Фастальфа, потом от дома Глэдис и обратно к Фастальфу.

Глэдис стала еще красивее, но что-то в ней суровое… может, она просто выросла из своей защитной раковины, бедняжка. Он тепло подумал о ее реакции на то давнее прикосновение к его щеке… Если бы он мог остаться с ней, он научил бы ее… идиоты-аврорцы… отвратительно-небрежное отношение к сексу… что-то было… незначительное… несущественное… глупое… К Фастальфу, к Глэдис, обратно к Фастальфу… Обратно к Фастальфу…

Он слегка зашевелился. Обратно к Фастальфу. Что произошло, когда он возвращался к Фастальфу? Что-то было сказано? Или не сказано? И на корабле перед посадкой на Аврору… что-то под-

ходящее…

Бейли был в утопическом мире полусна, когда мозг освобождается и следует собственному закону, как летящее тело парит в воздухе, освобожденное от гравитации. Затем ему показалось, что он слышит звук. Он поднялся на уровень пробуждения, прислушался, ничего не услышал и снова погрузился в полусон, чтобы поймать линию мысли, но она ускользнула. Она была как вещь, погружающаяся в болото; он видел ее контуры, ее цвет, но они тускнели, и, как он ни тянулся за ней, она ушла окончательно, и он не мог ничего вспомнить. Вообще ничего.

Была ли то действительно нужная мысль, или просто иллюзия, рожденная в засыпающем мозгу? Он же и в самом деле спал. Проснувшись не надолго ночью, он подумал, что у него была идея. Важная идея. Но он ничего не мог вспомнить, кроме того, что что-то такое было. Он некоторое время глядел в темноту. Если что-то было, оно со временем вернется.

А может, и не вернется. О, дьявол!

И он снова заснул.

Часть восьмая
Фастальф и Василия

31

Бейли, вздрогнув, проснулся и с подозрением втянул в себя воздух. Слабый, непонятный запах, который тут же исчез. Рядом с кроватью стоял Дэниел.

— Надеюсь, вы хорошо спали, партнер Илия?

Бейли огляделся. Шторы были еще спущены, но Снаружи явно был день. Жискар разложил одежду, резко отличавшуюся от той, в которой Бейли был вчера.

— Вполне хорошо, Дэниел, — ответил Бейли. — Что разбудило меня?

— В воздухе был распылен антисомнин. Он активизирует пробуждающуюся систему. Мы дали дозу меньше обычной, так как не были уверены в вашей реакции.

— Это вроде пинка в зад, — сказал Бейли. — Который час?

— 07:05 по аврорскому времени. Завтрак будет готов через полчаса.

Бейли встал. Жискар тут же начал сдирать белье с постели.

— Могу я получить вашу пижаму, сэр?

Бейли поколебался, но всего лишь на секунду.

Это же просит робот. Он разделся и отдал пижаму Жискару.

Бейли с неудовольствием оглядел себя. Тело человека средних лет, но худших кондиций, чем тело Фастальфа, который почти втрое старше Бейли.

Он машинально поискал шлепанцы, но их не было. Видимо, они считались не нужными: пол был теплый и мягкий. Он вошел в туалет и снова подумал, как выгодно он отличается от земного и как легко привыкнуть к удобствам. Это баловство, подумал он, но надеялся, что земляне, заселив новые миры, не будут цепляться за концепцию общественного туалета. Возможно, подумал он, так и следует определять баловство: то к чему легко привыкаешь.

Он вышел, вымытый и выбритый, и начал одеваться с помощью Жискара.

— Я вижу, Дэниел, что вы с Жискаром все еще ходите за мной по пятам. Разве есть признаки попытки сбить меня с моего пути?

— Пока нет, — ответил Дэниел, — но разумнее мне и Жискару быть с вами все время. На всякий случай.

— А зачем, Дэниел?

— По двум причинам. Во-первых, мы можем по-

мочь вам в любом аспекте аврорской культуры, с которой вы не знакомы; во-вторых, друг Жискар записывает все разговоры, которые вы ведете. Это может вам пригодиться. Вы помните, что во время вашей беседы с доктором Фастальфом и мисс Глэдис друг Жискар и я были в другой комнате…

— Значит, этот разговор не записан?

— Вообще-то записан, но с меньшей точностью: некоторые его части не так ясны, как хотелось бы. Лучше, если бы мы оставались рядом с вами.

— Вы думаете, что мне легче считать вас гидами и записывающими аппаратами, а не стражами? Почему бы не прийти к заключению, что как стражи вы мне вовсе не нужны? Поскольку никаких покушений на меня не было, почему не предположить, что их не будет?

— Нет, партнер Илия, это было бы неосторожно. Доктор Фастальф чувствует, что его враги относятся к вам с великим опасением. Они пытались убедить Председателя не давать доктору Фастальфу разрешения на вызов ваш сюда, и наверняка станут убеждать его отправить вас обратно на Землю как можно скорее.

— При такой мирной оппозиции охрана не нужна.

— Да, сэр, но оппозиция имеет основания бо-

яться, что вы реабилитируете доктора Фастальфа, и может перейти к крайним мерам. В конце концов, вы не аврорец, и запрет насилия на нашей планете будет слабее в вашем случае.

— Я здесь целый день, и не случилось ничего такого. Это заметно уменьшает угрозу. С другой стороны, если я покажу какой-то прогресс, опасность для меня тут же возрастет.

— Логичный вывод, — подумав, сказал Дэниел.

— И следовательно, вы и Жискар будете ходить за мной, куда бы я ни пошел, как раз на тот случай, если я ухитрюсь сделать свою работу чуточку лучше.

Дэниел помолчал.

— Ваша манера говорить несколько сбивает меня с толку, но похоже, что вы правы.

— В таком случае, я готов завтракать, хотя попытка убийства, как альтернатива провала, уменьшает мой аппетит.

32

Фастальф улыбнулся Бейли через стол.

— Хорошо спали, мистер Бейли?

Бейли очарованно созерцал ломоть ветчины. Его надо было резать ножом. Он был шероховатый. По одному его краю шла скромная полоска сала. Короче говоря, ломоть не был приготовлен. Все равно, что прямо есть свинью.

Была тут и яичница: желток лежал полусферой в центре, а вокруг лежал белок, больше похожий на ромашки, которые Бен показывал Бейли в поле там, на Земле. Умом Бейли понимал, что яйцо как яйцо, с белком и желтком, только приготовленное, но он никогда не видел, чтобы их разделяли перед тем, как есть. Даже на корабле, даже на Солярии подавали яичницу-болтунью. Он взглянул на Фастальфа.

— Простите, вы что-то сказали?

— Хорошо ли вы спали? — терпеливо повторил Фастальф.

— Да, вполне. Наверное, спал бы и сейчас, если бы не антисомнин.

— А, да. Не слишком вежливо будить гостя, но я подумал, что вы захотите начать пораньше.

— Вы совершенно правы. К тому же, я не совсем гость.

Фастальф некоторое время ел молча. Потом спросил:

— Ночью к вам не пришло никакого озарения? Может, вы проснулись с новой перспективой, с новыми мыслями?

Бейли с подозрением покосился на Фастальфа, но лицо того не выражало никакого сарказма.

— Боюсь, что нет, — ответил он. — Я столь же неэффективен, как был и в прошлую ночь. — Он отхлебнул питье и невольно сморщился.

— Простите, — сказал Фастальф, — вы находите питье невкусным?

Бейли хмыкнул и осторожно отхлебнул снова.

— Это обычный кофе, лишенный кофеина, — сказал Фастальф.

— Что-то не похоже на кофе… Простите меня, доктор Фастальф, но у нас с Дэниелом только что был полушутливый разговор насчет опасности для меня — полушутливый, конечно, только с моей стороны, но сейчас я подумал, что мне могли дать это… — он смущенно умолк.

Фастальф поднял брови. Бормоча извинения и улыбаясь, он зачерпнул ложкой немного кофе их чашки Бейли и попробовал.

— Абсолютно нормальный кофе, мистер Бейли. Попытки отравления нет. Но, действительно, популярный во всех мирах кофе готовится по-разному. Известно, что каждый предпочитает кофе собственного мира. Может, вы предпочитаете молоко? Оно более или менее одинаково всюду. Или фруктовый сок? На Авроре соки много лучше, чем на других планетах. Может, воды?

— Я попробую сок, — сказал Бейли, с сомнений глядя на кофе. — Но полагаю, что должен привыкнуть к кофе.

— Ну, зачем же, раз он вам так неприятен, — сказал Фастальф. — Итак — его улыбка стала чуть напряженной, когда он вернулся к прежней теме — ночь и сон не навели вас на полезные мысли?

— К сожалению, нет. Хотя…

— Да?

— У меня впечатление, что перед тем, как уснуть, в состоянии между сном и бодрствованием, было что-то такое.

— А именно?

— Не знаю. Мысль разбудила меня, но не последовала за мной. Я цеплялся за нее, но так и не поймал. Думаю, что в такой вещи нет ничего необычного.

Фастальф задумался.

— Вы в этом уверены?

— Не вполне. Мысль была такой разреженной и исчезла так быстро, что я даже не уверен, была ли она. Но даже если и была, вполне возможно, что она казалась осмысленной только в полусне.

— Но даже и беглая мысль должна была оставить след.

— Я тоже так думаю. В этом случае она вернется. Я верю в это.

— И мы должны ждать?

— А что еще остается?

— Существует такая вещь, как психозонд.

Бейли некоторое время смотрел на Фастальфа.

— Я слышал о нем, но на Земле в полицейской работе им не пользуются.

— Но мы не на Земле, мистер Бейли.

— Это может повредить мозг. Правильно?

— В умелых руках — не обязательно.

— Но возможно, — сказал Бейли. — Насколько мне известно, на Авроре применяют это лишь в крайнем случае. Человек должен быть виноватым в тяжком преступлении или…

— Да, мистер Бейли, но это относится к авроркам, а вы не аврорец.

— Вы хотите сказать, что с землянином можно обращаться как с нечеловеком?

Фастальф улыбнулся и развел руками.

— Послушайте, мистер Бейли. Вчера вы предлагали решить проблему, поставив Глэдис в ужасное и трагическое положение; я хотел бы знать, пойдете ли вы на то, чтобы рискнуть собой?

Бейли с минуту молчал, а затем сказал изменившимся голосом:

— Вчера я был неправ и признал это. Что же касается этого дела, то нет уверенности, что моя полусонная мысль имела какое-то решение проблемы. Она могла быть чистой фантазией, алогичной бессмыслицей. А могло и вообще не быть никакой мысли. Считаете ли вы разумным ради такой маловероятной цели рискнуть повреждением моего мозга, от которого зависит, как вы сами говорили, решение вашего дела?

Фастальф кивнул.

— Вы красноречиво защищаетесь, но я говорил не всерьез.

— Спасибо.

— Ну, что будем делать сейчас?

— Первым делом я хотел бы еще раз поговорить с Глэдис. Нужно осветить некоторые пункты.

— Вы могли бы сделать это вчера.

— Мог бы, но их больше, чем я мог правильно

усвоить вчера, и кое-что от меня ускользнуло. Я следователь, а не неутомимый компьютер.

— Да я сказал не в смысле порицания. Просто мне неприятно, когда Глэдис тревожат зря. Судя по тому, что вы вчера мне говорили, Глэдис в состоянии глубокой депрессии.

— Без сомнения. Но она страстно желает знать, кто убил Джандера. И это вполне понятно. Я уверен, что она захочет помочь мне. И я также хочу поговорить с другой особой.

— С кем?

— С вашей дочерью Василией.

— Это еще зачем?

— Она роботехник. Я хотел бы поговорить не только с вами, но и с другим роботехником.

— Я не желаю этого, мистер Бейли.

Завтрак был окончен, и Бейли встал.

— Доктор Фастальф, еще раз напоминаю вам, что я здесь по вашему приглашению. У меня нет здесь официальной власти для полицейской работы. Я не имею связи с аврорскими властями. Единственный шанс для меня увидеть дно этого злосчастного дела — надежда, что разные люди добровольно захотят сотрудничать со мной и ответить на мои вопросы. Если вы будете останавливать меня в моих поисках, то ясно, что я не

сдвинусь с мертвой точки. Это будет плохо для вас и для Земли, поэтому я требую, чтобы вы не вставали мне поперек дороги. Если вы сделаете возможным для меня интервью с теми, с кем я хочу, или хотя бы *попытаетесь* сделать это возможным, люди на Авроре наверняка увидят в этом признак вашей невиновности. И наоборот, если вы станете препятствовать моему расследованию, не сочтут ли они, что вы виновны и боитесь разоблачения?

Фастальф сказал с плохо скрываемым раздражением:

— Я понимаю это. Но почему обязательно Василия? Есть и другие роботехники.

— Она ваша дочь. Она знает вас. Она может иметь точное мнение насчет вашей возможности уничтожить робота. Поскольку она член Роботехнического Института и на стороне ваших политических врагов, любое ее благоприятное мнение может быть убедительным.

— А если она выскажется против меня?

— Тогда и посмотрим. Так вы попросите ее принять меня?

— Я сделаю вам одолжение, — покорно сказал Фастальф, — но вы напрасно думаете, что я легко уговорю ее встретиться с вами. Она может быть

очень занята — или так скажет. А может, ее и нет на Авроре. Может, она не захочет впутываться в это дело. Я объяснял вам вчера, что у нее есть — как она думает — причины относиться ко мне враждебно, поэтому на мою просьбу принять вас она может ответить отказом просто из нерасположения ко мне.

— Но вы все-таки попробуйте, доктор Фастальф.

Фастальф вздохнул.

— Попытаюсь, пока вы будете у Глэдис. Вы, наверное, хотите видеть ее лично? А то я мог бы устроить свидание по трехмерке. Изображение достаточно высокого качества, вы даже не заметите, что это не личное присутствие.

— Я знаю. Но Глэдис солярианка, и у нее неприятные ассоциации с трехмерным изображением. Да и в любом случае, я считаю, личное свидание дает добавочную эффективность. Ситуация настолько деликатна, а затруднений так много, что я хотел бы получить эту добавочную эффективность.

— Ладно, я скажу Глэдис. Только, мистер Бейли...

— Да?

— Вчера вы говорили, что ситуация слиш-

ком серьезна, чтобы не обращать внимание на неудобства для Глэдис, поскольку на карту поставлено очень многое.

— Так-то оно так, но поверьте, что я не буду расстраивать ее без надобности.

— Я сейчас говорю не о Глэдис. Я просто предупреждаю вас, что ваша в основном правильная точка зрения должна распространяться и на меня. Я не рассчитываю, что вы будете заботиться о моих удобствах или о моей гордости, если вам повезет встретиться с Василией. Я не знаю результатов, но перенесу любые неприятные последствия этого разговора, и вы не старайтесь щадить меня. Понимаете?

— Честно говоря, доктор Фастальф, у меня никогда не было намерения щадить вас. Если бы мне пришлось выбирать между неприятностями или позором для вас и процветанием вашей политики и моей планеты, я без колебаний опозорил бы вас.

— Прекрасно! Но все это должно распространяться и на вас. *Ваши* удобства не должны загораживать вам путь.

— Их никто не принимал во внимание, когда меня привезли сюда, не спросив моего мнения.

— Я имел в виду кое-что другое. Если вы, по

прошествии разумного времени — не долгого, а разумного — не продвинетесь в решении, мы рассмотрим возможность психозондирования. Это будет наш последний шанс.

— Это может ничего не дать.

— Согласен. Но, как вы недавно сказали по поводу Василии — тогда и посмотрим. — Он повернулся и вышел.

Бейли задумчиво смотрел ему вслед. Теперь ему казалось, что если он продвинется в деле, он окажется перед физическими — репрессалиями неизвестными, но очень опасными; если же он не продвинется — ему грозит психозонд, который едва ли лучше.

— О, дьявол! — пробормотал он.

33

Путь к Глэдис показался ему короче, чем накануне. День был такой же теплый и приятный, но вид был совсем другим. Солнце светило с другой стороны, и цвета казались другими. Может, растения утром и вечером выглядят по-разному или пахнут по-другому? Наверное, и на Земле так же.

Дэниел и Жискар опять сопровождали его, но шли ближе к нему и казались менее настороженными.

— Здесь всегда такое яркое солнце? — спросил Бейли.

— Нет, — ответил Дэниел. — Это было бы губительным для растений. Сегодня, например, предсказывали днем облачность.

На этот раз Глэдис не встречала их в дверях, но явно ждала. Когда робот провел их в дом, она не встала, только сказала устало:

— Доктор Фастальф сказал мне, что вы придете. Что на этот раз?

На ней было облегающее платье, и было заметно, что под ним ничего нет. Волосы откинуты назад, лицо бледное. Она осунулась со вчерашнего дня и явно мало спала.

Дэниел, памятуя, что было накануне, не вошел в комнату. Жискар же вошел, внимательно осмотрелся и удалился в стенную нишу. В другой нише стоял один из роботов Глэдис.

— Мне очень жаль, Глэдис, — сказал Бейли, — что я опять докучаю вам.

— Я забыла вчера сказать вам, что когда Джандера сожгут, остатки его пойдут на фабрики роботов. Значит, каждый раз, когда я увижу нового робота, я буду думать, много ли в нем атомов Джандера.

— И мы, когда умираем, проходим новый цикл, — сказал Бейли, — и кто знает, сколько и чьих атомов в вас или во мне, и сколько и в ком будут наши в свое время.

— Вы совершенно правы, Илия, и вы напомнили мне, как легко философствовать над чужими несчастьями.

— Это тоже правильно, Глэдис, но я пришел не философствовать. Я должен спрашивать.

— Вам мало вчерашнего? Или вы придумали новые вопросы?

— В какой-то мере — да. Вчера вы говорили, что пока вы жили с Джандером, как жена с мужем, некоторые мужчины предлагали вам себя, и вы отказывали. Вот насчет этого я и должен спро-

сить. Сколько было этих мужчин?

— Я не веду записей. Трое или четверо.

— Кто-нибудь из них настаивал? Возобновлял свои предложения?

Глэдис, до этого отводившая глаза, посмотрела прямо на Бейли.

— Вы спрашивали об этом других?

Бейли покачал головой.

— Я ни с кем не говорил об этом кроме вас. Однако, из вашего вопроса я делаю вывод, что по крайней мере один был настойчивым.

— Один. Сантирикс Гремионис. — Она вздохнула. — У аврорцев такие странные имена, и сам он странный… для аврорца. Я никогда не встречала такого повторяющегося, как он. Он держался всегда вежливо, принимал мой отказ с легкой улыбкой и поклоном, а на следующей неделе, а то и на другой день, как ни в чем не бывало, повторял попытки. Вообще повторять — это несколько невежливо. Порядочный аврорец должен принять отказ до тех пор, пока предполагаемая партнерша не даст ясно понять, что переменила мнение.

— Еще раз спрошу: те, кто предлагали себя, знали о ваших отношениях с Джандером?

— Это не та вещь, о которой я стала бы упоми-

нать в случайном разговоре.

— Ну, ладно, а этот Гремионис, в частности — он знал?

— Я ему не говорила.

— Не увиливайте, Глэдис. Не обязательно было говорить. В противоположность другим, он возобновлял свои предложения. Сколько раз, кстати, он это делал?

— Я не считала. Может, десять раз, может, больше. Не будь он таким приятным человеком в других отношениях, я приказала бы роботам не пускать его в дом.

— Ага, но вы не приказали. Поэтому у него было время сделать многократные предложения. Он приходил к вам. Он мог увидеть Джандера и ваше обращение с ним. Мог он угадать ваши отношения?

— Не думаю. Джандер никогда не появлялся, когда я бывала с человеком.

— По вашим инструкциям?

— Да. Не потому, что я стыдилась этих отношений, а просто не хотела ненужных осложнений. У меня остался какой-то инстинкт интимности секса, чего нет у аврорцев.

— Подумайте все-таки. Не мог ли он догадаться? Влюбленный мужчина…

— Влюбленный? — фыркнула Глэдис. — Что аврорцы знают о любви?

— Хорошо, мужчина, считавший себя влюбленным. Вы не отвечали ему тем же. Чутье и подозрительность отвергнутого любовника могли подсказать ему причину. Он никогда не намекал на Джандера?

— Нет! Нет! Для аврорца неслыханное дело — обсуждать сексуальные предпочтения или привычки человека.

— Не обязательно осуждать. Мог, скажем, комментировать с юмором.

— Нет. Если бы Гремионис сказал хоть слово об этом, я перестала бы принимать его в своем доме. Ничего такого не было. Он был сама вежливость.

— Сколько ему лет?

— Примерно, как и мне — тридцать пять. Может даже, года на два моложе.

— Мальчик, — печально сказал Бейли, — даже моложе меня. Но в этом возрасте… он мог догадываться насчет Джандера, но ничего не сказать. Может, он ревновал?

– *Ревновал*?

Бейли подумал, что на Авроре и Солярии это слово может иметь мало значения.

— Ну, злился, что вы предпочитаете другого.

— Я знаю значение этого слова, — резко сказала Глэдис. — Я только удивилась, что вы считаете аврорцев способными ревновать. В сексе не ревнуют. В чем-то другом — да, но не в сексе. Но даже если бы он ревновал — что из этого? Что он мог сделать?

— Не мог ли он сказать Джандеру, что близкие отношения с роботом ухудшают ваше положение на Авроре?

— Но это же неправда!

— Джандер мог поверить, если бы ему сказали, что он вредит вам…

— Джандер не поверил бы. Он делал меня счастливой, он был моим мужем, и я ему говорила это.

— Не сомневаюсь, что он верил вам, но его могли заставить поверить в противоположное. И если он попал в непереносимую дилемму Первого Закона…

Лицо Глэдис исказилось.

— Вы повторяете старую сказку о Сьюзен Келвин и робота-телепата, в которую никто старше десяти лет не верит. Этого не может быть. Я с Солярии и знаю о роботах достаточно. Нужны невероятные знания, чтобы связать в роботе узлы Первого Закона. Это мог сделать доктор

Фастальф, но никак не Сантирикс Гремионис. Гремионис — стилист. Он работает на людей. Он делает прически, конструирует одежду. Я делаю то же самое, но только для роботов, а Гремионис никогда не занимался роботами. Он ничего не знает о них, умеет только приказывать закрыть окно или сделать еще что-нибудь вроде этого. А вы хотите убедить меня, что смерть Джандера произошла из-за наших с ним отношений?

— Вы могли этого не знать, — сказал Бейли. Он рад был бы прекратить допрос, но не мог. — Что, если Гремионис узнал от доктора Фастальфа, как это сделать...

— Гремионис не знает доктора Фастальфа и ничего не понял бы из его объяснений.

— Ну, вы можете этого не знать. А что касается знакомства с доктором Фастальфом, то ведь Гремионис часто бывал у вас.

— Но доктор Фастальф почти не бывал у меня в доме. Вчера, когда он пришел с вами, он второй раз переступил мой порог. Он боялся быть слишком близко, чтобы я не потянулась к нему — он сам однажды признался. Он таким образом потерял дочь — глупость какая-то. Видите ли, когда живешь несколько столетий, у тебя куча времени, чтобы потерять *тысячи* вещей. Радуй-

тесь своей короткой жизни.

И она заплакала.

Бейли беспомощно посмотрел на нее.

— Простите меня, Глэдис. У меня нет больше вопросов. Могу я позвать робота? Может, вам нужно помочь?

Она покачала головой.

— Просто уйдите, — сказала она сдавленным голосом. — Уходите.

Бейли вышел. Жискар шел следом. Когда они вышли из дома, к ним присоединился Дэниел. Бейли почти не заметил этого. Он рассеянно подумал, что начал принимать присутствие роботов как должное, как свою тень, и что скоро будет чувствовать себя без них голым.

Он быстро шел к дому Фастальфа, и мысли его путались. Сначала его желание увидеть Василию было от безнадежности, от отсутствия других объектов для любопытства, теперь же все изменилось. Теперь появился шанс, что он наткнулся на нечто жизненно важное.

34

Лицо Фастальфа было исчерчено угрюмыми линиями, когда Бейли вернулся.

— Есть какой-нибудь прогресс? — осведомился Фастальф.

— Я исключил одну часть возможности. Кажется.

– *Часть возможности*? А как вы исключите остальное? И как вы *установили* возможность?

— Обнаружил, что исключить возможность нельзя, и начал ее устанавливать.

— А если вы обнаружите, что нельзя исключить вторую часть возможности, на которую вы таинственно намекаете?

Бейли пожал плечами.

— Прежде чем обсудить это, я должен повидаться с вашей дочерью.

— Ну, мистер Бейли, я выполнил вашу просьбу и попробовал связаться с ней. Пришлось ее разбудить.

— Вы хотите сказать, что она на ночной стороне планеты? Боюсь, что я глуп и воображаю, что я на Земле. В подземных Городах день и ночь теряют свое значение, и установлено постоянное время.

— Неплохо. Эос — центр роботехники, и очень немногие работники живут в других местах. Василия просто спала, и настроение ее не улучшилось от того, что ее разбудили. Она не пожелала говорить со мной.

— Давайте еще раз.

— Я говорил с ее секретаремистероботом, и неудобно менять сообщение. Василия ясно дала понять, что со мной говорить не будет. По отношению к вам она оказалась более уступчивой. Робот сообщил, что она даст вам пять минут на ее частной трехмерке, если вы вызовете ее — он взглянул на часы — через полчаса. Личной встречи с вами не будет ни в коем случае.

— Условия не подходят, и время тоже. Я должен видеть ее лично и в то время, какое понадобится. Вы объяснили ей важность дела?

— Пытался. Она не согласилась. Она изменит свое решение для кого угодно, только не для меня. Я это знал, и поэтому напустил на нее Жискара.

— Почему Жискара?

— Он ее любимец. Когда она изучала роботехнику в университете, я позволил ей улаживать некоторые мелкие аспекты его программы, а это больше всего сближает человека с роботом — исключая метод Глэдис, разумеется. И Жискар

стал как бы Эндрю Мартином.

— Кто это такой?

— Вы не слышали о нем?

— Нет.

— Странно! Все наши древние легенды происходят с Земли, а на Земле их, оказывается, не знают! Эндрю Мартин был робот, который постепенно становился человекоподобным. Конечно, человекоподобные роботы были и до Дэниела, но то были просто игрушки, чуть получше автоматов. Тем не менее, легенды рассказывают потрясающие истории о способностях Эндрю Мартина — явный признак фантастической природы легенд. Там говорилось о женщине, которую обычно звали Маленькая Мисс. И я уверен, что каждая девочка на Авроре мечтала быть Маленькой Мисс и иметь такого робота, как Эндрю Мартин. Василия тоже мечтала — и ее Эндрю Мартеном был Жискар.

— Ну, и что дальше?

— Я попросил ее робота передать ей, что вы придете с Жискаром. Она несколько лет не видела его, и я подумал, что в этом случае она, может быть, согласится встретиться с вами.

— Но не вышло?

— Не вышло.

— Тогда нам надо придумать что-то другое. Должен же быть какой-то способ.

— Может, вы и придумаете, — сказал Фастальф, — за пять минут свидания по трехмерке.

— Что можно сделать за пять минут?

— Не знаю. Но это все же лучше, чем ничего.

35

Через пятнадцать минут Бейли стоял перед трехмерным экраном, готовый к встрече с Василией. Доктор Фастальф ушел, сказав с кривой улыбкой, что его присутствие только ухудшит дело. Дэниела тоже не было; компанию Бейли составлял только Жискар.

— Трехмерный канал доктора Василии открыт. Вы готовы, сэр? — спросил Жискар.

— Готов, — угрюмо ответил Бейли. Он отказался сесть, думая, что стоя будет выглядеть более импозантным. Хотя... Разве землянин может быть импозантным?

Экран осветился. Появилась женщина. Рука ее опиралась на стол, заваленный чертежами; она явно тоже хотела выглядеть импозантной.

На ней были темно-коричневая юбка-брюки и плотно прилегающая, низко вырезанная безрукавка. Светлые волосы в тугих завитках. Она не походила на своего отца и, конечно, не имела его больших ушей. Видимо, она унаследовала красоту матери. Роста она была небольшого, и Бейли видел, что она удивительно похожа на Глэдис, хотя выражение лица было много холоднее и

носило печать властной личности.

— Вы землянин, приехавший решить проблему моего отца? — резко спросила она.

— Да, доктор Фастальф, — тем же тоном ответил Бейли.

— Можете звать меня доктор Василия. Я не хочу, чтобы меня путали с моим отцом.

— Доктор Василия, я должен иметь возможность поговорить с вами лично и на разумный период времени.

— Вы землянин и, значит, источник инфекции.

— Я был обработан медицински и теперь полностью безопасен. Ваш отец был со мной весь день.

— Мой отец называет себя идеалистом и должен время от времени делать глупости, чтобы поддержать свое реноме. Я не стану подражать ему.

— Но вы, наверное, и не желаете ему вреда. А вы повредите ему, если откажетесь увидеться со мной.

— Не тратьте зря время. Я увижу вас только на экране, и прошло уже половина назначенного мною срока. Если вас это не устраивает, можем сразу же закончить.

— Доктор Василия, здесь Жискар, и он хотел бы

уговорить вас.

Жискар вошел в поле зрения Василии.

— Доброе утро, Маленькая Мисс.

Василия, казалось, на мгновение смутилась, и тон ее стал мягче.

— Я рада видеть тебя, Жискар, и всегда буду рада, но землянина видеть не хочу, даже по твоему настоянию.

— В таком случае, — сказал Бейли, в отчаянии бросая в бой все свои ресурсы — я вытащу на свет божий дело Сантирикса Гремиониса, не посоветовавшись с вами.

Глаза Василии расширились, рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак.

— При чем здесь Гремионис?

— Просто он красивый молодой человек и хорошо знает вас. Мне заняться им, не услышав, что вы можете сказать?

— Я скажу вам прямо сейчас…

— Нет, — громко сказал Бейли, — вы ничего мне не скажете, пока я не встречусь с вами лицом к лицу.

Она скривила рот.

— Ладно, я увижу вас, но не останусь с вами дольше, чем сама назначу, предупреждаю вас. И приводите Жискара.

Связь прервалась резким щелчком, и у Бейли закружилась голова от внезапной смены фона. Он шагнул к стулу и сел. Жискар держал его за локоть.

— Могу ли я помочь вам чем-нибудь, сэр?

— Все в порядке, — сказал Бейли. — Мне просто нужно перевести дух.

Фастальф стоял рядом.

— Простите, что я снова пренебрег обязанностями хозяина: я слушал вас по отводному каналу, который принимает, но не передает. Мне хотелось видеть дочь, хоть она меня и не видит.

— Я понимаю, — сказал Бейли, — и если вы считаете, что должны извиняться, то я вас прощаю.

— А что насчет этого Сантирикса Гремиониса? Мне это имя незнакомо.

— Я услышал его сегодня от Глэдис. Я знаю о нем очень мало, но ухватился за шанс любым способом увидеть вашу дочь. Все было против меня, однако в результате я получил то, чего желал. Как видите, я пользуюсь дедукцией, даже когда имею весьма мало информации, так что вы уж дайте мне спокойно продолжать в том же духе. В дальнейшем вы, пожалуйста, теснее сотрудничайте со мной и не упоминайте больше о психозонде.

Фастальф молчал, и Бейли почувствовал мрачное удовлетворение, что подавил своей волей сначала дочь, а потом отца. Но надолго ли? Этого он не знал.

Часть девятая
Василия

36

Бейли остановился у дверцы машины и твердо сказал:

— Жискар, я *не хочу*, чтобы окна заштор*ивались*. Я *не хочу сидеть сзади*. Я хочу сидеть на переднем сидении и наблюдать Снаружи. Поскольку я буду сидеть между вами и Дэниелом, я буду в безопасности, если только сама машина не сломается. А в этом случае я все равно погибну, где бы я не сидел.

— Сэр, а если вы почувствуете себя плохо…

— Тогда вы остановите кар, и я переберусь на заднее сиденье, и вы зашторите задние окна. Собственно, не нужно и останавливаться: я просто перешагну через переднее сиденье, когда вы подвинетесь. Дело в том, Жискар, что мне нужно ознакомиться с Авророй, насколько это возможно, и в любом случае, мне важно привыкнуть к Снаружи. Это приказ, Жискар.

Дэниел мягко сказал:

— Друг Жискар, партнер Илия совершенно прав в своем требовании. Он будет в разумной безопасности.

Жискар, может быть, и неохотно — Бейли не

мог понять выражения его не вполне человеческого лица — сел за управление. Бейли вошел в машину и оглядел прозрачное окно с меньшей уверенностью, чем та, что прозвучала в его голосе. Как бы то ни было, иметь по бокам роботов удобно.

Кар поднялся на струях сжатого воздуха и чуточку осел, как бы встав на ноги. У Бейли возникло неприятное ощущение в желудке. А затем кар рванулся вперед, и Бейли прижало к сиденью. Через минуту они помчались со скоростью, какую Бейли, бывало, испытывал на Экспресс-путях в Городе. Впереди простиралась поросшая травой дорога. Скорость казалась большей из-за отсутствия знакомого освещения и зданий по сторонам. Бейли изо всех сил старался дышать ровно и говорить спокойно.

— Где мы едем, Дэниел? Это вроде не фермерская местность.

— Это городская территория. Здесь частные парки.

Город? Бейли не мог поверить. Он знал, что такое Город.

— Эос — самый большой и значительный город на Авроре. Он был построен первым. Здесь находится Совет Авроры. Здесь расположено поместье

Председателя Совета, и мы проедем мимо него.

Не просто город, но еще и самый большой. Бейли оглядывался по сторонам.

— У меня было впечатление, что дома Фастальфа и Глэдис находятся на окраине Эос. А теперь, мы, как видно, пересекаем городскую границу.

— Отнюдь нет, партнер Илия. Это центр города. Границы его в семи километрах позади, а до места нашего назначения почти сорок километров.

— Центр города? Но я не вижу домов.

— Их просто не видно с дороги. Но один видно между деревьями: это дом известного писателя.

— Вы знаете все дома по виду?

— Они заложены в мою память.

— На дороге совсем нет движения. Почему?

— На большие расстояния летают аэрокары. Многие коммуникации сберегаются за счет трехмерной связи. Но аврорцы обожают прогулки и нередко проходят несколько километров для общественных визитов и даже для деловых встреч, если время позволяет.

— Значит, мы едем в наземном каре, потому что это слишком далеко для пешей прогулки и слишком близко для аэрокара. Далеко до дома Василии?

— Нет. Она живет, как вы, вероятно, знаете, при

Институте Роботехники.

Помолчав, Бейли сказал:

— На горизонте, кажется, тучи.

— Да, — ответил Дэниел. — К вечеру они принесут осадки, как и предсказывалось.

Бейли нахмурился. Он однажды попал под дождь во время своей экспериментальной работы в поле Снаружи, на Земле. Он как бы стоял одетый под холодным душем. На миг его охватила паника, когда он понял, что выключить эту воду не может. Она так и будет литься вечно! Все бросились бежать в Город, и он тоже. Но здесь Аврора, и он не представлял, куда бежать, если начнется дождь. В ближайший дом? Но будут ли там рады беглецам?

— Сэр, мы на стоянке Института Роботехники, — сказал Жискар. — Теперь мы можем выйти и посетить дом доктора Василии.

Бейли кивнул. Путешествие заняло от пятнадцати до тридцати минут, и он был рад, что оно кончилось.

— Прежде чем увидеть дочь доктора Фастальфа, я хотел бы кое-что узнать о ней. Вы ее знаете, Дэниел?

— Когда я стал существовать, доктор Фастальф и его дочь уже давно жили врозь. Я никогда ее

не видел.

— А вы, Жискар, хорошо знакомы с ней?

— Да, сэр.

— И вы были привязаны друг к другу?

— Я уверен, сэр, что дочери доктора Фастальфа было приятно быть со мной.

— И вам с ней тоже?

— Когда я нахожусь с любым человеческим существом, у меня ощущение, которое, как я думаю, люди называют «приятно».

— Но с Василией особенно?

— Ее радость быть со мной, сэр, видимо, стимулировала во мне позитронные потенциалы, вызывающие действия, эквивалентные тем, что радость производит в людях. По крайней мере, так объяснил доктор Фастальф.

— Почему Василия ушла от отца? — внезапно спросил Бейли. Жискар не ответил, и Бейли сказал неожиданно повелительным тоном, каким землянин говорит с роботом:

— Я задал тебе вопрос, парень.

Жискар повернул голову и взглянул на Бейли. На мгновение Бейли показалось, что глаза робота вспыхнули негодованием от оскорбительного слова. Однако, Жискар спокойно ответил:

— Я мог бы ответить, сэр, но мисс Василия

приказала мне тогда ничего не говорить насчет этого дела.

— Но я приказываю ответить.

— Простите, сэр, но мисс Василия была уже тогда сильна в роботехнике, и ее приказы достаточно сильны до сих пор, что бы вы не говорили, сэр.

— Она явно была сильна в роботехнике, если, как говорил мне доктор Фастальф, перепрограммировала вас.

— Это было неопасно, сэр. Доктор Фастальф всегда мог поправить любую ее ошибку.

— И он ее поправлял?

— Нет, сэр.

— Какова была природа перепрограммирования?

— По мелочам, сэр.

— Что именно она сделала?

Жискар замялся, и Бейли сразу же понял в чем дело. Затем робот сказал:

— Боюсь, сэр, я не могу ответить на вопросы, связанные с перепрограммированием.

— Вам запрещено?

— Нет, сэр, но новая программа автоматически стирает старую. Если я изменился в какой-то части, то мне кажется, что эта часть всегда была

такая, и я не помню, какой она была раньше.

— Тогда откуда вы знаете, что перепрограммировались мелочи?

— Поскольку доктор Фастальф ни разу не счел нужным поправлять работу мисс Василии — он сам однажды так сказал — я и предполагаю, что изменения были мелкими. Вы можете спросить мисс Василию.

— Спрошу.

— Боюсь только, что она вам не ответит, сэр.

Сердце Бейли упало. До сих пор он расспрашивал только Фастальфа, Глэдис и двух роботов — всех тех, у кого были основания сотрудничать. А сейчас он впервые встретится с недружественным субъектом.

37

Бейли вышел из машины на лужайку и с удовольствием ощутил под ногами твердую землю. Он изумленно огляделся: дома стояли вплотную друг к другу. Один был особенно большой — громадный прямоугольный блок из металла и стекла.

— Это Роботехнический Институт?

— Весь комплекс — Институт, партнер Илия, — сказал Дэниел. — Вы видите только часть его, и она застроена более плотно, чем принято на Авроре, потому что это самостоятельная политическая единица. Она включает в себя жилые дома, лаборатории, библиотеки, общественную гимназию и т. п. Большое здание — административный центр.

— Как-то не по-аврорски, что все эти здания на виду — если судить по тому, что я видел на Эос. Вряд ли это одобряют.

— Думаю, что нет, но глава Института дружен с Председателем, у которого большое влияние, и тут было дано особое разрешение ради нужд исследовательской работы, — сказал Дэниел и добавил задумчиво: — оно и в самом деле более

компактное, чем я себе представлял.

— Разве вы не бывали здесь?

— Нет.

— И вы, Жискар?

— Нет, сэр.

— Но вы же нашли дорогу без затруднений.

— Нас хорошо информировали, поскольку мы должны были сопровождать вас.

— А почему доктор Фастальф не поехал с нами? — спросил Бейли и тут же сообразил, что робота врасплох не захватишь.

— Доктор Фастальф сказал, что он не член Института, поэтому ему неудобно появляться без приглашения.

— А почему он не член?

— Я никогда не слышал о причинах этого.

Не знает? Не велено говорить? Бейли пожал плечами. Не все ли равно? Человек может солгать, а робот может быть проинструктирован. Конечно, человека можно поймать на лжи и выведать или выбить из него правду, если спрашивающий достаточно ловок или достаточно жесток, а робота можно сбить с инструкций, если спрашивающий достаточно ловок или достаточно беспринципен. Но ловкость тут разная, а Бейли ничего не понимал в роботах.

Оранжевое солнце теперь стояло высоко в небе. Приближался полдень. Когда они подошли к дому и вошли в его тень, Бейли слегка поежился, почувствовав, как температура немедленно упала. Губы его сжались при мысли о заселенных мирах без Городов, где температура не контролируется и подвергается непредсказуемым идиотским переменам. Он с неудовольствием заметил, то линия туч на горизонте смещается куда-то. Значит, будет дождь, потоки воды. Ох, Земля! Бейли скучал по Городам.

Жискар вошел первым, а Дэниел придержал Бейли за руку. Ну, конечно! Жискар в разведке. И Дэниел тоже: глаза его внимательно осматривали все. Бейли был уверен, что эти глаза ничего не упустят.

Жискар появился в дверях и кивнул. Бейли вошел в распахнутую дверь, подчиняясь нажиму руки Дэниела.

В доме Василии не было запоров, как не было их в домах Глэдис и Фастальфа. Разбросанность домов помогала уединенности, наверняка помогали и обычаи невмешательства. Да если подумать, вездесущие роботы-стражи были надежнее всяких замков.

Жискар, идущий впереди, тихо поговорил с

двумя роботами, похожими на него, вернулся и сказал:

— Вас ждут, сэр. Сюда, пожалуйста.

Два домашних робота пошли вперед, за ними Бейли и Дэниел, а Жискар замыкал шествие.

Два домашних робота остановились перед двойной дверью, створки которой раздвинулись в стороны, видимо, автоматически. Комната была погружена в тусклый зеленоватый свет — дневное освещение проходило сквозь плотные шторы. Бейли не очень отчетливо увидел маленькую человеческую фигуру, сидевшую у стола на высоком табурете. Когда они вошли, дверь закрылась и в комнате стало еще темнее.

Женский голос резко сказал:

— Не подходите ближе! Стойте на месте!

И комната вдруг ярко осветилась.

38

Бейли заморгал и взглянул вверх. Потолок был стеклянный, через него видно было солнце, только оно почему-то казалось тусклым, что, впрочем, не влияло на качество света внутри. Он посмотрел на женщину, не изменившую позы.

— Доктор Василия Фастальф?

— Доктор Василия Алиена, если хотите знать мое полное имя. Можете называть меня доктор Василия. Так меня зовут все в Институте. — Ее резкий голос вдруг смягчился. — Ну, как ты, мой старый друг Жискар?

Жискар ответил тоном, совсем отличным от обычного.

— Приветствую вас, Маленькая Мисс.

Василия улыбнулась.

— А это, я полагаю, человекоподобный робот Дэниел Оливо, о котором я слышала?

— Да, доктор Василия, — быстро ответил Дэниел.

— И, наконец, землянин.

— Илия Бейли, доктор, — скованно ответил Бейли.

— Да, я знаю, что у землян есть имена, и что

ваше — Илия Бейли, — холодно сказала она. — Вы не выглядите таким взрывным, как тот актер, что играл вас в гиперволновом шоу.

— Я знаю это, доктор.

— Тот, кто играл Дэниела, был очень похож. Но, я полагаю, мы здесь не для того, чтобы обсуждать шоу.

— Нет.

— Мы здесь, землянин, чтобы поговорить насчет Сантирикса Гремиониса и на этом покончить. Правильно?

— Не совсем. Это не главная причина моего прихода, хотя я думаю, что мы коснемся и этого.

— Да? У вас впечатление, что мы проведем долгую и сложную беседу на тему, которую выберете вы?

— Я думаю, доктор Василия, что вам разумнее было бы позволить мне вести интервью по моему желанию.

— Это угроза?

— Отнюдь.

— Ну, я никогда не встречалась с землянами, и было бы интересно посмотреть, насколько вы похожи на актера, игравшего вашу роль — не в смысле внешности. Вы и в самом деле такая властная личность, каким были в фильме?

— Фильм, — с явным отвращением сказал Бейли, — был сверх-драматическим и преувеличил мою личность во всех направлениях. Я предпочитаю, чтобы вы приняли меня таким, каков я есть, и судили бы обо мне, каким я кажусь вам сейчас.

Василия засмеялась.

— Во всяком случае, я, кажется, не слишком напугала вас. Это очко в вашу пользу. А может, вы думаете, что нечто известное вам о Гремионисе дает вам право приказывать мне?

— Я здесь лишь для того, чтобы открыть правду о деле умершего человекоподобного робота Джандера Пэнела.

— Умершего? А разве он когда-нибудь был живым?

— Я предпочитаю одно слово фразе: «приведенный в бездействующее состояние». Вас смущает слово «умерший»?

— Вы здорово фехтуете. Дибрит, принеси землянину стул. Он устанет стоять, если разговор будет долгим. А потом иди в свою нишу. Ты тоже можешь выбрать себе нишу, Дэниел. А ты, Жискар, встань около меня.

Бейли сел.

— Спасибо, Дибрит. Доктор Василия, я не имею власти допрашивать вас; у меня нет законных

возможностей заставить вас отвечать на мои вопросы. Однако, смерть Джандера Пэнела ставит вашего отца в положение несколько…

— Кого?

— Вашего отца.

— Землянин, я иногда могу назвать определенное лицо своим отцом, но больше никто не может. Пожалуйста, пользуйтесь полным именем.

— Доктор Хэн Фастальф. Ведь он же ваш отец?

— Вы пользуетесь биологическим термином. Во мне его гены, что на Земле рассматривается как отец — дочь. На Авроре это не имеет значения, кроме как в медицинском и генетическом отношениях. Во всех других случаях это родство вообще не упоминается в порядочном обществе Авроры. Я объясняю вам это, поскольку вы землянин.

— Если я оскорбил обычаи, то только по неведению, и прошу извинить меня. Могу я упомянуть имя вышеназванного джентльмена?

— Конечно.

— Итак, смерть Джандера Пэнела поставила доктора Хэна Фастальфа в несколько затруднительное положение, и я предполагаю, что вы захотите помочь ему.

— Вы предполагаете? Почему?

— Он ваш… Он взял вас к себе. Он заботился о вас. Вы были очень привязаны друг к другу. Он и сейчас питает к вам глубокое чувство.

— Это он вам сказал?

— Это было ясно из деталей нашего разговора — даже из того факта, что он заинтересовался солярианкой Глэдис Дельмар из-за ее сходства с вами.

— Он сказал *это*?

— Сказал, но если бы и не говорил, сходство бросается в глаза.

— Однако, землянин, я ничем не обязана доктору Фастальфу. Ваши предположения напрасны.

— Кроме любых личных чувств, которые вы имеете или не имеете, на карту поставлено будущее Галактики. Доктор Фастальф желает, чтобы люди исследовали и заселяли новые миры. Если политические последствия смерти Джандера поведут к заселению новых миров роботами, доктор Фастальф уверен, что это будет катастрофой для Авроры и для человечества. Вы, конечно, не захотите участвовать в такой катастрофе.

Василия равнодушно ответила:

— Конечно, нет, если бы я была согласна с доктором Фастальфом. Но я не согласна. Не вижу вреда в том, чтобы работу сделали человекоподобные

роботы. Здесь, в Институте, я делаю для этого, что могу. Я глобалистка. Поскольку, доктор Фастальф гуманист, мы с ним политические враги.

Ее ответы были резкими и прямыми. За ними каждый раз следовало молчание, словно она с интересом ждала следующего вопроса. У Бейли было впечатление, что он любопытен ей, забавляет ее.

— Давно вы член этого Института?

— Со дня его основания.

— Много в нем членов?

— Я бы сказала — примерно треть аврорских роботехников члены Института, но лишь половина их в действительности живет и работает здесь.

— Другие члены Института разделяют вашу точку зрения на исследование других планет роботами? Все возражают против мнения доктора Фастальфа?

— Думаю, что большинство — глобалисты, но точно не знаю. Спросите их.

— Доктор Фастальф член Института?

— Нет.

— Не странно ли? Я бы считал, что уж кто-кто, а он должен быть членом.

— Так уж вышло, что мы не хотели. Вероятно, менее важно, что и он не хотел.

— Это еще более удивительно.

— Не думаю. — Затем, как бы подстегиваемая внутренним раздражением, побуждавшим ее сказать что-то еще, продолжала: — Он живет в городе Эос. Полагаю, вы знаете, что означает это название?

Бейли кивнул.

— Эос — древнегреческая богиня утренней зари, как Аврора — древнеримская.

— Точно. Доктор Фастальф живет на планете Утренней Зари, но сам в зарю не верит. Он не понимает нужного метода экспансии через Галактику, превращения Зари Космонитов в обширный Галактический День. Исследование Галактики роботами — единственный практический путь для выполнения этой задачи, а он не принимает его… и нас.

— Почему единственный метод? — медленно сказал Бейли. — Аврора и другие Внешние миры исследовались и заселялись людьми, а не роботами.

— Поправка: землянами. Напрасная и неэффективная процедура, и мы не позволим землянам стать следующими поселенцами. Мы стали космонитами, долгоживущими и здоровыми, и наши роботы бесконечно более разносторонние

и гибкие, чем те, что были у первых поселенцев нашего мира. Теперь другое время, и сегодня только роботы могут вести исследования.

— Предположим, вы правы, а доктор Фастальф ошибается; но и в этом случае его точка зрения логична. Почему он и Институт не принимают друг друга? Только потому, что не согласны в одном этом пункте?

— Нет, несогласие — это, в общем-то, мелочь. Есть более основательный конфликт.

Бейли подождал, но она ничего не добавила к своему замечанию. Показать раздражение он счел небезопасным и поэтому спросил осторожно и спокойно:

— Что за более основательный конфликт?

Василия явно развеселилась. Линии ее лица как-то смягчились и на миг она стала еще более похожа на Глэдис.

— Вы не догадаетесь, пока я вам не объясню.

— Поэтому я и спрашиваю, доктор Василия.

— Так вот, землянин, я слышала, что земляне короткоживущие. Это верно?

Бейли пожал плечами.

— Некоторые доживают до ста лет по земному времени — примерно до ста тридцати по метрическому аврорскому.

— А сколько вам?

— Сорок пять земных, шестьдесят метрических.

— А мне шестьдесят шесть метрических, и я надеюсь прожить еще триста — если буду осторожна.

Бейли развел руками.

— Поздравляю вас.

— Тут есть свои невыгодные стороны.

— Сегодня утром я слышал, что за три или четыре столетия накапливается много, очень много потерь.

— Боюсь, что да. Но зато накапливается много, очень много получений. В итоге — баланс.

— Каковы же тогда невыгодные стороны?

— Вы, наверное, не ученый.

— Я — следователь, инспектор, полицейский, если хотите.

— Но вы знаете ученых своего мира.

— Встречал кое-кого, — осторожно ответил Бейли.

— Вы знаете как они работают? Мне говорили, что на Земле они кооперируются по необходимости. При их короткой жизни у них самое большее — полстолетия активной работы. Меньше семидесяти метрических. За это время мало что

можно сделать.

— Некоторые наши ученые полностью выполняют свое дело в значительно меньший срок.

— Потому что они пользуются данными, найденными до них, а так же теми, что нашли их современники, другие ученые. Это так?

— Конечно. Все вносят вклад в общую науку, все, через пространство и время.

— Именно. Иначе не получится. Каждый ученый, зная, что не сможет выполнить все сам, вынужден кооперироваться. Таким образом достигается прогресс.

— А на Авроре и других Внешних мирах не так?

— Теоретически так, но практически нет. Давление в долгоживущем обществе слабее. Ученые отдают своим проблемам три — три с половиной столетия, и возникает мысль, что прогресс может быть достигнут за то же время одним работником. Появляется чувство интеллектуальной жадности — желание сделать что-то самому, иметь право на какую-то грань прогресса. Пусть лучше общее продвижение замедлится, лишь бы не отказаться от того, что человек считает своим. И в результате общее продвижение на Внешних мирах замедлилось до такой степени, что трудно

обогнать работу, проделанную на Земле, несмотря на все наши преимущества.

— Полагаю, вы не сказали бы мне этого, если бы подобным образом не вел себя доктор Фастальф.

— Именно так он себя и ведет. Его теоретический анализ позитронного мозга сделал возможным создание человекоподобного робота. Он использовал его, когда конструировал — с помощью покойного доктора Сартона — вашего друга робота Дэниела, но не опубликовал важные детали своей теории и никому другому не предоставил ее. В этом смысле он, и только он держит за горло производство человекоподобных роботов.

— А Институт Роботехники поощряет сотрудничество среди ученых?

— Конечно. Институт собрал более сотни роботехников высших степеней разного возраста и способностей, и мы надеемся установить ветви на других планетах и основать межзвездную ассоциацию. Мы все решили объединить наши отдельные открытия или размышления в общий фонд, сделать добровольно для общего блага то, что вы, земляне, вынуждены делать из-за вашей короткой жизни. Однако, доктор Хэн Фастальф не желает это сделать. Вы наверняка считаете доктора Фастальфа идеалистом и патриотом

Авроры, но он не отдает свою интеллектуальную собственность в общий фонд, поэтому и не хочет работать с нами. А поскольку он считает, что имеет право личной собственности на свои научные открытия, мы не хотим иметь его у себя. Теперь для вас не тайна наше взаимное отвращение.

Бейли кивнул и сказал:

— Вы думаете, что этот добровольный отказ от личной славы сработает?

— Должен.

— А может Институт, пусть сообща, сдублировать индивидуальную работу доктора Фастальфа и заново открыть теорию позитронного мозга?

— Со временем мы это сделаем. Это неизбежно.

— А вы не делали попыток сэкономить время и убедить доктора Фастальфа выдать секрет?

— Думаю, что у нас есть способ убедить его.

— Через скандал с Джандером?

— Не думаю, чтобы вы в действительности хотели задать этот вопрос. Ну, я сказала вам все, что вы хотели знать, землянин?

— Вы сказали мне кое-что, чего я не знал.

— Тогда пора вам сказать мне насчет Гремиониса. Почему вы связали имя этого брадобрея со мной?

— Брадобрея?

— Он считает себя дизайнером по прическам, кроме всего прочего, но он просто-напросто парикмахер. Говорите о нем — или давайте считать интервью законченным.

Бейли устал. Ему было ясно, что Василия наслаждалась этим фехтованием. Она дала ему ровно столько, чтобы разжечь его аппетит, и теперь он вынужден покупать материал за собственную информацию. Но у него не было никакой информации, одни догадки. И если часть их ошибочна, он пропал. Однако, надо было фехтовать.

— Видите ли доктор Василия, вы не можете уверять, что предположение о связи между вами и Гремионисом смехотворно.

— Почему? Оно нелепо.

— Нет. Будь оно нелепо, вы рассмеялись бы мне в лицо и выключили бы контакт трехмерки. Из простого факта, что вы отказались от своей первоначальной позиции и приняли меня, из простого факта, что вы разговаривали со мной и сообщили мне очень многое — совершенно ясно: вы чувствуете, что я могу воткнуть нож вам в шею.

Василия сказала низким, злым голосом:

— Вы, видимо, знаете, маленький землянин, что мое положение уязвимо. Я дочь доктора

Фастальфа, а в Институте хватает достаточно глупых или достаточно злонамеренных лиц, которые из-за этого не доверяют мне. Я не знаю, что именно вы слышали, но все это более или менее смехотворно. Однако, даже нелепость может быть использована против меня. Поэтому, я хочу поторговаться. Я сказала вам кое-что, могу сказать и больше, но только в том случае, если вы скажете, что у вас спрятано в рукаве, и убедите меня, что вы говорите правду. Так вот, говорите. Если вы попытаетесь вести игру со мной, я выкину вас вон и, по крайней мере, получу от этого удовольствие, а мое положение не станет от этого хуже, чем сейчас. У *меня есть средство повлиять на Председателя*, чтобы он отменил свое решение пустить вас на Аврору и отправил бы вас обратно на Землю. На него и так в этом смысле большое давление, и вы не захотите, чтобы я добавила свое. Итак, говорите!

39

У Бейли было побуждение подойти к решающему пункту, чтобы проверить, прав ли он, но он почувствовал, что это не сработает. Она заметит, чего он добивается — она не глупа — и остановит его. Он знал, что вышел на какой-то след, и не хотел стереть его. Видимо, она сказала правду относительно своего уязвимого положения, создавшегося в результате ее отношений с отцом, но она не была бы так испугана при видео-встрече с Бейли, если бы не подозревала, что некое замечание его *не совсем* нелепо.

Он обнаружил что-то важное, и это нужно немедленно установить, как-то взять над Василией верх. Отсюда — игра. Он сказал:

— Сантирикс Гремионис предлагал себя вам — и прежде, чем Василия успела отреагировать, добавил: — и не один раз, а много.

Василия хлопнула руками по колену, уселась плотнее, посмотрела на неподвижно стоявшего рядом Жискара, а затем на Бейли.

— Этот идиот предлагает себя всем, кого увидит, не разбирая пола и возраста. Я бы удивилась, если бы он не обратил внимания на меня.

Бейли сделал жест, как бы отметая это. Она не смеялась. Она не положила конец беседе. Она даже не разозлилась. Она хотела видеть, что он построит на своем утверждении, и он ухватился за это *нечто*.

— Это преувеличение доктор Василия. Всякий может выбирать; Гремионис выбрал вас и, несмотря на ваш отказ, продолжал предлагать себя, хотя это совершенно не в привычках авроpцев.

— Я рада, что вы поняли, что я отказала ему. Некоторые считают, что любое — или почти любое — предложение нужно принять хотя бы из вежливости, но я другого мнения. Не вижу оснований тратить время на то, что мне не интересно. Вы находите в этом что-то предосудительное, землянин?

— У меня нет ни благоприятного, ни неблагоприятного мнения об аврорских обычаях.

Она все еще ждет, слушает его. Чего она ждет? Может, того, что он хочет сказать, но пока не решается?

Она сказала с некоторым усилием:

— У вас есть еще что-нибудь, или закончили?

— Нет, не закончили, — сказал Бейли, вынужденный теперь вести игру дальше. — Вы поняли,

что необычная для аврорца настойчивость Гремиониса может быть полезной вам.

— Да? Какая глупость! Какую пользу я могла бы извлечь из этого?

— Поскольку он явно был сильно увлечен вами, нетрудно было устроить, чтобы он увлекся другой, очень похожей на вас, женщиной. Вы настояли, чтобы он так сделал, возможно, пообещав принять его, если другая откажет.

— Кто эта бедняга, похожая на меня?

— Вы не знаете? Не разыгрывайте наивность. Я говорю о солярианке Глэдис, которая, как я вам уже говорил, находится под протекцией доктора Фастальфа как раз из-за сходства с вами. Вы не удивились, когда я упомянул об этом в начале нашей беседы, теперь уже поздно прикидываться не знающей.

Василия резко посмотрела на него.

— И из интереса Гремиониса к ней вы делаете заключение, что раньше он интересовался мной? И вы пришли ко мне с этой дикой догадкой?

— Это не дикая догадка. Есть другие существенные факторы. Разве вы отрицаете их?

— Я устала. Вы сказали, что Гремионис сначала интересовался мной, а затем моим подобием, солярианкой. А теперь вы хотите, чтобы я это

отрицала. А зачем мне беспокоиться и отрицать? Даже если это и так, это мне никак не повредит. Это же не важно! Вы говорите, что меня раздражало это внимание, я его не хотела и хитроумно отвлекла его в другую сторону. Ну, и что?

— Не так важно, *что* вы сделали, важно — *зачем*. Вы знали, что Гремионис настойчив; он снова и снова предлагал себя вам, значит, так же много раз будет предлагать себя и Глэдис.

— Если бы она отказала ему.

— Она солярианка, у нее трудности с сексом, она отказывала всем, и, осмелюсь сказать, вы кое-что об этом знали; я думаю, что при всем вашем отстранении от вашего… доктора Фастальфа, вы достаточно чувствительны; чтобы приглядывать за своей заместительницей.

— Что ж, если она отказала Гремионису, то она показала хороший вкус.

— Вы знаете, что «если» тут нет. Вы знали, что она отказала.

— Опять-таки — что из этого?

— Это означает, что Гремионис для повторения предложения должен часто бывать в доме Глэдис.

— Ну?

— А в доме Глэдис был весьма необычный

предмет — один из двух существующих человекоподобных роботов — Джандер Пэнел.

Василия замялась.

— Что вы из этого выводите?

— Я думаю, вам пришло в голову, что если этот робот будет убит при обстоятельствах, впутывающих доктора Фастальфа, у вас в руках окажется оружие, могущее вырвать у доктора Фастальфа тайну человекоподобного позитронного мозга. Гремионис, раздраженный постоянным отказом Глэдис, мог быть подтолкнут на страшную месть — убийство робота.

— Этот жалкий брадобрей мог иметь десяток мотивов и десяток удобных случаев, но все это ни к чему. Он даже не умеет приказать роботу помахать рукой. Он в световых годах от возможности сделать роботу умственное замораживание.

— Теперь, — мягко сказал Бейли, — мы, наконец, подошли к пункту, который вы, вероятно, предчувствовали, поскольку до сих пор не выкинули меня вон, и хотели удостовериться, держу я этот пункт в уме или нет. Я хотел сказать, что Гремионис сделал работу через вас, с помощью Роботехнического Института.

Часть десятая
Василия

40

Все застыло в неподвижности, как в гиперволновой драме — и Бейли, и Василия, и, конечно, роботы. Прошли долгие — ненормально долгие секунды, прежде чем Василия перевела дух и медленно встала. Лицо ее исказилось в усмешке.

— Вы говорите, землянин, что я соучастница в разрушении человекоподобного робота?

— Мне пришло в голову что-то в этом роде, доктор.

— Спасибо. Интервью кончено, уходите. — Она указала на дверь.

— Боюсь, что не желаю этого.

— Я не считаюсь с вашими желаниями.

— Должны считаться; как вы меня выгоните без моего желания?

— У меня здесь два робота, они вежливо, но твердо выведут вас, повредив только вашему самолюбию… если оно у вас есть.

— У вас только один робот, а у меня два, и они не позволят случиться такому.

— Я тут же вызову двадцать.

— Доктор Василия, поймите! Вы удивились, увидев Дэниела. Я заподозрил, что вы, хоть и

работаете в Роботехническом Институте, где изготовление человекоподобных роботов является первейшей задачей, но никогда не видели комплектного и функционирующего такого робота. И ваши роботы тоже не видели. Взгляните на Дэниела: он похож на человека, больше похож, чем все другие роботы, за исключением покойного Джандера. Ваши роботы примут Дэниела за человека, а он знает, как приказывать роботам, чтобы они повиновались ему, а не вам.

— Тогда я вызову людей из Института, вы будете выкинуты, возможно, с небольшим ущербом, и ваши роботы не смогут эффективно вмешаться.

— А как вы их позовете, если мои роботы не позволят вам двинуться? У них исключительно быстрые рефлексы.

Василия оскалила зубы, что никак нельзя было назвать улыбкой.

— Ничего не скажу о Дэниеле, но Жискара я знала большую часть моей жизни. Не думаю, что он помешает мне позвать на помощь. Я думаю, он и Дэниела удержит от вмешательства.

Бейли знал, что ступает по тонкому льду, и постарался, чтобы голос его не дрожал:

— Не лучше ли вам сначала спросить Жискара, что он сделает?

— Жискар? — с полной доверчивостью спросила Василия.

Жискар отвел от нее глаза и сказал со странным тембром в голосе:

— Маленькая Мисс, я обязан защищать мистера Бейли. Он имеет предпочтение перед вами.

— Вот как? По чьему приказу? Этого землянина? Этого чужака?

— По приказу доктора Хэна Фастальфа, — сказал Жискар.

Глаза Василии сверкнули. Она медленно села. Руки ее дрожали, губы слабо шевелились.

— Он даже *тебя отнял*.

— Если этого не достаточно, доктор Василия, — вдруг по собственному почину заговорил Дэниел, — то я тоже ставлю благополучие партнера Илии выше вашего.

Василия посмотрела на Дэниела с горьким любопытством.

— Партнер Илия? Ты так зовешь его?

— Да, доктор Василия. Мой выбор между вами и им сделан не только по инструкциям доктора Фастальфа, но и потому, что землянин и я — партнеры в этом расследовании, и потому… — Дэниел сделал паузу, как бы смущаясь тем, что собирался сказать — потому что мы друзья.

— Друзья? — сказала Василия. — Землянин и человекоподобный робот? Что ж, достойная пара. Оба не вполне люди.

— Тем не менее, мы оба связаны дружбой, — резко сказал Бейли. — И не проверяйте, ради себя самой, силу нашей… — он тоже сделал паузу и, как бы сам удивляясь, закончил фразу: — любви.

— Что вы хотите?

— Информации. Меня вызвали на Аврору, этот Мир Утренней Зари — разобраться в событии, которое, похоже не имеет никакого объяснения, события, в котором ложно обвинен доктор Фастальф, что, возможно, будет иметь ужасные последствия для моей планеты и для меня лично. Дэниел и Жискар прекрасно понимают эту ситуацию и знают, что только Первый Закон во всей его полноте и незамедлительности может взять верх над моими усилиями раскрыть тайну. Поскольку они слышали мои слова относительно вашего возможного соучастия в деле, они понимают, что не должны допустить прекращения интервью. Поэтому я снова говорю вам: не вызывайте действий, которые они вынуждены будут произвести, если вы откажетесь отвечать на мои вопросы. Я обвинил вас в пособничестве в убийстве Джандера Пэнела. Вы отрицаете это

обвинение или нет? Вы *должны ответить*.

— Я отвечу. Я не боюсь! Убийство? Выведение робота из строя — это убийство? Так вот, я отрицаю ваше обвинение в убийстве или в чем другом! Я не давала Гремионису информации по роботехнике для того, чтобы он покончил с Джандером. Для этого у меня недостаточно знаний, и я подозреваю, что ни у кого в Институте нет достаточных знаний.

— Я не знаю, хватает ли у вас или у кого-то в Институте знаний, чтобы помочь совершить преступление. Однако, мы можем поговорить о мотиве. Во-первых, у вас могли быть нежные чувства к Гремионису; хотя вы и оттолкнули его предложения, вам должна была льстить его настойчивость, и вы могли пожелать оказать ему помощь, чтобы он был благодарен вам и без каких-либо сексуальных требований.

— По-вашему, он пришел и сказал: «Дорогая Василия, я хочу уничтожить робота. Скажите, как это сделать, и я буду вам страшно благодарен», а я ответила: «Конечно, дорогой, я счастлива помочь вам совершить преступление». Абсурд! Никто, кроме землянина, ничего не знающего об авроpцах, не поверит, чтобы такое могло случиться. Это мог придумать только особо глупый землянин.

— Возможно, но следует рассматривать все мотивы. Примем на минуту второй мотив: не ревновали ли вы Гремиониса, когда он переключился в своих чувствах, и не могли ли помочь ему не из абстрактных симпатий, а из конкретного желания вернуть его?

— Ревность? Это земная эмоция. Если я не желаю Гремиониса для себя, какое мне дело до того, предлагает ли он себя другой женщине и принимает ли его та?

— Я слышал, что на Авроре не знают сексуальной ревности, и я склонен думать, что в теории это так и есть, но теории редко применяются на практике, и исключения, конечно, бывают. Больше того, ревность часто чувство иррациональное и простой логикой не изгоняется. Но пока мы оставим это. Третий мотив — вы могли ревновать к Глэдис и желать повредить ей.

— Я видела ее только по гиперволновой программе, когда она приехала на Аврору. Тот факт, что люди говорили о ее сходстве со мной, меня не беспокоил.

— Но вас могло беспокоить, что она под крылом доктора Фастальфа, его любимица, почти дочь, как раньше были вы. Она заменила вас.

— Она рада этому. А мне все равно.

— Даже если они любовники?

Василия посмотрела на Бейли с растущей злобой, на лбу ее выступил пот.

— Обсуждать это нет надобности. Вы спрашивали, отрицаю ли я ваше обвинение, и я отрицала его. Я сказала, что у меня нет достаточных знаний и нет мотива. Можете сообщить об этом всей Авроре. Расскажите о своих глупых попытках приписать мне мотив. Уверяйте, если хотите, что у меня есть знания, чтобы сделать такую вещь. Вы ничего не добьетесь. Абсолютно ничего.

Хотя она дрожала от злости, Бейли казалось, что в голосе ее была убежденность. Она не боялась обвинения.

Она согласилась увидеться с ним, потому что он напал на след чего-то, чего она боялась и, возможно, боялась отчаянно. Но *этого* обвинения она не боялась. Может, он ошибся?

41

Бейли сказал встревоженно и наугад:

— Допустим, что я принимаю ваше утверждение, доктор Василия. Скажем, я согласен, что мое подозрение в вашем соучастии в этом… роботоубийстве ошибочно. Но это не значит, что вы не можете помочь мне.

— С какой стати я буду помогать вам?

— Из человеческой порядочности. Доктор Фастальф уверяет, что он не уничтожал собственного робота Джандера. Вы знаете доктора Фастальфа лучше, чем кто-либо другой. Вы несколько лет были в близких отношениях как его ребенок и подрастающая дочь. Вы видели его таким, каким его никто не видел. Каковы бы ни были ваши чувства к нему теперь, они не могут изменить прошлое. Зная его, вы можете засвидетельствовать, что по своему характеру он не способен повредить роботу, тем более такому, который является его высшим достижением. Пожелаете ли вы дать такое свидетельство открыто, перед всем миром? Это очень помогло бы делу.

Лицо Василии стало жестким.

— Поймите меня. Я не желаю впутываться в

это.

— Но вы должны!

— Почему?

— Разве вы ничем не обязаны вашему отцу? Он же ваш отец. Пусть это слово ничего для вас не значит, но это биологическая связь. Кроме того, он заботился о вас, воспитывал много лет. За это вы ему что-то должны.

Василия вздрогнула. У нее стучали зубы. Она пыталась говорить, но не смогла. Наконец, сделав несколько глубоких вздохов, она сказала:

— Жискар, ты слышишь все это?

Жискар склонил голову.

— Да, Маленькая Мисс.

— И ты, человекоподобный… Дэниел?

— Да, доктор Василия.

— Вы оба понимаете, что землянин настаивает на моем свидетельстве о характере доктора Фастальфа?

Оба робота кивнули.

— Тогда я скажу — против своей воли и по злости. Именно потому, что я должна этому моему *отцу какой-то минимум уважения за его гены и за мое воспитание против обычаев, я не стану свидетельницей*. Но я хочу, чтобы вы выслушали меня. Доктор Хэн Фастальф, чьи гены я унасле-

довала, заботился не обо *мне* как об отдельном человеческом существе. Я была для него не больше, чем эксперимент, феномен для наблюдения. Доктора Фастальфа интересовало только одно: функции человеческого мозга. Он хотел свести их к уравнениям, к графикам, объяснить путаницу и таким образом определить математически науку о поведении человека, которая позволит ему предсказывать человеческое будущее. Он назвал эту науку «психоисторией». Если вы разговаривали с ним хотя бы час, я уверена, что он упомянул об этом. Это его мания. — Василия внимательно посмотрела в лицо Бейли и с торжеством воскликнула: — Я права! Он говорил вам об этом. Затем он должен был сказать вам, что интересуется роботами лишь постольку, поскольку они могут привести его к человеческому мозгу, тем более — человекоподобные роботы. Но это он тоже говорил вам.

Основная теория создания человекоподобных роботов, я уверена, выведена им из попыток понять человеческий мозг, и он держит эту теорию, никому не сообщая, потому что он хочет *сам* решить проблему человеческого мозга за те примерно два столетия, которые ему еще остаются. Этому подчинено все. В том числе была и я.

Бейли, пытаясь устоять против этого потока ярости, тихо спросил:

— В каком смысле он включал в это вас, доктор Василия?

— Когда я родилась, меня должны были поместить вместе с другими к профессионалам, которые хорошо умеют ухаживать за детьми. Я не должна была остаться у любителя, пусть он отец и ученый. Доктору Фастальфу не должны были разрешать подвергнуть ребенка такому окружению — никому другому и не разрешили бы. Но он воспользовался своим престижем, нажал на все пружины и убедил нужных людей.

— Он любил вас, — прошептал Бейли.

— Любил? Ему годился бы любой ребенок, но другие были недоступны. Он хотел, чтобы ребенок рос в его присутствии и развивал мозг. Он хотел иметь простую форму человеческого мозга, превращающуюся в сложную, чтобы тщательно и в деталях изучать ее. Ради этого он поставил меня в неправильное окружение и исследовал, рассматривая меня просто как человеческое существо.

— Я не могу этому поверить. Даже если он и видел в вас объект эксперимента, он все равно заботился о вас, как о человеческом существе.

– *Не*т. Вы говорите как землянин. Возможно, на Земле по-другому смотрят на биологические связи. Здесь это не так. Я была экспериментальным объектом. Какое-то время.

— Даже если так и было сначала, доктор Фастальф не мог не полюбить вас — беспомощное существо, вверенное его заботам. Если бы и не было биологической связи, даже если бы вы — простите меня — были животным, он научился бы любить вас.

— Вы думаете? — с горечью сказала она. — Вы не знаете силы безразличия таких людей, как доктор Фастальф. Если бы для его науки потребовалось бы уничтожить мою жизнь, он сделал бы это без малейшего колебания.

— Это смешно, доктор Василия. По всему его обращению с вами было ясно, что он любил вас. Я это знаю. И вы… вы предлагали себя ему.

— Он и это сказал вам? Да, это на него похоже. Ни на одну минуту, даже сегодня, его не остановил вопрос, не смутит ли меня такое разоблачение. Да, я предлагала ему себя. А почему бы и нет? Он был единственным мужчиной, которого я, в сущности знала. Он был естественной мишенью для меня. Он знал, что я познакомилась с сексуальным возбуждением в контролируемых

условиях — под *его* контролем. Было неизбежно, что я, в конечном счете, потянусь к нему. Так я и сделала — потому что никого другого не было — и он отказал мне.

— И вы за это возненавидели его?

— Нет, не сразу. Через несколько лет. Хотя мое сексуальное развитие замедлилось и исказилось, и эффекты этого я чувствую до сего дня, я не порицала его. Я слишком мало знала. Я искала извинения для него. Он очень занят. У него есть другие. Ему нужны женщины постарше. Вас, наверное, удивила бы изобретательность, с какой я придумывала причины его отказа. Лишь через несколько лет я начала понимать, что здесь что-то не так, и приступила к нему в открытую: «Почему ты отказал мне?» — Она сделала паузу и на минуту закрыла глаза.

Бейли ждал, застыв в смущении.

Успокоившись, она продолжала:

— Он избегал ответа, как только мог. Но я снова и снова спрашивала: «Почему ты отказал мне?» Он без колебаний занимался сексом. Я знала несколько случаев… Помню, думала — может просто предпочитает мужчин. Когда не стоит вопрос о детях, личное предпочтение в таких вещах не имеет значения: некоторым мужчинам

женщины противны и наоборот. Но с человеком, которого вы называете моим отцом, дело обстояло иначе. Он любил женщин, иногда молодых, таких же, как была я, когда предлагала ему себя: «Почему ты отказал мне?». И он, наконец, ответил. Попробуйте догадаться, каков был ответ. — Она замолчала и ждала.

Бейли неловко пошевелился и сказал, заикаясь:

— Он не хотел заниматься любовью с дочерью?

— Не глупите. Какая разница? Вряд ли хоть один мужчина на Авроре знает, кто его дочь. Нет. Он ответил — ох, я до сих пор помню его слова: «Ты дура! Если я свяжусь с тобой в этом смысле — как я сохраню свою объективность и какая будет польза от дальнейшего изучения тебя?»

В это время я уже знала о его интересе к человеческому мозгу. Я даже пошла по его стопам и стала роботехником. Я работала с Жискаром в этом направлении и экспериментировала с его программированием. Я ведь хорошо это делала, Жискар?

— Хорошо, Маленькая Мисс.

— Но я поняла, что этот человек не видит во мне человеческое существо. Пусть моя жизнь

испорчена, лишь бы он не рисковал своей объективностью. Его наблюдения значили для него больше, чем моя нормальность. И тогда я поняла, кто я и кто он — и ушла от него.

В воздухе повисло тяжелое молчание. В голове Бейли слегка звенело. Он хотел спросить: можно ли было не учитывать сосредоточенности крупного ученого, важности большой проблемы? Как могли вы принять всерьез сказанное, возможно, в раздражении, когда человека вынудили к разговору, которого он не хотел? Доктор Василия сосредоточилась на собственной «нормальности» (что бы она не подразумевала под этим) и исключила две, возможно, самые важные проблемы, стоящие перед человечеством — природа человеческого мозга и заселение Галактики; это было куда менее простительно.

Но ничего этого он не сказал. Он не знал, как довести это до этой женщины, и поймет ли он, если она ответит.

Что он делает на этой планете? Он не понимает их жизни, как бы они не объясняли. И они не понимают его. Он устало сказал:

— Мне очень жаль, доктор Василия. Я понимаю, что вы сердитесь, но если бы вы хоть на миг оставили свою злость и подумали о деле доктора

Фастальфа и убитого робота, вы, может быть, увидели бы, что мы имеем дело с разными вещами. Возможно, доктор Фастальф желал наблюдать за вами независимо и объективно даже ценою вашего несчастья, однако, это никак не приближает его к желанию уничтожить человекоподобного робота.

Василия покраснела и закричала:

— Неужели вы не поняли того, что я вам сказала? Уж не потому ли я вам все это рассказывала, что думала, будто кому-нибудь интересна печальная история моей жизни? Вы думаете, мне приятно разоблачать себя таким образом? Я говорила вам все это только для того, чтобы показать, что доктор Хэн Фастальф в *самомделе уничтожил Джандера*. Наверняка. Я не говорила этого, потому что никто, кроме вас не был так глуп, чтобы спрашивать меня, и из-за дурацких остатков моего уважения к этому человеку. Но теперь вы спросили, и я отвечаю, и, клянусь Авророй, скажу кому угодно, даже публично: доктор Хэн Фастальф разрушил Джандера Пэнела. Я в этом уверена. Вы удовлетворены?

42

Бейли с ужасом уставился на обезумевшую женщину.

— Я не совсем понимаю, доктор Василия. Зачем доктору Фастальфу разрушать робота? Какое это имеет отношение к его обращению с вами?

Василия порывисто дышала, и Бейли механически заметил, даже не осознавая этого, что, хотя Василия была такой же стройной, как Глэдис, груди у нее были больше. Она старалась овладеть своим голосом.

— Разве я не сказала вам, землянин, что Хэн Фастальф интересовался человеческим мозгом? Он не колеблясь поставит его под стресс, чтобы наблюдать за результатом. И он предпочитает мозг неординарный, например, мозг ребенка, чтобы его можно было наблюдать в развитии. Любой мозг, лишь бы не банальный.

— Но какая тут связь с…

— Спросите себя: почему он заинтересовался чужеземкой?

— Глэдис? Я спросил *его*, и он ответил. Она напомнила ему вас, и сходство и в самом деле большое.

— Еще раз спрошу вас: вы поверили ему?

— Почему же не поверить?

— Потому что это неправда. Сходство могло привлечь его внимание, но истинная суть его интереса к этой женщине — ее чужеземность. Она воспитана на Солярии, где привычки и социальные аксиомы не те, что на Авроре. Он может изучать мозг, совсем отличный от нашего, и получить интересную перспективу. Неужели вы не понимаете этого? Кстати, почему он заинтересован в вас, землянин? Он не так глуп, чтобы вообразить, что вы решите аврорскую проблему, ничего не зная об Авроре.

Внезапно вмешался Дэниел, и Бейли вздрогнул от неожиданности, услышав его голос:

— Доктор Василия, партнер Илия решил проблему Солярии, хотя ничего о Солярии не знал.

— Да, — сказала Василия, — все миры узнали об этом по гиперволновой программе. Озарение могло случиться, но вряд ли Хэн Фастальф думает, что оно случится дважды на том же месте и в быстрой последовательности. Нет, землянин, он привлек вас в первую очередь потому, что вы землянин. У вас другой, чуждый мозг, который можно изучать и манипулировать им.

— Не можете же вы думать, доктор Василия, что

он рискнул бы делом чрезвычайной важности для Авроры и вызвал бы кого попало, лишь бы изучить необычный мозг!

— Наверняка мог бы. Об этом я вам и толкую. Нет такого кризиса для Авроры, который был бы важнее для него, чем решение проблемы мозга. Я могу точно сказать, что он ответит, если вы его спросите: «Аврора может возвыситься или упасть, цвести или гнить — все это пустяки в сравнении с проблемой мозга, поскольку, если человек реально познает мозг, все, что может пропасть за тысячелетие по небрежности или неправильным решениям, можно выправить за десять лет, разумно управляя человеческим развитием под руководством «психоистории». С помощью этого аргумента он оправдает все — ложь, жестокость, все, что угодно — и скажет, что все должно служить цели продвижения знаний о мозге.

— Не могу себе представить, чтобы доктор Фастальф был так жесток. Милейший человек.

— Давно ли вы его знаете?

— Несколько часов на Земле, три года назад, и один день на Авроре.

— Подумать только: *целый* день! А я была с ним тридцать лет почти постоянно и потом издали

следила за его карьерой. А вы были с ним целый день? И за весь этот день он не сделал ничего, что напугало или унизило вас?

Бейли молчал. Он думал о неожиданной атаке с помощью прибора для пряностей, от которой его спас Дэниел; о туалете, который представил ему такие затруднения благодаря маскировке; далекую прогулку Снаружи, предназначенную для проверки его способности к адаптации.

— Вижу, что делал, — сказала Василия. — Ваше лицо, землянин, не так непроницаемо, как вы, может быть, думаете. Он пугал вас психозондом?

— Упоминал о нем.

— Один день — и уже упоминал. Я думаю, это вам не понравилось?

— Конечно, нет.

— А была причина для этого упоминания?

— Была, — быстро сказал Бейли. — Я сказал, что у меня мелькнула одна мысль и тут же исчезла, и было вполне естественно намекнуть, что психозонд мог бы ее обнаружить.

— Нет, — сказала Василия, — не мог бы. Психозондом нельзя пользоваться для такого деликатного прикосновения, а если произвести попытку, то шансов много, что мозг будет искалечен.

— Может, нет, если работать будет эксперт

— скажем, доктор Фастальф.

– *Он*? Да он не отличит один конец зонда от другого. Он теоретик, а не техник.

— Ну, кто-нибудь другой.

— Нет, землянин. *Никто*. Подумайте сами: если бы психозонд можно было использовать на людях безопасно, и если Хэн Фастальф так беспокоится о проблеме дезактивации робота, разве он не предложил бы применить психозонд к себе? Это не приходило вам в голову? Любой разумный человек придет к заключению, что Фастальф виновен. Единственным доказательством его невиновности является его собственное отрицание вины. Почему бы ему не доказать свою невиновность путем психопробы? Он не намекал на такую вещь?

— Нет. Мне, по крайней мере.

— Потому что он прекрасно знает, как это опасно. Однако, он, не задумываясь, намекнул насчет вас — просто для того, чтобы видеть, как ваш мозг работает под давлением, как вы реагируете на страх. А может быть, он подумал, что такая проба, как бы она ни была опасна для *вас*, может дать *ему интересные сведения*, касающиеся деталей вашего земного мозга. Это, по-вашему, не жестоко?

Бейли отмахнулся от этого вопроса.

— Как это приложить к данному делу — роботоубийству?

— Солярианская женщина Глэдис привлекла внимание моего бывшего отца. У нее интересный для его целей мозг. Он дал ей робота Джандера, желая посмотреть, как женщина, выросшая не на Авроре, встретится с роботом, во всех отношениях похожим на человека. Он знал, что аврорская женщина тут же воспользовалась бы роботом для секса, ничуть не стесняясь. Сама я, признаться, несколько стеснялась бы этого, поскольку воспитана ненормально, не как обычные аврорские женщины. Солярианка же стеснялась бы очень сильно, поскольку выросла в мире, наполненном роботами, и имела необычно жесткие мысленные позиции по отношению к роботам. Это различие могло быть очень поучительным для моего отца, который пытался на этих вариациях построить теорию функционирующего мозга. Хэн Фастальф ждал полгода, пока солярианка, может быть начнет первые эксперименты…

— Ваш отец ничего не знал об отношениях между Глэдис и Джандером, — перебил ее Бейли.

— Кто вам это сказал? Мой отец? Глэдис? Если он — то он врет; если она — то она просто

не знает, скорей всего. Можете быть уверены, Фастальф знал. Знал, потому что в его изучении входило, как человеческий мозг склоняется под давлением солярианских условий. А затем он подумал — я совершенно уверена в этом — что случится, если женщина, только что начавшая пользоваться Джандером, вдруг потеряет его без всяких причин. Он знал, что сделала бы аврорская женщина: она почувствовала бы некоторое разочарование и тут же стала бы искать замену; но как поведет себя солярианка? Вот он и вывел Джандера из строя.

— Уничтожить безмерно ценного робота ради удовлетворения тривиального любопытства?

— Чудовищно, не правда ли? Но Хэн Фастальф как раз это и сделал. Вернитесь к нему, землянин, и скажите ему, что его маленькая игра кончена. Если еще не все на планете верят в его виновность, то наверняка поверят после моего выступления.

43

Бейли долго молчал, а Василия смотрела на него с какой-то мрачной радостью; лицо ее стало грубым и совсем не напоминало лицо Глэдис. Похоже, ничего не сделаешь…

Бейли встал, чувствуя себя старым — много старше своих сорока пяти лет (детский возраст для аврорцев). Все, что он сделал, ни к чему не привело. Даже хуже — каждое его движение, казалось, крепче затягивало петлю на шее Фастальфа.

— Я думаю, наше интервью кончено, — сказала Василия. — У меня нет причин видеться с вами еще раз, землянин, и у вас тоже. Наверное, вам лучше уехать с Авроры. Вы нанесли — она улыбнулась — моему отцу достаточный урон, хотя и не такой, какого он заслуживает.

Бейли шагнул к двери. Оба робота подошли. Жискар тихо спросил:

— Все в порядке, сэр?

Бейли пожал плечами. Что тут ответишь?

— Жискар! — окликнула Василия. — Когда доктор Фастальф не будет более нуждаться в тебе, ты перейдешь в мой штат?

Жискар спокойно посмотрел на нее.

— Если доктор Фастальф позволит, я так и сделаю, Маленькая Мисс.

Ее улыбка потеплела.

— Пожалуйста, Жискар. Мне все время не хватало тебя.

— Я часто думаю о вас, Маленькая Мисс.

— Доктор Василия, — спросил Бейли, — у вас нет туалета, куда я мог бы зайти?

Василия широко раскрыла глаза.

— Конечно, нет, землянин! На территории Института есть общественные туалеты. Ваши роботы проводят вас.

Бейли посмотрел на нее и сказал больше со злости, чем по рациональному рассуждению:

— Доктор Василия, на вашем месте я не стал бы говорить о виновности доктора Фастальфа.

— Что мне мешает?

— Опасение раскрыть ваши дела с Гремионисом. Опасность для вас.

— Смешно! Вы же сами признали, что между мной и Гремионисом не было никакого сговора.

— Не совсем так. Я согласился, что прямого сговора уничтожить Джандера между вами и Гремионисом не было. Но остается возможность непрямого сговора.

— Вы спятили. Что еще за непрямой сговор?

— Я не готов это обсуждать при роботах доктора Фастальфа… если только вы не будете настаивать. Но зачем вам это? Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

Бейли почему-то решил, что она принимает его блеф. Все равно ситуация хуже не станет. И это сработало! Василия как бы съежилась.

Да, подумал Бейли, непрямой сговор был, в чем бы он не заключался. И Бейли сказал, слегка воспрянув духом:

— Я повторяю: не говорите ничего о докторе Фастальфе.

Но он не знал, сколько времени в его распоряжении; может быть, совсем мало.

Часть одиннадцатая
Гремионис

44

Они сели в машину. Бейли снова сидел в середине и чувствовал давление с обеих сторон. Он был благодарен роботам за их неустанную заботу о нем, хоть они и были всего лишь машинами, неспособными не повиноваться инструкциям.

Затем он подумал: они не просто машины; они *добрые машины в мире часто злых людей*. А Дэниела он вообще не мог считать машиной.

Жискар спросил:

— Я должен еще раз спросить, сэр, хорошо ли вы себя чувствуете?

— Вполне, Жискар. Я рад, что я здесь с вами обоими.

Небо в большей своей части побелело. Поднялся ветерок и стало заметно холоднее.

— Партнер Илия, — сказал Дэниел, — я внимательно слушал ваш разговор с доктором Василией. Я не хочу нелестно отзываться о словах доктора Василии, но должен сказать, что, по моим наблюдениях, доктор Фастальф добрый и вежливый человек. Насколько я знаю, он никогда не был намеренно жестоким и, насколько я могу судить, никогда не пожертвовал бы благом

другого человека ради своего любопытства.

Бейли взглянул в лицо Дэниела, которое выражало искренность, и сказал:

— Могли бы вы сказать что-то против доктора Фастальфа, если бы он в самом деле был жесток и бездумен?

— Я бы промолчал.

— По обязанности?

— Если бы, солгав, я повредил бы искренности доктора Василии, то есть бросил бы несправедливые подозрения в ее правдивости, а если бы, промолчав, повредил бы доктору Фастальфу, то есть придал бы окраску справедливости обвинения против него, и если бы тот и другой вред казались бы моему мозгу грубо равными по интенсивности, я должен был бы выбрать молчание. Вред через действие обычно превышает вред через пассивность.

— Значит, хотя Первый Закон говорит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред», обе части закона не равны? Вина действия, вы говорите, больше, чем бездействия?

— Слова Закона — лишь приблизительное описание постоянных вариаций в позитронно-мотивированной силе мозговых путей робота,

партнер Илия. Я не могу описать это математически, но знаю, каковы мои тенденции.

— И если вред грубо равен в обоих направлениях, всегда выбирается бездействие против действия?

— Как правило. И всегда выбирается правда против неправды, если вред грубо равен в обоих направлениях.

— И в данном случае, опровергая слова доктора Василии и тем нанося ей вред, вы можете поступать так, потому что Первый Закон достаточно смягчен тем фактом, что вы говорите правду?

— Да, партнер Илия.

— Однако же, если бы доктор Фастальф заранее проинструктировал вас солгать при необходимости, вы бы солгали и не признались бы в том, что вас так проинструктировали.

Помолчав, Дэниел ответил:

— Да, партнер Илия.

— Это осложняет дело, Дэниел. Ну, а сами вы уверены, что доктор Фастальф не убивал Джандера?

— Насколько я его знаю, он говорит правду, и он вообще не стал бы вредить другу Джандеру.

— Но доктор Фастальф сам сообщил о сильном мотиве для совершения этого деяния, в то время

как доктор Василия назвала совершенно другой мотив, такой же сильный и даже более некрасивый, чем первый. И если публика узнает о втором мотиве, все поверят в вину доктора Фастальфа. — Бейли неожиданно повернулся к Жискару: — А как вы, Жискар. Вы знаете доктора Фастальфа дольше, чем Дэниел. Вы согласны, на основании своего знания характера доктора Фастальфа, что он не мог разрушить Джандера?

— Согласен, сэр.

Бейли неуверенно посмотрел на робота. Он был менее совершенен, чем Дэниел. Насколько он правдив в этом подтверждении? Может, он просто следует за Дэниелом?

— Вы хорошо знали и доктора Василию?

— Да, сэр.

— И любили ее?

— Она была много лет на моем попечении, сэр, и эта задача ни в коей мере не была мне тяжела.

— Хотя она и играла с вашей программой?

— Она делала это очень умело.

— Могла она соврать насчет доктора Фастальфа?

— Нет, сэр. Не могла.

— Значит, она сказала правду?

— Не совсем, сэр. Я бы сказал — она считает,

что это правда.

— Почему же она так плохо думает о своем отце, если он хороший и добрый человек, как только что сказал Дэниел?

— Она была озлоблена различными событиями в юности; она считала доктора Фастальфа ответственным за эти события, и он, пожалуй, действительно был невольным виновником их… в какой-то мере. Мне кажется, он не думал, что эти события будут иметь такие последствия, какие они имели. Но ведь человеческие существа не управляются прямонаправленными законами роботехники, поэтому трудно судить о сложностях их мотивации.

— Довольно справедливо, — заметил Бейли.

— Вы думаете, — спросил Жискар, — что продемонстрировать невиновность доктора Фастальфа — безнадежная задача?

Бейли свел брови.

— Может быть. Я не вижу способа… а если Василия выступит, как угрожала…

— Но вы приказали ей молчать. Вы объяснили ей, что это опасно для нее самой.

— Я блефовал. Я не знал, что сказать.

— Значит, вы намерены сдаться?

— Нет! — резко сказал Бейли. — Если бы дело

было только в Фастальфе, я мог бы отказаться. В конце концов, что ему будет? Роботоубийство, по-видимому не преступление, а просто оскорбление общества. В худшем случае, он потеряет политическое влияние, на некоторое время вынужден будет прекратить научную работу. Мне жаль будет видеть это, но, раз уж я ничего не могу сделать, то и не могу.

И если бы дело было только во мне, я тоже мог бы отказаться. Это погубило бы мою репутацию, но кто может построить кирпичный дом без кирпича? Вернулся бы на Землю слегка запятнанным, стал бы вести жалкую деклассированную жизнь, но такое может случиться с любым землянином. Гораздо лучшие люди, чем я, несправедливо оказывались в таком положении.

Все дело в Земле. Если меня постигнет неудача, то, кроме горестных потерь Фастальфа и моих, конец всем надеждам народа Земли выйти в Галактику. Только поэтому я не должен потерпеть неудачу, я должен держаться, пока меня не выкинули с этой планеты. — Закончив почти шепотом, он вдруг посмотрел вверх и раздраженно сказал: — Жискар, почему мы сидим здесь?

— Простите, сэр, но вы не сказали куда ехать.

— А ведь и правда! Прошу простить меня,

Жискар. Сначала отвезите меня к ближайшему общественному туалету. Вам обоим это не нужно, а меня уже подпирает. А потом найдите место, где я мог бы чего-нибудь поесть. Желудок требует пищи. А потом…

— Да, партнер Илия? — спросил Дэниел.

— По правде сказать, Дэниел, пока я и сам не знаю. Вот удовлетворю чисто физические нужды, тогда и придумаю что-нибудь.

Бейли очень хотелось бы верить этому.

45

Машина шла недолго и остановилась у небольшого строения.

— Это и есть общественный туалет?

— Да. Это ближайший.

— Он не занят сейчас?

— Возможно, но им могут пользоваться одновременно трое или четверо.

— Ладно, выпустите меня. Я пойду и посмотрю.

Роботы не двинулись. Жискар сказал:

— Мы не можем войти туда с вами, сэр.

— Да, я знаю.

— Мы не можем как следует охранять вас, сэр.

Бейли нахмурился. У меньшего робота естественно должен быть менее гибкий мозг, и Бейли вдруг осознал, что роботы могут просто не пустить его в туалет.

— Я не могу помочь этому, Жискар. — Он повернулся к Дэниелу, который должен был лучше понимать человеческие нужды. — Дэниел, у меня нет выбора в этом деле. Выпустите меня из машины.

Дэниел посмотрел на Бейли, не двигаясь, и на один страшный миг Бейли подумал, что робот

посоветует ему облегчиться на открытом месте, словно он животное.

Помолчав, Дэниел сказал:

— Я думаю, мы должны позволить партнеру Илии пройти в туалет.

— Если вы чуть-чуть подождете, сэр, — сказал Жискар, — я пойду к зданию.

Бейли поморщился. Жискар обошел строение кругом. Бейли подумал, что, пока Жискар там ходит, потребности его, Бейли, могут возрасти. Он попытался отвлечься, поглядывая вокруг.

Жискар вернулся, и Бейли сказал едко:

— Все в порядке? Тогда даруйте мне разрешение... — Он осекся. Зачем изливать сарказм на непроницаемую шкуру робота?

— Очень вероятно, что туалет не занят, сэр.

— Ну, и хорошо! Пропустите меня. — Бейли открыл дверцу и вышел на узкую гравийную дорожку. Дэниел шел за ним.

Когда Бейли потянулся открыть дверь туалета, Дэниел молча показал ему на кнопку, которую следовало нажать. Сам Дэниел не дотронулся до нее. Видимо, это как бы указывало на намерение войти — но и намерение не позволялось.

Бейли нажал кнопку и вошел, оставив роботов позади. Тут он обнаружил к своему неудоволь-

ствию, что он впервые отделен от своих защитников, и им непросто будет войти, если с ним что-нибудь случится. Что, если он здесь не один? Вдруг Василия послала кого-то следить за ним? И Бейли внезапно вспомнил, что здесь, на Авроре, он полностью безоружен.

46

Он осмотрелся. Никого не было. Он был один. Оставалась дверь, в которую могли войти. У нее, естественно, не было никакой защелки, поскольку туалетом могли пользоваться несколько человек сразу. Но Бейли подумал, что роботы хотя бы задержат того, кто захочет войти.

Закончив свои неотложные дела, он повернулся к раковине, как вдруг услышал довольно высокий и несколько напряженный голос:

— Вы Илия Бейли?

Бейли замер. Он не заметил, как кто-то вошел. Стареет он, что ли?

В голосе явно не было никакой угрозы. Да и Бейли был уверен, что если не Жискар, то Дэниел не позволил бы угрозе войти.

Но ему был неприятен сам факт. За всю его жизнь к нему никогда не подходили и уж, конечно, не обращались в туалете. На Земле это было строжайшим табу.

Бейли медленно повернулся. Мужчина среднего роста, в хорошо сшитом костюме разных оттенков голубого. Светлокожий, светловолосый, с небольшими усиками чуть темнее волос на

голове. Бейли с удивлением уставился на эту полоску над губой: он не разу не видел космонита с усами.

Бейли сказал, полный стыда, что говорит в туалете:

— Я Илия Бейли. — Его голос даже ему самому показался скрипучим и неубедительным.

Космониту он тоже показался неубедительным. Он прищурился.

— Роботы за дверью сказали, что Илия Бейли внутри, но вы вовсе не такой, каким выглядели в гиперволновке. Совсем не похожи.

Опять эта дурацкая пьеса! — злобно подумал Бейли. Наверно, до конца дней каждый встречный будет сначала травить его этим замечанием. Никто не принимает его за обычного слабого человека, а заметив слабость, разочаровываются и смотрят на него, как на дурака.

Он сердито повернулся к раковине, сполоснул руки и потряс ими в воздухе, не зная, как включить горячий воздух. Космонит коснулся контакта и как бы прямо из воздуха достал клок впитывающего пуха.

— Спасибо, — сказал Бейли, принимая клок. — В том шоу был не я, а актер.

— Я знаю, но могли бы подобрать кого-то более

похожего на вас, верно?

— Это, казалось, было для него источником горести. — Я хочу поговорить с вами.

— Как вы прошли мимо моих роботов?

По-видимому, это было вторым источником горести.

— Еле-еле прошел, — сказал космонит. — Они пытались остановить меня, а со мной был только один робот. Я уверен, что мне необходимо зайти сюда, и они *обыскали меня*. Они буквально ощупали меня, ища на мне чего-нибудь опасного. Я обвинил бы вас, не будь вы землянином. Вы не можете отдавать роботам такие приказы, которые задевают человека.

— Сожалею, — сказал Бейли, — но не я отдавал приказы. Что я могу сделать для вас?

— Я хочу поговорить с вами.

— Вы и так говорите со мной. Кто вы?

Поколебавшись, тот ответил:

— Гремионис.

— Сантирикс Гремионис?

— Правильно.

— Почему вы хотите поговорить со мной?

Гремионис посмотрел на него с явным замешательством. Затем пробормотал:

— Ну, поскольку я здесь… если вы не возражае-

те… я бы… — и он шагнул к писсуарам.

Бейли, потеряв последние остатки слабости, понял, что намерен сделать Гремионис, поспешно отвернулся и сказал:

— Я подожду вас снаружи.

— Нет, нет, не уходите! — с отчаянием почти взвизгнул Гремионис. — Одну минутку! Пожалуйста!

Теперь Бейли так же отчаянно хотел поговорить с Гремионисом; но не хотел сделать ничего такого, что могло бы обидеть Гремиониса и заставить его отказаться от разговора. Только потому он и согласился на эту просьбу.

Когда Гремионис подошел к нему, сжимая в руках пушистое полотенце, Бейли расслабился и повторил:

— Почему вы хотите поговорить со мной?

— Глэдис… солярианка… — Гремионис посмотрел с сомнением и замолчал.

— Я знаю Глэдис, — холодно сказал Бейли.

— Глэдис вызвала меня… по трехмерке… и сказала, что вы спрашивали ее обо мне. И она спросила меня, не сделал ли я каким-нибудь образом что-то плохое ее роботу — человекоподобному, вроде того, что стоит за дверью.

— Ну, и вы сделали, мистер Гремионис?

— Нет! Я даже не знал, что у нее есть такой робот, пока… вы сказали ей, что я это сделал?

— Я только задаю вопросы, мистер Гремионис.

Гремионис сжал правый кулак, нервно потер им о левую ладонь и напряженно сказал:

— Я не хочу, чтобы меня ложно обвиняли в чем-то, а тем более в том, что может испортить мои отношения с Глэдис.

— Как вы нашли меня?

— Она спросила меня насчет робота и сказала, что вы спрашивали про меня. Я слышал, что доктор Фастальф вызвал вас на Аврору, чтобы разобраться в этой путанице… насчет робота. Это было в гиперволновых известиях. И…

— Слова выходили из него с большим трудом.

— Дальше, — сказал Бейли.

— Я хотел поговорить с вами и объяснить, что я ничего не делал этому роботу. *Ничего*! Глэдис не знала, где вы, но я подумал, что доктор Фастальф знает…

— Вы вызвали его по трехмерке?

— Ох, нет, у меня не хватило бы духу — он такой важный ученый. Глэдис вызвала его для меня. Она… очень добрая. Он сказал ей, что вы поехали к его дочери, доктору Василии. Это было хорошо, потому что я ее знаю.

— Да, я знаю, что вы ее знаете.

— Откуда вы… Вы спрашивали и ее обо мне? — Его тревога, казалось, переросла в страдание. — Я вызвал доктора Василию, и она сказала, что вы только что ушли, и я, возможно, найду вас в общественном туалете. Ну, я и пошел в ближайший от ее дома.

— Как же вы попали сюда так быстро?

— Я работаю в Институте Роботехники и живу на его территории. Мой скутер привел меня сюда за несколько минут.

— Вы приехали один?

— Да. Всего с одним роботом. Скутер, видите ли, двухместный.

— И ваш робот ждет снаружи?

— Да.

— Скажите мне еще раз, почему вы хотели видеть меня?

— Я хотел удостовериться, что вы не думаете, будто я то-то сделал тому роботу. Я даже *не слышал о нем*, пока все это не появилось в известиях. Ну, так я могу поговорить с вами *сейчас*?

— Да, но не здесь. Давайте выйдем.

До чего же странно, — подумал Бейли, что он так охотно выходит из стен Наружу. В этом туалете было что-то еще более чуждое, чем все, что

окружало Бейли как на Авроре, так и на Солярии. Даже факт всепланетной беспорядочности был менее неприятен, чем ужас открытого и небрежного обращения к человеку в туалете — как можно было не видеть разницы между этим местом и его назначением и другими местами?

Книгофильмы ничего об этом не говорили, но Фастальф указывал, что они писались не для землян, а для аврорцев. А, собственно, зачем книгофильмы должны объяснять то, что каждый и так знает? Зачем говорить, что Аврора — шар, что вода мокрая и что один мужчина может спокойно заговорить с другим в туалете? Правда, Джесси не раз говорила ему, что в женском туалете женщины болтают о чем угодно и не чувствуют никакого дискомфорта. Почему женщинам можно, а мужчинам нельзя? Бейли никогда не задумывался над этим, а просто принимал это как твердый обычай… Но почему только для мужчин?

Но стоит ли думать об этих противных вещах? И он повторил:

— Давайте выйдем.

— Но там ваши роботы, — протестовал Гремионис.

— Ну, и что же?

— Но я хочу говорить с вами частным образом,

как мужчина с мужчиной.

— Вы хотите сказать — как космонит с землянином?

— Да, если хотите.

— Мои роботы обязательно должны присутствовать. Они мои партнеры по расследованию.

— Но то, что я хочу сказать вам, не имеет никакого отношения к расследованию.

— Об этом буду судить я, — твердо сказал Бейли и вышел.

Гремионис поколебался, но пошел за ним.

47

Жискар и Дэниел ждали, бесстрастные, терпеливые. Ждал и третий робот — видимо, робот Гремиониса. По виду он был даже проще Жискара и имел довольно потрепанный вид. Очевидно, Гремионис жил не слишком богато.

— Я рад, что вы в порядке, партнер Илия, — сказал Дэниел.

— Вполне. Однако, кое-чем интересуюсь. Если бы вы услышали мой тревожный зов, вы вошли бы туда?

— Сразу же, сэр, — сказал Жискар.

— Хотя запрограммированы не входить?

— Необходимость защищать человека, в особенности вас, перевешивает, сэр.

— Именно так, — подтвердил Дэниел.

— Рад слышать. Эта особа — Сантирикс Гремионис. Мистер Гремионис, это Дэниел, а это Жискар.

Оба робота церемонно поклонились. Гремионис быстро взглянул на них и поднял руку в безразличном приветствии. Своего робота он не потрудился представить.

Бейли поглядел вокруг: свет потускнел, уси-

лился ветер, стало холоднее, солнце полностью скрылось за облаками. Но окружающее уныние не подействовало на Бейли: он радовался, что ушел из туалета. Он сам поразился, что чувствует удовольствие от пребывания Снаружи. Конечно, тут был особый случай, но все-таки это начало, и он рассматривал это как Бейли повернулся к Гремионису, решившись на разговор, и вдруг увидел женщину в сопровождении робота. Она явно направлялась в туалет.

— Неужели она не знает, что это мужской туалет?

— Что? — спросил Гремионис.

Бейли в явном замешательстве смотрел, как робот остановился, а женщина вошла в строение.

— Она же не может входить туда!

— Почему? — спросил Гремионис. — Это общественный туалет.

— Для мужчин.

— Для людей, — сказал Гремионис, казалось, совсем сбитый с толку.

— Для обоих полов? Не может быть!

— Для всех. А как по-вашему? Я не понимаю.

Бейли отвернулся. Всего несколько минут назад он думал, что разговор в туалете — это дурной вкус, То, Чего Не Делают. Ему не приходило в

голову худшее: возможность встретить там женщину. Он даже не мог предугадать своей реакции на подобную встречу, и мысль об этом казалась ему нестерпимой.

Об этом книгофильмы тоже не говорили. Он смотрел те фильмы, чтобы не подойти к расследованию в полном неведении относительно образа жизни Авроры, но так и остался в полном неведении. Как же ему распутать этот узел смерти Джандера, если он теряется в незнании на каждом шагу?

Минуту назад он радовался своей маленькой победе над ужасами Снаружи, а теперь почувствовал, что не знает ничего, не знает даже природы своего незнания. И сейчас, не в силах отогнать образ женщины, входящей туда, где он только что был, он пришел в отчаяние.

48

Жискар спросил, и в его словах, если не в тоне, слышалось участие:

— Вам не хорошо, сэр? Не нужна ли помощь?

— Нет, нет, — пробормотал Бейли. — Все в порядке. Но давайте уйдем с дороги.

Он быстро пошел к машине. Тут же стоял маленький двухместный экипаж с двумя сиденьями — одно за другим. Это и был скутер Гремиониса.

Бейли осознал, что его депрессия усилена чувством голода. Время ленча давно прошло, а он ничего не ел. Он повернулся к Гремионису.

— Давайте поговорим, только, если не возражаете, за ленчем. Конечно, если вы еще не ели и не против поесть со мной..

— Где вы намерены есть?

— Не знаю. Где здесь едят?

— В общественной столовой. Но там мы не можем разговаривать.

— Альтернатива есть?

— Поедем ко мне, — быстро сказал Гремионис. — Дом у меня не бог весть какой, я не из больших начальников, но все-таки я имею несколько роботов и мы получим приличную еду, уверяю вас.

Я поеду с Бронджи — моим роботом — на скутере, а вы следом. Вам придется ехать медленно, но я живу всего в километре отсюда. Через две-три минуты мы приедем.

Он отошел. Бейли следил за ним, и ему казалось, что в Гремионисе какая-то юношеская нескладность. Конечно, судить о его годах было трудно: космониты не показывают возраста, и Гремионису вполне могло быть не меньше пятидесяти. Но он *действовал как юноша*, во всяком случае, так показалось бы любому землянину. Бейли не вполне понимал, что именно в Гремионисе создает такое впечатление. Бейли повернулся к Дэниелу:

— Вы знаете Гремиониса, Дэниел?

— Я его никогда не видел.

— А вы, Жискар?

— Однажды видел его, сэр, но мельком.

— Вы что-нибудь о нем знаете?

— Ничего, кроме того, что лежит на поверхности, сэр.

— Не знаете, сколько ему лет?

— Нет, сэр.

Гремионис крикнул:

— Готовы?

Скутер его жужжал. Ясно было, что в воздух он

не прыгал. Его колеса не должны отрываться от земли. Бронджи сел позади Гремиониса.

Жискар, Дэниел и Бейли сели в свою машину. Гремионис двинулся в путь. Ветер отнес назад его волосы, и Бейли подумал, как, наверное, чувствуется ветер, когда едешь в такой открытой машине, как скутер. Он радовался, что плотно закрыт в своей машине, которая вдруг показалась ему куда более цивилизованным способом путешествия.

Гремионис махнул рукой, призывая ехать за ним. Робот, сидящий позади, сохранял равновесие и не держался за талию Гремиониса, как, по мнению Бейли, обязательно держался бы человек.

Машина с некоторым трудом поддерживала небольшую скорость, чтобы не сбить скутер.

— Одна вещь смущает меня, — задумчиво сказал Бейли.

— Какая? — спросил Дэниел.

— Василия пренебрежительно назвала его «брадобреем». Видимо, он имеет дело с прическами, одеждой и прочими личными украшениями людей. Почему же он живет на территории Роботехнического Института?

Часть двенадцатая
Снова Гремионис

49

Через несколько минут Бейли оказался в четвертом по счету аврорском доме, с тех пор как прибыл на Аврору полтора дня назад.

Дом Гремиониса выглядел меньше и неряшливее других, хотя, на неискушенный в аврорских делах взгляд Бейли, имел признаки недавней постройки. Отличительный признак аврорских домов — ниши для роботов — конечно, наличествовал. Жискар и Дэниел быстро заняли свободные ниши и молча замерли там. Почти так же быстро Бронджи занял третью нишу. Бейли удивлялся, как роботы избегают столкновений при выборе ниши. Надо будет спросить об этом Дэниела.

Гремионис тоже оглядел ниши, провел пальцем по усикам и сказал чуточку неуверенно:

— Ваш человекоподобный робот, наверное, не должен быть в нише. Это ведь Дэниел Оливо, робот доктора Фастальфа?

— Да, — сказал Бейли. — Он тоже был в фильме. По крайней мере, актер был и сыграл свою роль хорошо.

— Да, я помню.

Бейли заметил, что Гремионис, как Василия, Глэдис и даже Фастальф, держался в некотором отдалении. Существовало как бы отталкивающее поле, невидимое и неощутимое, вокруг Бейли, оно не позволяло космонитам приближаться к нему, и они, проходя мимо, делали легкую кривую. Интересно, сознавал ли это Гремионис, или это выходило автоматически? А что они сделают со стульями, на которых он сидел в их домах, с тарелками, на которых он ел, с полотенцами, которыми он пользовался? Просто вымоют или как-нибудь простерилизуют? Может, выбросят? А как насчет общественного туалета? Сломают и выстроят новый?

Он осознал, что ударился в глупость. Что и как делают аврорцы — это их дело, ему нечего ломать голову. О, дьявол! У него своих проблем хватает. Вот и сейчас эта заноза — Гремионис, он примется за него после ленча.

Ленч был довольно простой, в основном растительный, но Бейли впервые слегка забеспокоился. Каждое блюдо имело слишком резкий вкус. Морковь имела какой-то подчеркнутый вкус моркови, горох — гороха. Везде чуть лишнего. Бейли ел не очень охотно, старясь скрыть легкую тошноту. Затем он обнаружил, что начинает при-

выкать к аврорской пище, и даже опечалился: когда он вернется на Землю, ему будет не хватать этих вкусовых тонкостей.

Возможно, когда земляне обоснуются на других планетах, эта пища, приготовленная по-космонитски, будет эталоном новой диеты, особенно, если у них не будет роботов, готовящих и подающих еду. И тут он с неудовольствием подумал, что не *когда*, а *если* земляне обоснуются на новых планетах. И это *если целиком зависит от него*, следователя Илии Бейли. Груз этого давил на него.

Еда кончилась. Робот принес влажные салфетки для вытирания рук. Салфетки оказались необычными: когда Бейли положил свою на тарелку, салфетка стала утончаться до паутины, затем поднялась вверх и исчезла в отдушине на потолке. Бейли чуть не подскочил от удивления и, раскрыв рот, следил за ее исчезновением.

— Это новинка, которую я только что приобрел, — сказал Гремионис, — но не пойму, нравится она мне или нет. Некоторые говорят, что это будет засорять отдушину, и грязь, в конце концов, попадет в наши легкие. Производитель, конечно, ничего не говорит, но…

Бейли спросил несколько ворчливо:

— Вы парикмахер, мистер Гремионис?

— Кто вам это сказал?

— Извините, если так называть вашу профессию невежливо. На Земле так обычно говорят, и это никого не обижает.

— Я дизайнер по прическам и одежде. Это признанная отрасль искусства. Я, в сущности, артист, художник. — Его палец снова прошелся по усам.

Бейли сказал серьезно:

— Я обратил внимание на ваши усы. Это обычно на Авроре?

— Нет. Надеюсь, что будет. Многие мужские лица можно усилить и улучшить искусным дизайном лицевых волос, и такой дизайн — часть моей профессии. На планете Паллас лицевые волосы обычны, но там их красят. Каждый волос красится отдельно в разный цвет, чтобы получилась смесь. Но это глупость. Краски со временем изменяются, и усы выглядят ужасно. Но все-таки это лучше, чем лицевая лысина. Голое лицо крайне непривлекательно. Эту фразу я сам придумал и пользуюсь ею в разговоре с потенциальным клиентом. Она действует весьма эффективно. Женщины могут обойтись без лицевых волос, поскольку пользуются гримом. На планете…

Его быстрая спокойная речь действовала гип-

нотически, так же как и его манера смотреть с подкупающей искренностью. Бейли пришлось почти физически встряхнуться.

— Вы — роботехник? — спросил он.

Гремионис выглядел испуганным и чуточку смущенным тем, что его прервали на полуслове.

— Нет, отнюдь. Я пользуюсь роботами, как все, но не знаю, что у них внутри. Меня это и не интересует.

— Но вы живете на территории Роботехнического Института.

— А почему мне не жить тут? — голос Гремиониса стал более враждебным.

— Если вы не роботехник…

Гремионис сделал гримасу.

— Это же глупо! Когда Институт еще только проектировался, здесь предполагалось автономное общество. Собственный транспорт, свои мастерские для его ремонта, свои роботы для работы в мастерских, свои врачи, свои строители. Персонал живет здесь, и если он хочет иметь личного художника, то вот Сантирикс Гремионис живет тоже здесь. Разве у меня плохая профессия, и я не должен жить здесь?

— Я этого не говорил.

Гремионис отвернулся, еще чувствуя обиду, и

нажал кнопку, а затем, изучив многоцветную четырехугольную полосу, сделал что-то похожее на щелчок. С потолка спустился шар и повис в метре от их голов, затем раскрылся, как апельсин с дольками, и в нем началась игра красок вместе с мягким звуком. То и другое смешивалось так искусно, что ошеломленный Бейли скоро перестал отделять цвет и звук. Окна затемнились, сегменты стали ярче.

— Не слишком ярко? — спросил Гремионис.

— Нет, — поколебавшись ответил Бейли.

— Это для фона; я подобрал мягкую комбинацию, чтобы легче было разговаривать в цивилизованной манере. — И быстро добавил: — Перейдем к делу?

Бейли отвел глаза от этой штуки — Гремионис не назвал ее — с некоторым усилием и сказал:

— Да, если позволите.

— Вы обвинили меня, что я что-то сделал для обездвиживания этого робота Джандера.

— Я расследую обстоятельства гибели робота.

— Но в связи с этой гибелью вы упомянули меня. И вы только что спросили, не роботехник ли я. Я понимаю, что у вас на уме: вы пытаетесь приписать мне какие-то знания роботехники и построить дело против меня как… как приканчи-

вателя робота.

— Могли бы сказать — убийцы.

— Робота нельзя убить. Но в любом случае, я не приканчивал его, не убивал — назовите, как хотите. Я вам сказал: я не роботехник. Я *ничего* не знаю о роботах. Как вы могли даже подумать…

— Я должен расследовать все связи, мистер Гремионис. Джандер принадлежал Глэдис, а вы дружны с ней. Вот связь.

— У нее может быть куча друзей. Какая же это связь?

— Вы утверждаете, что никогда не видели Джандера, бывая у Глэдис?

— Нет, ни разу!

— Вы не знали, что у нее есть человекоподобный робот?

— Нет!

— Она никогда не упоминала о нем?

— У нее полон дом роботов. Самых обычных. Она никогда не говорила, что имеет что-то еще.

— Прекрасно. У меня нет причин — пока — предполагать, что это неправда.

— Тогда скажите это Глэдис. Вот из-за *этого* я и хотел вас видеть. Просить вас об этом. Настаивать.

— Разве у Глэдис есть причины думать иначе?

— Конечно. Вы отравили ее мысли. Вы спрашивали ее обо мне в связи с этим делом, и она решила… она не уверена… Во всяком случае, она вызвала меня сегодня утром и спросила, не сделал ли я что-нибудь с роботом. Я говорил вам.

— Вы отрицали?

— Ясное дело! Отрицал со всей убедительностью, потому что я и в самом деле ничего такого не делал. Но я не могу ее убедить, и хочу, чтобы это сделали вы. Скажите ей, что, по вашему мнению, я здесь не причем. Вы должны сказать ей это, потому что не можете без всяких причин портить мою репутацию. Я сообщу о вас.

— Кому?

— Комитету Личной Защиты. В Совет. Глава Института — близкий друг самого Председателя, и я уже делал ему полный отчет об этом деле. Я не стал ждать, понимаете. Я стал действовать. — Гремионис потряс головой, как бы показывая свою решительность, но, судя по мягкости лица, делал это без большого убеждения. — Видите ли, здесь не Земля. Мы здесь *защищены*. Это у вас, с вашей перенаселенностью, люди живут в ульях, в муравейниках. Вы толкаете друг друга, душите друг друга, и это у вас в порядке вещей. Одна жизнь или миллион — какая разница?

— Вы явно читали исторические романы, — сказал Бейли, стараясь не показать недовольства.

— Конечно, читал, и там написано так, как оно есть. Иначе и не может быть на планете с миллиардами жителей. А на Авроре ценится каждая жизнь. Физически нас защищают наши роботы, поэтому у нас никогда не бывает нападений и убийств.

— Если не считать убийства Джандера.

— Это не убийство. Джандер всего лишь робот. А от вреда большего, чем нападение, нас защищает Совет. Комитет Личной защиты очень косо смотрит на любое действие, которое не справедливо марает репутацию или общественное положение отдельного гражданина. Аврорец, действуя как вы, имел бы серьезные неприятности. А что касается землянина…

— Я приехал для расследования, полагаю, по приглашению Совета. Не думаю, что доктор Фастальф привез меня сюда без разрешения Совета.

— Возможно, но это не дает вам право переходить границы честного расследования.

— И вы намерены заявить это в Совете?

— Я намерен пойти к главе Института…

— Как его зовут, кстати?

— Келдин Амадейро. Я попрошу его рассказать об этом в Совете — а он член Совета, лидер глобалистской партии. Так что для вас лучше сказать Глэдис, что я абсолютно не виновен.

— Я бы хотел этого, мистер Гремионис, поскольку предполагаю, что вы и в самом деле невиновны, но как я могу сменить предположение на уверенность, если вы не позволяете мне задать вам кое-какие вопросы?

Гремионис заколебался, а затем с некоторым вызовом откинулся на спинку стула, заложив руки за голову.

— Спрашивайте. Мне нечего скрывать. А потом вы вызовете Глэдис прямо по моему трехмерному передатчику и скажете ей, иначе у вас будут большие неприятности.

— Понятно. Но сначала скажите: давно ли вы знакомы с доктором Василией?

Гремионис помялся и сказал напряженно:

— Почему вы об этом спрашиваете? При чем это тут?

Бейли вздохнул, и его унылое лицо стало еще печальнее.

— Напомню вам, мистер Гремионис, что вам нечего скрывать и что вы хотите убедить меня в своей невиновности, а я, в свою очередь, должен

убедить в этом Глэдис. Так что скажите, давно ли вы знакомы с доктором Василией. Если незнакомы — так и скажите… но с моей стороны честно будет сказать вам: доктор Василия утверждает, что вы знаете ее и знаете настолько хорошо, что предлагали себя ей.

Гремионис выглядел скорбно. Он сказал дрожащим голосом:

— Не знаю, почему люди делают из этого что-то особенное. Предложить — дело вполне естественное и никого другого не касается. Вы землянин, вот вы и поднимаете шум вокруг этого.

— Как я понял, она не приняла вашего предложения.

— Принять или отказать — целиком ее дело. Были такие, что предлагали себя мне, а я отказал. Подумаешь, какая важность.

— Ну, ладно. Давно вы знакомы с ней?

— Лет пятнадцать.

— Вы знали ее, когда она жила у доктора Фастальфа?

— Тогда я был мальчишкой, — краснея, сказал Гремионис.

— Как вы с ней познакомились?

— Когда я закончил обучения как личный художник, меня пригласили сделать дизайн ее

гардероба. Ей понравилось, и она стала пользоваться моими услугами — исключительно в смысле одежды.

— Не по ее ли рекомендации вы получили свое теперешнее положение официального личного художника для членов Института?

— Она признавала мою квалификацию. Меня проверили другие, и я добился положения согласно моим достоинствам.

— Она рекомендовала вас?

— Да, — неохотно признал Гремионис.

— И вы только из благодарности предложили ей себя?

Гремионис скорчил гримасу.

— Это… это отвратительно! Только землянин мог подумать такое. Мое предложение означало только, что мне было приятно его сделать.

— Из-за того, что она привлекательна и сердечна?

— Ну, — нерешительно сказал Гремионис, — я бы не сказал, что она сердечна. Но, конечно, привлекательна.

— Мне сказали, что вы предлагаете себя всем без разбора.

— Это вранье. Кто это сказал?

— Не знаю, стоит ли мне отвечать на этот во-

прос. Не думаете ли вы, что если я стану ссылаться на вас как на источник некрасивой информации, то вы будете со мной откровенны?

— Ну, ладно, кто бы не сказал — он соврал.

— Может, это было просто драматическое преувеличение. Вы многим предлагали себя до доктора Василии?

Гремионис отвел глаза.

— Одной или двум. Ничего серьезного.

— А доктор Василия была для вас чем-то серьезным?

— Ну…

— Как я понял, вы предлагали ей себя несколько раз, что полностью противоречит аврорским обычаям.

— Ох, аврорские обычаи… — яростно начал Гремионис. — Послушайте, мистер Бейли, могу я говорить с вами конфиденциально?

— Да. Все мои вопросы имеют целью уверить меня, что вы не имеете отношения к смерти Джандера. Как только я буду удовлетворен, можете быть уверены, что я сохраню в тайне все ваши замечания.

— Вот и хорошо. Тут нет ничего плохого, ничего такого, чего я бы стыдился. Просто у меня было сильное тайное чувство и я имею на него право,

верно?

— Абсолютно верно.

— Видите ли, у меня ощущение, что секс всегда лучше, когда между партнерами глубокая любовь или привязанность.

— Я думаю, что это совершенно правильно.

— И тогда не нужно никого другого, как вы думаете?

— Вполне вероятно.

— Я всегда мечтал найти отличную партнершу и больше не искать никого. Это называют моногамией. На Авроре она не существует, но на некоторых других планетах есть. И на Земле тоже, мистер Бейли?

— В теории, мистер Гремионис.

— Вот этого я и хочу. Я искал несколько лет. Время от времени я занимался сексом и, я бы сказал, чего-то не хватало. Затем я встретил доктора Василию, и она сказала мне… знаете, люди часто откровенны со своими личными художниками, потому что это *очень* личная работа…

— Ну, ну, продолжайте.

Гремионис облизал губы.

— Если то, что я скажу, выйдет наружу — я пропал. Она сделает все, чтобы я не получал больше заказов. Вы уверены, что все это относится

к делу?

— Уверяю вас, что оно может оказаться исключительно важным.

— Ну… — Гремионис не выглядел полностью убежденным — из кусочков того, что рассказывала мне доктор Василия, я собрал факт, что она… — его голос упал до шепота — девственница.

— Понятно, — спокойно сказал Бейли. Он вспомнил, что, по уверению Василии, отказ отца искалечил ей жизнь, и лучше понял ее ненависть к отцу.

— Это возбудило меня. Мне казалось, что я мог бы иметь ее для себя одного и сам не хотел бы никого другого. Не могу объяснить, как много это значило для меня. Это сделало ее в моих глазах сияюще-прекрасной, и я в самом деле очень хотел ее.

— И вы предложили ей себя?

— Да.

— И не один раз. Вас не обескураживал ее отказ?

— Это как раз подтверждало ее девственность и заставляло меня желать еще больше. Меня как раз и возбуждало, что этого нелегко добиться. Я не могу объяснить, но надеюсь, что вы понимаете.

— Да, прекрасно понимаю. Но наступило вре-

мя, когда вы перестали предлагать себя доктору Василии?

— Ну, да.

— И начали предлагать себя Глэдис?

— Ну, да.

— Неоднократно.

— Ну, да.

— Почему такая перемена?

— Доктор Василия в конце концов дала ясно понять, что у меня нет никаких шансов, а затем появилась Глэдис, и она очень похожа на доктора Василию, и… и… Так оно и случилось.

— Но Глэдис не девственница. Она была замужем на Солярии, и здесь, на Авроре, как я слышал, экспериментировала довольно широко.

— Это я знал, но она… прекратила. Она ведь солярианка и плохо понимает аврорские обычаи. Но она прекратила, потому что ей не нравится, как она говорит «неразборчивость».

— Она сама говорила вам это?

— Да. На Солярии принята моногамия. Глэдис не была счастлива в браке, но она привыкла к этому обычаю и не нашла радостей в аврорской манере, когда познакомилась с ней, да и в моногамии, которой я хочу — тоже. Вы понимаете?

— Да. Но как вы встретились с ней впервые?

— Просто увидел. Когда она приехала на Аврору — романтическая беженка с Солярии — это показывалось по гиперволновой программе. И она участвовала в этом фильме…

— Да, да. Но ведь было что-то еще?

— Не понимаю, чего вы еще хотите.

— Ну, попробую догадаться. Когда доктор Василия отказала вам навсегда, она не намекнула вам на альтернативу для вас?

Гремионис закричал, неожиданно вспылив:

— Доктор Василия сказала вам *это*?

— Не такими словами, но я думаю, что случилось именно так. Не говорила ли она вам, что было бы полезно посмотреть на новоприбывшую молодую леди с Солярии, которая стала подопечной доктора Фастальфа? Не говорила ли вам доктор Василия, что по общему мнению, эта молодая леди очень похожа на нее, только моложе и сердечнее? Короче говоря, не советовала ли вам доктор Василия переключить внимание с нее на Глэдис?

Гремионис явно страдал. Он посмотрел в глаза Бейли и тут же отвел взгляд. Бейли впервые увидел в глазах космонита страх. Он покачал головой. Не следует радоваться тому, что напугал космонита. Это может повредить его объектив-

ности.

— Ну? — сказал он. — Я прав?

Гремионис тихо сказал:

— Значит, тот фильм не преувеличивал. Вы читаете мысли?

50

— Я просто спросил, — спокойно сказал Бейли, — а вы не ответили прямо. Прав я или нет?

— Это произошло не совсем так. Не в точности. Она говорила о Глэдис, но… — он прикусил губу и вдруг выпалил: — Ну, в общем это равносильно тому, что вы сказали. Вы точно описали все.

— И вы не были разочарованы? Вы нашли, что Глэдис действительно похожа на Василию?

— В какой-то мере — да, — сказал Гремионис, — но не по-настоящему. Если их поставить рядом, сразу увидишь разницу. Глэдис гораздо деликатнее, любезнее и веселее.

— Вы предлагали себя Василии после того, как встретили Глэдис?

— Вы что, спятили? Конечно, нет.

— Но Глэдис предлагали?

— Да.

— И она отказала?

— Ну, да.

— И вы предлагали снова и снова. Сколько раз?

— Я не считал. Четыре раза. Ну, пять. А может, больше.

— И каждый раз она отказывала?

— Да. А что, я не должен был предлагать снова?

— Она отказывала сердито?

— Нет, это не в ее характере. Очень ласково.

— Вы предлагали себя еще кому-нибудь?

— Что?

— Ну, коль скоро Глэдис вам отказывала, естественная реакция — предложить себя кому-нибудь другому. Раз Глэдис не хочет вас…

— Нет. Я не хочу никого другого.

— А почему, как вы думаете?

Гремионис энергично ответил:

— Откуда я знаю? Я хочу Глэдис. Это… это вроде безумия, но, я думаю, лучший вид его. Я *был* бы сумасшедшим, если бы не было этого рода безумия. Вряд ли вы это поймете.

— А вы пробовали объяснить это Глэдис? Она поняла бы.

— Нет. Я бы расстроил ее. Я бы смутил ее. О таких вещах нельзя говорить. Мне следовало повидаться с психиатром.

— И вы виделись?

— Нет.

— Почему?

Гремионис нахмурился.

— У вас манера задавать самые невежливые вопросы, землянин.

— Наверное, потому что я землянин и лучше не умею. Но я также следователь и должен знать эти вещи. Почему вы не были у психиатра?

Гремионис вдруг засмеялся.

— Скажу. Лечение было бы большим безумием, чем болезнь. Я лучше буду с Глэдис, которая отказывает мне, чем с любой другой, которая примет меня. Представьте себе, что у вас вывих в мозгу, и вы хотите, чтобы мозг так и оставался вывихнутым. Любой психиатр крепко взялся бы за меня.

Бейли подумал и спросил:

— Вы не знаете, доктор Василия не психиатр в какой-то мере?

— Она роботехник. Говорят, это близкое дело. Если знаешь, как работает робот, то это намек на то, как работает человеческий мозг. Так, по крайней мере, говорят.

— Вам не приходило в голову, что Василия знает о вашем странном чувстве по отношению к Глэдис?

Гремионис напрягся.

— Я никогда не говорил ей. Во всяком случае, в таких выражениях.

— А разве она не могла понять ваши чувства,

не спрашивая? Она знала, что вы неоднократно предлагали себя Глэдис?

— Ну… она спрашивала, каковы мои успехи. Мы ведь очень давно знакомы. Я должен был что-то сказать. Но ничего интимного.

— Вы уверены, что ничего интимного? Она наверняка поощряла вас продолжать предложения.

— Знаете, когда вы сказали это, я, кажется, вижу все в новом свете. Не понимаю, как вы ухитрились вложить это в мою голову. Теперь мне кажется, что она действительно поощряла меня. Она активно поддерживала мою дружбу с Глэдис. — Ему было явно не по себе. — Мне это никогда не приходило в голову.

— Как вы думаете, почему она поощряла вас повторять предложения Глэдис?

— Полагаю, она хотела избавиться от меня. Хотела быть уверенной, что я больше не буду надоедать *ей*. — Он хихикнул. — Хорошенький комплимент мне, верно?

— Доктор Василия перестала относиться к вам по-дружески?

— Наоборот. Она стала более дружелюбной.

— Она не пыталась посоветовать вам, как добиться успеха у Глэдис? Скажем, показать больше

интереса к работе Глэдис?

— Нет. Работа Глэдис и моя очень близки. Мы оба дизайнеры, художники, только я работаю на людей, а она на роботов. Это, понимаете, сближает. Иногда мы даже помогаем друг другу. Когда я не предлагаю и не получаю отказы, мы добрые друзья. И, если подумать, это очень много.

— Доктор Василия не советовала вам интересоваться работой доктора Фастальфа?

— С какой стати ей советовать такое? Я ничего не знаю о его работе.

— Может быть, Глэдис интересовалась, и это возможность для вас войти к ней в доверие?

Гремионис сузил глаза, вскочил с почти взрывной силой, прошел в другой конец комнаты, вернулся и остановился перед Бейли.

— По-слу-шай-те! Я не самый умный человек на планете, но я и не полный идиот. Я вижу, куда вы клоните!

— Да?

— Вы добиваетесь моего признания, что доктор Василия заставила меня влюбиться… — Он помолчал, а потом сказал с неожиданным удивлением: — и я влюбился, как в исторических романах. А раз я влюблен, я мог бы узнать от доктора Фастальфа, как обездвижить этого робота,

Джандера.

— Но вы не думаете, что это так?

— Нет! — закричал Гремионис. — Я ничего не понимаю в роботехнике. Ничего! Как бы мне не объясняли ее, я все равно не пойму. И не думаю, чтобы Глэдис понимала. Кстати, я никогда ни с кем не разговаривал о роботехнике. И никто ничего не намекал мне насчет нее. И доктор Василия ничего такого не советовала. Ваша насквозь гнилая теория не сработала. Забудьте о ней!

Он снова сел, сложил руки на груди и крепко сжал губы.

Если взрыв Гремиониса нарушил линию атаки Бейли, то он ничем не показал этого.

— Я понимаю вас. Но все-таки вы часто виделись с Глэдис?

— Да.

— Вы повторяли свои предложения и она не обижалась; а ее постоянные отказы не обижали вас?

Гремионис пожал плечами.

— Я предлагал вежливо. Она отказывала мягко. На что же обижаться?

— Как вы проводили время вдвоем? Секс исключался, о роботехнике вы не разговаривали. Что вы делали?

— Разве в дружбе нет больше ничего, кроме секса и роботехники? Нам было что делать. Во-первых, разговаривали. Она очень интересовалась Авророй, и я рассказывал. А она рассказывала мне о Солярии — это адская дыра. Я скорее предпочел бы жить на Земле… не в обиду вам будь сказано. И еще ее покойный муж. Дрянной у него был характер. У бедной Глэдис была тяжелая жизнь… Мы ходили на концерты, я водил ее в Институт Искусства, и мы работали вместе, как я уже говорил вам, над ее и моими дизайнами. Честно говоря, я не думаю, что работа на роботов хорошо оплачивается, но у каждого, знаете ли, свое мнение. Ее, кажется, забавляло, когда я объяснял ей, почему важно правильно стричь волосы — у нее-то волосы не совсем в порядке. Но большей частью мы гуляли.

— Куда ходили?

— Никуда специально. Просто гуляли. У нее такая привычка, потому что она воспитывалась на Солярии. Вы ведь были там? Там громадные поместья на одного-двух человек, не считая роботов. Можно пройти целые мили и никого не встретить, и Глэдис говорила — словно вся планета твоя. На Авроре такое ощущение у нее утратилось.

— Вы хотите сказать, что она хотела быть собственницей планеты?

— Глэдис? Конечно, нет! Она говорила только, что утратила ощущение быть наедине с природой. Сам я этого не понимаю, и подсмеивался над ней. Конечно, солярианские ощущения нельзя перенести на Аврору. Очень много народу, особенно в городском районе Эос, а роботы не запрограммированы держаться вне поля зрения, как на Солярии. В сущности, все аврорцы ходят вместе с роботами. Ну, я знаю несколько очень приятных дорог, где не очень много народу, и Глэдис радовалась.

— И вы тоже?

— Только потому, что был с Глэдис. Аврорцы тоже много гуляют, но я, должен признаться, не любитель. Сначала у меня протестовали мышцы, и доктор Василия смеялась надо мной.

— Она знала, что вы ходите на прогулки?

— Да, я однажды пришел, хромая, пришлось объяснить. Она смеялась и говорила, что это хорошая идея и лучший способ уговорить ходока принять предложение — это ходить вместе. «Держитесь, — говорила она, — и она отменит свой отказ и сама предложит себя». Этого, правда, не произошло, но постепенно я и сам полюбил

прогулки.

Он, похоже, преодолел свою вспышку злости и теперь был в хорошем настроении. Он даже улыбался, видимо, вспоминая прогулки. И Бейли улыбался в ответ.

— Итак, Василия знала, что прогулки продолжаются.

— Полагаю, что да. Я начал брать выходные и в среду и в четверг, потому что это соответствовало выбранному Глэдис графику, и доктор Василия иногда шутила над моими СЧ-прогулками, когда я приносил ей какие-нибудь эскизы.

— Доктор Василия никогда не присоединялась к прогулкам?

— Конечно, нет.

— Я думаю, вас сопровождали роботы?

— Ясное дело. Один мой, один Глэдис. Но они шли стороной, а не по пятам — по аврорской привычке, как говорила Глэдис. Она хотела солярианского уединения. Я вынужден был согласиться, хотя сначала у меня болела шея — я вертел ею, чтобы видеть, со мной ли Бронджи.

— А какой робот сопровождал Глэдис?

— Не всегда один и тот же. И он держался в стороне, так что я не вступал с ним в разговор.

— А как насчет Джандера? Он когда-нибудь

ходил? В этом случае вы бы его запомнили?

— Человекоподобного? Конечно, запомнил бы. Но он никогда не ходил с нами. Я думаю, она считала его слишком ценным для таких обязанностей, какие выполнит любой обычный робот.

— Вы тоже так считали?

— Это ее робот. Мне нет до него дела.

— Вы ни разу не видели его?

— Нет.

— И она ничего о нем не говорила?

— Не помню такого случая.

— Вас это не удивляло?

— Нет. Зачем говорить о роботах?

Бейли пристально взглянул в лицо Гремиониса.

— Вы никогда не задумывались об отношениях Глэдис и Джандера?

— Вы хотите сказать, что между ними был секс?

— Вы были бы удивлены?

— Такое бывает, — флегматично сказал Гремионис. — Ничего особенного. Человек может иногда пользоваться роботом, если захочет. А человекоподобный робот, наверное, полностью человекоподобен.

— Полностью.

— Ну, тогда женщине трудно устоять.

— Но перед *вами она устояла.* Разве вам не досадно, что она предпочла вам робота?

— Ну, если так было — а я не уверен, что это правда — горевать не о чем. Робот есть робот. Женщина с роботом или мужчина с роботом — это просто мастурбация.

— Вы честно не знали об этих отношениях? И не подозревали?

— Даже мысли такой не было.

— Не знали, или знали, но не обращали внимание?

Гремионис нахмурился.

— Опять вы напираете. Чего вы от меня хотите? Вот вы сейчас вбили мне это в голову и напираете, и мне начинает казаться, что я, может, задумывался о чем-то таком. Но я ничего этого не чувствовал, пока вы не начали задавать вопросы.

— Вы уверены?

— Уверен. Не изводите меня.

— Я вас не извожу. Просто я хотел бы знать: если вы знали, что Глэдис регулярно занимается сексом с Джандером, и знали, что она никогда не возьмет вас в любовники, возможно ли, чтобы вы не хотели устранить Джандера, к которому

ревновали…

В этот миг Гремионис распрямился, как пружина, и бросился на Бейли с громким нечленораздельным криком. Бейли инстинктивно откинулся назад и упал вместе со стулом.

51

Сильные руки тотчас подняли его. Бейли понял, что это руки робота. Как легко забыть о них, когда они неподвижно и молча стоят в нишах. Однако, это был не Дэниел и не Жискар, а Бронджи, робот Гремиониса.

— Сэр, — сказал Бронджи несколько ненатуральным голосом, — я надеюсь, вы не ушиблись?

Где же Дэниел и Жискар?

Ответ пришел сам собой. Роботы быстро поделили работу между собой. Дэниел и Жискар быстро сообразили, что опрокинувшийся стул меньше повредит Бейли, чем обезумевший Гремионис, и бросились на хозяина. Бронджи, видя, что он там не нужен, стал помогать Бейли.

Тяжело дышавший Гремионис был полностью обездвижен в осторожном захвате роботов Бейли. Он сказал чуть ли не шепотом:

— Отпустите меня. Я овладел собой.

— Да, сэр, — сказал Жискар.

— Конечно, сэр, — сказал Дэниел почти медовым тоном.

Они отпустили руки, но некоторое время не отходили от него. Гремионис огляделся, попра-

вил одежду и сел. Он все еще порывисто дышал и волосы его были в беспорядке.

Бейли стоял, положив руку на спинку стула.

— Простите, мистер Бейли, — сказал Гремионис, — что я утратил контроль над собой. Со мной не случалось такого за всю мою взрослую жизнь. Вы обвинили меня в… р-ревности. Порядочный аврорец не должен употреблять это слово, но мне не следовало забывать, что вы землянин. Оно встречается только в старинных романсах, да и то обычно после первой буквы ставится тире. У вас, конечно, не так, я понимаю.

— Я тоже извиняюсь, мистер Гремионис, что мое полное незнание аврорских обычаев привело меня на неверный путь. Уверяю вас, что такой ляпсус не повториться. — Он сел. — Наверное, больше не о чем говорить.

Гремионис, казалось, не слушал его.

— Когда я был маленьким, я иногда толкал других, и меня толкали, но роботы и не думали разнимать нас.

— Если позволите, — сказал Дэниел, — я объясню, партнер Илия. Было установлено, что полное пресечение агрессивности в очень юном возрасте ведет к нежелательным последствиям. Поэтому некоторые игры, включая физические соревно-

вания, разрешались и даже одобрялись — при условии, чтобы не было реального вреда. Роботы, ухаживающие за малышами, программировались так, чтобы они различали шансы и уровень вреда, который мог быть причинен. Я, например, в этом смысле запрограммирован неправильно и не гожусь для охраны малолетних, и Жискар тоже.

— Такое агрессивное поведение в юношестве останавливается? — спросил Бейли.

— Да, постепенно, когда уровень вреда может повыситься, и желательно развитие самоконтроля.

— К тому времени, — сказал Гремионис, — когда я поступал в высшую школу, я, как и все авроры, знал прекрасно, что соревнование покоится на сравнении мыслительных способностей и таланта…

— А физических состязаний никаких? — спросил Бейли.

— Они есть, но лишь те, что не включают умышленного физического контакта с намерением покалечить… Но со времени своей юности я никогда ни на кого не нападал, хотя у меня было к этому множество случаев, уверяю вас, но до этой минуты я всегда умел владеть собой. Правда,

никто никогда не обвинял меня в… *этом*.

— В любом случае, — сказал Бейли, — ничего хорошего из нападения не получится, если рядом с каждым соперником стоит робот.

— Конечно. Тем более оснований для меня стыдиться, что я потерял самоконтроль. Надеюсь, вы не упомянете об этом в своем рапорте.

— Будьте уверены, я никому не скажу. Это не касается дела.

— Спасибо. Вы сказали, что интервью кончено?

— Думаю, да.

— В таком случае, вы скажете Глэдис, что я не при чем в деле Джандера?

Бейли заколебался.

— Я скажу ей, что это мое мнение.

— Прошу вас, скажите посильнее, чтобы она была полностью уверена в моей непричастности; особенно, если она была привязана к роботу из сексуальных побуждений. Я не могу вынести, если она подумает, что я… р… р… Она солярианка и может так подумать.

— Да, могла бы, — задумчиво сказал Бейли.

— Но видите ли, — быстро заговорил Гремионис, — я ничего не понимаю в роботах, и ни доктор Фастальф, ни доктор Василия, и никто

другой ничего не говорили мне о том, как они работают. Я имею в виду — у меня не было никакой возможности разрушить Джандера.

Бейли, казалось, глубоко задумался, а затем сказал с явной неохотой:

— Я ничего не могу сделать, кроме как поверить вам. Я ничего не знаю. Возможно — я говорю это без намерения оскорбить — вы, или доктор Василия, или вы оба — лжете. Я слишком мало знаю о внутренней природе аврорского общества и легко могу оказаться в дураках. И все-таки я могу только поверить вам. Но я не могу сказать Глэдис больше того, что, по моему мнению, вы ни в чем не виноваты. Я могу сказать только «по моему мнению». Я уверен, что она найдет это достаточно сильным.

— Ну, тогда и я удовлетворюсь этим. Если это может помочь, я дам вам слово аврорского гражданина, что я невиновен.

Бейли чуть заметно улыбнулся.

— Я не стал бы сомневаться в вашем слове, но моя работа требует только объективных доказательств. — Он встал. — Не истолкуйте неправильно то, что я вам скажу, мистер Гремионис. Вы просите меня, чтобы я успокоил Глэдис, потому что вы хотите сохранить ее дружбу.

— Очень хочу, мистер Бейли.

— И вы намерены снова предложить себя ей.

Гремионис покраснел.

— Да.

— Могу ли я дать вам совет, сэр? Не делайте этого.

— Держите ваши советы при себе. Я не намерен следовать им.

— Я хочу сказать — не делайте этого по обычной официальной процедуре, а просто — Бейли опустил глаза, чувствуя непривычное смущение — обнимите и поцелуйте ее.

— НЕТ, — сказал Гремионис убежденно. — Ни одна аврорская женщина не потерпит такого. И мужчина тоже.

— Мистер Гремионис, не забывайте, что Глэдис солярианка, у них другие обычаи и традиции. На вашем месте я бы попробовал.

Бейли смотрел в пол, скрывая внезапную ярость. Кто ему Гремионис, чтобы давать ему такой совет? Зачем советовать другому сделать то, что он, Бейли, мечтал сделать сам?

Часть тринадцатая
Амадейро

52

Бейли снова вернулся к делу и сказал более низким, чем обычно баритоном:

— Мистер Гремионис, вы упоминали имя главы Роботехнического Института; не повторите ли вы мне его?

— Келдин Амадейро.

— Есть какая-нибудь возможность добраться до него отсюда?

— И да, и нет. Вы можете добраться до его секретаря или до его заместителя, но до него самого — вряд ли. Он, я слышал, неприветливый тип. Сам-то я, конечно, не знаком с ним. Я видел его, но никогда не разговаривал с ним.

— Значит, он не пользуется вами как дизайнером одежды или для личного ухода?

— Не знаю, пользуется ли он чьими-нибудь услугами, но по его виду похоже, что да.

— Я хотел бы попытаться добраться до него, несмотря на его репутацию неприветливого. Если у вас есть трехмерка, вы не будете возражать, если я ею воспользуюсь?

— Бронджи может сделать для вас вызов.

— Нет, я думаю, это сделает мой партнер Дэни-

ел, если вы не против.

— Нисколько не против. Аппарат там, идите за мной. Номер 75-30, абонент 20.

— Спасибо, сэр, — поклонился Дэниел.

Комната была совершенно пуста. В одной ее стороне стоял тонкий столбик высотой в половину человеческого роста; он заканчивался плоской поверхностью, на которой стоял сложный прибор. Столбик стоял в центре круга, выделявшегося серым на светло-зеленом полу. Рядом был такой же круг, но без столбика.

Дэниел шагнул к столбику, и круг сразу же осветился. Дэниел быстро сделал что-то с прибором, и осветился второй круг. На нем появился робот, трехмерный по виду, но он слабо мерцал — это было голографическое изображение.

Дэниел сказал:

— Я Р.Дэниел Оливо — он слегка подчеркнул «Р», чтобы робот не ошибся, приняв его за человека — я представляю моего партнера, следователя Илии Бейли с Земли. Мой партнер хотел бы поговорить с Главным роботехником Келдином Амадейро.

— Главный роботехник Амадейро на конференции. Может быть, достаточно поговорить с роботехником Сисисом?

Дэниел быстро взглянул на Бейли. Тот кивнул, и Дэниел сказал:

— Этого будет достаточно.

— Если вы, — сказал робот, — попросите следователя Бейли встать на ваше место, я постараюсь найти роботехника Сисиса.

— Может быть, вам лучше сначала… — начал Дэниел, но Бейли прервал его:

— Он прав, Дэниел. Я не против подождать.

— Партнер Илия, как личный представитель Мастера роботехники Хэна Фастальфа, вы принимаете его общественный статус, пусть временно, и вам не пристало ждать…

— Все это правильно, Дэниел, но я не хочу лишней отсрочки ради этикета.

Дэниел сошел с круга, и Бейли занял его место. Изображение робота исчезло. Бейли терпеливо ждал. Наконец, появилось другое изображение и обрело трехмерность.

— Я роботехник Мелун Сисис, — сказал человек резким, чистым голосом. У него были короткие бронзовые волосы, и уже по одному этому он показался Бейли типичным космонитом, только в линии носа была некосмонитская асимметрия.

Бейли спокойно сказал:

— Я следователь Илия Бейли с Земли. Я хотел

бы поговорить с Главным роботехником Келдином Амадейро.

— У вас есть с ним договоренность, следователь?

— Нет, сэр.

— Вы должны иметь ее, если хотите его видеть. Но ни на этой неделе, ни на следующей свободного промежутка времени не будет.

— Я следователь Илия Бейли с Земли…

— Я понял. Но это не меняет факта.

— …по приглашению доктора Хэна Фастальфа и с разрешения Совета Авроры я расследую убийство робота Джандера Пэнела…

– *Убийство* робота? — переспросил Сисис с вежливым презрением.

— Роботоубийство, если вы предпочитаете. На Земле уничтожение робота не столь важное дело, но на Авроре, где к роботам относятся более или менее как к людям, слово «убийство», мне кажется, может быть принято.

— Убийство, роботоубийство или как хотите, но видеть Главного роботехника нельзя.

— Могу я оставить ему сообщение?

— Можете.

— И ему сейчас же передадут?

— Постараюсь, но гарантировать не могу.

— Прекрасно. У меня несколько пунктов; сейчас я их перечислю. Может быть, вы запишите?

Сисис слегка улыбнулся.

— Думаю, что я способен запомнить.

— Первое: где есть убийство, там есть и убийца, и я хотел бы дать доктору Амадейро шанс сказать что-то в свою защиту…

— Что-о? — сказал Сисис.

У Гремиониса, слушавшего с другой стороны комнаты, отвисла челюсть.

Бейли имитировал ту же легкую улыбку, которая внезапно исчезла с лица Сисиса.

— Я не слишком быстро говорю, сэр? Может быть, вы все-таки хотите записать?

— Вы обвиняете Главного роботехника в том, что он имеет какое-то отношение к делу Джандера Пэнела?

— Наоборот, роботехник. Я должен увидеться с ним именно потому, что *не* хочу обвинить его. Я не хотел бы поспешно установить какую-то связь между Главным роботехником и обездвиженным роботом на основе неполной информации, а его слова могут все прояснить.

— Вы спятили!

— Ну что же, тогда скажите Главному роботехнику, что спятивший хочет поговорить с ним,

чтобы отвести от него обвинение в убийстве. Это первый пункт. Второй: скажите ему, что этот самый спятивший провел детальный опрос художника Сантирикса Гремиониса и говорит сейчас из дома Гремиониса. Третий пункт: вполне возможно, что Главный роботехник, у которого масса дел, не помнит, кто такой художник Сантирикс Гремионис; в таком случае, пожалуйста, скажите, что он живет на территории Института и за последний год делал многие и долгие прогулки с солярианской женщиной Глэдис, живущей теперь на Авроре.

— Я не могу передать такое смехотворное и оскорбительное сообщение, землянин.

— В таком случае, скажите ему, что я пойду прямо в Совет и заявлю, что не могу продолжать расследование, потому что некий Мелун Сисис взял на себя заверить меня, что Главный роботехник Келдин Амадейро не станет помогать мне в расследовании уничтожения робота Джандера Пэнела и защищать себя самого от обвинения в ответственности за это уничтожение.

Сисис покраснел.

— Вы не *посмеете говорить такие вещи*!

— Не посмею? Что я теряю? А с другой стороны, как это прозвучит для широкой публики? Ведь

аврорцы прекрасно знают, что доктор Амадейро — второй после доктора Фастальфа в знании роботехники, и, если доктор Фастальф не виновен, то… надо ли продолжать?

— Вы узнаете, землянин, что законы Авроры против клеветы очень строги.

— Без сомнения, но если доктора Амадейро эффективно оклеветать, то его наказание будет больше, чем мое. Но почему бы вам просто не передать мое сообщение сразу же? Если он объяснит некоторые мелкие пункты, мы обойдем вопрос о клевете или о каком-либо обвинении.

Сисис сказал напряженно:

— Я расскажу все это доктору Амадейро и буду настойчиво советовать ему отказаться от встречи с вами. — Он исчез.

Бейли снова терпеливо ждал, а Гремионис отчаянно жестикулировал и говорил громким шепотом:

— Вы не можете так поступать, Бейли. Не можете!

Бейли махнул ему, чтобы он успокоился. Через несколько минут — они показались Бейли очень долгими — снова появился Сисис, выглядевший очень сердитым, и сказал:

— Через несколько минут доктор Амадейро зай-

мет мое место и будет говорить с вами. Ждите!

— Здесь не место для ожидания, — немедленно сказал Бейли, — Я приду прямо в офис доктор Амадейро и там встречусь с ним. — Он сошел с серого круга и сделал Дэниелу знак выключить связь.

Гремионис сказал, задыхаясь:

— Вы не можете так говорить с людьми доктора Амадейро, землянин.

— Могу.

— Он выкинет вас с планеты через двенадцать часов.

— Если я не добьюсь прогресса в своей миссии, меня в любом случае выкинут с планеты за двенадцать часов.

— Партнер Илия, — сказал Дэниел, — боюсь, что мистер Гремионис прав в своей тревоге. Совет Авроры не может ничего сделать, кроме как выслать вас, поскольку вы не аврорский гражданин. Но он может настаивать перед земным правительством, чтобы вас строго наказали, и Земля это сделает. Я бы не хотел, чтобы вы были наказаны.

Бейли тяжело сказал:

— Я тоже не хотел бы, Дэниел, но я должен хвататься за любой шанс. Мистер Гремионис, мне очень жаль, что я сказал ему, что вызывал

из вашего дома. Мне нужно было как-то убедить его, и я чувствовал, что он придаст этому факту важное значение. Но ведь я сказал правду.

— Если бы я знал, что вы хотите сделать, я не позволил бы вам вызывать из моего дома. Я уверен, что потеряю свое положение и… — он с горечью добавил: — Что я вам сделал, что вы так обошлись со мной?

— Я сделаю все, что могу, мистер Гремионис, чтобы вы не потеряли свое положение. Я уверен, что у вас не будет неприятностей. Если же меня постигнет неудача, вы можете сказать, что я сумасшедший, что я возвел на вас дикие обвинения, запугал вас угрозами оклеветать вас и поэтому вы позволили мне пользоваться вашей трехмеркой. Я думаю, что доктор Амадейро поверит вам. В конце концов, вы уже послали ему жалобу, что я оклеветал вас, верно? — Бейли поднял руку, прощаясь. — До свидания, мистер Гремионис. Еще раз благодарю вас. Не огорчайтесь и… помните, что я сказал вам насчет Глэдис.

Зажатый между Дэниелом и Жискаром, Бейли вышел из дома Гремиониса, едва сознавая, что снова идет в открытое пространство.

53

Снаружи что-то изменилось. Бейли остановился и посмотрел в небо.

— Странно. Я не думал, что прошло так много времени. Солнце уже зашло.

— Нет, сэр, — сказал Жискар, — до заката еще два часа.

— Собирается гроза, партнер Илия, — сказал Дэниел. — Тучи сгустились, но гроза разразится не сразу, а через некоторое время.

Бейли вздрогнул. Темнота сама по себе не беспокоила его. Ночь как бы ограничивает Снаружи стенами, а это лучше, чем днем, когда во всех направлениях открытое пространство. Но сейчас и не день, и не ночь, и это плохо. Он пытался вспомнить, как было во время дождя, когда он бывал Снаружи. И ему вдруг пришло в голову, что он ни разу не видел снега, и даже не знает точно, на что похожа твердая кристаллическая вода. Описаний было явно не достаточно. Молодежь иногда выходила и быстро возвращалась, визжа от возбуждения, но всегда радуясь, что снова оказалась в стенах Города. Бен однажды пытался сделать лыжи по указаниям какой-то старинной

книги и чуть не утонул в белой массе, но и его описания снега были неясными и неудовлетворительными. Но Бейли знал, что снег идет, когда очень холодно. А сейчас было не *очень*, а просто холодно. Эти тучи не означали, что пойдет снег, но это почему-то мало утешало.

— Это необычный цвет неба? — спросил он.

— Нет, партнер Илия, это гроза.

— Она у вас часто бывает?

— В это время года — да.

— И она приносит такой холод?

— Да, но садитесь в машину. Там теплее.

Бейли пошел к машине, но вдруг спохватился:

— Подождите, я не спросил Гремиониса, где офис Амадейро.

— Не нужно, — сказал Дэниел. — У друга Жискара в банке памяти есть карта Института, он отвезет нас в административное здание. Офис доктора Амадейро, скорее всего, там.

— По моим сведениям, — сказал Жискар, — офис доктора Амадейро в административном здании. Если же доктора случайно не окажется, то его дом рядом.

И Бейли снова оказался между роботами. Он особенно радовался теплому телу Дэниела, но и похожий на текстиль верхний слой Жискара

не был приклеен и не был таким холодным, как голый металл его тела.

Дэниел, возможно, намереваясь отвлечь Бейли от вида Снаружи, спросил:

— Партнер Илия, откуда вы узнали, что доктор Василия поощряла мистера Гремиониса интересоваться мисс Глэдис? Я не заметил, чтобы вы получали какую-то очевидную информацию.

— Я и не получал. Я был в отчаянии и разыграл дальний прицел. Глэдис рассказывала, что Гремионис был заинтересован ей и предлагал себя несколько раз. Я подумал, что он мог убить Джандера из ревности. Правда, я не думал, что он настолько силен в роботехнике, но, узнав, что дочь доктора Фастальфа роботехник и очень похожа на Глэдис, я задумался, не был ли Гремионис сначала очарован Василией — тогда убийство могло быть результатом заговора этих двоих. Легким намеком на существование такого заговора я добился свидания с Василией.

— Но ведь заговора не было, — возразил Дэниел, — по крайней мере, в том, что касается разрушения Джандера. Василия и Гремионис не могли бы произвести разрушение, даже если бы работали сообща.

— Согласен. Однако же, Василию разволновал

намек на связь ее с Гремионисом. Почему? Когда Гремионис рассказал, что сначала увлекся Василией, а потом Глэдис, я подумал, что связь между Гремионисом и Василией была, возможно, непрямой, если Василия поощряла переход Гремиониса к Глэдис по какой-то причине, более отдаленно связанной со смертью Джандера. В конце концов, какая-то связь между Гремионисом и Василией была: это показала реакция Василии на первый намек.

Мои подозрения оказались правильными. Василия переключила Гремиониса с одной женщины на другую. Гремионис был поражен, что я об этом знаю, и это тоже оказалось полезным, поскольку, будь дело совершенно невинным, не было бы причин делать из него тайну — а тайна явно была. Вы помните, Василия не упоминала, что уговаривала Гремиониса заняться Глэдис. Когда я сказал, что Гремионис предлагал себя Глэдис, Василия сделала вид, будто впервые слышит об этом.

— Но что тут важного, партнер Илия?

— Это мы найдем. Мне кажется, что важны тут не Гремионис и не Василия, а какое-то третье лицо. Если это касается дела Джандера, то третье лицо должно быть более умелым роботехни-

ком, чем Василия — им может быть Амадейро. Я намекнул ему на существование заговора, намеренно указав на то, что допрашивал Гремиониса и говорю это из его дома — и это тоже сработало.

— Но я все-таки не понимаю, что все это означает.

— И я тоже — но есть кое-какие соображения. Может, узнаем что-нибудь у Амадейро. Наше положение так скверно, что мы ничего не потеряем, догадываясь и рискуя в азартной игре.

Во время этого разговора машина сделала прыжок и пошла на умеренной высоте. Она обошла линию кустарника и прибавила скорость над травянистыми участками и гравийными дорожками.

— Жискар, — спросил Бейли, — вы записывали разговоры, которые велись в вашем присутствии?

— Да, сэр.

— И можете воспроизвести их, если понадобится?

— Да, сэр.

— И можете найти какое-то отдельное предложение, сказанное той или иной особой?

— Да, сэр. Вам нет нужды прослушивать всю запись.

— А вы можете быть свидетелем в суде?

— Нет, сэр. Достаточно умелой командой можно заставить робота лгать, и тут не помогут никакие увещевания или угрозы судьи, поэтому закон мудро считает робота неправомочным свидетелем.

— В таком случае, какая польза от вашей записи?

— Это совсем другое дело, сэр. Запись нельзя заменить простой командой, ее можно только стереть. Такая запись может быть признана как очевидность. Точных прецедентов, однако, не было, и признать ее или нет — зависит от дела и от судьи.

Жискар посадил машину на лужайке перед широким, но не очень высоким зданием с замысловато-резным фасадом; оно было явно новое, но производило впечатление имитации старинного.

— Партнер Илия, — спросил Дэниел, — вы надеетесь, что доктор Амадейро действительно может быть полезным?

— Нет, Дэниел, я подозреваю, что доктор Амадейро слишком умен, чтобы дать нам хоть какую-нибудь зацепку для его захвата.

— А если так, что вы собираетесь делать даль-

ше?

— Не знаю, — сказал Бейли с мрачным ощущением дежа вю. — Что-нибудь придумаю.

54

Когда Бейли вошел в административное здание, первым его ощущением было облегчение, что он ушел от неестественного освещения Снаружи, а вторым — извращенное удовольствие.

Дома на Авроре — жилые дома — были типично аврорскими. В гостиной ли Глэдис, в столовой Фастальфа, в рабочем кабинете Василии или в комнате с трехмерным аппаратом Гремиониса он не мог бы подумать, что он на Земле. Все четыре отличались друг от друга, но имели общий ген, полностью чуждый подземным квартирам на Земле. Административное здание дышало официальностью и, похоже, превышало обычное человеческое разнообразие. У него не было того гена, что у жилых домов на Авроре, а любое официальное здание в родном Городе Бейли походило на квартиру в жилом секторе, но, тем не менее, оба официальных здания двух таких разных миров были до странности схожими. Это было первое место на Авроре, где Бейли мог бы вообразить себя на Земле. Те же длинные голые коридоры, то же приведение к общему знаменателю узоров и украшений, те же источники

света, сконструированные так, чтобы раздражать одних и нравиться другим.

Но было здесь кое-что, отсутствующее на Земле — например, подвесные горшки с цветущими растениями, видимо, с автоматическим поливом. Их присутствие не восхитило Бейли. Не привлекают ли они насекомых? Не капает ли из них вода? Не падают ли иногда эти горшки?

Кое-чего и не хватало. На Земле, в Городе, даже в самых строго официальных домах, всегда слышался теплый шум людей и машин, «Рабочее Жужжание Братства», как говорили земные политиканы и журналисты. Здесь же была тишина. Бейли не обращал особого внимания на тишину в домах, которые он посетил за эти два дня, поскольку все было так необычно, что еще одна странность ускользнула от него. Здесь же, где многое напоминало Землю, отсутствие «Гула Человечества» (тоже популярное выражение) обращало на себя внимание, как и оранжевый оттенок искусственного освещения, который был более заметен на здешних пустых стенах, чем на обильно украшенных стенах жилых домов.

Задумчивость Бейли не длилась долго. Войдя в главный вход, Дэниел остановил Бейли и Жискара. Прошло с полминуты, и Бейли спросил:

— Почему мы стоим?

— Так полагается, партнер Илия. Впереди звенящее поле.

— Что это такое?

— Вообще-то, это название эвфемистическое. Это поле действует на нервные окончания и причиняет резкую боль. Роботы могут пройти, а человек — нет. Но, конечно, и тот, и другой включит сигнал тревоги.

— Откуда вы знаете, что это поле здесь есть и где оно?

— Его видно, если вы знаете как смотреть. Воздух как бы дрожит, а часть стены за полем слегка зеленоватая по сравнению со стеной напротив.

— Я, например, не вижу, — с негодованием сказал Бейли. — Что же предупредит меня, или любого другого входящего, чтобы не попасть в поле?

— Работающие в Институте носят нейтрализующее устройство, а посетители приходят с роботами, которые определят звенящее поле.

Из коридора по ту сторону поля появился робот. На Жискара он, похоже, не обратил внимания, но какое-то время переводил взгляд с Бейли на Дэниела и обратно. Затем, приняв решение, он обратился к Бейли:

— Ваше имя, сэр?

Бейли подумал, что Дэниел выглядит слишком человеком, чтобы быть им на самом деле.

— Я следователь Илия Бейли с Земли. Со мной два робота из дома доктора Фастальфа — Дэниел Оливо и Жискар Ривентлов.

— Идентификация, сэр?

Серийный номер на груди Жискара загорелся мягким фосфоресцирующим светом.

— Я ручаюсь за них обоих, друг, — сказал Жискар.

Робот вгляделся в номер, как бы сравнивая его с записью в памяти, затем кивнул и сказал:

— Серийный номер принят. Можете пройти.

Дэниел и Жискар сразу двинулись вперед, но Бейли задержался и вытянул руку — не возникнет ли боль.

— Поле снято, — сказал Дэниел. — Оно возобновится после того, как мы пройдем.

Они поднялись по спиральному эскалатору.

— Здесь есть и обычные лестничные пролеты, — сказал Дэниел, — и большинство аврорцев предпочитает их. Вы — гость, поэтому вам из вежливости предложили спираль.

— Значит, оказали мне любезность, — сказал Бейли. — Обнадеживающий признак.

Они прошли по коридору к двери, более украшенной, чем другие. Возможно, другим обнадеживающим признаком было появление в этой двери высокого аврорца. Он был сантиметров на восемь выше Дэниела, а Дэниел был на пять сантиметров выше Бейли. Человек был широкоплеч, несколько тяжеловат, с круглым лицом, имел щегольской вид и улыбался. Улыбка была весьма примечательная: широкая, видимо, невынужденная, показывающая ровные белые зубы.

— А, это мистер Бейли, знаменитый следователь с Земли, который приехал на нашу маленькую планету, чтобы показать, какой я страшный злодей. Входите, входите, рад вас видеть. Мне очень жаль, что мой заместитель, роботехник Мелун Сисис создал у вас впечатление, что я отсутствую. Он осторожный парень и заботится о моем времени больше, чем я сам. — Он посторонился, пропуская Бейли и слегка похлопал его по плечу дружеским жестом, какого Бейли еще не испытывал на Авроре.

— Вы Главный роботехник Келдин Амадейро? — осторожно спросил Бейли.

— Точно. Точно. Человек, намеревающийся уничтожить доктора Хэна Фастальфа как политическую силу на этой планете, но это, как я

надеюсь убедить вас, не делает из меня негодяя. Я же не пытаюсь доказывать, что доктор Фастальф — негодяй только из-за дурацкого вандализма, совершенного им над его собственным созданием — беднягой Джандером. Скажем, я только могу продемонстрировать, что доктор Фастальф ошибся. — Он сделал легкий жест, и робот, провожавший их, шагнул в нишу.

Когда дверь закрылась, Амадейро сердечным жестом указал Бейли на красиво обитое кресло и с удивительной экономией жеста показал другой рукой на ниши для Дэниела и Жискара. Бейли заметил, что Амадейро на минуту жадно уставился на Дэниела; улыбка его исчезла, лицо приняло хищное выражение. Это выражение быстро ушло, и он снова улыбнулся. Бейли подумал, что эта секундная смена выражения, может быть, была плодом его собственного воображения.

— Поскольку погода, кажется, неважная, — сказал Амадейро, — давайте обойдемся без эффективного дневного света. — Он что-то сделал на контрольной панели на письменном столе; стекла затемнились, а стены загорелись мягким дневным светом. Улыбка Амадейро стала еще шире. — Нам с вами, в сущности, мало о чем можно говорить, мистер Бейли. Пока вы ехали сюда,

я из предосторожности поговорил с мистером Гремионисом. Выслушав его, я решил поговорить также с доктором Василией. По-видимому, мистер Бейли, вы в какой-то мере обвиняете их обоих в соучастии в уничтожении Джандера и, как я понял, обвиняете также и меня.

— Я просто задаю вопросы, доктор Амадейро, и намерен сделать это сейчас.

— Да, конечно, но вы — землянин и не понимаете гнусности ваших действий, и мне искренне жаль, что от их последствий вы же и пострадаете. Вы, наверное, знаете, что Гремионис прислал мне заявление насчет вашей клеветы на него.

— Он сказал мне об этом, но он неправильно понял мои действия. Они не были клеветой.

— Осмелюсь сказать, что вы со своей точки зрения правы, но вы не понимаете аврорского определения этого слова. Я вынужден был послать заявление Гремиониса Председателю, и в результате вам скорее всего прикажут завтра же утром покинуть планету. Я, конечно, сожалею об этом, но боюсь, что ваше расследование подходит к концу.

Часть четырнадцатая
Снова Амадейро

55

Бейли был захвачен врасплох. Он не знал, чего ожидать от Амадейро, и не предполагал в себе такого замешательства. Гремионис назвал Амадейро неприветливым. А сейчас Амадейро казался веселым, общительным, даже дружелюбным. Однако, если Амадейро сказал правду, он запросто может положить конец расследованию и безжалостно сделает это, хотя и с сострадательной улыбкой. Что же он из себя представляет? Бейли машинально взглянул на роботов. Вряд ли Дэниел за свою короткую жизнь когда-нибудь встречался с Амадейро, а вот Жискар — наверняка. Бейли сжал губы; следовало заранее спросить Жискара насчет Амадейро, теперь Бейли легче было бы судить, сколько в этом роботехнике настоящего, а сколько умного расчета. Почему на Земле или вне ее, думал Бейли, он не пользовался разумно этими ресурсами роботов? И почему Жискар сам не дал информации… Хотя нет, это неправильно: у Жискара явно не хватает способностей для независимой деятельности такого рода. Он выдает информацию по требованию, но не по собственной инициативе.

Амадейро проследил за быстрым взглядом Бейли и сказал:

— Я, похоже, один против трех. Как видите, здесь нет моих роботов, хотя по зову они тут же явятся, а у вас два робота Фастальфа — старый надежный Жискар и этот чудесной конструкции Дэниел.

— Я вижу, вы их знаете, — сказал Бейли.

— Только по репутации, а физически — я чуть было не сказал — во плоти — вижу их впервые. Правда, Дэниела — вернее, играющего его актера — я видел в фильме.

— Кажется, все и на всех мирах видели этот фильм, — угрюмо сказал Бейли, — и моя жизнь реального и ограниченного индивидуума стала трудной.

— Но не со мной, — сказал Амадейро, широко улыбаясь. — Уверяю вас, я не принимаю всерьез ваше выдуманное изображение. Я согласен, что реальная жизнь вас ограничивает, а раз так — вы не можете позволять себе столь свободно неоправданные обвинения на Авроре.

— Доктор Амадейро, уверяю вас, я не делаю никаких официальных обвинений. Я просто веду расследование и рассматриваю возможности.

— Вы меня не поняли, — с неожиданным жа-

ром сказал Амадейро, — я не порицаю вас. Я уверен, что по земным стандартам вы ведете себя безупречно. Мы страшно дорожим своей репутацией.

— Если так, доктор Амадейро, то клевета по подозрению на доктора Фастальфа со стороны вас и других глобалистов не большее ли зло, чем мои мелкие действия?

— Совершенно справедливо, но я — известный аврорец и имею определенное влияние, а вы — землянин без какого-либо влияния. Конечно, это неправильно, я признаю и жалею об этом, но такова жизнь. Что мы можем сделать? Кроме того, обвинение против Фастальфа может быть поддержано — и *будет поддержано*, и клевета окажется не клеветой, а правдой. Ваша ошибка в том, что ваши обвинения просто не могут получить поддержки. Я уверен, вы сами согласны, что ни Гремионис, ни доктор Василия Алиена, ни оба вместе не могли покалечить беднягу Джандера.

— Я никого официально не обвинял.

— Может, и нет, но на Авроре не прячьтесь за словом «официально». Очень плохо, что Фастальф не предупредил вас об этом, когда привез вас для этого, боюсь, злополучного расследования.

Бейли дернул уголком рта и подумал, что

Фастальф и в самом деле мог бы предупредить его.

— Я буду вызван на разбор дела, или все уже решено?

— Конечно, вас выслушают, прежде чем осудить. Мы на Авроре не варвары. Председатель рассмотрит заявление, которое я собираюсь послать ему вместе с моими предложениями на этот счет. Он, вероятно, поговорит с Фастальфом как близко касающимся этого дела, а затем устроит встречу нас троих, возможно, завтра. Решение должно быть ратифицировано всем Советом. Все будет по закону, уверяю вас.

— Не сомневаюсь, что буква закона будет соблюдена; но что, если Председатель уже составил свое мнение, и что бы я ни сказал, не будет принято, а Совет утвердит заранее принятое решение? Может так быть?

Амадейро не улыбнулся, но, кажется, про себя рассмеялся.

— Вы реалист, мистер Бейли. Я рад этому. Люди, мечтающие о справедливости склонны к разочарованию. — Он снова пристально посмотрел на Дэниела. — Замечательная работа. Какой позор, что Джандер утрачен. Совершенно непростительно со стороны Фастальфа.

— Доктор Фастальф отрицает свою причастность, сэр.

— Еще бы, конечно, отрицает. Не говорит ли он, что я причастен? Или моя причастность — целиком ваша идея?

— У меня такой идеи нет. Я просто хочу опросить вас по этому делу. Что же касается доктора Фастальфа, он не кандидат для ваших обвинений в клевете. Он уверен, что вы непричем, поскольку, по его мнению, у вас не хватает знаний и способностей обездвижить человекоподобного робота.

Бейли сказал это намеренно, но, если он надеялся расшевелить что-то, то потерпел неудачу. Амадейро принял хулу с юмором:

— В этом он прав. Такой способности не найти ни в одном роботехнике — живом или умершем — кроме самого Фастальфа. Он, наверное, так и сказал, наш скромнейший мастер из мастеров?

— Да.

— Тогда что же он, интересно, говорил о случившемся с Джандером?

— Редкое событие. Чистая случайность.

Амадейро захохотал.

— А он рассчитал вероятность такого события?

— Да, Главный роботехник. Но даже самый

невероятный случай может произойти, особенно, если были инциденты, усилившие неблагоприятные условия.

— Какие, например?

— Именно это я и надеюсь установить. Поскольку вы уже постарались, чтобы меня выкинули с планеты, вы намерены теперь предупредить любые мои вопросы к вам, или я могу продолжать расследование, пока у меня еще есть время? Прежде чем ответить, доктор Амадейро, пожалуйста, рассматривайте расследование как еще не прекращенное законом, иначе, при слушании дела, будет ли оно завтра или позднее, я могу обвинить вас в отказе отвечать на мои вопросы, если вы намерены сейчас положить конец нашей беседе. Это может повлиять на решение Председателя.

— Нет, дорогой мистер Бейли. Не воображайте, что вы можете хоть как-то повредить мне. Тем не менее, вы можете спрашивать меня, сколько хотите. Я полностью буду содействовать вам, лишь бы порадоваться, видя, как добрейший Фастальф тщетно пытается выбраться из своего неудачного деяния. Я не чрезмерно мстителен, мистер Бейли, но факт, что Джандер был созданием Фастальфа, еще не дает последнему права уничтожать дело своих рук.

— Законным порядком не установлено, что именно он это сделал, так что ваши слова являются, по меньшей мере, потенциальной клеветой. Давайте оставим это и займемся нашим интервью. Мне нужна информация. Я буду задавать вопросы коротко и прямо и, если вы будете отвечать так же, интервью быстро закончится.

— Нет, мистер Бейли, не вы будете ставить условия для интервью. Ваши роботы снабжены записывающим аппаратом.

— Наверное.

— Я точно знаю. У меня здесь тоже есть записывающий аппарат. Не думайте, что вы поведете меня через джунгли коротких ответов к чему-то, что послужит целям Фастальфа. Я буду отвечать по-своему выбору и так, чтобы мой ответ нельзя было истолковать неправильно. — В первый раз за дружелюбной манерой Амадейро показался волк.

— Что ж, хорошо, но если ваши ответы будут намеренно многоречивы и уклончивы, это тоже отразится в записи.

— Очевидно.

— Значит, договорились. Могу я для начала попросить стакан воды?

— Конечно. Жискар, не обслужите ли вы ми-

стера Бейли?

Жискар вышел из ниши. Звон льда в баре на другом конце кабинета — и на письменном столе перед Бейли появился высокий стакан с водой.

— Спасибо, Жискар, — сказал Бейли. — Доктор Амадейро, вы, как я понял, Глава Института Роботехники?

— Да.

— И его основатель?

— Правильно. Как видите, я отвечаю кратко.

— Давно он существует?

— Как понятие — десятилетия. Я набирал единомышленников по крайней мере пятнадцать лет. Разрешение Совета было получено двенадцать лет назад. Строительство началось девять лет назад, а активная работа — шесть лет. В своем настоящем виде Институт существует два года, и планируется его дальнейшее постепенное расширение.

— Почему вы нашли нужным основать Институт?

— Ах, мистер Бейли, ответ будет многословным.

— Как желаете, сэр.

Робот принес на подносе маленькие сэндвичи и мелкое печенье. Бейли попробовал сэндвич и

нашел его не то чтобы невкусным, но странным; он с трудом доел его и запил остатками воды. Амадейро следил за ним с легким удовольствием.

— Вы должны понять, что мы, аврорцы, люди необычные. Таковы космониты вообще, но я сейчас говорю об аврорцах в частности. Мы потомки землян — о чем большинство из нас не хочет и вспоминать, — но мы избранные.

— Что это значит, сэр?

— Земляне давно живут на невероятно перенаселенной планете и собраны в еще более скученные города, ставшие, наконец, ульями и муравейниками, которые вы называете Городами с большой буквы. Земляне должны бы оставить Землю и отправиться к другим мирам, пустым и враждебным и построить там новые общества из ничего, общества, полной формой которых они не смогут воспользоваться за свою короткую жизнь. Они умрут, а деревья останутся, так сказать.

— Останется народ необычный.

— Совершенно необычный. Такой народ, который надеется не столько на своих последователей, сколько на недостаток способности видеть перед собой пустоту. Народ, который любит работать для себя и ставить перед собой проблемы, а не собирается в стадо и делит груз таким образом,

чтобы часть, падающая на каждого, стала практически ничем. Индивидуалисты, мистер Бейли. Индивидуалисты! И наше общество основано на этом. Все направления, в которых развиваются Внешние миры, подчеркивают нашу индивидуальность. Мы гордимся, что живем как люди на Авроре, а не толпимся, как бараны, на Земле. Не обижайтесь, я пользуюсь сравнением не для того, чтобы унизить Землю; просто это другое общество, которым я отнюдь не восхищен, но которое вы, я думаю, считаете удобным и идеальным.

— Какое это имеет отношение к основанию Института, доктор Амадейро?

— Даже гордый и здоровый индивидуализм имеет свои слабости. Самые великие умы, работая в одиночку, не могут быстро двигаться, если отказываются сообщать о своих открытиях. Какое-то затруднение может задержать ученого на сто лет, в то время как у коллеги есть уже готовое решение. Институт пытается хотя бы на узком поле роботехники создать общность мысли.

— Возможно ли, что частное затруднение, которое вы атакуете — это конструкция человекоподобного робота?

Амадейро заморгал.

— Да, это очевидно, не так ли? Двадцать шесть

лет назад новая математическая система Фастальфа, которую он назвал «межсекционный анализ», сделала возможным проектирование человекоподобных роботов, но он держит эту систему при себе. Много лет спустя, когда все сложные технические детали были отработаны, он и доктор Сартон применили теорию к созданию Дэниела. Но все эти детали тоже хранятся в тайне. Многие роботехники нашли это естественным. Они пытались индивидуально обрабатывать детали. А я задумался об Институте, где усилия будут объединены. Нелегко было убедить роботехников в полезности этого плана, убедить Совет дать на него фонды вопреки страшной оппозиции Фастальфа, много лет упорно добиваться, но Институт создан.

— Почему доктор Фастальф противился?

— Во-первых, из самолюбия. Но и у меня его не меньше. У всех нас, естественно, есть самолюбие; оно исходит из индивидуализма. Фастальф считает себя величайшим роботехником истории, а человекоподобного робота — собственным личным достижением. Он не хочет, чтобы это достижение повторила группа роботехников, индивидуально безликих по сравнению с ним. Я думаю, он смотрит на это, как на заговор низших

обескровить и обезличить его личную великую победу.

— Вы сказали, что это была причина для оппозиции «во-первых»; значит, были и другие мотивы?

— Он возражал также против объектов пользования, на которые мы планировали поставить человекоподобных роботов.

— Каковы они?

— Ну, ну, не будем наивничать. Доктор Фастальф наверняка говорил вам о глобалистах и их планах заселения Галактики.

— Говорил, и доктор Василия говорила мне о трудностях продвижения у индивидуалистов. Тем не менее, мне хотелось бы услышать вашу точку зрения на этот предмет. Хотите ли вы, чтобы я принял интерпретацию доктора Фастальфа насчет глобалистских планов как беспристрастную и объективную, и вы констатируете это для записи, или предпочитаете описать ваши планы своими словами?

— Вы, похоже, не оставляете мне выбора, мистер Бейли?

— Никакого, доктор Амадейро.

— Ладно. Я — вернее сказать — мы, потому что люди в Институте все согласны в этом — смотрим

в будущее и хотим, чтобы человечество открывало все больше и больше новых планет для заселения. Однако, мы не хотим, чтобы процесс самоизбранности уничтожил старые планеты или довел их до умирания, как в случае — простите меня — Земли. Мы не хотим, чтобы новые планеты взяли у нас самое лучшее и оставили отбросы. Вы понимаете?

— Продолжайте, пожалуйста.

— Во всяком ориентированном на роботов обществе, в данном случае нашем, самое легкое решение — послать роботов как поселенцев. Роботы строят общество и планету, а потом мы все, без выбора, можем последовать на новый мир, такой же удобный и приспособленный для нас, как и старый. Мы перейдем туда, так сказать, не покидая дома.

— А не сделают ли роботы мир скорее для себя, чем для людей?

— Именно так и будет, если мы пошлем обычных роботов. Но у нас есть возможность послать человекоподобных роботов, вроде Дэниела, которые, строя мир для себя, автоматически делают его для нас. Но доктор Фастальф возражает. Он видит какую-то добродетель в том, чтобы люди сами кроили новый мир из чужой и враждебной пла-

неты, и не понимает, что такие усилия не только будут стоить множества человеческих жизней, но и дадут мир, подверженный катастрофам и ничуть не похожий на известные нам миры.

— Как Внешние миры сегодня отличаются от Земли и друг от друга?

Амадейро на миг утратил свою жизнерадостность и задумался.

— Да, мистер Бейли, вы затронули важный пункт. Я говорил только об Авроре. Внешние миры и в самом деле все разные, и я недолюбливаю большинство из них. Мне ясно — хотя я, может быть, пристрастен — что Аврора, старейший из них, лучший и самый процветающий. Я не хочу вариантов новых миров, из которых лишь немногие могут быть реально ценными. Я хочу много Аврор, миллионы Аврор, и поэтому хочу, чтобы новые миры были скроены по-аврорски *до того*, как мы туда попадем. Вот почему мы и называем себя «глобалистами». Мы связаны с *этим нашим шаром*, а не с другими.

— Вы не видите ценности в вариантах, доктор Амадейро?

— Если варианты одинаково хороши, они могут быть и ценными, но если некоторые — или большая часть — хуже, какую пользу это принесет

человечеству?

— Когда вы начнете эту работу?

— Когда у нас будут человекоподобные роботы. У Фастальфа было два, одного он уничтожил, оставив только Дэниела как единственный образец — он бросил быстрый взгляд на Дэниела.

— Когда у вас появятся такие роботы?

— Трудно сказать. Мы еще не догнали доктора Фастальфа.

— Хотя он один, а вас много?

Амадейро чуть заметно передернулся.

— Напрасно тратите свой сарказм. Фастальф был впереди нас с самого начала, потому что Институт был долгое время в эмбриональном состоянии, и мы только два года как начали полную работу. Нам необходимо не только догнать его, но и перегнать. Дэниел — хорошая продукция, но он только прототип и не настолько хорош.

— Значит, ваши роботы должны быть выше маркой, чем Дэниел?

— Они должны быть даже выше человека. Они должны быть обоих полов и иметь эквивалент детей. Нам нужно иметь поколения роботов, чтобы построить на планетах достаточно человеческое общество.

— Мне кажется, я вижу трудности.

— Без сомнения. Их много. А какие трудности вы предвидите?

— Если вы произведете роботов, настолько близких к человеку, что они смогут создать человеческое общество, и если они будут иметь поколения обоих полов, как вы отличите их от людей?

— Это имеет значение?

— Может иметь. Если они будут совсем как люди, они смешаются с человеческим обществом и станут частью человеческих семейных групп… и как отцы-основатели, они не будут пригодны для услуг.

Амадейро засмеялся.

— Такие мысли у вас от привязанности Глэдис Дельмар к Джандеру. Видите ли, я кое-что знаю о вашем интервью с этой женщиной от Гремионика и доктора Василии. Напомню вам, что Глэдис с Солярии, и ее понятие о муже не соответствуют аврорским.

— Я думал не о ней. Я думал о том, что секс на Авроре широко интерпретируется, и что роботы как секс-партнеры приемлемы и теперь. А если вы реально не отличите робота от человека, то…

— Вопрос в детях; от человека и робота детей не будет.

— Тогда возникает другой вопрос. Роботы будут долгожителями, поскольку постройка общества может продлиться столетиями.

— Они в любом случае будут долгожителями, если они похожи на авроpцев.

— А их дети — тоже долгожители?

Амадейро не ответил. Бейли продолжал:

— Они будут искусственными детьми роботов и никогда не будут взрослыми — у них не будет ни возраста, ни зрелости. Это усилит элемент нечеловечества и поставит под сомнение природу общества.

— Вы проницательны, мистер Бейли, — вздохнул Амадейро. — Мы задумывались над изобретением какой-то схемы, по которой роботы могли бы производить детей, и те росли бы и мужали — по крайней мере, на то время, пока будет построено нужное общество.

— А когда люди приедут, роботы должны восстановить более роботские схемы поведения?

— Вероятно… если понадобится.

— А их производство детей? Наверное лучше, чтобы оно приближалось к человеческому?

— Вероятно.

— Секс, беременность, роды?

— Возможно.

— А если роботы создадут общество столь близкое к человеческому, что их самих нельзя будет отличить от людей, не случится ли так, что роботы будут недовольны приездом людей и станут держаться от них подальше? Не случится ли так, что роботы будут относится к аврорцам, как вы к землянам?

— Мистер Бейли, роботы будут связаны Тремя Законами.

— Три Закона удерживают от нанесения человеку вреда и предписывают повиновение ему.

— Точно.

— А если роботы будут так близки к людям, что станут считать людьми *себя*, и поставят себя над иммигрантами?

— Мистер Бейли, зачем вам заниматься такими вещами? Это дело далекого будущего. Тогда и будем решать.

— Но возможно, что аврорцы не одобрят ваши планы, когда поймут, что к чему, и примут точку зрения доктора Фастальфа?

— Да? Фастальф думает, что если аврорцы не могут без помощи роботов заселять новые планеты, то этим воспользуются земляне.

— По-моему, это имеет смысл.

— Да, потому что вы землянин. Уверяю вас,

аврорцам не понравится, чтобы земляне роем слетелись на новые миры, настроили там ульев, основали бы со своими триллионами и квадрильонами нечто вроде Галактической Империи и свели бы на нет Внешние миры. Незначительность лучше вымирания.

— Но альтернативой являются миры человекоподобных роботов с квази-человеческими обществами, разрешающих настоящим людям быть среди них. Постепенно разовьется Галактическая Империя роботов, она уменьшит Внешние миры в лучшем случае и сведет на нет в худшем. Аврорцы наверняка предпочтут Галактическую Империю людей.

— Почему вы так уверены в этом?

— Мне дает уверенность форма вашего общества. На своем пути на Аврору я слышал, что здесь не делают различия между людьми и роботами. Но это не так. Может, в идеале желательно, чтобы аврорцы льстили себе, что живут справедливо, но этого нет.

— Вы здесь меньше двух дней — и уже можете судить?

— Да, доктор Амадейро. Именно потому, что я здесь чужой, я и вижу ясно. Меня не связывают ни обычаи, ни идеалы. Роботам не разрешено

входить в туалеты, и уже одно это различие делает все ясным. Человеку позволено иметь единственное место, где он может быть один. Мы с вами сидим в свое удовольствие, а роботы стоят в нишах; вот вам другое различие. Я думаю, что люди — даже аврорцы — всегда будут желать различия и сохранения своей человечности.

— Поразительно, мистер Бейли.

— Ничего поразительного. Вы проиграете, доктор Амадейро. Даже если вы ухитритесь всучить аврорцам вашу уверенность, что Джандера уничтожил Фастальф, даже если вы ослабите его политическое влияние, даже если вы победите в Совете и народ Авроры одобрит ваш план заселения Галактики роботами — вы только выиграете время. Как только аврорцы поймут смысл вашего плана, они отвернутся от вас. Поэтому лучше бы вам прекратить компанию против доктора Фастальфа и выработать вместе с ним какое-то компромиссное решение, в котором заселение новых миров землянами не представляло бы угрозы Авроре и другим Внешним мирам.

— Поразительно, мистер Бейли, — спокойно повторил Амадейро.

— У вас нет выбора.

Но Амадейро ответил развязно и шутливо:

— Когда я сказал, то ваши замечания поразительны, я имел в виду не смысл ваших утверждений, а тот факт, что вы их высказываете вообще и думаете, что они имеют какую-то ценность.

56

— Мистер Бейли, вы думаете, что открыли секрет? Что я сказал вам нечто, чего наш мир не знает? Что мои планы опасны, но я выбалтываю их всякому приезжему? Вы, вероятно, думали, что в достаточно длинном разговоре я сболтну что-нибудь глупое, чем вы сможете воспользоваться. Будьте уверены, я ничего подобного не сделаю. Мои планы о большом количестве человекоподобных роботов, о семьях роботов и их культуре, возможно более приближенной к человеческой — все записаны и переданы в Совет.

— Широкая общественность тоже знает?

— Вероятно, нет. Широкая публика больше интересуется следующим обедом, следующей гиперволновой программой и космическим футболом, а не тем, что будет в следующем столетии и тысячелетии. Однако, она охотно примет мои планы, как приняли их те интеллектуалы, которые уже знают. Возражающих будет очень мало.

— Вы уверены?

— Конечно. Боюсь, что вы не понимаете интенсивности чувств аврорцев и вообще космонитов по отношению к землянам. Я не разделяю этих

чувств и, например, спокойно и легко разговариваю с вами. У меня нет примитивного страха перед инфекцией, мне не кажется, что от вас плохо пахнет. Я не приписываю вам все личные черты, которые считают неприятными, я не считаю, что земляне только и думают, как бы отнять у нас жизнь и имущество, но подавляющее большинство аврорцев имеют такие привычки. Это не обязательно лежит на поверхности — аврорцы будут вежливы с отдельным землянином, который выглядит безвредным, но копни их — и вся их ненависть и подозрительность вылезут наружу. Скажи им, что земляне собираются на новые планеты и первыми захватят Галактику — и все завопят, что Землю надо уничтожить, пока этого не произошло.

— Даже если альтернативой — общество роботов?

— Конечно. Вы не понимаете и наших чувств к роботам. Мы близки к ним. У нас общий с ними дом.

— Нет. Они ваши слуги. Вы чувствуете свое превосходство, и дом общий с ними только до тех пор, пока поддерживается это превосходство. Если бы вам угрожало обратное — что *они* стали выше вас — вы реагировали бы с ужасом.

— Потому что так реагировали земляне?

— Нет. Вы не пускаете роботов в туалет — это уже симптом.

— Но им нечего там делать. Они ничего не выделяют, а для мытья у них свои приспособления. Они же не полностью человекоподобны. В противном случае различий не было бы.

— Вы боялись бы их еще больше.

— Да? Глупости. Разве вы боитесь Дэниела? Если верить тому фильму — а я, признаться, не очень верю — вы были очень привязаны к нему. Вы и теперь сохраняете эти чувства?

Молчание Бейли было достаточно красноречивым, и Амадейро шел к своей цели.

— Вот и сейчас вас не трогает факт, что Жискар молча стоит в нише, однако, я замечаю, вам неприятно, что там же стоит Дэниел. Он кажется вам слишком человеком по виду, чтобы обращаться с ним как с роботом. Но вы не боитесь его из-за того, что он похож на человека.

— Я землянин. У нас есть роботы, но более простые. По мне вы не можете судить.

— А Глэдис, которая предпочла Джандера людям?

— Она солярианка. По ней тоже нельзя судить.

— А как же судите вы? Вы здесь в гостях. Вот

мне вполне ясно, что робот достаточно похож на человека. Вы спросите, не робот ли я сам? Я *похож на человека*, это достаточное доказательство. В конце концов, нам все равно, кто заселит новые миры — настоящие люди или похожие на людей, если их нельзя отличить от настоящих; главное, чтобы поселенцы были *аврорцами*, а не землянами.

Уверенность Бейли ослабла. Он сказал без большого убеждения:

— А если вы так и не научитесь конструировать человекоподобных роботов?

— Почему не научимся? Здесь многие заняты этим.

— Много посредственностей не составят одного гения.

— Мы не посредственности. Фастальф найдет выгодным работать с нами.

— Не думаю.

— А я думаю. Когда он лишится власти в Совете, когда наши планы двинутся вперед и он увидит, что не сможет остановить нас, он примкнет к нам.

— Не думаю, чтобы вы победили.

— Вы думаете, что ваше расследование каким-то образом обелит Фастальфа и обвинит меня или

еще кого-нибудь?

— Возможно, — в отчаянии сказал Бейли.

Амадейро покачал головой.

— Мой друг, если бы я думал, что вы можете чем-то запятнать мой план, разве я сидел бы здесь и ждал гибели?

— Вы — нет. Вы делаете все возможное, чтобы погубить расследование. Зачем бы вам это, если вы уверены, что я не могу встать вам поперек дороги?

— Ну, вы *можете встать мне поперек дороги тем*, что деморализуете некоторых работников Института. Опасным вы стать не можете, но надоедливым — да, а я не хочу даже этого. Поэтому я, если смогу, положу конец вашей надоедливости, но сделаю это разумно, даже вежливо. Но если бы вы были действительно опасным…

— Что бы вы сделали тогда, доктор Амадейро?

— Я захватил бы вас и держал взаперти, пока вас не вышлют. Не думаю, что аврорцы стали бы беспокоиться, что я сделаю с землянином.

— Вы пытаетесь запугать меня; не выйдет. Вы прекрасно знаете, что вы и пальцем не тронете меня в присутствии моих роботов.

— А если я вызову сотню роботов?

— Мне не повредит и сотня. Они не отличают

землянина от аврорца; я человек и попадаю под действие Трех Законов.

— Они просто обездвижат вас, не нанося вреда, а ваших роботов уничтожат.

— Нет. Жискар слышит вас, и если вы сделаете движение, чтобы созвать своих роботов, он обездвижит *вас*. И ваши роботы будут беспомощны, даже если и прибегут. Они поймут, что любое действие против меня вызовет вред для вас.

— Вы хотите сказать, что Жискар повредит мне?

— Чтобы защитить от вреда меня? Несомненно. Он убьет вас, если это будет необходимо.

— Этого не может быть.

— Может. Дэниелу и Жискару приказано защищать меня. В этом смысле Первый Закон усилен со всем уменьем доктора Фастальфа специально в отношении меня. Подробностей я не знаю, но совершенно уверен, что это правда. Если мои роботы должны выбирать между вредом для меня и вредом для вас, хоть я и землянин, они с легкостью выберут вред для вас. Я думаю, вы хорошо понимаете, что доктор Фастальф не слишком заботился о *вашем благополучии*.

Усмешка искривила лицо Амадейро.

— Я уверен, что вы правы во всех отношениях,

мистер Бейли, но очень хорошо, что вы об этом сказали. Вы знаете, мой дорогой сэр, что я тоже записал этот разговор. Я с самого начала сказал вам об этом и рад этому. Доктор Фастальф, может быть, сотрет эту часть беседы, но я, будьте уверены, сохраню ее. Из ваших слов ясно, что он вполне готов изобрести способ, как заставить робота повредить мне и даже убить меня, в то время как из этого или любого другого разговора нельзя вывести, что я планирую нанести физический вред ему или даже вам. Кто же из нас негодяй? Вы, я думаю, сами это решите, а сейчас, наверное, самое время закончить наше интервью. — Он встал, улыбаясь, и Бейли машинально встал тоже. — Однако, я хотел сказать еще одну вещь. Она не касается наших маленький разногласий с Фастальфом; это скорее ваша собственная проблема, мистер Бейли.

— А именно?

— Наверное, лучше сказать — земная проблема. Я полагаю, вы так стараетесь спасти беднягу Фастальфа от последствий его глупости, потому что думаете, что это даст вашей планете шанс к экспансии. Не думайте так, мистер Бейли. Вы полностью заблуждаетесь: все шиворот-на-выворот — это вульгарное выражение я нашел в одном

вашем историческом романе.

— Я не знаком с этим выражением.

— Я хочу сказать, что у вас обратная ситуация. Когда моя точка зрения победит в Совете — заметьте, я говорю «когда», а не «если» — Земля будет вынуждена остаться в своей планетарной системе, и это будет для ее же пользы. Аврора будет ждать своего распространения и устройства бесконечной империи. Если мы знаем, что Земля — просто Земля и ничего больше — какое нам до нее дело? Имея в своем распоряжении Галактику, нам плевать на землян с их единственной планетой. Мы даже поможем Земле стать более комфортабельной для ее народа.

С другой стороны, мистер Бейли, если аврорцы согласятся с Фастальфом и позволят Земле пересылать переселенческие партии, то очень скоро многие начнут думать, что Земля захватит всю Галактику и возьмет нас в кольцо, где нас ждет загнивание и смерть. И тогда я уже ничего не смогу сделать. Мои дружеские чувства к землянам не смогут противостоять всеобщей аврорской подозрительности и предвзятости, и это будет *очень* плохо для Земли.

Так что, если вы искренне заботитесь о своем народе, то старайтесь, чтобы Фастальфу *не уда-*

лось навязать Авроре свой абсолютно неверный план. Вам следовало бы содействовать моему. Подумайте об этом. Уверяю вас, я говорю это из самых дружеских побуждений и искренней симпатии к вам и к вашей планете.

Амадейро широко улыбнулся, как и раньше, но волк уже выступил полностью.

57

Бейли и его роботы вышли вслед за Амадейро и пошли по коридору. Амадейро остановился у неприметной двери и сказал:

— Не хотите ли воспользоваться удобствами перед уходом?

Бейли растерянно нахмурился, потому что не понял, но потом вспомнил старинное слово.

— Один древний генерал, не помню его имени, сказал однажды: «Никогда не упускай случая помочиться».

— Прекрасный совет, — улыбнулся Амадейро. — Такой же хороший, как мой совет вам серьезно подумать над моими словами. Но я вижу, что вы колеблетесь. Не думаете ли вы, что я ставлю вам ловушку? Поверьте, я не варвар. Вы мой гость в этом здании, и уже по одной этой причине вы в безопасности.

Бейли сказал осторожно:

— Я колеблюсь, потому что не уверен, полагается ли мне пользоваться вашими… удобствами, учитывая, что я не аврорец.

— Ерунда, мой дорогой Бейли. Какая у вас альтернатива? Нужды могут быть, вот и пользуйтесь.

Пусть это будет символом того, что я не разделяю аврорских предрассудков и желаю добра вам и Земле.

— Вы не сделаете ли еще один шаг?

— В каком смысле?

— Покажите мне, что вы также выше здешних предрассудков против роботов…

— У нас нет предрассудков против роботов, — быстро сказал Амадейро.

Бейли важно кивнул, как бы соглашаясь, и закончил начатую фразу:

— …и позвольте им войти со мной в туалет. Я чувствую себя неуютно без них.

Амадейро был потрясен, но тут же оправился и сказал несколько хмуро:

— Как хотите, мистер Бейли.

— Спасибо. — Бейли открыл дверь. — Жискар войдите, пожалуйста.

Жискар явно заколебался, но вошел без возражений. По жесту Бейли Дэниел шагнул за ним, но, проходя в дверь, взял Бейли за локоть и втащил внутрь.

Бейли вошел с большой неохотой, хотя и чувствовал необходимость. Нет ли тут какого-нибудь неприятного сюрприза?

58

Туалет был пуст. Его не надо было даже обыскивать. Он был меньше, чем в доме Фастальфа.

Дэниел и Жискар молча стояли рядом у двери, как у последнего возможного рубежа.

— Вы можете войти сюда, и вам, Дэниел, вовсе нет нужды молчать, — сказал Бейли. Дэниел был однажды на Земле и знал земное табу на разговоры в туалете.

Дэниел тут же показал это знание, приложив палец к губам.

— Знаю, знаю, но забываю об этом. Если Амадейро мог забыть табу насчет роботов в туалете, то и я могу забыть табу на разговоры здесь.

— Вам не будет это неприятно, партнер Илия? — тихим голосом спросил Дэниел.

— Нисколько. Скажите, Дэниел, вы лучше меня знаете аврорцев, почему Амадейро принял на себя все эти заботы? Он тратил время на разговор со мной, проводил меня, предложил воспользоваться туалетом, чего Василия не сделала. Почему? Из вежливости?

— Многие аврорцы гордятся своей вежливостью. Может, и Амадейро тоже? Он несколько раз

подчеркнул, что он не варвар.

— Еще вопрос: как вы думаете, почему он разрешил мне привести сюда вас и Жискара?

— Мне кажется, чтобы уменьшить ваши подозрения насчет возможной ловушки в этом помещении.

— Какое ему дело до моих необоснованных тревог?

— Жест цивилизованного аврорского джентльмена, мне кажется.

Бейли покачал головой.

— Я не считаю его цивилизованным джентльменом. Он ясно показал это, сказав, что если я не брошу расследование, он постарается, чтобы пострадала вся Земля. Это акт цивилизованного джентльмена или невероятно жестокого шантажиста?

— Аврорский джентльмен может позволить себе при необходимости самые сильные угрозы, но только в джентльменской манере.

— Именно так Амадейро и сделал. Значит, джентльмена отличает только манера, а не суть сказанного. Но, может быть, Дэниел, вы как робот не можете критиковать человека?

— Мне это трудно. Но могу я спросить, почему вы просили разрешения ввести в туалет друга

Жискара и меня? Мне кажется, вы раньше не верили в опасность для себя, а сейчас решили, что вы в безопасности только в нашем присутствии.

— Нет, ничего подобного. Сейчас я полностью убедился, что опасности для меня нет и не было.

— Однако, у вас были явные подозрения, когда вы вошли сюда. Вы осмотрели помещение.

— Конечно! Я сказал, что для меня опасности нет, но я не говорил, что ее нет вообще.

— Мне кажется, я не вижу разницы.

— Потом поговорим, Дэниел. Я не уверен, что в этом помещении нет «жука». Ну, Дэниел, я готов выйти. Интересно знать, ждет нас Амадейро или поручил кому-нибудь выпроводить нас. В конце концов, он человек занятой и не может тратить на меня целый день. Как вы думаете, Дэниел?

— Логичнее было бы передать нас кому-то другому.

— А по-вашему, Жискар?

— Я согласен с другом Дэниелом, но знаю по опыту, что люди не всегда действуют логично.

— А вот я, — сказал Бейли, — подозреваю, что Амадейро терпеливо ждет нас. Если его что-то тянуло тратить на нас столько времени, то, я думаю, тянущая сила, какова бы она ни была, еще не ослабела.

— Не знаю, что может быть тянущей силой, партнер Илия.

— И я не знаю, — признался Бейли, — и меня это очень беспокоит. Ну, давайте откроем дверь и посмотрим.

59

Амадейро стоял за дверью на том же месте, где Бейли оставил его. Он улыбнулся им, не показав никаких признаков нетерпения. Бейли не мог удержаться и бросил взгляд на Дэниела (как-я-и-говорил). Амадейро сказал:

— Я очень пожалел, мистер Бейли, что вы не оставили Жискара здесь. Я должен был бы знать его в те времена, когда мы с Фастальфом были в лучших отношениях, но почему-то ни разу не видел. Фастальф ведь был когда-то моим учителем.

— Да? Я не знал, — сказал Бейли.

— Откуда же вам знать, если он не говорил, а вы здесь, на Авроре, слишком недавно. Кстати, мне пришло в голову, что вы едва ли сочтете меня гостеприимным, если я не покажу вам Институт.

— Вообще-то я должен…

— Я настаиваю, — сказал Амадейро с повелительной ноткой в голосе. — Вы прибыли на Аврору вчера утром, и я сомневаюсь, что вы пробудете здесь долго. У вас, вероятно, единственный шанс взглянуть на современную лабораторию, где ведутся исследовательские работы по робототехнике. — Он взял Бейли под руку, продолжая

говорить. «Болтун», подумал ошеломленный Бейли.

— Вы справили свои нужды и умылись, — продолжал Амадейро. — Возможно, вы пожелаете задать вопросы другим роботехникам и я буду приветствовать это, поскольку решил показать, что не ставлю барьеров на вашем пути на то короткое время, пока вам еще позволено вести расследование. В сущности, вы можете и пообедать с нами.

— Если я могу вмешаться, сэр… — начал Жискар.

— Не можешь, — сказал Амадейро с безошибочной твердостью, и робот замолчал. — Мой дорогой мистер Бейли, я понимаю этих роботов. Кто может знать их лучше, если не считать несчастного Фастальфа, конечно? Я уверен, что Жискар хотел напомнить вам о каком-нибудь обещании или о деле, но это не будет иметь никакого значения, поскольку расследование вот-вот закончится. Давайте забудем всю эту чепуху и на короткое время станет друзьями. Я люблю Землю и ее культуру и особенно интересуюсь прошлым, теми временами, когда там было множество языков и еще не развился стандартный межзвездный. Поздравляю вас, вы прекрасно говорите на стан-

дартном. Вот сюда — он повернул за угол. — Один из многих предрассудков аврорцев — что земляне говорят на непонятном диалекте стандартного, однако, я вас хорошо понимаю. — Он улыбнулся. — Я пытался читать Шекспира — не в подлиннике, конечно, — но перевод оказался удивительно плоским. Я думаю, что это вина переводчика, а не Шекспира. С Диккенсом и Толстым дело обстоит лучше, может, потому что это проза, хотя имена действующих лиц у того и у другого для меня не произносимы. Я хочу сказать, мистер Бейли, что я друг Земли. Я желаю для нее самого лучшего, понимаете? — Он посмотрел на Бейли, и в его блестящих глазах снова промелькнул волк.

Бейли повысил голос, прерывая мягко струящуюся речь Амадейро:

— Боюсь, что не могу больше задерживать вас, доктор Амадейро. У меня дела, а ни к вам, ни к вашим сотрудникам у меня больше нет вопросов… — Бейли сделал паузу, услышав слабый грохот в воздухе, и испуганно взглянул вверх. — Что это?

— Что? — спросил Амадейро. — Я ничего не чувствую. — Он взглянул на роботов, молча идущих позади, и сказал с нажимом: — Ничего!

Бейли понял, что это был эквивалент приказа. Ни один робот теперь не скажет, что слышал

грохот — в прямом противоречии человеку, если только сам Бейли не приложит контрдавление, а он не был уверен, что у него хватит умения выступить против профессионалов. Да это и неважно. Он слышал что-то, и он не робот, но говорить об этом не будет.

— По вашим же словам, доктор Амадейро, у меня осталось мало времени. Тем больше оснований мне… — Снова грохот. Громче. — Это я полагаю, именно то, что вы раньше не слышали, а я слышал. Дайте мне уйти, сэр, или я попрошу своих роботов помочь мне.

Амадейро отпустил локоть Бейли.

— Друг мой, вам стоило только сказать. Я провожу вас к ближайшему выходу. Если вы когда-нибудь будете снова на Авроре, хотя мне это кажется совершенно невероятным, заходите, и мы с вами сделаем обход, который я вам обещал.

Они быстро спустились по эскалатору, прошли по коридору и вышли в прихожую, окна которой были совершенно темными. Неужели уже ночь? Нет. Амадейро пробормотал:

— Погода испортилась, вот окна и затемнили. — Он обернулся к Бейли. — Похоже, что дождь. Его предсказывали, а прогнозы иногда сбываются… если они неприятные.

Дверь открылась, и Бейли попятился, задохнувшись. В дверь ворвался холодный ветер, вершины деревьев качались, небо было темно-серым и с него лилась потоками вода; по небу вдруг пронеслась слепяще-яркая вспышка, а затем снова грохот и треск, словно вспышка расколола небо. Бейли повернулся и со стоном бросился назад.

Часть пятнадцатая
Снова Дэниел и Жискар

60

Бейли почувствовал, что Дэниел крепко обнял его за плечи. Он остановился и подавил свой инфантильный звук, но чувствовал, что весь дрожит. Дэниел сказал с бесконечным уважением:

— Партнер Илия, это гроза — предсказанная, ожидаемая, обычная.

— Знаю, — прошептал Бейли.

Он должен был знать. Он много раз читал о ней. Он видел голографии и видел в гиперволновом шоу — звук, свет и все прочее. Но здесь было нечто реальное, настоящий звук и свет, которые никогда не проникали в купола Города, и он, Бейли, никогда в жизни не испытывал такой вещи. Несмотря на все описания и изобретения, он не представлял себе, что следы молний такие яркие и так быстро проносятся по небу, что гром так вибрирует, что, то и другое появляется *внезапно*; не знал, что дождь может лить как из ведра и бесконечно.

— Я не могу выйти в это, — сказал он в отчаянии.

— И не нужно, — сказал Дэниел. — Жискар подведет машину к дверям, так что на вас и капли

дождя не упадет.

— Может, подождать, пока он пройдет?

— Не стоило бы, партнер Илия. Дождь может кончиться только после полуночи, а если Председатель придет завтра утром, как предположил доктор Амадейро, разумнее было бы потратить вечер на консультацию с доктором Фастальфом.

Бейли заставил себя повернуться в направлении того, от чего хотел бы убежать, и посмотрел в глаза Дэниела. Они казались очень озабоченными, но это было, возможно, лишь интерпретацией их выражения со стороны самого Бейли. У робота нет ощущений, только позитронные волны, которые изображают эти ощущения. Впрочем, может, и у человека нет ощущений, а просто нейронные волны интерпретируются как ощущения? Бейли заметил, что Амадейро ушел, и сказал:

— Амадейро намеренно задерживал меня предложением зайти в туалет, бессмысленной болтовней, предупреждением, чтобы вы и Жискар не сказали мне о грозе; он даже пытался уговорить меня пройтись по зданию и остаться обедать. Он прекратил все это только при ударе грома. Именно его он и ждал.

— Похоже на то. Видимо, он хотел, чтобы гроза задержала вас здесь.

Бейли глубоко вздохнул.

— Вы правы. Я должен выйти.

Он нехотя сделал шаг к открытой двери. Еще один. И еще — тяжело навалившись на Дэниела. Жискар спокойно ждал в дверях.

Бейли остановился и на секунду закрыл глаза, а затем сказал тихо, больше себе, чем Дэниелу:

— Я должен выйти. — И снова двинулся вперед.

61

— Вы в порядке? — спросил Жискар.

Дурацкий вопрос, продиктованный программной робота, — подумал Бейли, — хотя так же спросил бы и иной человек с запрограммированным этикетом.

— Да, — сказал он, тщетно пытаясь поднять голос выше хриплого шепота. Бесполезно отвечать на глупый вопрос, поскольку Жискар и сам видел, что Бейли не в порядке, и что его ответ — явная ложь. Однако, ответ был дан и принят и дал Жискару возможность сделать следующий шаг.

— Тогда я пойду и подведу машину к дверям.

— А она будет работать при… при этой воде, Жискар?

— Да, сэр. Это обычный дождь.

Жискар вышел, и Бейли впервые в жизни позавидовал роботу: спокойно идти через *это*, не обращать внимания на воду, на свет и звук, игнорировать окружающее, иметь псевдо-жизнь и абсолютную храбрость, не знать страха перед болью и смертью, потому что для него нет ни боли, ни смерти. Но зато быть неспособным к оригинальности мышления, не иметь непред-

сказуемого прыжка интуиции… Стоили ли эти дарования той цены, что человек платит за них? В данный момент Бейли не мог сказать. Он знал, что, как только избавится от этого ужаса, он признает: за то, чтобы быть человеком, никакая цена не высока. Но сейчас он ничего не испытывал, кроме сердцебиения и подавленности воли, и думал только: можно ли считать себя человеком, если не можешь преодолеть этот глубоко сидящий ужас, эту страшную агорафобию? Однако, он был на открытом пространстве больше двух дней и чувствовал себя почти совсем хорошо. Но страх не был побежден, теперь Бейли это знал. Он подавлял его, думая о других вещах, но гроза пересиливала интенсивность мыслей.

Он не мог допустить этого. Если все погибнет — мысль, гордость, воля — он должен вернуться на позор. Он не мог показать слабость перед безразличным, высокомерным взглядом роботов. Это позор — не пересилить страх. Он чувствовал руку Дэниела на своей талии, и стыд предупреждал, чтобы он не делал того, что больше всего хотел — повернуться и спрятать лицо на груди робота. Может, он и не удержался бы, будь Дэниел человеком…

Он, видимо, потерял всякий контакт с реально-

стью, потому что вдруг услышал голос Дэниела, донесшийся как бы издалека и звучавший почти панически:

— Партнер Илия, вы слышите меня?

Голос Жискара, тоже издалека, сказал:

— Мы должны нести его.

— Нет, — пробормотал Бейли, — я сам пойду.

Видимо, они не слышали. А может, он и не сказал этого, а только подумал. Его подняли. Левая рука его беспомощно болталась и он старался поднять ее, оттолкнуться и снова встать на ноги, но его старания ни к чему не привели. Но вот он снова в машине, заклиненный между Дэниелом и Жискаром. Над ним струился теплый воздух.

— Простите, что моя поверхность мокрая, — сказал Жискар. — Я быстро высохну. Мы подождем здесь некоторое время, пока вы придете в себя.

Бейли облегченно вздохнул: он был уютно огорожен. Дайте мне мой Город, подумал он. Пропадай вся Вселенная, пусть космониты колонизируют ее. Мне нужна только Земля. Но, думая так, он сам не верил себе. Надо занять мозг делом.

— Дэниел, — слабо заговорил он, — как вы считаете, правильно ли Амадейро оценил ситуацию, когда сказал, что Председатель положит конец

расследованию, или выдавал желаемое за действительное?

— Возможно, партнер Илия, что Председатель действительно допросит доктора Фастальфа и Амадейро по этому делу. Стандартная процедура — диспут на эту тему. Прецедентов было много.

— Но зачем? Если Амадейро так убедителен, почему бы Председателю просто не приказать прекратить следствие?

— Председатель в трудном политическом положении. Он сначала согласился на требование доктора Фастальфа привезти вас на Аврору и теперь не может так быстро переиграть, чтобы не показать себе слабым и нерешительным и не разозлить доктора Фастальфа, который все еще является влиятельной фигурой в Совете.

— Тогда почему же он не откажет Амадейро в его просьбе?

— Доктор Амадейро тоже влиятельное лицо, и похоже, что его влияние растет. Председатель может выиграть время, выслушивая обе стороны и давая хотя бы видимость обсуждения перед тем, как вынести решение.

— На чем основанное?

— На сущности дела, я полагаю.

— Значит, завтра утром я должен иметь что-

то, что убедит Председателя встать на сторону Фастальфа. Если я это сделаю, будет ли это означать победу?

— Председатель не всемогущ, но влияние его велико. Если он резко примет сторону доктора Фастальфа, то, при теперешних политических обстоятельствах, доктор Фастальф, вероятно, получит поддержку Совета.

Бейли обнаружил, что снова начал ясно мыслить.

— Это объясняет попытку Амадейро задержать нас. Он рассудил, что мне нечего предложить Председателю, и не хотел, чтобы я получил хоть что-нибудь за оставшееся время.

— Похоже на то, партнер Илия.

— И он отпустил меня, когда подумал, что меня все равно задержит гроза.

— Наверное, так.

— В таком случае, мы не можем позволить грозе задержать нас.

Жискар спокойно спросил:

— Куда вас отвезти, сэр?

— В дом доктора Фастальфа.

— Можно еще минутку паузы? — спросил Дэниел. — Вы намерены сказать доктору Фастальфу, что не можете продолжать расследование?

— С чего вы взяли? — резко сказал Бейли. Он явно оправился, потому что его голос стал громким и сердитым.

— Просто я боюсь, не забыли ли вы на минуту, что доктор Амадейро требовал от вас именно этого ради благополучия Земли.

— Я не забыл, — угрюмо сказал Бейли, — и я удивляюсь, Дэниел, как вы могли подумать, что это может повлиять на меня. Фастальф должен быть реабилитирован, и Земля должна послать своих поселенцев в Галактику.

— Но в таком случае, зачем возвращаться к доктору Фастальфу? Мне кажется, сейчас нам нечего сообщить ему. Нет ли направления, в котором мы могли бы продолжать расследование *до рапорта доктору Фастальфу*?

Бейли сказал обычным голосом:

— Я удовлетворен прогрессом, который у меня уже есть, Дэниел. Поехали, Жискар, к дому Фастальфа. — И добавил, сжав кулаки и напрягая тело: — И просветлите окна, Жискар. Я хочу смотреть грозе в лицо.

62

Бейли задержал дыхание, готовясь. Маленький бокс машины больше не будет полностью закрытым.

Как только окна стали прозрачными, сверкнула молния, а через одну-две секунды загрохотал гром.

— Гроза скоро пойдет на убыль, — миролюбиво сказал Дэниел.

— Мне все равно, пройдет она или нет, — сказал Бейли дрожащими губами.

— Поехали. — Он старался, ради себя самого, поддерживать иллюзию человека, командующего роботами.

Машина слегка поднялась в воздух и тут же накренилась, так что Бейли навалился на Жискара.

— Выпрямите машину, Жискар! — крикнул он.

Дэниел обнял Бейли за плечи и мягко притянул обратно, держась другой рукой за скобу на корпусе машине.

— Этого нельзя сделать, — сказал он. — Очень сильный ветер.

Волосы Бейли стали дыбом.

— Вы хотите сказать, что мы можем упасть?

— Нет, ни в коем случае. Ветер раскачивает машину, но она под полным контролем Жискара.

— Что-то непохоже! — почти всхлипнул Бейли, представив себе, как ветер кружит вокруг машины, как отрезает ей путь через защитную атмосферу.

— Нет лучше водителя, чем Жискар, — продолжал Дэниел, — но ветер очень силен, поэтому возможны случайные прыжки и качка. Так что вы извините Жискара, что он не участвует в разговоре: все его внимание отдано машине.

Безопасно ли? Бейли чувствовал, как сжимается его желудок при мысли о такой игре с ветром. Как хорошо, что он несколько часов не ел! Он попытался думать о чем-то другом. Он вспомнил о движущихся дорожках на Земле, о том, как переходят с такой дорожки на соседнюю, более быструю, затем на следующую, еще более быструю, а затем обратно, на более медленную, умело наклоняясь в возникающем от этого ветре, идут в одном направлении по быстрой дорожке и в противоположном по более медленной. В молодости Бейли делал это без паузы и безошибочно. Ну, ведь и здесь то же самое! Машина на движущихся дорожках. То же самое!

Нет, правду сказать, не совсем. В Городе было

строго определенное количество скоростных дорожек. Ветер там дул абсолютно предсказуемым манером, поскольку он был результатом движения; в грозу же ветер как бы имел собственный разум, он зависел от множества разных причин. Иначе говоря, это были скоростные дорожки с добавочными осложнениями; дорожки бежали по-разному и резко меняли скорость.

Стало темнее. Бейли ничего не видел, и стрелы молний не сияли больше, а слепили. Он закрыл глаза, но это не помогало: он сильнее сознавал злобно грохочущий гром.

Жискар вдруг сказал:

— Машина работает не так, как ей положено.

— Не гроза ли повредила ее, друг Жискар? — спросил Дэниел.

— Не похоже, друг Дэниел. Эта машина не должна бы пострадать от этой или любой другой грозы.

Бейли с трудом включился в разговор:

— Какого рода повреждение?

— Я бы сказал — подтекает компрессор, сэр, но очень медленно. Это не обычный прокол.

— Как же это случилось?

— Видимо, намеренное повреждение, пока машина стояла у Административного здания. Те-

перь я это понял, потому что с недавнего времени за нами следуют и стараются не перегнать.

— Почему, Жискар?

— Возможно, сэр, ждут, пока мы полностью остановимся. Движение машины становится все более неровным.

— До дома Фастальфа не дотянем?

— Похоже, нет, сэр.

Бейли попытался ввести в действие свой расслабившийся мозг.

— В таком случае, я совершенно неправильно расценил причины доктора Амадейро для нашей задержки. Он задерживал нас, пока его роботы испортили машину таким образом, чтобы мы сели тут в самый разгар грозы.

— Но зачем ему это? — потрясенно спросил Дэниел. — Захватить вас? Так вы уже были у него.

— Не меня. *Меня никто не хочет захватывать*. Опасность грозит *вам*, Дэниел.

— Мне?

— Да, *вам*. Жискар, найдите место, чтобы сесть; Дэниел должен как можно скорее выйти из машины и уйти в безопасное место.

— Это невозможно, — сказал Дэниел. — Я не могу оставить вас, когда вы чувствуете себя

плохо, тем более, если преследующие нас могут повредить вам.

— Дэниел, они преследуют *вас*. Вы должны уйти. А я останусь в машине. Для меня нет никакой опасности.

— Как я могу поверить этому?

— Прошу вас, Дэниел! Как мне объяснить вам все? Вы здесь — самый важный индивидуум, более важный, чем Жискар и я, вместе взятые. Дело не только в том, что я беспокоюсь о вас и не хочу, чтобы вам повредили; от вас зависит все человечество. Не заботьтесь обо мне: я один; заботьтесь о *миллиардах*! Дэниел, прошу вас…

63

Бейли чувствовал, что его бросает то взад, то вперед. Может, машина разламывается? Или Жискар потерял контроль? Бейли это не тревожило. Нисколько! Пусть себе машина разлетается на куски. Он будет только рад забвению. Только бы ему уговорить Дэниела уйти… спастись… но как? Все было нереально, и он не мог ничего объяснить этим роботам. Самому ему ситуация была ясна, но как передать это понимание роботам, нелюдям, которые не понимают ничего, кроме своих Трех Законов и позволят Земле и в дальнейшем всему человечеству отправиться в ад лишь потому, что они заняты одним человеком, который у них под носом? Зачем вообще изобрели роботов?

И тут, как ни странно, пришел на помощь Жискар, низший робот. Он сказал своим бесцветным голосом:

— Друг Дэниел, я больше не могу вести машину. Наверное, лучше будет сделать так, как советует мистер Бейли. Он дал тебе очень сильный приказ.

— Как я могу оставить его, когда он нездоров, друг Жискар? — сказал расстроенный Дэниел.

— Ты не можешь взять его с собой во время грозы, друг Дэниел. Больше того, он, похоже, так тревожится за тебя, что ему может повредить, если ты останешься.

Бейли воспрянул духом.

— Да, да, — прохрипел он, — именно так. Жискар, вы пойдете с ним, спрячете его, удостоверитесь, что он не вернется, и придете за мной.

— Нельзя этого, партнер Илия. Мы не можем оставить вас одного без нашей заботы и охраны.

— Для меня нет опасности. Делайте, как я сказал…

— Эти преследователи, — сказал Жискар, — вероятнее всего, роботы. Люди не решились бы выехать в грозу. А роботы не повредят мистеру Бейли.

— Они могут увезти его, — сказал Дэниел.

— Только не во время грозы, друг Дэниел, потому что это явно повредит ему. Ты должен сделать то, что приказал мистер Бейли. И я тоже.

— Хорошо! — прошептал Бейли. Он был благодарен более простому мозгу, на который, видимо, было легче воздействовать и которому не хватало способностей теряться в усилившихся тонкостях. Он мельком подумал, что Дэниел заклинился между ощущением плохого состояния Бейли

и настойчивостью приказа, и теперь его мозг трещит от конфликта. Нет, Дэниел, подумал он, делайте точно, как я сказал, и не обсуждайте это. У него не хватило сил сказать это вслух.

Машина села с коротким лязгающим звуком. Дверцы открылись с двух сторон и снова мягко закрылись. Роботы тут же исчезли. Как только они приняли решение, никаких колебаний больше не было, и они исчезли с непостижимой для человека скоростью.

Бейли глубоко вздохнул. Машина стала теперь как бы частью грунта. Он вдруг осознал, что большая часть его дурного состояния зависела от качки и брыканья машины, от ощущения, что он уже не связан со Вселенной, а отдан на милость неодушевленных, равнодушных сил. Теперь все было тихо, и он открыл глаза. Он даже не сознавал, что они были закрыты. Молнии все еще сверкали на горизонте и гром продолжал греметь, и ветер, увидев, что машина стала теперь более сопротивляющейся и менее уязвимой, чем была воздухе, завыл еще пронзительнее.

Стало совсем темно. Глаза Бейли не видели ничего, кроме блеска молний. Солнце, видимо, уже зашло, а тучи были очень плотными.

И впервые после отъезда с Земли Бейли был

один.

64

Один!

Он был слишком нездоров, слишком не в себе, чтобы правильно соображать. Даже сейчас ему было трудно понять, что он должен был сделать и что сделал, и в его качающемся мозгу билась только одна мысль: Дэниел должен был уйти.

Сейчас он не задавался вопросом, где он находится, куда ушли Дэниел и Жискар, он не знал, как включить обогрев в машине, если будет холодно, и как выключить его. Он не знал даже, как открыть дверцу. Ему оставалось только ждать возвращения Жискара. А вернется он наверняка: приказано было просто и ясно.

Наверное, Бейли мог позволить себе уснуть. Нет. Рискнет ли он? Ведь их преследовали. Они были под наблюдением. Пока машина стояла у административного здания Института, ее повредили, и те, кто это сделал, скоро будут здесь. И он ждал не только Жискара, но и их.

Надо все как следует обдумать. Машину испортили у административного здания. Это мог сделать любой, но более вероятно, что это сделал тот, кто знал, чья она. А кто знал это лучше докто-

ра Амадейро? Амадейро намеренно задерживал их до грозы, это очевидно, чтобы Бейли поехал и сделал вынужденную посадку во время грозы. Амадейро изучал Землю и ее население: он сам хвастался этим. Он прекрасно знал, как трудно землянину быть Снаружи вообще и в грозу в особенности. И он был полностью уверен, что Бейли станет совершенно беспомощным.

Почему он желал этого?

Привести Бейли обратно в Институт? Бейли уже был там, но тогда он полностью владел своими способностями и, кроме того, имел двух роботов, отлично могущих защитить его физически. Теперь же другое дело!

Если машина в грозу будет бездеятельна, Бейли должен стать бездеятельным эмоционально. Он даже может потерять сознание и не сумеет противиться возвращению. И роботы тоже не будут возражать. Видя Бейли совершенно больным, они даже помогут роботам Амадейро увезти его.

А если кто-нибудь поинтересуется действиями Амадейро, тот скажет, что боялся за Бейли, пытался удержать его в Институте, но не смог и послал своих роботов проводить его и удостовериться, что все в порядке; когда же машина Бейли сломалась от грозы, эти роботы принесли Бейли

обратно. Поскольку люди не знают, что Амадейро сам приказал испортить машину — а кто этому поверит, и как это доказать? — единственной реакцией общества будет похвала гуманности Амадейро, тем более поразительной, что она относилась к недочеловеку — землянину.

А что сделал бы Амадейро с Бейли?

Ничего, разве что подержал бы некоторое время с беспомощном состоянии. Сам Бейли — не цель, не добыча, это ясно. С ним были два робота, и они тоже были бы беспомощны. По данным им инструкциям, они должны были охранять Бейли, но если он болен и о нем хорошо заботятся, им оставалось только повиноваться приказам Амадейро, направленным якобы на пользу Бейли. А сам Бейли едва ли был бы настолько в себе, чтобы защитить роботов от этих приказов — его наверняка напичкали бы седативными препаратами.

Это же так ясно! Амадейро имел у себя Бейли, Дэниела и Жискара, но бесполезно; он послал роботов в грозу с приказом вернуть всех троих, и получил бы их снова — уже с пользой. Главное — Дэниел! Целью был Дэниел.

Конечно, Фастальф стал бы искать их и, в конце концов, нашел бы и вернул, но не слишком ли поздно?

А что Амадейро хотел сделать с Дэниелом? Бейли был уверен, что знает, но как это можно доказать?

Голова Бейли болела, и он закрыл глаза. Веки все-таки создавали стены. Но он не смел задремать.

Дверца машины открылась с легким шумом. Бейли услышал его, ощутил ворвавшийся внутрь холодный сырой ветер, резкий запах мокрой зелени и знакомый запах масла от обшивки, напомнивший ему Город; увидит ли он его снова?

Бейли открыл глаза и увидел лицо робота. Робот сказал:

— Простите, сэр, разве с вами нет двух роботов?

— Ушли, — пробормотал Бейли, разыгрывая больного, хотя понимал, что разыгрывать это и не нужно.

— Куда ушли, сэр? — И, выжидая ответа, робот добавил: — Вы больны, сэр?

Бейли почувствовал некоторое удовлетворение от того, что еще способен мыслить. Если робот не получил особых инструкций, он должен в первую очередь искать признаки болезни Бейли. Если же спрашивают первым делом о роботах, значит, это самое важное.

Так оно и есть.

Бейли постарался показать силу и нормальное состояние, которых у него не было, и сказал:

— Я здоров. Не беспокойтесь обо мне.

Он, вероятно, не убедил бы обычного робота, но этот был так явно заинтересован в Дэниеле, что принял ответ Бейли.

— Куда ушли роботы, сэр?

— Обратно в Институт Роботехники.

— Зачем, сэр?

— Их вызвал Главный роботехник Амадейро и приказал им вернуться. Я жду их.

— Почему вы не отправились с ними, сэр?

— Главный роботехник Амадейро не хотел, чтобы я подвергался действию грозы. Он приказал мне ждать здесь, и я следую его приказам.

Он надеялся, что повторение престижного имени и слова «приказ» произведет впечатление на робота, и тот оставит его в покое. Но с другой стороны, роботу были даны особо тщательные инструкции привести обратно Дэниела, и если он поверит, что Дэниел уже на пути в Институт, он будет иметь время подумать о Бейли и скажет…

Робот сказал:

— Но вы, похоже, нездоровы, сэр.

Бейли снова почувствовал удовлетворение.

— Я здоров.

Когда глаза его привыкли к темноте, он различил позади робота несколько других; глаза их тускло блестели. Повернув голову, Бейли увидел роботов у левой дверцы, хотя она оставалась закрытой. Сколько же их послал Амадейро?

— Главный роботехник Амадейро приказал, чтобы мои роботы вернулись в Институт, а я ждал бы здесь. Если вас послали в помощь, и если у вас есть машина, догоните их и подвезите. Эта машина не работает. — Он старался говорить твердо, как здоровый, но это не вполне ему удавалось.

— Они возвращаются пешком, сэр?

— Найдите их. У вас ясные приказы.

Колебание. Явное.

Бейли, наконец, вспомнил, как двинуть ногой. Ему следовало бы сделать это раньше, но его физическое тело не отвечало точно на его мысли.

Роботы все еще были в нерешительности, и это страшно огорчало Бейли. Он не космонит, он не знает правильных слов, правильного тона, правильного вида, которыми управляют роботами. Умелый роботехник мог одним жестом, одним движением брови управлять роботом, как марионеткой, особенно, если робот его собственного изготовления. А Бейли всего лишь землянин.

Он нахмурился, что было не трудно в его состоянии, и слабо прошептал:

— Идите! — и махнул рукой.

Видимо, это добавило последний маленький и необходимый штрих к его приказу: роботы приняли решение, колебаний больше не было. Они двинулись обратно к своей машине — где бы она там ни была — с такой скоростью, что казалось, будто они просто исчезли.

Дверца, которую робот открыл, теперь закрывалась сама собой, но Бейли поставил ногу в щель. Он мельком подумал, не будет ли его нога начисто отрезана или размозжены кости, но не убрал ее. Надо думать, что машина спроектирована так, чтобы подобных неприятностей не случалось.

Он снова был один. Он вынудил роботов уйти от явно больного человеческого существа, сыграв на силе приказов, данных им компетентным роботехником, который напирал на мощь Второго Закона для своих целей и довел его до такой степени, что совершенно неприкрытая ложь Бейли поставила Первый Закон на второй план.

«Как хорошо, что я это сделал», подумал Бейли и начал осознавать, что дверца все еще открыта, а его нога ничуть не пострадала.

65

Вокруг ноги Бейли кружился холодный воздух и падали струи холодной воды. Ощущение было пугающе ненормальным, но Бейли не мог позволить себе закрыть дверь, поскольку не знал, как ее потом открыть. В книгофильмах ничего не говорилось о том, как открываются дверцы стандартных машин. Предполагается, что вы это знаете, хотя бы теоретически.

Он обыскал карманы, которые тоже нелегко было найти, ибо они находились не на тех местах, нашел носовой платок, скатал его и положил между дверцей и ногой, а затем убрал ногу.

Теперь надо подумать… если он сможет. Какой смысл держать дверцу открытой, если он не собирается выйти? А есть ли смысл выходить? Если подождать, то Жискар в конце концов придет за ним. Рискнуть ждать? Бейли не знал, когда Жискар вернется, но не знал также, когда роботы Амадейро решат, что не найдут Дэниела и Жискара на пути в Институт. В самом деле, не может же быть, чтобы Дэниел и Жискар пошли к Институту в поисках укрытия, но что, если это единственно возможная дорога? Нет, не может этого быть!

Бейли покачал головой в знак молчаливого отрицания такой возможности и почувствовал в ответ боль.

Скоро ли роботы Амадейро поймут, что он обманул их или сам был обманут? Не вернутся ли они за ним, чтобы унести его, всячески стараясь не навредить ему? Сможет ли он удержать их, сказав, что умрет, если его выставить под грозу? И поверят ли они ему? Скорее всего, они сообщат в Институт, и тогда приедут люди, которые, конечно, не станут чрезмерно заботиться о его благополучии. Если же Бейли выйдет из машины и спрячется где-нибудь между деревьями, то преследующим роботам будет труднее отыскать его, и это поможет выиграть время. Но ведь и Жискару тоже будет труднее обнаружить его; правда у Жискара куда более сильные инструкции охранять его, чем у тех роботов — искать его. Первоочередная задача Жискара — найти Бейли, а у тех — Дэниела. Кроме того, Жискар запрограммирован Фастальфом, а Амадейро, как ни опытен, не может сравниться с Фастальфом.

Значит, при прочих равных обстоятельствах, Жискар должен вернуться раньше тех роботов.

А, собственно, почему они должны быть равными? С легкой долей цинизма Бейли подумал:

я устал и не могу как следует думать. Просто я в отчаянии и ищу себе утешения.

Но что ему оставалось делать, кроме как разыгрывать шанс, как он его понимал?

Он распахнул дверцу. Платок выпал в мокрую траву. Бейли машинально поднял его и вылез из машины.

На него хлынули потоки дождя. Очень быстро промокшая одежда прилипла к телу, и Бейли дрожал от холода. По небу пронеслась молния настолько яркая, что он закрыл глаза, а затем резкий грохот поверг его в ужас, и он зажал ладонями уши.

Он пошел вперед. Он хотел уйти как можно дальше от кара, чтобы преследователи не сразу нашли его. Он должен держаться стойко и не оставаться поблизости — иначе он мог бы сидеть внутри… сухим. Он шел, вытянув вперед руки. Они наткнулись на что-то. Он ничего не видел, но сообразил, что это грубая кора дерева. Это должен был понять даже человек из Города.

Затем он вспомнил, что молния может ударить в дерево и убить человека, но не помнил, читал ли он, что за ощущение — быть пораженным молнией и можно ли предупредить это событие. На Земле он не знал ни одного человека, ударен-

ного молнией.

Он обошел дерево. Вперед! Поросль стала гуще и затрудняла его путь. Она схватила его костлявыми пальцами. Он дернулся и услышал, как рвется его одежда. Вперед! Он дрожал, зубы его стучали.

Опять вспышка. Он успел бросить взгляд на окружающее. Множество деревьев, целая роща. Что лучше: много деревьев или одно, когда дело касается молнии? Может, лучше не касаться дерева?

Он, спотыкаясь, шел вперед. В одном месте он упал в узкий поток воды, поскользнувшись на камнях, выстилавших дно, но, как ни странно, мокрее не стал. Он снова пошел вперед. Роботы, наверное, не найдут его. А Жискар?

Бейли не знал, где он и куда идет. Он не мог бы вернуться к кару, даже если бы хотел. А гроза, похоже, будет продолжаться вечно, и он, Бейли, в конце концов растает и разольется струйкой, и его никто никогда не найдет. А его растаявшие молекулы потекут в океан.

Рука его коснулась дерева. Мокрые руки, мокрое дерево… Удар грома. Странно, что он не видел вспышки — ведь молния должна быть раньше… Он почувствовал под собой землю, потому что пальцы его скреблись в холодной грязи. Он повер-

нул голову, чтобы можно было дышать. Так было даже удобно. Он никуда больше не пойдет. Он будет ждать. Жискар найдет его. Он вдруг ощутил полную уверенность: Жискар найдет его, потому что… Нет, он не помнит, почему. Второй раз он что-то забывает. Тогда, перед тем, как уснуть… А сейчас он забыл то же самое, что и тогда?.. То же самое?..

Ну, наплевать. Все должно быть в порядке… все…

И он лежал там один, без сознания, у подножия дерева, а гроза бушевала над ним.

66

Впоследствии, оглядываясь назад и оценивая время, Бейли думал, что он был в беспамятстве не меньше десяти и не больше двадцати минут. Его привел в себя голос. Слов он не слышал, только голос. Женский. Вокруг него обвились руки, подняли его, понесли. Одна рука его болталась. Он сделал слабую попытку выпрямиться, но ничего не получилось. Снова женский голос.

Он устало открыл глаза. Он чувствовал себя мокрым и озябшим, но вода не лилась на него. И стало светлее — настолько, чтобы увидеть лицо робота. Он узнал это лицо.

— Жискар, — прошептал он и тут только вспомнил грозу и побег. И Жискар нашел его раньше, чем те роботы. Так я и знал, с удовольствием подумал Бейли и снова закрыл глаза. Его быстро несли, затем остановились и медленно уложили на что-то теплое и удобное. Он каким-то образом знал, что это было сидение закрытого кара. Затем ощущение плавного движения, прикосновение мягкой впитывающей ткани к лицу и рукам.

Затем множество ощущений.

Он был в доме. Светящиеся стены, множество

разных предметов, которые он видел, когда время от времени открывал глаза. С него методически снимали одежду, и он делал бесполезные попытки помогать. Затем теплая вода и энергичное растирание. Оно продолжалось и продолжалось, и Бейли не хотел, чтобы оно кончилось.

Он вдруг схватил руку, державшую его.

— Жискар!

— Я здесь, сэр.

— Дэниел в безопасности?

— В полной безопасности, сэр.

— Хорошо. — Бейли снова закрыл глаза. Он чувствовал, как его поворачивают в потоке сухого воздуха и, наконец, одевают во что-то вроде теплого халата.

Какая роскошь! Ничего подобного с ним не случалось с раннего детства, и он вдруг пожалел младенцев, для которых делается все это, а у них не хватает сознания радоваться всему этому. А может, они радуются? Может, он сейчас и переживает наслаждение снова быть ребенком? Он услышал снова женский голос. Мать? Нет, этого не может быть.

Он сидел в кресле и чувствовал, что короткий период возвращения детства прошел. Он снова вернулся в печальный мир самосознания. Но ведь

женский голос был… Чей? Бейли открыл глаза.

— Глэдис?

67

Это был вопрос, удивленный вопрос, но в глубине души Бейли не удивлялся. Наверное, он все-таки узнал этот голос.

Он оглянулся вокруг. Жискар стоял в нише, но дело не в нем. Сначала — главное.

— Где Дэниел?

— Он чистится и обсыхает в комнатах роботов. У него есть сухая одежда. Он окружен моим штатом, которому даны инструкции. Никто не подойдет к дому ближе, чем на пятьдесят метров, чтобы об этом сразу же не узнали мы все... Жискар тоже вымылся и высох.

— Да, я вижу, — сказал Бейли. Он интересовался только Дэниелом. Он убедился, что Глэдис поняла необходимость охраны Дэниела, и перед ним, Бейли, не стоят сложности объяснения дела. Но в стене безопасности была одна брешь, и Бейли опасливо спросил:

— Как же вы оставили его, Глэдис? С вашим уходом в доме не осталось ни одного человека, чтобы остановить банду чужих роботов. Дэниела могли увести силой.

— Чепуха, — возразила Глэдис. — Мы ушли

недалеко, и доктор Фастальф был извещен. Многие его роботы присоединились к моим, и он сам мог при необходимости прийти сюда за несколько минут — а я не думаю, чтобы чужие роботы могли противостоять ему.

— Вы видели Дэниела, когда вернулись?

— Конечно! Говорю же вам, что он в безопасности.

— Спасибо. — Бейли снова закрыл глаза и, как ни странно, подумал: «Все не так плохо».

Конечно, не плохо. Он жив, верно? При это мысли что-то внутри него ухмылялось и радовалось. Он ведь жив!

— Как вы нашли меня, Глэдис?

— Это все Жискар. Они оба пришли сюда, и Жискар быстро объяснил мне ситуацию. Я хотела позаботиться о безопасности Дэниела, но тот не двинулся с места, пока я не обещала послать Жискара за вами. Дэниел был очень красноречив; он страшно уважает вас, Илия. Дэниел, конечно, должен был остаться здесь, и был очень огорчен этим, но Жискар настаивал, чтобы я самым твердым образом приказала Дэниелу остаться. Вы, видимо, дали Жискару очень точные приказы. Мы связались с доктором Фастальфом, а после этого сели в мою личную машину.

Бейли слабо покачал головой.

— Вам не нужно было ехать, Глэдис. Ваше место здесь, заботиться о безопасности Дэниела.

— И оставить вас умирать в грозу? Или позволить врагам доктора Фастальфа захватить вас? Я не могла этого допустить. Нет, Илия, я нужна была там, чтобы отогнать от вас чужих роботов, если они первыми найдут вас. Я, может, не на многое гожусь, но управлять толпой роботов умею. Мы, соляриане, к этому привыкли.

— Но как вы меня нашли?

— Это было не так уж трудно. Ваша машина были не очень далеко отсюда, так что мы могли бы дойти пешком, если бы не гроза. Мы…

— Вы хотите сказать, что мы почти доехали до дома Фастальфа?

— Да. Либо ваша машина была испорчена не настолько, чтобы заставить вас остановиться раньше, либо Жискар сумел вести ее дольше, чем рассчитывали эти вандалы. И это очень хорошо. Если бы вы остановились ближе к Институту, они могли бы взять всех вас. Ну, мы сели в мою машину и отправились туда, где вы сели. Жискар знал, где это…

— Вы, наверное, вымокли?

— Не очень. У меня был дождевой плащ. Ноги

немного промокли, но мне это не повредит. Мы были у вашей машины меньше, чем через полчаса после того, как Дэниел и Жискар оставили вас. Но вас там не оказалось.

— Я пытался…

— Да, мы поняли. Сначала я подумала, что те роботы унесли вас. Жискар сказал, что вас преследовали. Но потом Жискар нашел ваш носовой платок метрах в пятидесяти от машины и сказал, что вы, видимо, пошли в том направлении. Жискар сказал, что с вашей стороны это было нелогично, но люди часто нелогичны, так что надо искать вас. Вот мы оба и смотрели, и Жискар нашел вас. Он сказал, что увидел инфракрасное излучение вашего тела под деревом. И мы привезли вас сюда.

Бейли спросил с легким неудовольствием:

— А почему он сказал, что мой уход нелогичен?

— Не знаю, Илия. Спросите его.

— Жискар, почему?

Бесстрастие Жискара сразу же нарушилось и его глаза сфокусировались на Бейли.

— Я чувствовал, сэр, что вы выставили себя под грозу без необходимости. Если бы вы подождали, мы привезли бы вас сюда раньше.

— Другие роботы могли захватить меня.

— Они и пытались, но вы отправили их обратно, сэр.

— Откуда вы знаете?

— Возле обеих дверец машины было множество отпечатков ног роботов, сэр, но никаких признаков сырости в машине, а они были бы, если бы мокрые руки тянулись вытащить вас. Я рассудил, что вы не выйдете к ним по собственной воле, сэр. А прогнав их, вы могли не бояться, что они вернуться быстро, поскольку по вашей же оценке ситуации им нужен был Дэниел, а не вы. Но зато вы могли быть уверены, что я-то вернусь быстро.

— Я именно так и рассуждал, — пробормотал Бейли, — но мне казалось, что такой мой выход поможет. Я делал то, что мне казалось лучше, а вы все равно найдете меня.

— Да, сэр.

— А почему вы привезли меня сюда? К доктору Фастальфу, наверное, было ближе?

— Не совсем так, сэр. Этот дом немного ближе, и по настойчивости ваших приказов я решил, что для безопасности Дэниела дорога каждая минута. Дэниел согласился со мной, хотя он очень неохотно оставил вас. Поскольку он здесь, я подумал, что и вы захотите быть здесь, чтобы, при желании,

лично удостовериться в его безопасности.

Бейли кивнул и сказал, все еще недовольный замечанием о нелогичности:

— Вы хорошо сделали, Жискар.

— Вам нужно увидеться с доктором Фастальфом? — спросила Глэдис. — Я могу вызвать его сюда, или можете увидеть его по трехмерке.

Бейли снова откинулся в кресле. Он сознавал, что его мыслительные процессы притуплены и что он очень устал. Не стоит сейчас видеть Фастальфа.

— Нет, — сказал он, — я увижусь с ним завтра утром. Времени хватит. А затем, я думаю, увижу этого Келдина Амадейро. И высокого чиновника… как вы его называете? — Председателя. Он должен быть там тоже, я полагаю.

— Вы выглядите ужасно усталым, Илия. К счастью, у нас нет никаких микробов и вирусов, как на Земле, и вы были от них очищены, так что вы не схватите никакой болезни, но вы явно устали.

После всего этого — ни насморка, ни пневмонии? — подумал Бейли. — Да, быть на планете космонитов — это что-то!

И вслух сказал:

— Устал, согласен. Немножко отдыха, и все пройдет.

— Вы голодны? Время обеда.

Бейли сделал гримасу.

— Не чувствую желания.

— Мне кажется, это неразумно. Вы, может быть, не хотите плотной еды, а как насчет горячего супа? Он будет вам кстати.

Бейли улыбнулся. Пусть она солярианка, но в данном случае говорит совсем как земная женщина. Наверное, и аврорская сказала бы также. Различия в культуре некоторых вещей не затрагивают.

— А у вас есть подходящий суп? Я не хотел бы затруднять вас.

— Какие же затруднения? У меня есть штат, не такой большой, как на Солярии, но его хватит, чтобы приготовить любую еду. Вы только скажите, какой суп вы хотели бы, и все будет сделано.

Бейли не мог противиться.

— Куриный?

— Пожалуйста. Я как раз и хотела его предложить — с кусочками курицы он будет существенным.

Тарелка появилась перед ним с поразительной скоростью.

— А вы не будете есть, Глэдис?

— Я уже поела, пока вас мыли и обрабатывали.

— Как… обрабатывали?

— Обычная биохимическая процедура, Илия. У вас было скорее психическое повреждение, и мы не хотели последствий. Кушайте!

Бейли попробовал суп. Он был неплох, только, по странной привычке аврорцев, более пряный, чем было бы желательно Бейли. Может, это просто были другие пряности, непривычные ему. Он вдруг вспомнил свою мать. Вспомнил, как она стояла над ним, когда он не хотел есть «вкусный супчик». «Ну, Лайдж, — говорила она, — это настоящий куриный суп, очень наваристый. Даже у космонитов нет лучшего».

Это верно. Он мысленно ответил ей через много лет: «У них нет лучшего, мам». Да, насколько он мог припомнить, суп матери был куда вкуснее.

Он ел ложку за ложкой и, закончив, стыдливо спросил:

— Нельзя ли еще немного?

— Сколько хотите, Илия.

— Совсем немного.

Когда он наелся, она сказала:

— Илия, эта встреча завтра утром… означает, что ваше расследование кончено? Вы знаете, что случилось с Джандером?

— У меня есть идея насчет этого, но я не думаю,

что смогу убедить кого-либо в своей правоте.

— Тогда зачем конференция?

— Не я ее созвал, Глэдис. Это идея Главного роботехника Амадейро. Он возражает против расследования и постарается, чтобы меня отправили обратно на Землю.

— Тот самый, что повредил вашу машину и послал своих роботов захватить Дэниела?

— Самый он.

— А разве его не будут судить и не накажут за это?

— Могли бы, — с жаром ответил Бейли, — если бы не одна мелочь: я не могу доказать этого.

— И он может сделать все это и даже прекратить расследование?

— Боюсь, что у него хорошие шансы для этого. Как он сам сказал, люди, не рассчитывающие на правосудие, не страдают от разочарования.

— Но вы не позволяйте ему! Вы должны закончить расследование и открыть истину.

Бейли вздохнул.

— А если я ее не открою? Или открою, но никто не станет меня слушать?

— Вы *можете открыть истину*. И вы *можете заставить людей выслушать вас*.

— У вас трогательная вера в меня, Глэдис. Од-

нако, если Совет Авроры пожелает отправить меня обратно и прикажет прекратить следствие, я ничего не смогу сделать.

— Но вы же не хотите вернуться обратно, ничего не сделав?

— Конечно, не хочу. Это хуже, чем если бы я вообще не брался. Я вернусь с конченной карьерой и погубленным будущим Земли.

— Тогда не позволяйте им это сделать.

— О, дьявол, Глэдис, я бы рад не позволить, но я не могу поднять планету голыми руками. Не требуйте от меня чуда.

Она кивнула, опустила глаза, прижала кулак к губам и сидела неподвижно, как бы задумавшись. Лишь через некоторое время до Бейли дошло, что она беззвучно плачет.

68

Бейли быстро встал, обогнул стол и подошел к Глэдис. Он рассеянно отметил, что ноги его дрожат.

— Глэдис, — сказал он настойчиво, — перестаньте.

— Не обращайте внимания, — всхлипнула она. — Пройдет.

Он беспомощно стоял рядом и тянулся к ней, все еще колеблясь.

— Я не дотронусь до вас, — сказал он. — Не думаю, что это было бы лучше…

— Ох, дотроньтесь. Я потеряла все, что наполняло меня, и я ничего не скрыла от вас. У меня нет… того, к чему я привыкла.

Бейли коснулся ее локтя и слегка похлопал по нему кончиками пальцев.

— Я сделаю завтра, что смогу, Глэдис. Я буду стараться.

Она встала и повернулась к нему.

— О, Илия…

Он машинально, вряд ли сознавая, что делает, протянул руки, и она, так же машинально, шагнула к нему и прижалась головой к его груди. Он

слабо обнял ее, ожидая, что она вспомнит, кого обнимает. Она обнимала Джандера, но тот не был землянином. Она громко всхлипнула, по-прежнему уткнувшись в рубашку Бейли, и сказала:

— Это нечестно. И все потому, что я соляриан-ка. Никто по-настоящему не беспокоится, что случилось с Джандером. Будь я аврорианкой, все было бы по-другому. Все сводится к предвзятости и к политике.

«Да, космониты — люди, — подумал Бейли. — Точно также сказала бы и Джесси. А если бы Глэдис сейчас обнимал Гремионис, он сказал бы то же, что и я... если бы я знал, что сказать».

— Ну, не совсем так, — сказал он вслух. — Я уверен, что доктора Фастальфа беспокоит случившееся с Джандером.

— Нет. Он хочет провести в Совете свою линию, а этот Амадейро — свою, и каждый продаст Джандера ради своей цели.

— Я обещаю вам, что не продам Джандера.

— Нет? А если вам скажут, что вы можете возвращаться на Землю и не пострадают ни Земля, ни ваша карьера — что вы тогда сделаете?

— Не стоит придумывать ситуации, который могут возникнуть. Мне ничего не дадут за то, что я брошу Джандера. Меня просто вышлют и разо-

рят меня и мою планету. Но если мне позволят, я найду человека, уничтожившего Джандера, и присмотрю, чтобы он получил соответствующее наказание.

— Почему говорите — *если позволят*? Заставьте их!

Бейли горько улыбнулся.

— Вы думаете, что аврорцы не обращают внимания на вас, поскольку вы солярианка; представьте себе, как отнеслись бы к вам, будь вы с Земли, как я. — Он крепче прижал ее к себе, забыв, что он с Земли, хотя сам только что говорил это. — Я постараюсь, Глэдис; я не хочу возбуждать надежды, но все-таки скажу: у меня не совсем пустые руки. Я постараюсь… — Он замолчал.

— Вы уже говорили, что попытаетесь. Но *как*? — Она чуть отодвинулась, чтобы взглянуть в его лицо.

— Ну… — растерянно сказал Бейли, — я могу…

— Найти убийцу?

— В этом роде… Глэдис, простите, но я должен сесть. — Он потянулся к столу и наклонился над ним.

— Что с вами, Илия?

— У меня был явно тяжелый день, и я, видимо, еще не вполне оправился.

— Тогда вам лучше лечь в постель.

— По правде сказать, Глэдис, был бы рад.

Она выпустила его. Лицо ее было озабоченным, слез уже не было. Она подняла руку и сделала быстрое движение. Бейли тут же окружили роботы.

И вот он наконец в постели, последний робот ушел, и он смотрит в темноту.

Он глубоко вздохнул и подумал: «Что я обещал Глэдис? Что случится завтра? Последний акт. Провал?» И, входя в преддверие сна, подумал о той невероятной вспышке озарения, что приходила перед засыпанием.

69

Это случалось уже два раза. Один раз в прошлую ночь, когда он, как сейчас, засыпал, а второй раз вечером, когда он терял сознание под деревом в грозу. Каждый раз что-то приходило ему в голову, что-то озаряющее, снимающее тайну с проблемы, как молнию снимает черноту ночи. Но исчезало это так же быстро, как молния.

Что это было? И придет ли снова? На этот раз он пытался сознательно схватить это, поймать ускользающую истину. Может, это ускользающая иллюзия? Может, это уход от сознательного разума и появление привлекательной бессмыслицы, которую нельзя правильно анализировать в отсутствие по-настоящему мыслящего мозга? Но что бы это ни было, оно ушло и не придет, как единорог не появится в мире, где единорогов не существует.

Легче было думать о Глэдис. Непосредственно к нему прикоснулся только шелк ее блузки, но под шелком были тонкие хрупкие руки, гладкая спина. Рискнул бы он поцеловать ее, если бы его ноги не подкосились? Или это значило бы зайти слишком далеко? Его дыхание участилось, и это,

как всегда, смутило его. Он прогнал сон и снова подумал о Глэдис… он никогда не думал, что снова увидит ее… однажды коснется ее… Он не мог сказать, как перешел от мысли к грезе…

Он снова обнимал ее, как тогда… Но блузки не было — кожа теплая, и мягкая… рука его медленно спустилась по ее лопатке и ниже скрытых ребер…

Над этим была полная аура реальности. Участвовали все его чувства. Он обонял запах ее волос, губы чувствовали слабый привкус соли ее кожи… и каким-то образом губы не останавливались на месте, они спускались ниже…

Он чувствовал матрац под собой и мрак над собой… но она все еще была в его объятиях, и тело ее было нагим. Он боялся проснуться.

— Глэдис!

Сейчас все исчезнет.

— Ш-ш-ш, Илия. — Она нежно положила пальцы на его губы. — Не говори ничего.

Она могла с тем же успехом просить остановить поток крови.

— Что вы делаете?

— Разве ты не знаешь? Я в постели с тобой.

— Зачем?

— Потому что я так хочу. — Она взялась за ворот

его ночной рубашки и застежка распалась. — Не шевелись, Илия. Ты устал, и я не хочу, чтобы ты утомлялся еще больше.

Бейли чувствовал жаркую волну внутри и решил не защищать Глэдис от нее самой.

— Я не от *этого* устал, Глэдис.

— Нет! — резко сказала она. — Лежи! Я хочу, чтобы ты отдыхал.

Ее губы прижались к его губам, как бы принуждая его лежать спокойно. Он покорился, мельком подумав, что следует приказам, что он в самом деле устал, и пусть лучше делают с ним, чем он сам будет делать. И со стыдом подумал, что это как бы снижает его вину (я тут ни при чем, она заставила). О, дьявол, какая трусость! Какое нестерпимое унижение!

Но эти мысли тоже ушли. Откуда-то взялась тихая музыка, температура в комнате поднялась. Одеяло исчезло, как и ночная одежда Бейли. Его голова была прижата мягким. Он знал, что это мягкое — ее левая грудь, а твердый по контрасту сосок был у его губ.

Она тихо напевала под музыку убаюкивающе приятную незнакомую мелодию.

Она мягко двигалась взад и вперед, ее пальцы пощипывали его подбородок и шею. Он рас-

слабился, довольный, что ничего не делает и предоставляет инициативу ей. Когда она подвинула его руки, он не протестовал и оставил их лежать там, где она их положила.

Он не помогал, а когда ответил нарастающим возбуждением и кульминационной точкой, это было только от бессилия сделать что-то другое.

Она казалась неутомимой, и он не хотел, чтобы она остановилась. И он снова почувствовал полную роскошь детской пассивности — конечно, если не считать сексуального соответствия.

Но, наконец, он не мог больше отвечать, и она, кажется, тоже; она легла рядом, положив голову во впадину между его плечом и грудью и перекинув руку через его тело. Ему показалось, что он услышал ее шепот:

— Спасибо тебе… спасибо…

— За что? — удивился он.

Теперь он почти не сознавал ее присутствия, потому что этот исключительно приятный конец тяжелого дня был как наркотик, как усыпляющее, и он почувствовал, как скользит прочь, словно его пальцы перестали держаться за скалу грубой реальности и он может падать… падать в медленно колыхающийся океан снов.

И тут опять пришло то, что не приходит по вы-

зову, а лишь само по себе. В третий раз поднялся занавес, и все события, начиная с его отъезда с Земли, сфокусировались в одной точке. Снова все стало ясно. Он старался заговорить, услышать слова, которые ему нужно было услышать, зафиксировать, сделать их частью его мыслительного процесса, но, как ни цеплялся он за них каждым усиком своего мозга, они промелькнули и исчезли. Так что в этом смысле второй день Бейли на Авроре кончился так же, как и первый.

Часть шестнадцатая
Председатель

70

Когда Бейли открыл глаза, в окно лился солнечный свет, и Бейли приветствовал его, сам тому удивляясь.

Солнечный свет означал, что гроза прошла, будто ее не было. Сам солнечный свет по сравнению с мягким, теплым, управляемым светом Городов — груб и ненадежен, но по сравнению с грозой он — обещание мира. Все относительно, — подумал Бейли. Отныне он никогда не будет считать солнечный свет полностью злым.

— Партнер Илия! — У постели стоял Дэниел, а чуть позади — Жискар.

Длинное лицо Бейли растянулось в редкой улыбке чистой радости. Он протянул к ним руки.

— О, дьявол, мужики, — он даже не осознал в данный момент всю неуместность этого слова — когда я в последний раз видел вас обоих, я не был уверен, увижу ли вас снова.

— Ну, — мягко сказал Дэниел, — никто из нас не должен был пострадать.

— При солнечном свете я это вижу, но в прошлую ночь, хоть я и чувствовал, что гроза может убить меня, я был уверен, что вам, Дэниел, грозит

страшная опасность. Казалось даже возможным, что и Жискару могут причинить вред, когда он будет защищать меня от превосходящих сил противника. Мелодраматично, конечно, но я был чуточку не в себе, вы понимаете.

— Мы знали это, сэр, — сказал Жискар, — поэтому нам было так трудно оставить вас, несмотря на ваш приказ. Но мы уверены, что в настоящее время это не является источником неприятностей для вас.

— Отнюдь нет, Жискар.

— И мы также знаем, что о вас хорошо заботились после того, как мы вас оставили, — сказал Дэниел.

Тут только Бейли вспомнил о ночных событиях. Глэдис! Он ошеломленно огляделся. Ее нигде не было. Неужели это ему приснилось? Нет, конечно, нет. Это было бы невозможно. Он хмуро посмотрел на Дэниела, заподозрив, что его замечание носит чувственный характер. Нет, это тоже невозможно: робот, даже человекоподобный, не создан для скользких намеков.

— Заботились *вполне хорошо*. Но сейчас мне нужно, чтобы мне показали туалет.

— Мы здесь, сэр, — сказал Жискар, — чтобы помогать вам. Мисс Глэдис решила, что с нами

вам будет удобнее, чем с кем-либо из ее штата, и она настаивала, чтобы мы делали все для вашего комфорта.

Бейли отнесся к этому с сомнением.

— Я себя прекрасно чувствую, так что меня не нужно мыть и вытирать. Я сам о себе позабочусь. Надеюсь, она это понимает.

— Не опасайтесь ничего, партнер Илия. Мы просто приглядываем, чтобы вам было удобно. Если вы захотите остаться один, мы подождем где-нибудь в сторонке.

— В таком случае, Дэниел, мы все уладим.

Бейли встал с постели. Ему было приятно, что он твердо стоит на ногах. Заботы о нем, когда его принесли сюда, и отдых сделали чудеса… и Глэдис тоже.

71

Все еще голый и достаточно влажный после душа, чтобы чувствовать себя свежим, Бейли причесывался, критически изучая результат. Ясное дело, он будет завтракать с Глэдис, но совершенно неясно, как ему держаться. Может, лучше сделать вид, что ничего не произошло, и вести себя сообразно с ее поведением.

— Дэниел, мне кажется, на вас новый костюм.

— Это был костюм друга Джандера, партнер Илия.

Брови Бейли поползли вверх.

— Она позволила вам надеть одежду Джандера?

— Мисс Глэдис не хотела, чтобы я остался без одежды, пока мой промокший костюм стирали и сушили. Теперь он уже готов, но мисс Глэдис сказала, что я могу оставить себе и этот.

— Когда она это сказала?

— Сегодня утром.

— Значит, она уже встала?

— Да, и вы пойдете завтракать с ней, когда будете готовы.

Бейли поджал губы. Странная вещь — его сей-

час больше беспокоила встреча с Глэдис, чем — чуть позднее — с Председателем. В конце концов, дело с Председателем целиком в руках Судьбы. Он решился на свою стратегию, и она либо сработает, либо нет. А что касается Глэдии — у него просто не было стратегии.

Ну, что ж, встретиться с ней он должен. Он спросил самым безразличным тоном, какой мог изобразить:

— И как сегодня мисс Глэдис?

— По-моему, хорошо, — ответил Дэниел.

— В хорошем настроении или подавлена?

Дэниел заколебался.

— Трудно судить о настроении человека. Но в ее поведении нет ничего, что указывало бы на внутренний разлад.

Бейли искоса взглянул на Дэниела и снова подумал, не намекает ли тот на ночные события, и снова отбросил такую возможность. Изучать лицо Дэниела не имело смысла. По выражению лица робота нельзя угадать его мысли, потому что у него нет мыслей в человеческом понимании.

Он задумчиво посмотрел на приготовленную для него одежду. Трудно сказать, сумеет ли он правильно надеть ее без помощи робота. Гроза и ночь прошли, и он теперь хотел снова стать

взрослым и независимым.

— Что это? — спросил он, взял длинную ленту, покрытую замысловатыми цветными узорами.

— Это пояс от пижамы, — сказал Дэниел. — Чисто декоративный. Лента проходит через левое плечо и завязывается с правой стороны на талии. На некоторых Внешних мирах его принято надевать к завтраку, но на Авроре это не очень популярно.

— Тогда зачем я должен надевать его?

— Мисс Глэдис подумала, что он будет вам к лицу. Завязывать его довольно сложно, и я рад буду помочь вам.

О, дьявол, жалобно подумал Бейли, она хочет, чтобы я был красивым. Что у нее на уме? А, нечего думать об этом! И вслух сказал:

— Не беспокойтесь, я завяжу его обычным бантом. Но послушайте, Дэниел, после завтрака я пойду к Фастальфу, где должен встретиться с ним, с Амадейро, с Председателем Совета, и может, там еще кто-нибудь будет.

— Да, я знаю. Не думаю, чтобы там был кто-либо еще.

— Ну, так вот, — продолжал Бейли, начиная надевать белье и делая это медленно, чтобы на напутать и не быть вынужденным обращаться

за помощью. — Расскажите мне насчет Председателя. Я читал, что он ответственный чиновник на Авроре, но что это просто почетное звание. Значит, он не имеет власти?

— Боюсь, партнер Илия…

Вмешался Жискар.

— Сэр, я больше знаю о политическом положении на Авроре, чем друг Дэниел: я существую дольше. Не позволите ли вы мне ответить на ваш вопрос?

— Конечно, Жискар.

— Когда впервые организовалось правительство Авроры, — начал Жискар дидактическим тоном, — было установлено, что ответственный чиновник выполняет только церемониальные обязанности. Он встречал сановников других планет, открывал заседания Совета, председательствовал на обсуждениях и голосовал только при равном количестве голосов. Но после Речного Спора…

— Да, я читал, — прервал Бейли, — это был особо темный эпизод аврорской истории, когда спор насчет раздела гидроэлектрической энергии чуть не привел к гражданской войне. Не вдавайтесь в детали.

— Хорошо, сэр. После Речного Спора было реше-

но впредь не допускать, чтобы спор угрожал авторскому обществу. И стало обычаем улаживать все конфликты частным и мирным порядком вне Совета. Когда члены Совета, наконец, голосуют, всегда бывает большой перевес голосов в ту или другую сторону. Ключевая фигура улаживания споров — Председатель Совета. Он держится над борьбой, и его власть, хотя, теоретически, нулевая, на практике весьма значительна — пока он держится именно так. Поэтому Председатель ревниво охраняет свою объективность и, пока это ему удается, он обычно выносит решение, улаживающее любой спор в том или ином направлении.

— Вы хотите сказать, что Председатель выслушает меня, Фастальфа, Амадейро и затем вынесет решение?

— Вероятно. С другой стороны, сэр, он может не быть убежден и потребует других свидетельств, других мыслей.

— А когда Председатель вынесет решение, примет ли его Амадейро, если оно против него? Или доктор Фастальф?

— Это не обязательно. Почти всегда кто-то не согласен с мнением Председателя, а доктор Амадейро и доктор Фастальф — своевольные и

упрямые индивидуумы, если судить по их действиям. Однако, большая часть членов Совета согласится с решением Председателя, каково бы оно ни было. Доктор Фастальф или доктор Амадейро — в зависимости от того, против кого решит Председатель — могут быть уверены, что при голосовании окажутся в меньшинстве.

— Насколько уверены, Жискар?

— Почти полностью. Срок службы Председателя обычно тридцать лет. Если голосование пройдет против рекомендации Председателя, он вынужден будет немедленно подать в отставку, и настанет правительственный кризис. Совет будет искать другого Председателя в условиях жестоких споров. Лишь очень немногие советники пожелают идти на такой риск, так что шанс на получение большинства голосов против Председателя почти нулевой.

— Значит, все зависит от этой утренней конференции, — мрачно сказал Бейли.

— Очень похоже на то.

— Спасибо, Жискар.

Бейли угрюмо выстраивал и перестраивал линию своих размышлений. Они вроде бы обнадеживают, но неизвестно, что скажет Амадейро, или что может понравиться Председателю. Эту

встречу организовал Амадейро, и он, видимо, очень уверен в себе.

Тут Бейли вспомнил, что когда он засыпал, держа в объятиях Глэдис, он еще раз увидел значение всех этих событий на Авроре. Все казалось ясным, очевидным, надежным. И в третий раз это ушло, исчезло, как будто никогда не появлялось. И с этим, похоже, уходили и его надежды.

72

Дэниел проводил Бейли в комнату, где был сервирован завтрак. Она была более интимная, чем обычная столовая. Маленькая комната, в которой были только стол и два кресла. Дэниел ушел, но не в нишу. Здесь вообще не было ниш, и на минуту Бейли почувствовал, что он совершенно один в комнате.

На самом деле он, конечно, не был один. Позови — и тут же появятся роботы. Но все-таки это была комната для двоих, комната без роботов, комната для любовников.

Вошла Глэдис, нарядно одетая, с блестящими волосами. Она остановилась на миг и слегка улыбнулась.

— Илия!

Бейли, слегка удивленный неожиданной переменой в ней, вскочил.

— Как дела, Глэдис? — запинаясь, спросил он.

Она выглядела веселой и беззаботной.

— Если ты беспокоишься о Дэниеле, то напрасно. Он в полной безопасности. А что касается нас… — она подошла к Бейли и медленно погладила его по щеке, как когда-то на Солярии, и засмеялась.

— Тогда я сделала только это, Илия. Помнишь?

Он молча кивнул.

— Ты хорошо спал? Садись, дорогой.

Он сел.

— Очень хорошо. Спасибо тебе, Глэдис. — Он не решался вернуть ей ласковое обращение.

– *Меня* не за что благодарить. Я спала лучше, чем когда-нибудь. Этого не было, если бы я не ушла из твоей постели, когда удостоверилась, что ты крепко спишь. Если бы я осталась, как мне хотелось, я бы надоедала тебе снова, и ты не успел бы отдохнуть.

Он почувствовал необходимость быть галантным.

— Есть вещи более важные, чем отдых, Глэдис.

Он сказал это с такой официальностью, что Глэдис снова засмеялась.

— Бедный Илия! Ты смущен.

Факт, что она заметила это, смутил его еще больше. Он ожидал встретить раскаяние, отвращение, стыд, подчеркнутое безразличие, слезы — все, кроме откровенно эротического поведения, какое она приняла.

— Ну, не переживай. Ты голодный. Ты почти не ел вчера. Прими в себя немного калорий и почувствуешь себя более плотским.

Еда была очень вкусной, и Бейли едва успевал глотать.

— Тебя смущает прошлая ночь, Илия? И больше ты ничего не ощущаешь?

Ну, что тут ответишь? — подумал Бейли.

— Боюсь, что да, Глэдис. Это отнюдь не все, что я ощущаю, но я действительно смущен. Я землянин, но в то время это слово для тебя ничего не значило. В прошлую ночь ты беспокоилась обо мне, о моей проблеме с грозой, ты заботилась обо мне, как о ребенке, сочувствовала мне, возможно, от уязвимости, вызванной твоей потерей… и ты пришла ко мне. Но это у тебя пройдет — я удивлен, что еще не прошло — и ты вспомнишь, что я землянин, и ты почувствуешь себя униженной и запачканной. Ты возненавидишь меня за то, что я тебе сделал, а я не хочу, чтобы ты ненавидела. Не хочу.

Если он выглядел таким же несчастным, каким себя чувствовал, то он и в самом деле выглядел очень несчастным. Наверное, она так и подумала, потому что потянулась к нему и взяла его за руку.

— Я не стану ненавидеть тебя, Илия. За что? Ты не сделал ничего такого, против чего я стала бы возражать. Я сделала это и буду радоваться этому

всю жизнь. Ты освободил меня одним прикосновением два года назад, а в следующую ночь меня еще раз. Два года назад я узнала, что могу чувствовать желание, а сегодня ночью я узнала, что *снова* могу почувствовать его после Джандера… Илия! Останься со мной!

— Как я могу, Глэдис? Я должен вернуться на свою планету. У меня там обязанности и цели, а ты не можешь ехать со мной. Ты не можешь жить нашей земной жизнью. Ты умрешь от наших земных болезней, если скученность и замкнутость Города не убьют тебя раньше. Ты же понимаешь.

— Насчет Земли я понимаю. Но тебе не обязательно уезжать немедленно.

— Еще утро не кончится, как Председатель может приказать мне уехать.

— А ты не соглашайся, — энергично возразила Глэдис. — И, если на то пошло, мы можем уехать на другой Внешний мир. Их много, мы можем выбирать. Неужели Земля так много значит для тебя, что ты не хочешь жить во Внешнем мире?

— Я мог бы пойти на увертки и сказать, что ни один Внешний мир не позволит мне жить там постоянно — ты и сама это знаешь. Но это не главное: даже если бы какой-то Внешний мир согласился принять меня, Земля так много для

меня значит, что я не могу отвернуться от нее. Даже если это значит — расстаться с тобой.

— И никогда не приехать на Аврору? Никогда больше не увидеть меня?

— Если бы мог, увидел бы. И не один раз, поверь мне. Но ты знаешь, что меня вряд ли пригласят еще раз, и знаешь, что без приглашения я не могу приехать.

— Я не хочу верить этому, Илия, — тихо сказала она.

— Глэдис, не делай себя несчастной. Между нами произошло нечто замечательное, но с тобой произойдут и другие замечательные вещи, и много всяких, только не *то же самое*.

Она молчала.

— Глэдис, — сказал он требовательно, — пусть никто не узнает о том, что произошло между нами.

Она с болью взглянула на него.

— Ты стыдишься *этого*?

— Того, что случилось, конечно, нет. Но могут быть неприятные последствия. Все будут болтать об этом деле. Благодаря этой проклятущей гиперволновой драме, которая включала в себя искаженную версию наших отношений, мы на виду. А если появится хоть малейший намек на

то, что между нами… любовь, это будет передано на Землю со сверхкосмической скоростью.

Глэдис высокомерно подняла брови.

— И Земля сочтет, что ты унизился? Твое положение не позволяет тебе заниматься сексом с кем попало?

— Да нет же, — неохотно сказал Бейли, хотя знал, что именно такова точка зрения миллиардов землян. — Тебе не приходит в голову, что об этом услышит моя жена? Ведь я женат.

— Ну и что, если услышит?

Бейли вздохнул.

— Ты не понимаешь. На Земле все не так, как на Внешних мирах. В нашей истории были те времена, когда сексуальные нравы были довольно распущены, во всяком случае, в некоторых местах и в некоторых классах общества. Но сейчас не то. Земляне живут скученно, и это привело к пуританской этике — в любых условиях сохранять стабильную семейную систему.

— Ты имеешь в виду — у каждого один партнер, не больше?

— Ну, честно говоря, не совсем так. Но всякие неправильности стараются хранить в тайне, чтобы все…

— …притворялись, что не знают?

— Ну, да. Но в данном случае…

— …будет настолько хорошо известно, что нельзя притвориться незнающим… И твоя жена будет злиться и шпынять тебя?

— Ну, шпынять меня она не будет, но она будет опозорена, а это еще хуже. Мое общественное положение пострадает и… ох, Глэдис, если ты не понимаешь, а ты, конечно, не понимаешь, все равно, обещай мне, что не станешь говорить об этом так открыто, как это делают аврорцы. — Он сознавал, что являет собой довольно жалкое зрелище.

Глэдис сказала задумчиво:

— Я не намерена дразнить тебя, Илия. Ты был добр ко мне, и я не хочу быть недоброй к тебе, но, — она беспомощно всплеснула руками — ваши земные обычаи такие бессмысленные!

— Не спорю, но я вынужден жить с ними, как ты жила с солярианскими обычаями.

— Да. — Ее лицо затуманилось воспоминаниями. — Тогда прости меня, Илия. Я честно прошу прощения. Я хотела того, чего не могла иметь, и взяла у тебя.

— Все правильно.

— Нет, неправильно. Слушай, Илия, я хочу кое-что объяснить тебе. Я думаю, ты не понимаешь,

что случилось в эту ночь. Тебя очень смутит, если я скажу?

Бейли задумался, как чувствовала бы себя Джесси, если бы слышала этот разговор. Он прекрасно сознавал, что его мозг должен быть занят предстоящей конференцией с Председателем, а не личными супружескими делами, но на самом-то деле он думал о Джесси.

— Наверное, буду смущен, но все равно объясни.

Она подвинула свой стул, даже не позвав для этого робота, вплотную к стулу Бейли и положила свою маленькую ручку в его руки. Он сжал ее.

— Вот видишь, я больше не боюсь контакта. Теперь я могу не только коснуться твоей щеки, как тогда.

— Возможно, но это не действует на тебя, как тогда?

Она кивнула.

— Нет, *так* не действует, но все равно мне приятно. Я думаю, то было началом. Надо было так уйти в себя, чтобы одно прикосновение показало, как ненормально я жила, и так долго. Теперь все гораздо лучше. Могу я сказать теперь? Все, что я говорила — всего лишь пролог.

— Говори.

— Я хотела бы, чтобы мы были в постели и в темноте. Я могла бы говорить более свободно.

— Мы сидим здесь и при свете, Глэдис, но я слушаю.

— Ладно. На Солярии о сексе не говорят, ты знаешь.

— Знаю.

— Я была неопытна в этом смысле. Несколько раз — всего несколько — мой муж приходил ко мне по обязанности. Я не хочу даже описывать, как это было, но уж поверь мне, это было хуже, чем ничего.

— Я верю.

— Но я знала о сексе. Я читала о нем. Иногда я обсуждала это с другими женщинами, но все они уверяли, что это отвратительная обязанность, которой солярианки должны подвергаться. А если у них был ребенок, что ограничивало их участие, они говорили, что счастливы никогда больше не иметь дело с сексом.

— Ты верила им?

— Конечно. Я никогда не слышала ничего другого, а те немногие несолярианские сведения, о которых я читала, считались фальшивыми извращениями. Я этому верила. Мой муж как-то нашел у меня книги, назвал их порнографией и

уничтожил. Ты знаешь, люди могут поверить во все, что угодно. Я думаю, солярианские женщины верили в то, что говорили, и на самом деле презирали секс. Они говорили так искренне, и я чувствовала, что во мне что-то чудовищно-неправильное, поскольку у меня было к сексу какое-то любопытство… и странные ощущения, которых я не понимала.

— И ты в то время не пользовалась роботами для некоторого облегчения?

— Нет, мне это не приходило в голову. Иной раз ходили шепотки о таких вещах — всегда с ужасом, может, с притворным, так что я никогда не думала делать что-то подобное с любым неодушевленным предметом. Конечно, я иногда видела сны, и что-то такое, вроде начала оргазма, бывало, и я просыпалась. Я не понимала, что это, и не решалась говорить об этом. Я очень стыдилась таких снов, хуже того, я их боялась. И вот я приехала на Аврору.

— Ты говорила мне, что секс с аврорцами ничего не дал.

— Да. Я даже стала думать, что солярианцы правы. Секс вовсе не походил на мои сны. Только с Джандером я поняла: на Авроре не секс, а… хореография. Каждый шаг продиктован обычаем,

от прихода в дом до ухода. Ничего неожиданного, ничего стихийного. На Солярии секса так мало, что ничего не дают и не берут, а на Авроре секс так стилизован, что тоже ничего не дают и не берут. Ты понимаешь?

— Не уверен. Я не занимался сексом с аврорскими женщинами и никогда не был аврорским мужчиной. Но объяснять не обязательно: я примерно понимаю, что это означает.

— Ты очень смущен?

— Не настолько, чтобы не мог слушать.

— Тогда я встретила Джандера и научилась им пользоваться. Он не был аврорским мужчиной. Его единственной целью было сделать мне приятное. Он давал и я брала, потому что я впервые познала секс, как его можно познать. *Это ты понимаешь*? Можешь представить себе, каково вдруг понять, что ты не помешанная, не извращенная, не испорченная, а просто женщина, имеющая удовлетворяющего секс-партнера?

— Представляю.

— И вот, через короткое время я все это потеряла. Я думала… это конец. Я была в отчаянии. За столетия своей жизни я никогда больше не буду иметь хороших сексуальных отношений. Не иметь их вообще с самого начала — очень плохо;

но получить неожиданно и вдруг внезапно утратить навсегда — совсем нестерпимо. Теперь ты понимаешь, как важна была прошлая ночь.

— Но почему я, Глэдис? Почему не кто-нибудь другой?

— Нет, Илия, именно ты. Мы с Жискаром нашли тебя совсем беспомощного. Ты был в сознании, но не управлял своим телом. Тебя подняли и положили в кар. Я была здесь, когда тебя согрели, растерли, вымыли и обсушили. Роботы делали все это замечательно. Они заботились о тебе, но без настоящего чувства. А я смотрела и *сочувствовала*.

Бейли скрипнул зубами при мысли о своей публичной беспомощности. Тогда он радовался тому, что с ним делают, но сейчас чувствовал унижение, что его видели в таких условиях. А она продолжала:

— Я хотела бы сама все это сделать для тебя. Я злилась на роботов, что они сохраняют за собой право быть добрыми к тебе… и отдавать. И когда я подумала, как я сама делала бы это, во мне стало подниматься сексуальное возбуждение, чего не было со смерти Джандера. И тут мне пришло в голову, что в моем единственном удачном сексе я только получала. Джандер отдавал все, что я

хотела, но никогда не брал. Он не был способен получать, потому что его единственной радостью было быть приятным мне. И мне и в голову не приходило отдавать, потому что я воспитывалась с роботами и знала, что они не могут брать.

И, пока я смотрела, я подумала, что знаю только половину секса, и мне страстно захотелось испытать и другую половину. А потом, когда ты ел горячий суп, ты, казалось, поправился, выглядел сильным. Ты был достаточно сильным, чтобы утешить меня, и из-за того, что я чувствовала к тебе, пока роботы о тебе заботились, я больше не боялась, что ты с Земли, и *хотела* быть в твоих объятиях. Но когда ты обнял меня, я ощутила *потерю*, потому что снова получала, а не отдавала. И ты сказал: «Простите, Глэдис, я должен сесть». О, Илия, это было самое чудесное из всего, что ты мог бы сказать мне.

Бейли покраснел.

— Это меня страшно расстроило — такое признание в слабости.

— Это было именно то, чего я хотела. Это вызвало во мне дикое желание. Я заставила тебя лечь в постель и пришла к тебе, и в первый раз в жизни я отдавала. Я ничего не брала. И чары Джандера исчезли. Я поняла, что его мне тоже не

было достаточно. Нужно иметь возможность и получать, и отдавать. Илия, останься со мной.

Бейли покачал головой.

— Глэдис, даже если я разорву свое сердце пополам, это ничего не изменит. Я не могу остаться на Авроре. Я должен вернуться на Землю. А ты не можешь приехать ко мне.

— А если смогу?

— Зачем говорить глупости? Пусть бы ты и смогла приехать, я очень скоро стану ненужным тебе. Через двадцать, самое большее через тридцать лет я буду стариком, а возможно, уже умру, а ты целые столетия останешься такой же, как сейчас.

— Но я это и имею в виду, Илия. На Земле я подхвачу ваши инфекции и тоже скоро состарюсь.

— Зачем тебе это? Кроме того, старость — не инфекционная болезнь. Просто человек быстро слабеет и умирает. Глэдис, ты найдешь другого мужчину.

— Аврорца?

— Ты научишь его. Теперь, когда ты знаешь, как получать и отдавать, ты научишь его, как это делать.

— Разве они захотят учиться?

— Кто-то наверняка захочет. У тебя много вре-

мени впереди, ты найдешь того, кто захочет. Есть... — нет, подумал он, неразумно сейчас упоминать о Гремионисе, но, может быть, если он придет к ней менее вежливым и чуточку более решительным...

Она задумалась.

— Возможно ли это? О, Илия, ты помнишь все, что было ночью?

— Должен признаться, — грустно сказал он, — что кое-что, к сожалению, в тумане.

— Если бы ты помнил, ты не захотел бы оставить меня.

— Я вовсе не хочу оставлять тебя, Глэдис. Но я должен.

— А потом ты казался таким совершенно счастливым, таким спокойным. Я угнездилась на твоем плече и слушала, как бьется твое сердце сначала быстро, а потом все медленнее, а потом ты вдруг сел. Ты помнишь это?

Бейли вздрогнул, чуть отклонился и взглянул в ее глаза.

— Нет, не помню. Что ты имеешь в виду? Что я сделал?

— Я же говорю — ты вдруг сел.

— Да, а что еще? — Сердце его заколотилось. Три раза какая-то истина являлась ему, но в первые

два раза полностью исчезла. А в третий раз с ним была Глэдис. У него была свидетельница.

— Больше, в сущности, ничего, — сказала она. — А в чем дело, Илия? Ты не обращал на меня внимания. Ты сказал: «Я поймал это». Ты говорил невнятно, глаза у тебя блуждали. Я даже немножко испугалась.

— Я сказал только это? О, дьявол, Глэдис, не сказал ли я что-нибудь еще?

Глэдис нахмурила брови.

— Но когда ты снова лег, я сказала: «Не бойся, Илия, ты теперь в безопасности». Я погладила тебя, и ты снова заснул… даже захрапел… Я никогда не слышала храпа раньше, но читала… — Эта мысль ее явно забавляла.

— Послушай, Глэдис, я сказал: «Я поймал это». Я сказал, что именно поймал?

— Нет. Не могу вспомнить. Постой, ты сказал очень тихо: «Он пришел первым».

— «Он пришел первым». Я так сказал?

— Да. Я подумала, что ты имеешь в виду Жискара, который нашел тебя раньше других роботов, и снова переживаешь те страхи, что охватили тебя в грозу. Потому я и сказала: «Не бойся, Илия, ты теперь в безопасности», и гладила тебя, пока ты не успокоился.

— «Он пришел первым». Теперь я не забуду. Глэдис, спасибо тебе за эту ночь. Спасибо за то, что ты рассказала мне сейчас.

— А разве есть что-то важное в твоих словах, что Жискар первым нашел тебя? Это же так и было, ты знаешь.

— Наверное, не то, Глэдис. Это нечто такое, чего я не знаю, но ухитрялся обнаружить только, когда мой мозг полностью расслаблен.

— Ну, и что это значит?

— Пока не знаю, но раз я так сказал, это должно что-то значить. В моем распоряжении примерно час, чтобы постичь это. — Он встал. — Теперь мне пора идти.

Он сделал несколько шагов к двери, но Глэдис бросилась к нему, протягивая руки.

— Подожди, Илия!

Бейли наклонился и поцеловал ее. Долгую минуту они стояли, обнявшись.

— Я еще увижу тебя, Илия?

— Не знаю, — печально сказал он. — Но я надеюсь.

И он пошел искать Дэниела и Жискара, чтобы сделать необходимые приготовления для грядущей конфронтации.

73

Уныние Бейли усилилось, пока он шел по длинной лужайке к дому Фастальфа. Роботы шли рядом, с двух сторон.

— Как зовут Председателя Совета, Дэниел?

— Не могу сказать. Когда о нем упоминали в моем присутствии, его всегда называли Председателем. И я обращался к нему «мистер Председатель».

Жискар сказал:

— Его имя Рутилен Гордер, сэр, но официально его так никогда не называют, а пользуются только титулом. Это создает впечатление непрерывности правительства. Люди, занимающее это положение, индивидуально имеют определенный срок, но «Председатель» существует всегда.

— А этому особо индивидуальному Председателю сколько лет?

— Он стар, сэр. Ему 331 год.

— В добром здравии?

— Противоположного не знаю, сэр.

— Есть какие-нибудь личные характеристики, могущие помочь мне в подготовке?

Жискар, казалось, был поставлен с тупик. По-

молчав, он сказал:

— Трудно сказать, сэр. Он работает второй срок. Считается деятельным Председателем. Он много работает и получает результаты.

— Он вспыльчив или терпелив? Властный или отзывчивый?

— Вы сами должны судить о таких вещах, сэр.

— Партнер Илия, — сказал Дэниел, — Председатель выше предвзятости. Он справедлив и беспристрастен в решениях.

— Я уверен в этом, — пробормотал Бейли, — но решения абстрактны, как «Председатель», в то время как индивидуальные Председатели конкретны и могут иметь конкретные мозги. — Он покачал головой. Его собственный мозг имел сильную потребность в конкретизации. Три раза приходила мысль о чем-то и три раза исчезала; теперь он имел собственные комментарии на время прихода этой мысли, но и они *пока не помогали*.

«Он пришел первым».

Кто пришел первым? Куда?

Ответа у Бейли не было.

74

Фастальф ждал Бейли у двери своего дома. Позади него стоял робот. Бейли уставился отсутствующим взглядом на робота и с некоторым затруднением перевел взгляд на Фастальфа. Он думал о роботах, сам не зная, почему.

— Рад вас видеть снова, доктор Фастальф, — сказал он и протянул руку. После встречи с Глэдис он как-то забыл, что космониты неохотно идут на контакт с землянином.

Фастальф на мгновение замялся, но затем, как бы восторжествовав над осторожностью, слегка пожал протянутую ему руку и выпустил ее.

— Я еще больше рад видеть вас, мистер Бейли. Я страшно тревожился за вас вечером. Гроза была не очень сильной, но землянину она, наверное, казалась ужасной.

— Значит, вы знаете, что случилось?

— Дэниел и Жискар мне все рассказали. Я чувствовал бы себя лучше, если бы они пришли прямо сюда и принесли вас, но они рассудили, что от поврежденной машины до дома Глэдис ближе, и что ваши приказания были исключительно интенсивны и ставили безопасность Дэниела

впереди вашей собственной. Они правильно поняли вас?

— Правильно. Я вынудил их оставить меня там.

— Разумно ли это? — Фастальф пропустил Бейли вперед и указал на кресло.

Бейли сел.

— Похоже, что это было самое правильное. Нас преследовали.

— Жискар сообщил. И сказал также, что…

— Пожалуйста, оставим это, доктор Фастальф, — прервал его Бейли. — У меня очень мало времени, а я еще должен задать вам несколько вопросов.

— Давайте, — согласился Фастальф со своей обычной вежливостью.

— Мне намекнули, что вы ставите свои исследования функций мозга выше всего остального, что вы…

— Позвольте я докончу, мистер Бейли: …что я ни перед чем не остановлюсь на этом пути, что я совершенно безжалостен, забыл все понятия о морали и извиню любое зло во имя важности своей работы.

— Да.

— Кто вам сказал это?

— Какое это имеет значение?

— Возможно, никакого. Впрочем, нетрудно догадаться: моя дочь Василия. Я уверен.

— Может быть. Но я хочу знать, правильна ли эта оценка вашего характера.

Фастальф печально улыбнулся.

— Вы надеетесь получить честный ответ о моем характере? В некоторых отношения обвинение против меня правильное. Я *действительно рассматриваю свою работу как самое важное дело и действительно имею побуждение пожертвовать для нее всем и вся*. Я *должен был бы игнорировать общепринятые взгляды на зло и аморальность*, если бы они встали на моем пути. Но дело в том, однако, что я этого не делаю. Не могу заставить себя. И, в частности, если меня обвинят в убийстве Джандера, которое я совершил ради продвижения в изучении человеческого мозга, я буду отрицать это. Я *не убивал Джандера*.

— Вы намекали, что я подвергнусь психопробе для получения некой информации, которую я не могу извлечь из своего мозга иным путем. А вам не приходило в голову, что если *вы подвергнетесь психопробе*, это продемонстрирует вашу невиновность?

Фастальф задумчиво кивнул.

— Я думаю, Василия намекала, что мое нежела-

ние предложить подвергнуть меня психопробе доказывает мою вину. Это не так. Психопроба опасна, и я так же боюсь ее, как и вы. Однако, я мог бы согласиться на это, несмотря на мой страх, но дело в том, что мои противники мечтают о том, чтобы я согласился. Они все равно стали бы утверждать, вопреки всякой очевидности, что я виноват, а психозонд не достаточно тонкий инструмент, чтобы бесспорно доказать мою невиновность; но они хотели бы воспользоваться психопробой для получения информации о теории и практике конструирования человекоподобных роботов. Они хотят именно этого, и именно этого я не хочу им дать.

— Прекрасно. Благодарю вас, доктор Фастальф.

— Не стоит благодарности. А теперь не могу ли я вернуться к тому, что я говорил? Жискар сообщил, что после их ухода к вам приставали чужие роботы. Вы говорили с ними довольно бессвязно, а потом вас нашли под дождем в бессознательном состоянии.

— Чужие роботы действительно приставали ко мне. Мне удалось отделаться от них и отослать обратно, но я подумал, что разумнее будет уйти из машины, чем ждать их возвращения. Может, я плохо соображал, когда принял это решение.

Жискар как раз такого мнения.

Фастальф улыбнулся.

— У Жискара простейшая во Вселенной точка зрения. У вас есть какая-нибудь идея, чьи это роботы?

Бейли вертелся в кресле и, казалось, никак не мог усесться удобно. Он спросил:

— Председатель еще не пришел?

— Нет, но вот-вот будет. И Амадейро, глава Института, с которым, как мне говорили роботы, вы вчера встретились. Я не уверен, что это было разумно. Вы вывели его из себя.

— Мне нужно было повидать его. И он не выглядел раздраженным.

— Однако, в результате того, что он назвал клеветническими выпадами и вашей непроходимой глупостью в профессиональном отношении, он вынудил Председателя к немедленным действиям.

— В каком смысле?

— Работа Председателя — поощрять встречу спорящих партий и вырабатывать компромисс. Если Амадейро желает встретиться со мной, Председатель не может возражать, тем более — запретить. Он должен устроить встречу, и, если у Амадейро достаточно доказательств против вас

— а найти их против землянина очень просто — это конец расследованию.

— Возможно, доктор Фастальф, вам не стоило вызывать на помощь землянина, учитывая, как мы уязвимы.

— Может, и не стоило, но я ничего больше не мог придумать. И сейчас не могу, так что должен предоставить вам самому убедить Председателя принять нашу точку зрения… если вы можете.

— Все на мою ответственность? — кисло спросил Бейли.

— Целиком на вашу, — спокойно ответил Фастальф.

— Нас будет только четверо?

— Фактически трое: Председатель, Амадейро и я. Мы — два принципиальных спорщика, так сказать. Вы тут четвертая сторона, вас только терпят. Председатель может приказать вам уйти, поэтому я надеюсь, что вы не сделаете ничего, что рассердит его.

— Постараюсь.

— Кстати — простите мою грубость — не протягивайте ему руку.

— Не буду, — сказал Бейли, вспыхнув от смущения при мысли о своем недавнем жесте.

— И будьте неукоснительно вежливы. Никаких

злых обвинений. Не настаивайте на утверждениях, которые здесь не поддерживают.

— Вы хотите сказать, чтобы я не пытался заставить кого-то выдать себя. Например, Амадейро.

— Да, да, не делайте этого. Вас сочтут клеветником, и это будет контрпродуктивно. Поэтому — будьте вежливы! Если вежливость маскирует атаку, мы не спорим. И не говорите, пока вас не спросят.

— Как же это получается, доктор Фастальф? Сейчас вы полны советами об осторожности, а раньше ни разу не предупредили меня об опасностях клеветы.

— Да, это моя вина. Для меня это настолько очевидно, что мне и в голову не пришло объяснять.

— Да, я так и подумал, — проворчал Бейли.

Фастальф поднял голову.

— Я слышу звук машины и слышу шаги моего робота, идущего к входной двери. Думаю, приехали Председатель и Амадейро.

— Вместе?

— Наверняка. Видите ли, Амадейро посоветовал устроить встречу в моем доме, это дает мне выгоду быть на своей территории. А он, таким образом, имел шанс, якобы из вежливости, предложить Председателю привезти его сюда.

Это даст ему несколько минут частной беседы с Председателем.

— Вряд ли это честно, — заметил Бейли. — И вы не могли пресечь это?

— А я и не хотел. Амадейро идет на рассчитанный риск. Он может сказать что-то, что рассердит Председателя.

— Председатель раздражителен по природе?

— Нет. Не больше, чем всякий Председатель на пятом десятилетии срока службы. Вся его работа делает раздражительность неизбежной. А Амадейро не всегда мудр. Его юношеская улыбка, его белые зубы, его показное добродушие могут действовать до крайности раздражающе, если те, кому он это расточает, находятся в дурном настроении по каким-либо причинам… Но я должен встретить их, а вы останетесь здесь и не вставайте с этого кресла.

Бейли оставалось только ждать. Он некстати подумал, что пробыл на Авроре чуть меньше пятидесяти стандартных часов.

Часть семнадцатая
Снова Председатель

75

Председатель был удивительно маленького роста. Амадейро возвышался над ним почти на тридцать сантиметров. Но сидя, Председатель был немногим ниже остальных, поскольку, у него была короткая нижняя часть тела, но он был плотным, с массивными плечами и грудью, и в этих условиях производил почти подавляющее впечатление. Голова тоже была крупной, но лицо было морщинистым и отмечено возрастом. Волосы белые и редкие.

Голос Председателя был под стать его внешности: низкий и решительный. Возраст несколько огрубил его тембр, но Председателю, как подумал Бейли, это даже шло.

Фастальф произвел полный ритуал приветствий, обменялся несколькими ничего не значащими замечаниями, предложил еду и питье. О Бейли не было сказано ни слова и никто не обращал на него внимания. Только когда предварительная часть была закончена и все уселись, Бейли представили.

— Мистер Председатель, — поклонился Бейли и с бесцеремонным кивком добавил: — А это,

конечно, доктор Амадейро.

Улыбка Амадейро не дрогнула от оскорбительного тона Бейли.

Председатель, не ответив на приветствие Бейли, положил руки на колени и сказал:

— Давайте начнем и посмотрим, нельзя ли все это сделать возможно короче и продуктивнее. Позвольте мне подчеркнуть, что я хочу пропустить дело о проступке — или возможном проступке землянина и сразу же перейти к сути. Говоря о сути, мы не затронем это раздутое дело о роботе. Разрушение активности робота — дело гражданского суда; суд может решить, что это нарушение имущественных прав, и наложить штраф, но ничего более. Больше того, если будет доказано, что робота Джандера Пэнела сделал бездеятельным доктор Фастальф, то никакого наказания и не будет, поскольку человек волен поступать со своим имуществом, как ему угодно.

Реальным является спорный вопрос об исследовании и заселении Галактики: займется ли этим Аврора, одна или в сотрудничестве с другими Внешними мирами, или мы предоставим это Земле. Доктор Амадейро и глобалисты хотят взвалить этот груз на плечи одной Авроры; доктор Фастальф желает оставить это Земле.

Если мы можем уладить этот спор, то дело о роботе останется гражданскому суду, а вопрос о поведении землянина, вероятно, станет спорным и мы можем просто избавиться от него.

Итак, разрешите мне начать с вопроса: готов ли доктор Амадейро принять позицию доктора Фастальфа, чтобы прийти к единому решению, или готов ли доктор Фастальф принять позицию доктора Амадейро с той же целью?

Амадейро сказал:

— Простите, мистер Председатель, но я настаиваю, чтобы земляне ограничились своей планетой, а Галактику заселяли бы только аврорцы. Тем не менее, я готов пойти на компромисс — позволить и другим Внешним мирам участвовать в заселении, если это может предупредить ненужные трения между нами.

— Понятно, — сказал Председатель. — Доктор Фастальф, желаете ли вы, в свете такого предложения, отказаться от своей позиции?

Фастальф сказал:

— Компромисс доктора Амадейро почти не имеет субстанции, мистер Председатель. Я хочу предложить компромисс более существенный: почему планеты Галактики на могут быть открыты как космонитам, так и землянам? Галактика

обширна, места хватит и тем, и другим. Такое соглашение я бы принял.

— Еще бы! — быстро сказал Амадейро, — потому что это не компромисс. Восемь миллиардов населения Земли — это больше половины населения всех Внешних миров вместе взятых. Земляне — короткоживущие и привыкли быстро заменять свои потери. Им не хватает нашего взгляда на индивидуальную человеческую жизнь. Они будут роиться на новых планетах, плодиться, как насекомые, и они захватят Галактику, прежде чем мы успеем начать заселение. Предложить Земле равный шанс в Галактике — это отдать ей всю Галактику, и это уже не равенство. Земляне должны ограничиться Землей.

— Что вы скажете на это, доктор Фастальф?

Фастальф вздохнул.

— Моя точка зрения записана. Я уверен, что повторять ее нет смысла. Доктор Амадейро планирует использовать роботов для устройства заселенных миров, чтобы люди Авроры могли прийти потом на все готовое, однако же, он не имеет человекоподобных роботов. Он не умеет конструировать их, но даже если бы они у него были, проект все равно не сработает. Компромисс не возможен до тех пор, пока Амадейро не

согласится с принципом, что земляне могут по крайней мере участвовать в заселении новых планет.

— Тогда компромисс не возможен вообще, — сказал Амадейро.

Председатель выглядел недовольным.

— Боюсь, что один из вас *должен согласиться*. Я не хочу, чтобы Аврору раздирали эмоциональные оргии по такому важному вопросу. — Он посмотрел на Амадейро пустым взглядом, не выражая ни милости, ни немилости.

— Намерены вы использовать порчу робота Джандера как аргумент против точки зрения доктора Фастальфа, или нет?

— Намерен, — сказал Амадейро.

— Аргумент чисто эмоциональный. Вы будете уверять, что доктор Фастальф пытался уничтожить вашу точку зрения фальшивым доказательством, что человекоподобные роботы менее полезны, чем они есть на самом деле.

— Именно это он и пытался…

— Клевета! — тихо бросил Фастальф.

— Я могу это доказать, — сказал Амадейро. — Пусть это эмоциональный аргумент, но он будет эффективным. Вы сами видите это, мистер Председатель. Моя точка зрения безусловно победит,

но поставить это дело на самотек было бы непорядочно. Я бы посоветовал вам убедить доктора Фастальфа принять неизбежное поражение и избавить Аврору от грустного зрелища, которое ослабит наше положение среди Внешних миров и поколеблет нашу уверенность в себе.

— Как вы докажете, что доктор Фастальф сам уничтожил робота?

— Он сам признал, что никто, кроме него, не мог бы этого сделать. Вы это знаете.

— Знаю, — сказал Председатель, — но я хотел услышать, как вы это скажете — не избирателям: а мне лично. — Он повернулся к Фастальфу. — А что скажете вы, доктор Фастальф? Кроме вас никто не мог разрушить робота?

— Не оставив физических следов? Только я, насколько мне известно. Я не думаю, что доктор Амадейро настолько разбирается в роботехнике, чтобы сделать это, и все время удивляюсь, что он, основав Роботехнический Институт и имея за спиной кучу помощников, так охотно признается в своей неспособности, причем публично. — Он не без яда улыбнулся Амадейро.

Председатель вздохнул.

— Нет, доктор Фастальф, не надо сейчас риторических фокусов. Не тратьте свой сарказм. Какова

ваша защита?

— Ну, только то, что я не вредил Джандеру. И не говорю, что кто-нибудь вредил. Это случайность — принципиальная неопределенность работы позитронных путей. Такое может случиться. Пусть доктор Амадейро просто признает, что это была случайность, что никто не будет бездоказательно обвинен, и тогда мы поспорим о конкурирующих предложениях по поводу заселения по их достоинствам.

— Нет, — сказал Амадейро. — Шанс на случайное разрушение слишком мал, чтобы его рассматривать, он много меньше шанса, что доктор Фастальф виновен. Я не отступлю ни на шаг, и победа будет за мной. Мистер Председатель, вы знаете, что я возьму верх, и, мне кажется, единственный рациональный шаг — вынудить доктора Фастальфа принять свое поражение в интересах всей планеты.

Фастальф быстро сказал:

— Это и привело меня к тому, что я просил мистера Бейли с Земли предпринять расследование.

Амадейро столь же быстро ответил:

— Я этому противился с самого начала. Возможно, землянин и хороший следователь, но он не

знает Авроры и ничего не может сделать здесь. Ничего, кроме как сеять клевету и выставить Аврору перед Внешними мирами в недостойном и смешном свете. В гиперволновых программах многих Внешних миров уже были сатирические заметки. Записи их посланы в ваш офис.

— И привлекли мое внимание, — сказал Председатель.

— Болтают и здесь, на Авроре, — продолжал Амадейро. — Вероятно, в моих интересах было бы позволить следствию продолжаться: оно будет стоить Фастальфу поддержки народа. Чем дольше оно будет продолжаться, тем больше я уверен в своей победе. Но оно наносит вред Авроре, и я не могу добавлять к своей уверенности цену вреда моей планете. Я почтительно советую вам, мистер Председатель, положить конец расследованию и убедить доктор Фастальфа принять то, что он так или иначе примет, но более дорогой ценой.

— Я согласен, — сказал Председатель, — что разрешение, данное доктору Фастальфу на это расследование, *возможно*, было неразумным. Я говорю «возможно». Признаюсь, у меня было искушение прекратить его. Однако, землянин — он не показал виду, что знает о присутствии в

комнате Бейли — уже был здесь некоторое время... — он сделал паузу, как бы давая Фастальфу шанс подтвердить это, и Фастальф сказал:

— Сегодня третий день расследования, мистер Председатель.

— В этом случае, — продолжал Председатель, — справедливо было бы спросить, было ли обнаружено что-нибудь значительное.

Он снова сделал паузу. Фастальф быстро взглянул на Бейли и сделал легкое движение головой. Бейли тихо сказал:

— Мистер Председатель, я не хотел бы непрошенно навязывать какие-либо наблюдения. Будут ли меня спрашивать?

Председатель нахмурился и, не глядя на Бейли, сказал:

— Я прошу мистера Бейли с Земли сказать нам, есть ли у него какие-нибудь значительные находки?

Бейли глубоко вздохнул. Наконец-то!

76

— Мистер Председатель, — начал он. — Вчера днем я допрашивал доктора Амадейро, который очень помог мне. Когда я и мой штат оставили...

— Какой штат? — спросил Председатель.

— Во всех фазах моего расследования меня сопровождали два робота, мистер Председатель.

— Роботы, принадлежащие доктору Фастальфу? — спросил Амадейро. — Я спрашиваю для записи.

— Да, — ответил Бейли. — Для записи: один — Дэниел Оливо, человекоподобный робот, другой — Жискар Ривентлов, более старый нечеловекоподобный робот.

— Благодарю вас, — сказал Председатель. — Продолжайте.

— Когда мы оставили территорию Роботехнического Института, мы обнаружили, что наша машина умышленно повреждена.

— Кем? — удивленно спросил Председатель.

— Мы не знаем, но это произошло на территории Института. Мы были там по приглашению, так что персонал Института знал о нашем присутствии. К тому же, туда вроде бы никто не может

приехать без приглашения и без ведома штата Института. Как ни странно это звучит, приходится предположить, что порча машины могла быть произведена только кем-то из штата Института, а это в любом случае невозможная вещь… если не было на то приказа самого доктора Амадейро, что тоже немыслимо.

Амадейро сказал:

— Вы, кажется, придаете слишком большое значение немыслимости. Осматривал ли машину квалифицированный техник, чтобы сказать, что она действительно умышленно повреждена? Не могло ли быть естественной поломки?

— Нет, сэр, — сказал Бейли. — Жискар квалифицированный водитель и часто водит именно эту машину; он утверждал, что ее повредили.

— А он из штата доктора Фастальфа, запрограммирован им и получает от него приказы, — заметил Амадейро.

— Вы намекаете… — начал Фастальф.

— Я ни на что не намекаю. Я просто констатирую… для записи.

Председатель зашевелился.

— Желает ли мистер Бейли с Земли продолжать?

— Когда машина сломалась, ее преследовали.

— Кто? — спросил Председатель.

— Другие роботы. Они появились, но в это время мои роботы ушли.

— Минуточку, — сказал Амадейро. — В каком состоянии вы были, мистер Бейли?

— Не в очень хорошем.

— Не в очень? Вы землянин и привыкли жить в искусственных условиях ваших Городов. На открытом воздухе вам плохо. Ведь это так, мистер Бейли? — спросил Амадейро.

— Да, сэр.

— А вчера вечером была сильная гроза. Не точнее было бы сказать, что вы были совершенно больны? В полубессознательном состоянии, если не хуже?

— Я был совершенно болен, — неохотно признал Бейли.

— Тогда как же ваши роботы могли уйти? — резко спросил Председатель. — Они же должны были быть с вами, при вашем состоянии?

— Я приказал им уйти, мистер Председатель.

— Почему?

— Я подумал, что так лучше, и я объясню, если мне будет позволено продолжать.

— Продолжайте.

— Нас действительно преследовали, потому

что преследующие роботы явились очень скоро после ухода моих. Преследователи спросили меня, где мои роботы, и я сказал, что отослал их обратно. Только после этого они спросили, не болен ли я. Я ответил, что не болен, и они оставили меня, чтобы продолжать поиски моих роботов.

— Дэниела и Жискара? — спросил Председатель.

— Да, мистер Председатель. Мне было ясно, что им было строго приказано найти моих роботов.

— Из чего вам стало это ясно?

— Хотя я был явно болен, они первым делом спросили о роботах, и лишь потом, обо мне. Затем они оставили меня, больного, чтобы искать моих роботов. Это значит, что им был дан строжайший приказ найти моих роботов, иначе они не отнеслись бы безразлично к больному человеку. Я ожидал этих поисков, поэтому и отослал моих роботов. Я чувствовал, что самое важное — уберечь их от чужих рук.

— Мистер Председатель, — сказал Амадейро, — могу ли я продолжать спрашивать мистера Бейли, чтобы показать никчемность его утверждения?

— Можете.

— Мистер Бейли, вы остались один, когда ваши

роботы ушли?

— Да, сэр.

— Значит, вы не записали событий? У вас не было с собой записывающего аппарата?

— На оба вопроса — нет, сэр.

— И вы были больны?

— Да, сэр.

— Вы не теряли рассудок? Может быть, вам было так плохо, что вы не можете ясно вспомнить?

— Нет, сэр, я помню все вполне ясно.

— Может, вам так кажется, а на самом деле вы бредили, галлюцинировали? Вам казалось, что появлялись роботы и говорили с вами?

Председатель сказал задумчиво:

— Я согласен. Мистер Бейли с Земли, допуская, что вы помните — или считаете, что помните — как вы интерпретируете описанные вами события?

— Я колеблюсь высказать вам свои мысли на этот счет, мистер Председатель, чтобы не оклеветать доктора Амадейро.

— Поскольку вы говорите по моему требованию и ваши замечания ограничены этой комнатой — Председатель оглянулся: ниши роботов были пусты — вопроса о клевете нет.

— Я подумал, что, возможно, доктор Амадейро

задерживал меня в своем офисе дольше, чем, вероятно, было необходимо, так что было время испортить мою машину, а затем продолжал задерживать меня, чтобы я ушел, когда уже началась гроза, и он был уверен, что я заболею по дороге. Он изучал социальные условия Земли, как он сам несколько раз сказал мне, так что должен был знать, как я буду реагировать на грозу. Мне казалось, что у него был план послать за нами своих роботов, чтобы, когда у нас будет вынужденная посадка, отвезти нас обратно в Институт под предлогом заботы обо мне, а в действительности — завладеть роботами доктора Фастальфа.

Амадейро тихо засмеялся.

— Зачем мне все это? Вы видите, мистер Председатель, что это одни предположения, и любой суд на Авроре признает их клеветой.

— Мистер Бейли с Земли, — строго спросил Председатель, — есть ли у вас какие-либо подтверждения этих гипотез?

— Цепь рассуждений, мистер Председатель.

Председатель встал и тут же потерял часть своей значительности, поскольку, почти не был выше себя сидящего.

— Разрешите мне сделать короткую прогулку, чтобы я мог обдумать услышанное. Я сейчас вер-

нусь. — И он ушел в туалет.

Фастальф наклонился к Бейли. Амадейро выглядел равнодушным, как будто его вовсе не интересовало, что эти двое скажут друг другу.

— У вас нет ничего лучше сказать? — прошептал Фастальф.

— Думаю, что есть, если получу шанс сказать это, но Председатель, кажется, не сочувствует мне.

— Не сочувствует. Поскольку вы все делаете, как хуже, я не удивлюсь, если он, вернувшись, прекратит всю процедуру.

Бейли кивнул и уставился на свои ноги.

77

Председатель вернулся, сел и зловеще посмотрел на Бейли.

— Мистер Бейли с Земли, мне кажется, вы напрасно тратите мое время, но я не хочу, чтобы говорили, что я не выслушал полностью каждую из сторон. Можете вы предложить мне мотив, могущий заставить доктора Амадейро делать те безумные вещи, в которых вы его обвиняете?

— Мистер Председатель, — сказал Бейли тоном, близким к отчаянию, — мотив есть... и очень хороший. Он основан на факте, что план доктор Амадейро о заселении Галактики не сработает, если доктор и его Институт не смогут производить человекоподобных роботов. Известно, что он не производил их и не может. Спросите его, хочет ли он, чтобы комиссия Совета обследовала его Институт и установила, производились ли или проектировались там человекоподобные роботы. Если он докажет, что такие роботы на потоке или хотя бы в чертежах — пусть даже в теоретических формулировках, и он готов продемонстрировать это квалифицированной комиссии — я больше ничего не скажу и соглашусь, что мое расследо-

вание кончилось ни чем.

Председатель взглянул на Амадейро. Улыбка доктора увяла, и он сказал:

— Я признаю, что в настоящее время мы не проектируем человекоподобного робота.

— Тогда я продолжу, — сказал Бейли. — Доктор Амадейро, конечно, может получить всю нужную информацию, если он обратится к доктору Фастальфу, у которого эта информация в голове, но доктор Фастальф не хочет сотрудничать с ним в этом деле.

— Не хочу, — пробормотал Фастальф, — ни при каких условиях.

— Однако, мистер Председатель, — продолжал Бейли, — доктор Фастальф *не* единственный, кто знает секрет дизайна и конструкции человекоподобного робота.

— Кто же еще может знать? — спросил Председатель. — Сам доктор Фастальф, кажется, ошеломлен вашим замечанием, мистер Бейли, — он впервые не добавил: «с Земли».

— Я и вправду ошеломлен, — сказал Фастальф. — Насколько мне известно, я единственный. Я не понимаю, кого имеет в виду мистер Бейли.

— Подозреваю, что этого не знает и сам мистер Бейли, — сказал Амадейро, скривив губы.

Бейли почувствовал себя окруженным врагами. Он обвел их взглядом — на его стороне не было никого.

— А разве человекоподобный робот не знает? — спросил он. — Не сознательно, может быть, не настолько, чтобы давать инструкции, но информация в нем наверняка есть, верно? Если его правильно допросить, его ответы и реакции выдадут его дизайн и конструкцию. Постепенно, располагая временем и задавая нужные вопросы, можно получить информацию, как конструировать человекоподобных роботов.

Фастальф был поражен.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, мистер Бейли, и вы правы. Я никогда не думал об этом.

— Должен сказать вам, доктор Фастальф, — сказал Бейли, — что у вас, как у всех аврорцев, преувеличенная индивидуалистическая гордость. Вы настолько удовлетворены званием лучшего роботехника, единственного роботехника, могущего создать человекоподобного робота, что не видите очевидного.

Председатель расплылся в улыбке.

— Уел он вас, доктор Фастальф. А я удивлялся, чего вы так держитесь за то, что только вы могли разрушить Джандера, хотя это сильно ослаби-

ло ваше политическое положение. Теперь мне понятно, что вы скорее пожертвуете своим политическим делом, чем своей уникальностью.

Фастальф был заметно раздражен, а Амадейро нахмурился и сказал:

— Какое это имеет отношение к нашей проблеме?

— Имеет, — ответил Бейли с возросшей верой в себя. — Вы не можете вырвать информацию непосредственно у доктора Фастальфа, вы не можете приказать своим роботам, скажем, пытать его, и сами не можете нанести ему вред, поскольку его штат защитит его. Но вы можете изолировать робота с помощью своих роботов, если присутствующий тут человек слишком болен, чтобы воспрепятствовать этому. Все события вчерашнего вечера были частью быстро придуманного плана захватить Дэниела. Вы увидели удобный случай, когда я настаивал на встрече с вами в Институте. Если бы я не отослал своих роботов, если бы я не чувствовал себя настолько прилично, чтобы убедить ваших роботов в своем полном здравии и отослать их в ложном направлении, Дэниел был бы в ваших руках. И со временем вы узнали бы секрет из анализа ответов и поведения Дэниела.

— Мистер Председатель, я протестую, — сказал Амадейро. — Я никогда не слышал такой злобной клеветы. Все это основано на фантазиях больного человека. Мы не знаем — и может быть, никогда не узнаем, была ли повреждена машина, и если была, то кем; действительно ли роботы преследовали машину и говорили с мистером Бейли, или этого не было. Он городит предположение на предположение, основанные на сомнительных событиях, свидетелем которых был он один, да еще в то время, когда он обезумел от страха и, может быть, галлюцинировал. Ничто из этого не может быть предъявлено суду.

— Здесь не суд, доктор Амадейро, — сказал Председатель, — и моя обязанность выслушать все, что относится к обсуждаемому вопросу.

— Но это не относится, мистер Председатель. Это все лишь паутина.

— Однако, она логична. Я не поймал мистера Бейли на явной нелогичности. Если согласиться с тем, что он, по его словам, испытал, то его выводы имеют смысл. Вы все это отрицаете, доктор Амадейро? Повреждение машины, преследование, намерение захватить человекоподобного робота?

— Отрицаю! Абсолютно! Все это вранье! — ска-

зал Амадейро. — Землянин может проверить запись всего нашего разговора и, без сомнения, найдет, что я задержал его разговором, приглашением осмотреть Институт и пообедать, но все это можно равно интерпретировать, как мои старания быть вежливым и гостеприимным. Я был движим некоторой симпатией к землянам, но и только. Я отрицаю его предположения, и он ничего не может противопоставить моему отрицанию. Моя репутация не из таких, чтобы кто-то мог поверить в заговор, о котором говорит этот землянин.

Председатель задумчиво почесал подбородок и сказал:

— Разумеется, я не собираюсь обвинять вас на основании сказанного землянином, доктор Амадейро. Мистер Бейли, если у вас все, то это интересно, но не достаточно. Можете вы сказать еще что-то по существу?

78

— Есть еще одна вещь, которую я хотел бы привести, мистер Председатель, — сказал Бейли. — Вы, вероятно, слышали о Глэдис Дельмар. Она называет себя просто Глэдис.

— Да, мистер Бейли, — сказал Председатель с некоторым раздражением. — Я слышал о ней и видел фильм, в котором вы с ней играете такие замечательные роли.

— Она общалась с роботом Джандером в течение нескольких месяцев. Фактически, он был ее мужем.

Неприязненный взгляд Председателя стал еще более резким.

— Ее… чем?

— Мужем, мистер Председатель.

Фастальф приподнялся и снова сел. Вид у него был расстроенный. Председатель резко сказал:

— Это незаконно. Хуже того — смешно. Робот не мог оплодотворить ее. Детей не могло быть. Статус мужа или жены никогда не дается без заявления о желании иметь ребенка, если это разрешено данному лицу. Я думаю, даже землянин должен знать это.

— Я это знаю, — сказал Бейли, — и уверен, что знает и Глэдис. Она употребляла слово «муж» не в законном смысле, а в эмоциональном. Она смотрела на Джандера как на эквивалент мужа и относилась к нему как к мужу.

Председатель повернулся к Фастальфу.

— Вы знали об этом, доктор Фастальф? Он был вашим роботом.

Явно смущенный Фастальф ответил:

— Я знал, что она обожает его. Я подозревал, что она пользуется им в сексуальном смысле. Но я ничего не знал об этой незаконной шараде, пока мне не сказал мистер Бейли.

— Она солярианка, — сказал Бейли. — Ее концепция «мужа» не аврорская.

— Явно нет, — сказал Председатель.

— Но у нее хватило соображения держать это при себе. Она сказала об этом мне, поскольку хотела, чтобы я расследовал это столь важное для нее дело. Думаю, она не произнесла бы слова «муж», если бы я не был землянином: я мог понять его в ее смысле, а не аврорском.

— Прекрасно, — сказал Председатель, — я согласен, что у нее есть некоторый минимум здравого смысла… для солярианки. Это и есть та вещь, которую вы хотели привести, мистер Бейли?

— Да, мистер Председатель.

— В таком случае, это совершенно неуместно и не относится к нашей дискуссии.

— Мистер Председатель, я все-таки должен задать один вопрос. Всего один, сэр. — Бейли сказал это самым умоляющим тоном, потому что от этого зависело все.

— Согласен. Один последний вопрос.

Бейли хотелось бы выкрикнуть слова, но он сдержался и не возвысил голос. От этого вопроса зависело все. Он вспомнил предупреждение Фастальфа и сказал почти небрежно:

— Как же случилось, что доктор Амадейро знал, что Джандер — муж Глэдис?

— Что? — кустистые брови Председателя поднялись в изумлении. — Кто сказал, что он что-нибудь знал об этом?

Отвечая на прямой вопрос, Бейли мог продолжать.

— Спросите его, мистер Председатель. — Он просто кивнул в сторону Амадейро, который встал и с неприкрытым ужасом уставился на Бейли.

79

Бейли сказал снова, очень мягко, не желая отвлекать внимание от Амадейро:

— Спросите его, мистер Председатель. Он, кажется, расстроен.

— В чем дело, доктор Амадейро? — спросил Председатель. — Вы знали что-нибудь о роботе, как предполагаемом муже этой солярианки?

Амадейро запнулся, снова попытался что-то сказать. Бледность, покрывшая его лицо, сменилась тусклой краснотой. Наконец, он выговорил:

— Я поражен этим бессмысленным обвинением. Я ничего не знал насчет этого.

— Могу я пояснить, мистер Председатель? Кратко? — спросил Бейли. Неужели его оборвут?

— Это самое лучшее, — угрюмо сказал Председатель. — Если у вас есть объяснение, я хотел бы услышать его.

— Мистер Председатель, — начал Бейли, — вчера днем у меня был разговор с доктором Амадейро. Поскольку он намеревался задержать меня до начала грозы, он говорил более пространно, чем предполагал сначала, и, видимо, более неосторожно. Говоря о Глэдис, он случайно

упомянул робота Джандера как ее мужа. Меня интересует, как он узнал об этом факте.

— Это правда, доктор Амадейро? — спросил Председатель.

Амадейро все еще стоял и выглядел как заключенный перед судьей.

— Правда это или нет, это не относится к делу.

— Может быть, и не относится, но меня поражает ваша реакция на поставленный вопрос. Мне кажется, в нем есть значение, которое вы и мистер Бейли понимаете, а я не понимаю. Я тоже хочу понять. Знали вы или не знали об этих невозможных отношениях между Джандером и солярианкой?

Амадейро сказал дрожащим голосом:

— Откуда мне знать?

— Это не ответ, — сказал Председатель, — это увертка. Сделали вы замечание, которое вам приписывают, или нет?

— Прежде чем он ответит, — сказал Бейли, чувствуя теперь большую уверенность, когда Председатель морально задет, — с моей стороны было бы честнее напомнить ему, что Жискар, робот, присутствовавший при нашей встрече, может, если его попросить, повторить весь разговор дословно и с интонациями обоих собеседников.

Короче говоря, разговор записан.

Амадейро взорвался от злости.

— Мистер Председатель, этот робот спроектирован, создан и запрограммирован доктором Фастальфом, который называет себя лучшим на свете роботехником и является моим противником; как я могу доверять записи такого робота?

— Возможно, вы прослушаете запись, мистер Председатель, и сами вынесете решение? — сказал Бейли.

— Возможно, — сказал Председатель. — Доктор Амадейро, я здесь не для того, чтобы решали за меня. Но пока оставим это. Безотносительно к записи робота, утверждаете ли вы, что ничего не знали о том, что солярианка считала робота своим мужем, и никогда не упоминали о нем, как о ее муже? Не забудьте пожалуйста, что хотя роботов здесь нет, вся наша беседа записывается на моем аппарате — он похлопал по маленькому прибору в нагрудном кармане. — Итак, доктор Амадейро, да или нет?

Амадейро сказал в отчаянии:

— Мистер Председатель, я, честно сказать, не помню, что говорил в случайной беседе. Если и упомянул это слово — с чем никак не могу согласиться — оно, видимо, было результатом другого

случайного разговора, в котором кто-то упомянул о Глэдис и ее влюбленности в робота как в мужа.

— А с кем вы вели другой случайный разговор? Кто вам сказал об этом?

— Не могу сказать. Не помню.

— Мистер Председатель, — сказал Бейли, — если доктор Амадейро будет добр перечислить всех, кто *могбы* сказать ему об этом, мы могли бы допросить каждого и выяснить, кто сделал такое замечание.

— Я надеюсь, мистер Председатель, — сказал Амадейро, — что вы оцените моральное воздействие на Институт, если будет сделано что-то подобное.

— Надеюсь, что вы тоже оцените это, доктор Амадейро, и предпочтете ответить на наш вопрос, чтобы не вынуждать нас к крайним мерам.

— Минуточку, мистер Председатель, — сказал Бейли самым что ни на есть раболепным тоном, — остается вопрос.

— Еще один? — Председатель неприязненно взглянул на Бейли. — Какой?

— Почему доктор Амадейро так избегает признания, что он знал об отношении Глэдис к Джандеру? Он сказал, что это к делу не относится. В таком случае, почему не сказать, что знал, и

покончит с этим? Я говорю, что это относится к делу, и доктор Амадейро знает, что его признание может быть использовано для демонстрации преступной деятельности с его стороны.

— Я возмущен этим выражением и требую извинений! — загрохотал Амадейро.

Фастальф хитро улыбнулся, а Бейли сжал губы. Он поставил Амадейро в критическое положение. Председатель покраснел и сказал запальчиво:

— Вы требуете? *Вы требуете*? От кого вы требуете? Я Председатель. Я выслушиваю все точки зрения и потом решаю, как лучше сделать. Пусть землянин говорит, как он интерпретирует ваши действия. Если он клевещет на вас, он будет наказан, можете быть уверены. Но *в*ы, Амадейро, не можете ничего требовать от меня. Продолжайте, землянин, говорите, что вы хотели сказать, но будьте исключительно осторожны.

— Благодарю вас, мистер Председатель, — сказал Бейли. — Вообще-то говоря, есть один аврорец, с которым Глэдис наверняка говорила о тайне своих отношений с Джандером.

— Ну, и кто это? — прервал его Председатель. — Не разыгрывайте со мной ваши гиперволновые штучки.

— Я не имею такого намерения, — ответил

Бейли. — Это прямое утверждение. Этот аврорец — сам Джандер. Хоть он и робот, но он житель Авроры и может считаться аврорцем. Глэдис наверняка обращалась к нему со словами «мой муж». Поскольку доктор Амадейро признает, что возможно слышал от кого-то об этой истории, не логично ли предположить, что он слышал это от самого Джандера? Захочет ли доктор Амадейро прямо сейчас заявить для записи, что он никогда не разговаривал с Джандером в тот период, когда Джандер состоял в штате Глэдис?

Амадейро два раза открывал рот, но так и не произнес ни слова.

— Ну, — сказал Председатель, — вы говорили в Джандером в течении этого периода, доктор Амадейро?

Ответа не было.

— Если говорил, то это целиком относится к делу, — сказал Бейли.

— Я начинаю понимать, в чем дело, мистер Бейли. Ну, доктор Амадейро, еще раз: да или нет?

— Какие доказательства этот землянин может выставить против меня? — закричал Амадейро. — Он что, записывал каждый мой разговор с Джандером? Может, у него есть свидетели, которые покажут, что видели меня с Джандером? Что

он имеет, кроме голословных утверждений?

Председатель повернулся к Бейли, и Бейли сказал:

— Мистер Председатель, если бы у меня вообще ничего не было, доктор Амадейро не колебался бы отрицать, под записью, всякий контакт с Джандером, однако, он этого не сделал. Случилось так, что в ходе своего расследования я разговаривал с доктором Василией Алиена, дочерью доктора Фастальфа. Я говорил также с молодым аврорцем Сантириксом Гремионисом. Из записи обоих интервью ясно, что доктор Василия подстрекала Гремиониса ухаживать за Глэдис. Вы можете спросить доктора Василию, с какой целью она это делала, и не посоветовал ли ей это доктор Амадейро. У Гремиониса появилась привычка делать долгие прогулки с Глэдис, которые радовали обоих, и в которых робот Джандер не сопровождал их. Вы можете это проверить, если желаете, сэр.

— Могу, — сухо сказал Председатель, — но если все это так, как вы говорите, то что это показывает?

— Я уже говорил, что секрет изготовления человекоподобного робота можно получить только от Дэниела — не считая самого доктора Фастальфа. Но до смерти Джандера этот секрет можно было с

таким же успехом узнать и от Джандера. Дэниел был в доме Фастальфа и добраться до него было нелегко, а Джандер был в доме Глэдис, а она была не настолько опытна, как доктор Фастальф, в защите робота.

Не могло ли быть, что доктор Амадейро воспользовался периодическими отлучками Глэдис, когда она гуляла с Гремионисом, чтобы разговаривать с Джандером, возможно, по трехмерке, изучать его ответы, ставить различные тесты, а затем стереть весь разговор, чтобы Джандер не информировал о нем Глэдис? Возможно, он близко подошел к тому, что хотел знать, но дальнейшие попытки прекратились, когда Джандер вышел из строя. Тогда внимание доктора Амадейро переключилось на Дэниела. Возможно, ему оставалось всего несколько тестов и наблюдений, вот он и ставил вчера ловушку, о которой я говорил раньше в моем… моем свидетельском показании.

Председатель сказал почти шепотом:

— Теперь все сходится. Я вынужден поверить.

— Еще один последний пункт, и мне уже действительно нечего будет сказать, — сказал Бейли. — Вполне возможно, что во время проверки и тестирования Джандера доктор Амадейро мог

случайно, без какого-либо умысла, привести Джандера в бездействие и, таким образом, совершить роботоубийство.

Амадейро, потеряв голову, завопил:

— Нет! Я ничего не сделал этому роботу, что могло привести к его уничтожению!

— Я тоже думаю, мистер Председатель, что доктор Амадейро не разрушил Джандера. Тем не менее, заявление доктора Амадейро, похоже, является признанием, что он работал с Джандером, и анализ ситуации, сделанный мистером Бейли, существенно точен.

Председатель кивнул.

— Я вынужден согласиться с вами, доктор Фастальф. Доктор Амадейро, вы можете настаивать на формальном отрицании всего этого; это втравит меня в полное расследование, которое принесет вам большие неприятности, независимо от того, как оно обернется… а в этой стадии, я подозреваю, оно обернется большой невыгодой для вас. Мой совет вам — не доводить до этого, не портить свое положение в Совете и, может быть, не калечить способность Авроры к продолжению гладкого политического курса.

Как я понимаю, до того, как был поднят вопрос о дезактивации Джандера, доктор Фастальф имел

большинство голосов советников — правда, большинство с незначительным перевесом — на своей стороне в деле заселения Галактики. Вы перетянули многих советников на свою сторону, благодаря высказанному вами предположению, что доктор Фастальф виновен в дезактивации Джандера, и таким образом, добились большинства. Но теперь доктор Фастальф, если пожелает, обвинит в деле Джандера вас, и, кроме того, обвинит вас в попытке повесить фальшивое обвинение на своего соперника — и вы пропали.

Если я не вмешаюсь, вы, доктор Амадейро, и вы, доктор Фастальф, под влиянием упрямства и даже мстительности, станете обвинять друг друга в чем угодно. Наши политические силы и общественное мнение тоже безнадежно разделятся, даже раздробятся… к бесконечному вреду нашему.

Я убежден, что в этом случае неизбежная победа Фастальфа будет весьма дорогостоящей, поэтому моей задачей как Председателя будет склонить голоса в его пользу с самого начала и усилить давление на вас, доктор Амадейро, и на вашу фракцию, чтобы вы приняли победу доктора Фастальфа с елико возможным достоинством, и я сделаю это прямо сейчас… для блага Авроры.

— Я не заинтересован в сокрушительной победе, мистер Председатель, — сказал Фастальф. — Я снова предлагаю доктору Амадейро компромисс: Аврора, другие Внешние миры и Земля — все свободны заселять Галактику. Я, со своей стороны, охотно войду в Роботехнический Институт, отдам свои знания о человекоподобных роботах в их распоряжение и, таким образом, облегчу доктору Амадейро его план, в обмен на его торжественное обещание отбросить всякую мысль о репрессиях против Земли в любое время в будущем и включить это в договор с подписями нашими и Земли.

Председатель кивнул.

— Мудрое и государственное предложение. Могу я получить ваше согласие на это, доктор Амадейро?

Амадейро теперь снова сидел. Лицо его выражало крушение. Он сказал:

— Я не хотел ни личной власти, ни удовлетворения победой. Я хотел того, что, по моему мнению, лучше для Авроры. Я убежден, что план доктора Фастальфа в один прекрасный день приведет к концу Авроры. Тем не менее, я понимаю, что теперь я беспомощен против работы этого землянина — он бросил быстрый ядовитый взгляд на

Бейли — и вынужден принять предложение доктора Фастальфа, хотя буду просить разрешения обратиться к Совету по этому вопросу и изложить, под записью, мои опасения о последствиях.

— Мы, конечно, разрешим это, — сказал Председатель, — и если вы послушаете моего совета, доктор Фастальф, вы отправите землянина с нашей планеты как можно скорее. Он выиграл для вас победу вашей точки зрения, но она не будет очень популярной, если аврорцы будут долго размышлять о ней, как о победе Земли над Авророй.

— Вы совершенно правы, мистер Председатель. Мистер Бейли уедет очень скоро — вместе с моей благодарностью и, я уверен, с вашей тоже.

— Ладно, — сказал Председатель не слишком любезно, — поскольку его мастерство спасло нас от тяжелой политической баталии, я ему благодарен. Большое спасибо вам, мистер Бейли.

Часть восемнадцатая
Опять Бейли

80

Бейли издали смотрел, как они уходят. Хотя Амадейро и Председатель пришли вместе, ушли они порознь.

Фастальф проводил их и вернулся, не скрывая облегчения.

— Пойдемте, мистер Бейли, позавтракаем, а затем вы как можно скорее уедете на Землю.

Бейли кивнул и сардонически сказал:

— Председатель поблагодарил меня, но эти слова, похоже, застревали у него в глотке.

— Вы не представляете, какой почет вам оказан. Председатель редко благодарит кого-нибудь, и его никто никогда не благодарит. Такой случай входит в историю, как комплимент Председателю, а этот работает уже больше сорока лет. Он человек с причудами и раздражителен, но таковыми становятся все Председатели в последние десятилетия их работы.

Но я, мистер Бейли, еще раз благодарю вас, и мне думается, Аврора будет благодарна вам. Даже в своей короткой жизни вы увидите землян, уходящих в космос, а мы поможем им своей технологией.

Как вы ухитрились распутать этот узел за два с половиной дня — ума не приложу. Вы просто волшебник. Ну, пошли, вы, наверное, хотите умыться и освежиться.

В первый раз после приезда Председателя у Бейли было время подумать о чем-то, кроме своей следующей фразы. Он так и не знал, что приходило к нему трижды — первый раз на точке засыпания, второй — на точке впадения в бессознательное состояние и третий и последний — на точке половой релаксации. «Он пришел первым!» Это все еще не имело смысла, однако он убедил Председателя и добился всего, что хотел, без этого. Имело ли это вообще какое-нибудь значение, если это было частью механизма, который не пригодился? Может, это вообще бессмыслица?

Это саднило где-то в уголке его мозга, и он шел на ленч победителем без настоящего ощущения победы. Что-то он все-таки упустил.

Еще одна вещь: станет ли Председатель настаивать на своем решении? Амадейро проиграл сражение, но он не из тех, кто отступается. Даже если поверить его высказыванию, что им не движет тяга к личной славе, а лишь патриотизм — все равно, он не отступится.

Бейли счел нужным предупредить Фастальфа.

— Доктор Фастальф, я не думаю, что дело кончено. Амадейро будет продолжать борьбу за исключение Земли.

— Будет, конечно, — кивнул Фастальф, — но теперь я этого не боюсь. Когда дело с Джандером заглохло, я уверен, что всегда сумею сманеврировать в Совете. Не бойтесь, мистер Бейли, Земля пойдет вперед. Не бойтесь также личной опасности со стороны Амадейро. Вы уедете с этой планеты до захода солнца и Дэниел, конечно, проводит вас. Кроме того, рапорт, который мы пошлем с вами, еще раз здорово поможет вам в продвижении.

— Я рад уехать, но надеюсь, что у меня хватит времени проститься с Глэдис и с Жискаром, который спас мне жизнь в ту ночь.

— Какой вопрос, мистер Бейли! Но кушайте, пожалуйста.

Бейли ел, но без удовольствия. После конференции с Председателем и последовавшей за ней победой пища казалась безвкусной.

Он мог бы и не победить. Председатель мог оборвать его. Амадейро мог бы все начисто отрицать. Могли бы и не принять слова или рассуждения землянина.

Но Фастальф сиял.

— Я боялся самого худшего, мистер Бейли. Я боялся, что встреча с Председателем преждевременна и что вы ничего не сможете сказать, что помогло бы ситуации. Но как хорошо вы сумели это сделать! Я с восхищением слушал вас. В какой-то момент я опасался заявления Амадейро, что его слово значительнее слова землянина, который, в сущности, в постоянном полубезумном состоянии, находясь на чужой планете на открытом…

Бейли холодно перебил его:

— Простите, доктор Фастальф, но я не был в постоянном полубезумном состоянии. Та ночь была исключительной, и я только тогда утратил контроль над собой. Все остальное время на Авроре я время от времени испытывал неудобства, но разум мой был всегда в отличном состоянии.

Ему дорого стоило подавление злости при конфронтации с Председателем, и эта злость теперь выплеснулась наружу.

— Только во время грозы, сэр, и еще пару секунд при посадке корабля…

Он даже не осознал, как пришла мысль — воспоминание — интерпретация… Только что этой мысли не существовало, и вдруг она взорвалась в мозгу, словно все время была там, и нужно было

только лопнуть мыльному пузырю, чтобы она показалась.

— О, дьявол! — сказал он благоговейным шепотом и ударил кулаком по столу, так что зазвенела посуда. — О, *дьявол*!

— Что такое, мистер Бейли? — удивленно спросил Фастальф.

Бейли уставился на него. Вопрос не сразу дошел до него.

— Ничего, доктор Фастальф. Я просто подумал о дьявольской наглости доктора Амадейро — он нанес ущерб Джандеру, постарался взвалить вину на вас, довел меня до полусумасшествия в грозовую ночь, да еще пользовался этим, чтобы навести сомнения на мои утверждения. Я сейчас на секунду пришел в ярость.

— Ну, не стоит, мистер Бейли. А ведь в самом деле, вполне возможно, что Амадейро погубил Джандера. Чисто случайное событие. Обследование Амадейро могло усилить неблагоприятные обстоятельства и вызвать такое случайное событие, но я не смог бы этого доказать.

Бейли слушал вполуха. То, что сейчас говорил Фастальф, было фикцией и, как сказал бы Председатель, не относилось к делу. В сущности, все, что произошло, все, что Бейли объяснил — не отно-

силось к делу. Но от этого ничего не изменилось.

Кроме одного… через некоторое время.

О, дьявол! — прошептал он в глубине своего мозга и вдруг вернулся к ленчу и стал есть с удовольствием.

81

Бейли еще раз перешел лужайку между домами Фастальфа и Глэдис. Он увидит Глэдис четвертый раз за три дня и — его сердце сжалось в тугой комок — в последний.

Жискар шел на некотором расстоянии от него и внимательнее обычного осматривал окрестности. Конечно, теперь, когда Председатель получил все факты, во всем, что касалось безопасности Бейли, должно было наступить ослабление — если раньше и была какая-то опасность, кроме как для Дэниела. Видимо, Жискару не дали новых инструкций.

Он только один раз подошел к Бейли, и то, когда сам Бейли позвал его.

— Жискар, а где Дэниел?

— Дэниел на пути в космопорт, сэр, вместе с несколькими другими роботами из штата, чтобы устроить вашу отправку на Землю. Когда вы приедете в космопорт, Дэниел встретит вас и будет с вами на корабле, пока не доставит вас на Землю.

— Приятно слышать. Я дорожу каждым днем пребывания с Дэниелом. А вы, Жискар, не поедете с нами?

— Нет, сэр. Мне приказано остаться на Авроре. Но Дэниел будет служить вам хорошо и без меня.

— Я в этом уверен, Жискар, но мне будет недоставать вас.

— Спасибо, сэр, — сказал Жискар и быстро отошел. Бейли задумчиво посмотрел ему вслед. Нет. Сначала первое дело. Надо увидеться с Глэдис.

82

Она бросилась ему навстречу. За два дня все изменилось. Она не смеялась, не шутила, она все еще была серьезна, но аура тревоги исчезла. Вокруг нее чувствовалось что-то вроде безмятежности, словно она осознала, что жизнь все равно продолжается и даже может становиться временами приятной. Она тепло, по-дружески улыбнулась и протянула к нему руки.

— Возьми их, Илия, — сказала она, когда он заколебался. — Смешно теперь отступать назад и уверять, что ты не хотел прикасаться ко мне в прошлую ночь. как видишь, я помню об этом и никогда не раскаюсь. Совсем наоборот.

Бейли произвел необычную для него операцию: улыбнулся в ответ.

— Я тоже помню, Глэдис, и тоже не жалею. Я бы охотно сделал это снова, но я пришел проститься.

По ее лицу прошла тень.

— Значит, ты возвращаешься на Землю. Но по сведениям, которые я получила от роботов, все время циркулирующих между домом Фастальфа и моим, все прошло хорошо. Ты *не мог* потерпеть

неудачу.

— Я и не потерпел ее. Доктор Фастальф полностью победил. Не думаю, что теперь будут какие-либо намеки на его причастность к смерти Джандера.

— В результате твоих слов, Илия?

— Думаю, да.

— Я так и знала. Я знала, что ты это сделаешь, когда советовала вызвать тебя. Но почему же тебя отсылают домой?

— Именно потому, что дело разрешилось. Если я останусь здесь дольше, я, видимо, буду посторонним раздражителем в политическом теле.

Она с сомнением поглядела на него.

— Не совсем понимаю, что ты под этим подразумеваешь. Для меня это звучит, как земное выражение. Но это не важно. Важно другое: ты обнаружил, кто убил Джандера?

Бейли оглянулся — Жискар стоял в одной нише, робот Глэдис в другой. Глэдис без труда поняла этот взгляд.

— Илия, пора бы научиться не стесняться роботов. Ты же не стесняешься стула или портьеры.

Бейли кивнул.

— Ну, ладно. Глэдис, мне страшно жаль… прости меня… Но я сказал там, что Джандер был

твоим мужем.

Она широко открыла глаза. Он поспешно продолжал:

— Я был вынужден. Это было очень существенно для дела, но я обещаю, что это не повредит твоему положению на Авроре. — Он коротко передал ей о событиях на встрече с Председателем и заключил: — Как видишь, Джандера никто не убивал. Умственное замораживание произошло от случайного сдвига в позитронных путях, хотя вероятность такого случая, видимо, была усилена тем, что с ним делали.

— А я ничего не знала, — простонала она. — Я ничего не знала. Я проморгала подлый план Амадейро. И он виноват в смерти Джандера так же, как если бы зарубил его топором.

— Глэдис, — с жаром сказал Бейли, — это несправедливо. Он не имел намерения повредить Джандеру, он делал то, что по его мнению, было благом для Авроры. И за это он наказан. Он потерпел поражение, планы его рухнули, а Институт Роботехники перейдет под управление доктора Фастальфа. Ты сама не могла бы придумать для него большего наказания.

— Я подумаю насчет этого. Но что мне делать с Сантириксом Гремионисом, этим молодым

лакеем, которому было приказано завлечь меня. Неудивительно, что он цеплялся за меня, несмотря на мои постоянные отказы. Ну, если он явится сюда, я с удовольствием…

Бейли энергично затряс головой.

– *Не*т, Глэдис. Я разговаривал с ним и уверяю тебя, что он понятия не имел о том, что происходило. Он был так же обманут, как и ты. Ты, в сущности, понимаешь все в обратном смысле. Он настаивал не потому, что требовалось завлечь тебя; он нужен был Амадейро именно потому, что был таким настойчивым. А настаивал он из-за тебя. От любви, если это слово на Авроре значит то же, что и на Земле.

— На Авроре это хореография. Джандер был роботом, а ты — землянин. С аврорцами все по-другому.

— Ты мне говорила. Но, Глэдис, от Джандера ты научилась получать; от меня ты научилась отдавать. И если это знание пошло тебе на пользу, разве не правильно, не честно будет научить других? Гремионис достаточно привлекателен для тебя, и ты захочешь научить его. Он и так уже презрел аврорские обычаи, когда настаивал, несмотря на твои отказы. Он отбросит и другие обычаи. Ты научишь его отдавать и получать,

и вы оба научитесь делать это поочередно или вместе.

Глэдис испытующе посмотрела ему в глаза.

— Илия, ты пытаешься избавиться от меня?

Бейли медленно кивнул.

— Да, Глэдис. Сейчас я хочу твоего счастья больше, чем когда-нибудь чего-нибудь желал для себя и для Земли. Я не могу дать тебе счастья, но если Гремионис даст его тебе, я тоже буду счастлив… *почти* так же, как если бы сам подарил тебе счастье.

Глэдис, ты удивишься, с какой радостью он поломает свою хореографию, когда ты покажешь ему, как надо. И это станет известно, и другие придут упасть к твоим ногам… И Гремионис, возможно, научит других женщин. Глэдис, ты, может быть, революционизируешь аврорский секс. У тебя для этого три столетия.

Глэдис уставилась на него и вдруг расхохоталась.

— Ты поддразниваешь меня, Илия. Ты валяешь дурака. Никогда бы не подумала: ты всегда так серьезен. О, дьявол! — добавила она, имитируя его баритон.

— Может, чуточку и поддразниваю, но в основном все правильно. Обещай мне дать шанс

Гремионису.

Она подошла вплотную к нему, и он без колебаний обнял ее. Она положила пальцы на его губы, и он поцеловал их. Она тихо сказала:

— Разве ты не хотел бы иметь меня для себя, Илия?

Он ответил так же тихо:

— Хотел бы, Глэдис. Стыдно признаться, но в эту минуту я согласился бы, что бы Земля разлетелась на куски, лишь бы я мог быть с тобой. Но я не могу, Глэдис. Через несколько часов я уеду с Авроры, а ты не можешь ехать со мной. Не думаю, чтобы мне когда-нибудь позволили еще раз приехать на Аврору, и ты вряд ли сможешь посетить Землю. Я никогда не увижу тебя, Глэдис, но никогда не забуду. Через несколько десятков лет я умру, а ты в то время будешь так же молода, как сейчас, так что в любом случае, мы должны были бы расстаться.

Она прижалась головой к его груди.

— Ох, Илия, ты дважды вошел в мою жизнь, и оба раза лишь на несколько часов. Два раза ты сделал для меня очень многое, а затем прощался. Я никогда не забуду тебя, Илия, даже если проживу дольше, чем рассчитываю.

— Только пусть эти воспоминания не отвле-

кают тебя от счастья, — сказал он. — Прими Гремиониса и сделай его счастливым и позволь ему дать счастье тебе. И не забывай, что тебе ничто не мешает писать мне. Между Авророй и Землей существует гиперпочта.

— Я буду писать, Илия. Ты тоже напишешь мне?

— Напишу.

Наступило молчание, а затем они неохотно отодвинулись друг от друга. Он пошел к двери и обернулся. Она стояла на том же месте среди комнаты и слабо улыбалась.

— Прощай, — выговорили его губы, а затем беззвучно — он не мог сказать это вслух — добавил: — любимая.

И ее губы ответили:

— Прощай, моя любовь.

Он повернулся и вышел, зная, что никогда больше не увидит ее. Никогда не коснется ее снова.

83

Прошло некоторое время, прежде чем Бейли смог снова заняться задачей, которая еще оставалась ему. Он молча прошел с полпути до дома Фастальфа, затем остановился и поднял руку. Наблюдательный Жискар тут же оказался рядом.

— Сколько времени осталось до моего отъезда в космопорт, Жискар?

— Три часа десять минут, сэр.

Бейли подумал.

— Я хотел бы пройтись до того дерева, сесть, прислонившись к стволу, и некоторое время посидеть одному. С вами, конечно, но без людей.

— На открытом месте, сэр?

— Да. Мне надо подумать, а день сегодня солнечный, безоблачный, он вряд ли мне повредит. Если мне станет плохо, я войду в дом, обещаю. Ну, как, пойдете со мной?

— Да, сэр.

Они дошли до дерева. Бейли коснулся коры — палец остался чистым. Он осмотрел почву и осторожно сел, прислонившись к дереву. Не так удобно, как в кресле, но здесь, как ни странно, чувствовались мир и покой, чего, вероятно, не

было бы в комнате. Жискар стоял рядом, и Бейли сказал ему:

— Садитесь тоже. Мне не хочется задирать голову, чтобы видеть вас.

— Я не смогу как следует охранять вас, сэр, если буду сидеть.

— Понимаю, Жискар, но в данный момент опасности не может быть. Моя миссия окончена, дело разрешилось, положение доктора Фастальфа укрепилось. Вы можете спокойно сесть, и я вам приказываю.

Жискар сел, но глаза его все время блуждали в разных направлениях. Бейли посмотрел на голубое небо, прислушался к жужжанью насекомых, к крику птицы, заметил колыхание травы, где, видимо, прошмыгнуло мелкое животное, и подумал, как мирно и тихо здесь, и как этот мир и покой отличается от шума Города. И впервые у Бейли возникло слабое впечатление, что Снаружи может быть предпочтительнее Города. Он был очень благодарен этому своему опыту на Авроре, и больше всего — грозе, потому что понял теперь, что может оставить Землю и встретиться с любым новым миром, на котором поселятся он, Бен и, может быть, Джесси.

— Спасибо, Жискар, что спасли меня в прошлую

ночь. Не знаю, как благодарить вас.

— Меня вовсе не нужно благодарить. Я только выполнял диктаты Первого Закона. У меня не было выбора.

— Тем не менее, вы спасли мне жизнь и для вас важно, что я понимаю это… И теперь, Жискар, что мне следовало бы сделать?

— Насчет чего, сэр?

— Моя миссия закончена. Точка зрения доктора Фастальфа более не подвергается опасности. Будущее Земли вроде бы обеспечено. Похоже, что мне больше нечего делать. Но остался еще вопрос о Джандере.

— Не понимаю, сэр.

— Ну, вроде бы установлено, что он умер от случайного сдвига позитронных потенциалов в мозгу, но Фастальф уверял, что шанс на это бесконечно мал. Пусть даже деятельность Амадейро и увеличила этот шанс, все равно он остался бесконечно малым. Во всяком случае, так думает Фастальф. Но мне кажется, что смерть Джандера была намеренным роботоубийством. Правда, я не собираюсь поднимать этот вопрос: не хочу портить дело, пришедшее к такому удовлетворительному разрешению. Не хочу снова подвергать опасности Фастальфа. Не хочу сделать несчаст-

ной Глэдис. Я не знаю, что делать. Я не могу сказать об этом ни одному человеку, поэтому говорю вам, Жискар.

— Да, сэр.

— Я всегда могу приказать вам стереть все, что я говорил, и не вспоминать об этом?

— Да, сэр.

— Как по-вашему, что я должен сделать?

— Если это роботоубийство, сэр, то должен быть кто-то, способный совершить его. Способен только доктор Фастальф, но он сказал, что не делал этого.

— Да, мы с этого и начали. Я верю доктору Фастальфу, и совершенно уверен, что он этого не делал.

— Тогда как же могло произойти роботоубийство, сэр?

— Предположим, кто-то знал о роботах не меньше доктора Фастальфа.

Бейли обнял руками колени. Он не глядел на Жискара и, казалось, погрузился в свои мысли.

— Но кто же это, сэр? — спросил Жискар.

И Бейли, наконец, поставил точку.

— Вы, Жискар.

84

Будь Жискар человеком, он, вероятно, просто глядел бы на Бейли молча и ошеломленно, может, пришел бы в ярость или в ужасе отшатнулся, или еще как-нибудь отреагировал; но Жискар был роботом, поэтому не показал никаких эмоций и только спросил:

— Почему вы так думаете, сэр?

— Я вполне уверен, Жискар, что вы точно знаете, как я пришел к этому заключению, но с вашей стороны будет очень любезно, если вы позволите мне в этом уединенном месте и за это короткое время, что у меня осталось, объяснить это дело для моей собственной пользы. Я хотел бы слышать, как я сам расскажу об этом. И хотел бы, чтобы вы поправили меня, если я ошибусь.

— Конечно, пожалуйста, сэр.

— Полагаю, что первой моей ошибкой было предположить, что вы менее сложный, более примитивный робот, нежели Дэниел, только потому, что вы меньше похожи на человека. Человек всегда так подумает. Он будет уверен, что такого робота, как вы легко создать, а такой, как Дэниел — великая проблема, скажем, для Амадейро, и

его может сконструировать только гений вроде доктора Фастальфа. Однако, трудность создания Дэниела состоит, я думаю, в воспроизведении всех человеческих аспектов, таких, как выражение лица, интонации, жесты, движения; все это очень хитроумно, но реально не связанно со сложностью мозга. Я прав?

— Абсолютно правы, сэр.

— Таким образом, я автоматически недооценивал вас, как и всякий другой. Однако, вы выдали себя еще до того, как мы приземлились на Аврору. Вы, наверное, помните, что во время посадки меня охватил спазм, и я на миг оказался даже более беспомощным, чем в ту грозовую ночь.

— Я помню, сэр.

— В это время Дэниел был со мной в кабине, а вы были за дверью. Я впал в кататонию, а Дэниел, видимо, не глядел на меня и ничего об этом не знал. Вы были снаружи, но ворвались в кабину и выключили прибор, который я держал. Вы опередили Дэниела, хотя его рефлексы не хуже ваших — он продемонстрировал это, когда доктор Фастальф замахнулся на меня.

— Просто не могло быть, чтобы доктор Фастальф ударил вас, сэр.

— Он и не ударил. Он только продемонстриро-

вал рефлексы Дэниела. Однако, как я уже сказал, в кабине вы действовали первым. Я был в неподходящих условиях для наблюдения этого факта, но я тренирован в наблюдении и не выключаюсь целиком даже при агрофобическом ужасе. Я заметил, что вы подскочили первым, но меня направили к забвению этого факта. Из этого можно сделать только один логический вывод — Бейли сделал паузу, как бы надеясь, что Жискар согласится, но Жискар не сказал ничего.

В последующие годы, вспоминая о пребывании на Авроре, Бейли первым делом рисовал себе не грозу и даже не Глэдис, а именно это спокойное место под деревом, зеленые листья на фоне голубого неба, мягкий ветерок и сидящего напротив Жискара со слабо сияющими глазами.

— Похоже, — сказал Бейли, — что вы каким-то образом сумели даже через закрытую дверь определить состояние моего мозга. Говоря короче и проще — вы можете читать мысли.

— Да, сэр, — спокойно ответил Жискар.

— И вы можете также оказывать влияние на мозг. Вы наверняка заметили, что я это определил, и затемнили это в моем сознании, чтобы я либо не вспомнил, либо не придал этому значения, если бы случайно вспомнил ситуацию.

Однако, вы сделали это не вполне эффективно — может быть, ваша сила ограничена…

— Сэр, — сказал Жискар, — Первый Закон — главнейший. Я бросился спасать вас, хотя понимал, что это может выдать меня. И я затемнил ваш мозг минимально, чтобы ни в коей мере не повредить ему.

— Я понимаю, у вас свои трудности. Затемнить минимально — так, чтобы я мог вспомнить лишь при достаточно расслабленном мозге, думающем свободными ассоциациями. Перед тем, как потерять сознание во время грозы, я знал, что вы первым найдете меня и спасете, как это было на корабле. Вы вроде бы обнаружили меня по инфракрасному излучению, но излучает любое млекопитающее или птица, и это могло сбить вас, но вы могли также определить умственную активность, хотя я и был без сознания, и это помогло вам найти меня.

— Это, конечно, помогло.

— То, что я вспоминал, находясь на грани сна или потери сознания, я должен был забыть снова, придя в себя; однако, в прошлую ночь я вспомнил в третий раз, и я был не один. Со мной была Глэдис, и она повторила мне то, что я сказал, а именно: «Он пришел первым». И даже *тогда* я

не мог вспомнить значение этих слов, и только случайное замечание доктора Фастальфа привело меня к мысли, которая пробила затемнение. Как только это осветилось во мне, я вспомнил и другие вещи. Вы иногда отвечали мне прежде, чем я успевал спросить. Я думаю, вы никому не позволите узнать о ваших телепатических способностях.

— Это правда, сэр.

— А почему?

— Мое чтение мыслей дает мне уникальную способность повиноваться Первому Закону, сэр, поэтому я дорожу им. Я могу более эффективно предупредить вред для человека. Однако же, мне кажется, ни доктор Фастальф, ни любой другой человек не будут долго мириться с роботом-телепатом, вот я и держу эту способность в секрете. Доктор Фастальф любит рассказывать легенду о роботе-телепате, уничтоженном Сьюзен Келвин, а я не хотел бы, чтобы он повторил поражение доктора Келвин.

— Да, мне он рассказывал эту легенду, и я думаю, он подсознательно знает, что вы читаете мысли, иначе он не держался бы так за легенду. Держаться за нее, я бы считал, опасно для него, поскольку это касается вас. Но она определенно

помогла мне обмозговать это дело.

— Я делаю, что могу, чтобы нейтрализовать опасность, не повредив мозг доктора Фастальфа. Он неизменно твердит о легендарной и невозможной природе этой истории, когда рассказывает ее.

— Да, я помню. Но если Фастальф не знает, что вы читаете мысли, значит, вы не были изначально спроектированы с этой способностью. Как же вы ее получили? Нет, не отвечайте, Жискар, дайте мне сообразить кое-что. Мисс Василия была особенно мила с вами, когда начала интересоваться роботехникой. Она говорила мне, что экспериментировала с вашей программой, а доктор Фастальф издали наблюдал. Не могла ли она, чисто случайно, сделать что-то, что дало вам телепатическую силу? Так и было?

— Да, сэр.

— И вы знаете, что именно она сделала?

— Да, сэр.

— И вы единственный на свете робот-телепат?

— Насколько я знаю, да, сэр. Но будут и другие.

— Если бы я или доктор Фастальф спросили вас, что именно сделала доктор Василия, вы обязаны были бы сказать из-за Второго Закона?

— Нет, сэр, потому что, по-моему суждению,

это знание принесло бы вам вред, и мой отказ сообщить был бы вызван Первым Законом, более важным. Но эта проблема и не могла бы возникнуть, потому что я знал бы о готовящемся вопросе и приказе ответить, и заранее убрал бы это побуждение из человеческого мозга.

— Да, — сказал Бейли. — В позапрошлый вечер, когда мы шли от дома Глэдис к Фастальфу, я спросил Дэниела, имел ли он какой-нибудь контакт с Джандером, пока тот был в доме Глэдис, и он ответил — нет. Я повернулся к вам с тем же вопросом, но почему-то так и не задал его. Вы погасили во мне этот импульс.

— Да, сэр.

— Если бы я спросил, вам пришлось бы сказать правду, а вы не хотели, чтобы я знал это.

— Не хотел, сэр.

— Но, имея контакт с Джандером в течение этого времени, вы знали, что Амадейро проводит с ним тесты, поскольку, я думаю, вы могли читать в мозгу Джандера…

— Да, сэр. Эта способность относится к умственной активности как человека, так и робота. Роботов понимать много легче.

— Вы не одобрили деятельности Амадейро, потому что согласились с мнением Фастальфа

относительно заселения Галактики?

— Да, сэр.

— Почему вы не остановили Амадейро? Почему не стерли из его мозга импульс допрашивать Джандера?

— Сэр, мне нелегко вторгаться в мозг. Решение Амадейро было так глубоко и сложно, что я должен был сделать многое, а я не хотел повредить его мозг, преуспевающий и важный. Я позволил делу продолжаться довольно долго, а сам размышлял, какое действие лучше всего послужит нуждам Первого Закона. В конце концов, я решил по-своему поправить положение. Это было нелегкое решение.

— Вы решили заморозить мозг Джандера до того, как Амадейро сумеет узнать метод изготовления человекоподобного робота. Вы знали, как это сделать, поскольку вы за много лет научились отлично разбираться в теориях Фастальфа из его же мозга. Правильно?

— Точно, сэр.

— Так что Фастальф не единственный, кто достаточно опытен для уничтожения Джандера.

— В каком-то смысле единственный, сэр. Мои знания лишь отражение его знаний.

— Тем не менее, вы это сделали. Но разве вы не

понимали, что, уничтожая робота, вы ставите под удар Фастальфа? Ведь все естественно обвинят его. Собирались ли вы признаться в своем деянии и объявить о своих способностях, если это будет необходимо для его спасения?

— Я, действительно, понимал, что доктор Фастальф может оказаться в тяжком положении, но я не намеревался признаваться в своей вине. Я надеялся воспользоваться ситуацией как клином для вызова вас на Аврору.

— Меня? — опешил Бейли. — Значит, это была *ваша идея*?

— Да, сэр. С вашего разрешения, я объясню.

— Пожалуйста.

— Я знал о вас от мисс Глэдис и от доктора Фастальфа не только с их слов, но из их мыслей. Я узнал о положении на Земле. Было ясно, что земляне живут в окружении стен, откуда им трудно выйти, но мне было столь же ясно, что и аврорцы тоже живут в окружении стен. Их стены составлены из роботов, которые защищают их от всех превратностей жизни, и которые, по плану Амадейро, должны построить защищенный общества для аврорцев на новых планетах. Аврорцы живут и в стенах, созданных их долгой жизнью; эти стены заставляют аврорцев переоце-

нивать свою индивидуальность и удерживают их от объединения своих научных ресурсов. Они не позволяют себе вступать в грубый спор, но через Председателя требуют быстрого разрешения всякой неопределенности, и такое разрешение вопроса достигается еще до того, как проблема обнародуется. Они хотят только *спокойных* разрешений дела.

Стены землян — настоящие, твердые стены, их существование навязано и очевидно, и всегда находятся такие, кто мечтает вырваться; стены аврорцев нематериальны и не выглядят стенами, так что никто даже не думает о побеге; вот поэтому, как мне кажется, не аврорцы и не другие космониты, а именно земляне должны заселить Галактику и когда-нибудь установить Галактическую Империю.

Все это были рассуждения доктора Фастальфа, и я согласился с ними. Однако доктор Фастальф довольствовался рассуждениями, я же не мог, мне нужно было непосредственно изучить по крайней мере одного землянина, чтобы оценить свои заключения, вот я и задумал привезти вас на Аврору. Замораживание Джандера служило сразу двум целям: остановило Амадейро и дало причину для вашего визита. Я слегка подтолкнул

мисс Глэдис, чтобы она посоветовала доктору Фастальфу пригласить вас; я слегка подтолкнул и его, чтобы он обратился с этим к Председателю; я слегка подтолкнул Председателя, чтобы он дал разрешение. Когда вы прибыли, я изучил вас и был доволен тем, что обнаружил.

Жискар замолчал и снова стал бесстрастным, как все роботы. Бейли нахмурился.

— Похоже, что я не заслужил уважения за то, что сделал здесь. Вы, конечно, следили за тем, чтобы я нашел путь к истине.

— Нет, сэр. Наоборот. Я ставил барьеры на вашем пути — разумные, конечно. Я отказался позволить вам узнать о моих способностях, даже заставляя себя отступать. Я добивался, чтобы вы иногда чувствовали уныние и отчаяние. Я поощрял вас к риску открытого пространства, чтобы изучить ваши реакции. Но вы пробили себе путь через все препятствия, и я рад.

Я обнаружил, что вы тоскуете по стенам вашего Города, но сознаете, что должны научиться обходиться без них. Я обнаружил, что вы страдали, видя Аврору из космоса, и потом, оказавшись выставленным под грозу, но это не лишило вас способности думать и не отвело вас от вашей задачи. Я обнаружил, что вы признаете ваши

недостатки и вашу короткую жизнь и не увиливайте от спора.

— Но почему вы считаете, что я представитель землян вообще?

— Я знаю, что вы не представитель. Но из вашего мозга я знаю, что есть такие, как вы, и мы будем строить с ними. Я присмотрю за этим, и теперь, когда я отчетливо вижу тропу, по которой следует идти, я подготовлю других роботов вроде себя, и они тоже будут присматривать.

— Вы хотите сказать, что роботы-телепаты приедут на Землю?

— Нет, этого я не имею в виду. И вы правы, что встревожились. Непосредственное включение роботов будет означать постройку именно тех стен, которые угрожают парализовать Аврору и другие Внешние миры. Земляне заселят Галактику без каких бы то ни было роботов. Будут трудности, опасности и много, много вреда — все это роботы могли бы предупредить, будь они там, — но, в конце концов, людям будет лучше, если они станут рассчитывать только на себя. А когда-нибудь, в очень отдаленном будущем, роботов изобретут снова. Кто знает?

— Значит, вы предвидите будущее? — с любопытством спросил Бейли.

— Нет, сэр, но, изучая мысли, как я это делаю, я приблизительно могу сказать, что есть законы, управляющие поведением людей, как Три Закона роботехники управляют поведением роботов; и возможно, что с ними будет иметь дело и Будущее. Человеческие законы более сложны, чем законы роботехники, и я не имею представления, как они организованы. Они могут быть статичными по природе, так что их нельзя правильно выразить, кроме как имея дело с огромным населением. Они могут быть очень слабо связанными и вроде бы не иметь смысла, пока громадное население не научится оперировать этими законами.

— Скажите, Жискар, именно это доктор Фастальф называл наукой будущего — «психоисторией»?

— Да, сэр. Я осторожно вложил это в его мозг, чтобы начался процесс разработки. Когда-нибудь это понадобится, поскольку существование Внешних миров как долгоживущей роботизированной культуры приходит к концу и начинается новая волна человеческой экспансии — короткоживущих человеческих существ без роботов.

А теперь — Жискар встал — я думаю, сэр, нам пора идти в дом доктора Фастальфа и приготовиться к вашему отъезду. Все, о чем мы говорили

здесь, конечно, нельзя никому передавать.

— Это строго конфиденциально, уверяю вас, — сказал Бейли.

— Да, — спокойно сказал Жискар. — И не бойтесь ответственности за молчание. Я позволю вам помнить, но у вас никогда не возникнет желания рассказать об этом деле. Ни малейшего.

— Еще одно, Жискар, пока вы не надавили на меня. Присмотрите за тем, чтобы Глэдис не обижали на этой планете за то, что она солярианка и принимала робота за мужа, и… пусть она примет предложение Гремиониса.

— Я слышал ваш последний разговор с мисс Глэдис, сэр, и я понял. Я об этом позабочусь. А теперь, сэр, могу я проститься с вами, пока никто не видит? — И Жискар протянул Бейли руку совершенно человеческим жестом.

Бейли пожал ее. Пальцы Жискара были твердые и холодные.

— Прощайте, друг Жискар.

— Прощайте, друг Илия, и помните, что хотя люди назвали эту планету Авророй, но в этом смысле именно Земля является истинным Миром Утренней Зари.